Один из самых блестящих, остроумных авторов нашего времени.
The Scotsman

КЕЙТ АТКИНСОН

ХРАМЫ ВЕСЕЛЬЯ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

18+

Идеальный роман для наших неспокойных времен, когда востребовано утешение этой особенной чисто английской и ностальгической разновидности.
The Times

По литературному мастерству, по яркости и глубине психологических описаний Кейт Аткинсон сегодня нет равных.
Evening Standard

Храмы веселья
Кейт Аткинсон

Аннотация
Кейт Аткинсон. Храмы веселья
1926
Холлоуэй
Пиковая дама
Боу-стрит
Неловкий возраст
Большой расклад
Парень из Шропшира
Aprés la Guerre
Фробишер прикованный (к письменному столу)
Ночные пташки
Дарданеллы
Достопримечательности Лондона
Глазированные специалитеты
Король-рыбак
Второпях
Геллеспонт
Домашний фронт
Чаепитие в «Горинге»
Voilá!
Наметив их добычею себе

Бартоломью
«Хрустальная чаша»
Сокровища Египта
У Пиноли
Похищение, облава и небольшой пожар
Утренний чай
В «Симпсоне-на-Стрэнде»
Прослушивание
Человек-невидимка
Carpe Noctem
Ночь на квадратной миле порока
Чти день субботний
Визит джентльмена
Визит другого джентльмена
Некромантия
Воскресный наряд
Жертвоприношение
Пристанище порока
Голубь
Часы посещений
Пастораль
Перемена обстановки
Пьеро
Фрезии
И хоть мала, неистова она
Страна фей

Динь-динь!
Фробишер раскованный
В парке
Пирог со свининой
Pour le sport
Привет тебе, смертный!
«Мишура»
Adieu, Adieu, Adieu
Сюрприз!
Тайное свидание
Бесплодная земля
Загадка «Сфинкса»
Ящик
Истинная невеста
Смерть от воды
«Эпоха блесток»
Si vis pacem, para bellum
Материнское молоко
И в ту минуту дрозд запел
Долгое созревание
Договоренность
Полицейский-Хохотунчик
Где эльфы вольные живут
Послесловие автора

Аннотация

В высшую лигу современной литературы Кейт Аткинсон попала с первой же попытки: ее дебютный роман «Музей моих тайн» получил престижную Уитбредовскую премию, обойдя «Прощальный вздох мавра» Салмана Рушди, а цикл романов о частном детективе Джексоне Броуди, успевший полюбиться и российскому читателю («Преступления прошлого», «Поворот к лучшему», «Ждать ли добрых вестей?», «Чуть свет, с собакою вдвоем», «Большое небо»), Стивен Кинг окрестил «главным детективным проектом десятилетия».

«„Храмы веселья“ – британский ответ „Великому Гэтсби“, – писали критики, – прошитый литературными аллюзиями на кучу шедевров, от Шекспира до Т. С. Элиота». Итак, на дворе 1926 год. Страна еще толком не оправилась от мясорубки Великой войны, а в Лондоне правит бал «эпоха джаза». В ночных клубах Сохо пэры Англии трутся плечами с гангстерами, а высокопоставленные иностранные гости танцуют со старлетками, по

шиллингу за танец. Самыми модными клубами – «Аметист», «Фея», «Лисья нора», «Сфинкс» и «Хрустальная чаша» – правит Нелли Кокер с ее непутевыми детьми. Но где успех, там и враги; отражать угрозы внешние и внутренние миссис Кокер не привыкать, однако сейчас таинственный противник нацелился на ее империю целиком – и вдобавок все ближе неуютный фокус полицейского внимания: именно на ее клубы выводит расследование целой серии таинственных исчезновений молодых девушек. Совпадение ли?..

«„Храмы веселья“ – идеальный роман для наших неспокойных времен, когда востребовано утешение этой особенной чисто английской и ностальгической разновидности» (The Times).

Впервые на русском!

Кейт Аткинсон
Храмы веселья

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Kate Atkinson
SHRINES OF GAIETY
Copyright © 2022 by Kate Costello Limited
All rights reserved

© Т. П. Боровикова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

Кейт Аткинсон – настоящее чудо. Она один из лучших современных авторов, сокровище мирового масштаба. Действие «Храмов веселья» происходит в Лондоне «эпохи джаза», со всем его искристым безумием и жаждой новизны. И как бы зловеще порой ни поворачивалась история, в ее глубине всегда мерцает огонек человечности.

Гиллиан Флинн

Кейт Аткинсон – из тех редчайших авторов, кто без малейших усилий смыкает разрыв между настоящей литературой и коммерческой прозой.

Фей Уэлдон

Кейт Аткинсон – обязательное чтение. Я обожаю все, что она пишет.

Харлан Кобен

Столь непринужденному сочетанию комичного и трагичного мог бы позавидовать сам Диккенс – разве что сюжет у Аткинсон выстроен даже хитроумнее.

Хилари Мантел

Талант у Кейт Аткинсон поистине безграничный.

Маргарет Форстер

Кейт Аткинсон – поразительный мастер. Когда вырасту, я хочу научиться писать, как она.

Мэтт Хейг

Блестящий роман.

Ричард Осман (The Times)

«Храмы веселья» – британский ответ «Великому Гэтсби», прошитый литературными аллюзиями на кучу шедевров, от Шекспира до Т. С. Элиота.

Майя Ставиская (Book Addict / Dzen.ru)

Шедевр сюжетостроения. Ансамбль действующих лиц идеально слажен и по-диккенсовски многообразен. Скрещения судеб и совпадения пронизывают всю ткань «Храмов веселья».

The Sunday Times

Предательства, соблазнения и неимоверные персонажи крепко подцепят вас на крючок и не дадут скучать до самой последней страницы.

The Sunday Telegraph

«Храмы веселья» – книга, которую надо смаковать. Энергия, остроумие, искусно созданные образы – вот почему Кейт Аткинсон не теряет популярности.

The Guardian

Кейт Аткинсон глубоко понимает социальную историю XX века. «Храмы веселья» – идеальный роман для наших неспокойных времен, когда востребовано утешение этой особенной, чисто английской и ностальгической разновидности.

The Times

Многообразие персонажей, замысловатый сюжет – классическая Аткинсон, что тут скажешь. Бодрящий коктейль из детектива, романтики и сатиры, смешанный в лондонских ночных клубах «эпохи джаза».

Observer

«Храмы веселья» не просто читаешь, а отдаешься в их полную власть и разделяешь с автором то наслаждение, с которым прописана вся эта галерея неисправимых и неисправимо обаятельных проходимцев. Прямо Диккенс какой-то – но по стилю ближе к Теккерею…

Financial Times

Роскошная ночная жизнь и ее криминальное подбрюшье выписаны так ярко, что будто бы сам обоняешь стоялый сигаретный дым и пробуешь сомнительный алкоголь.

The Independent

Кейт Аткинсон снова играет в Диккенса, но на своих собственных условиях.

Mail on Sunday

Ярко и атмосферно, и восторг с первой до последней страницы.

Daily Mail

Пикантно, проницательно, победоносно.

Good Housekeeping

Аткинсон владеет удивительным даром воскрешать прошлое, не подавляя читателя эрудицией. Харизматичные персонажи, искрометный диалог, увлекательный сюжет – и бесшабашная атмосфера города, не до конца оправившегося от ужасов Первой мировой.

Daily Express

Ослепительный портрет Лондона «эпохи джаза».

Woman's Weekly

Вечеринки до утра, продажные полицейские, подозрительные коктейли, дорогие автомобили, светские хроникеры, игорные притоны, роскошные наряды… Миссис Аткинсон – удивительная затейница, и к своему непростому финалу роман несется на всех парах.

The Economist

Купите «Храмы веселья» немедленно – и не пожалеете.

The Tablet

Яркий, масштабный – и, пожалуй, самый диккенсовский из всех романов Аткинсон.

The New York Times

Кейт Аткинсон мастерски воспроизводит и блеск, и нищету Лондона 1920-х – не оторвешься.

Time

Доживи Диккенс до «эпохи джаза» – наверняка у него вышло бы что-нибудь очень похожее на «Храмы веселья»: обширное, разухабистое полотно, идеально передающее бесшабашность «ревущих двадцатых».

Washington Post

Послевоенный Лондон вековой давности вышел у Аткинсон как живой. Не скупясь, она подает нам шипучий коктейль из тепла и меланхолии.

The New York Times Book Review

Идеальный баланс нежности и кручины, приправленный фирменным остроумием миссис Аткинсон. Ее словесное волшебство не дает нам упасть и в то же время опутывает паутиной сюжетных хитросплетений.

The Wall Street Journal

Удивительно изощренный, идеально отлаженный механизм повествования. Лондон «эпохи джаза» в «Храмах веселья» почти так же безжалостен, как викторианский метрополис у Диккенса, а интригами и преступлениями насыщен даже в большей степени. Словом, полный восторг.

Slate

Туго перекрученный пучок интриг… историческая ткань ручной выделки положительно блестит.

The Boston Globe

Стилизация под декоративный реализм Дикенса и Э. М. Форстера, и на каждой странице – эволюция от жанра к жанру и обратно: комедия, трагедия, реализм, постмодернизм…

Oprah Daily

Как и все романы Аткинсон, «Храмы веселья» не укладываются в жанровые рамки. Это историческая проза, однако в современной оптике.

Kirkus

Привычно язвительная проза, по-византийски коварные интриги… а в самом сердце роскошного исторического полотна – замысловатая игра в кошки-мышки.

Publishers Weekly

Захватывающая реконструкция Лондона 1920-х годов. Аткинсон искренне любит своих персонажей, и даже самые эпизодические из них описаны с достоверной глубиной, так что сопереживаешь каждому их взлету и падению.

Booklist

Каждую книгу Аткинсон открываешь с привычной радостью – с чувством, что важна каждая мелочь и что каждый сюрприз в итоге сыграет необходимую роль.

BookPage

Восхитительно… Аткинсон снова на своем неповторимом коне.

Vogue

Кейт Аткинсон совершенно уникальна в своем умении воспроизвести живую ткань самой истории, превосходя даже таких мастеров, как дважды лауреат Букеровской премии Хилари Мантел.

The Times

Кейт Аткинсон никогда не ограничивала себя детективным жанром, и все у нее выходило с неизменным блеском.

The New York Times

Мастер-класс сюжетной смелости, песнь любви и утраты во всех мыслимых проявлениях.

The Guardian

Остроумие Аткинсон и гениальное проникновение в характеры восхитительно украшают прочный костяк ее идей. Романы ее замечательны сами по себе, и вдобавок каждый из них демонстрирует внушительный рост блистательного и глубоко оригинального писателя.

Daily Express

Каждую новую книгу Аткинсон ждешь, как Рождества: никто другой из наших современных писателей не способен так виртуозно балансировать на грани между серьезным и увлекательным, комичным и трагичным.

Sunday Telegraph

Один из самых блестящих, остроумных авторов нашего времени.

The Scotsman

По литературному мастерству, по яркости и глубине психологических описаний Кейт Аткинсон сегодня нет равных.

Evening Standard

Поистине выдающийся автор, добавивший новых оттенков в британскую литературную палитру. Главная сила Аткинсон – в наблюдательности и юморе.

The Guardian

Кейт Аткинсон переосмысляет историю на самом что ни на есть человеческом уровне.

Daily Mail

Кейт Аткинсон смело экспериментирует с такими понятиями, как свобода воли, предопределение и само время. Ее героев не забудешь при всем желании, а в том, что касается развития сюжета, она без преувеличения гений.

The New York Times

Романы Аткинсон замечательны и сами по себе, и как признаки того, что на наших глазах растет блестящий, глубоко оригинальный писатель.

Daily Telegraph

Кейт Аткинсон остроумна, не говорит ни одного лишнего слова, заставляет вас задуматься и не идет ни у кого на поводу.

Sunday Times

Кейт Аткинсон умеет быть загадочной и смешной, поднимая этот свой дар в каждом новом романе до заоблачных высот.

Sunday Tribune

Читать Кейт Аткинсон – все равно что катиться с американских горок. Скучно не будет.

Mail on Sunday

Кейт Аткинсон пишет, руководствуясь остро отточенным литературным чутьем… Забавно, умно и странно трогательно.

Caledonian

Ее книги буквально искрят энергией и остроумием… удовольствие автора от самого процесса письма заразительно.

Literary Review

Как это у нее получается? Аткинсон заставляет читателя то хохотать до упаду, то рыдать в голос – иногда в пределах одной и той же фразы. Выдающийся триумф, неудержимая радость!

The Boston Sunday Globe

Блестящая, энергичная, лихая проза Аткинсон потрясает… Остроумно, смело и незабываемо.

The Times

Автор явно любит своих героев и выписывает их непростые взаимодействия с азартным упоением. А ее страсть к Англии и всему английскому – немодный и приятный сюрприз.

Spectator

Секрет ее успеха в том, что не важно, узнаёт ли читатель всякий жест в ее эквилибристике, поскольку множество персонажей описаны с такой яркой точностью, что в центре всего оказываются они сами и события, с ними происходящие.

New York Times Book Review

В каждой семье найдутся свои негодяи, бунтари, лжецы и обманщики – но только Кейт Аткинсон умеет описать их с таким юмором и так полнокровно.

The Washington Times

Литературная карьера англичанки Кейт Аткинсон вычертила довольно необычный зигзаг: начав с «просто романов», писательница переместилась в нишу детектива, добилась там колоссального успеха, а затем, не моргнув глазом, вновь вернулась к «просто романам».

Галина Юзефович

Жила-была в ревущие двадцатые ирландская владелица лондонских ночных клубов Кейт Мейрик. За тринадцать лет оглушительной карьеры она заработала и потратила целое состояние, отсидела пять (коротких) тюремных сроков и стала прообразом мамаши Мейфилд из «Возвращения в Брайдсхед» Ивлина Во. Самой известной площадкой Мейрик

был «Клуб 43» на Джерард-стрит в Сохо. Судьи называли ее заведения «пляшущими преисподними и сточными канавами аморальности», но для истории они оказались олицетворениями Века джаза.

У Кейт Аткинсон лондонская «королева ночных клубов» предстает под именем Нелли Кокер; ей помогает вести дела сын, только что вернувшийся с полей Первой мировой. Нелли оказывается втянута в полицейское расследование: племянница одной библиотекарши и военной медсестры пропала без вести, и путь ее обрывается как раз в Сохо, в одном из местных ночных клубов; причем это далеко не единственное исчезновение. Расследует их инспектор по фамилии Фробишер, походящий одновременно на Мегрэ и Порфирия Петровича.

Год литературы: Дневник читателя

Питеру Стросу
Утром ранним, вечерами
Весело нам!
Шиш в кармане, но ведь правда —
Весело нам?

1926

Холлоуэй

— Там кого-то вешают? — нетерпеливо спросил мальчик-газетчик, не обращаясь ни к кому в особенности.

Тринадцатилетний, он не вышел ростом и сейчас подпрыгивал, пытаясь получше разглядеть, что за театральное действо происходит у ворот. Едва рассвело, небо было еще совсем темное, но это не помешало пестрой толпе из очень разных людей собраться у тюрьмы Холлоуэй. Половина толпы встала рано, другая же половина, похоже, еще и не ложилась.

Многие пришли в вечерних нарядах — мужчины в смокингах или фраках, женщины мерзли в легких шелковых платьях с голой спиной под меховыми манто. Мальчик ощущал застарелые миазмы алкоголя, духов и табака. «Фраера», — подумал он. Его удивило, что они стояли бок о бок с фонарщиками, молочниками и фабричными рабочими ранней смены, не говоря уж о всяком сброде и зеваках, которых всегда привлекает возможность поглазеть, даже неведомо на что. Себя мальчик к последним не причислял. Он лишь с

любопытством наблюдал со стороны причуды рода человеческого.

— Ну так что, вешают? — не отставал он, дергая за рукав ближайшего фраера — крупного краснолицего мужчину с едкой сигарой в зубах и открытой бутылкой шампанского в руке.

Должно быть, вечер тот начал в безупречном виде, но сейчас крахмальная манишка была усеяна пятнами еды, а блестящие лакированные штиблеты забрызганы рвотой. Увядшая от ночных излишеств красная гвоздика поникла в петлице.

— Отнюдь нет, — откликнулся фраер, добродушно покачиваясь. — Радостное событие. Мамашу Кокер выпускают.

Мальчик подумал, что «Мамаша Кокер» звучит как персонаж детской считалочки.

С другого бока от него стояла женщина в унылом габардиновом пальто, держа перед собой картонку, как щит. Мальчику пришлось вытянуть шею, чтобы прочесть написанное. В картонку было яростно вцарапано карандашом: «Труды праведного — к жизни, успех нечестивого — ко греху. Притчи 10: 16». Мальчик беззвучно шевелил губами, но даже не пытался осмыслить эти слова. Десять лет подряд его насильно таскали

в воскресную школу, но он умудрился пропустить мимо ушей почти все, что касалось грехов.

— За ваше превосходнейшее здоровье, мадам, — бодро провозгласил фраер, отсалютовал бутылкой женщине в унылом пальто и приложился к горлышку; она мрачно зыркнула на него и буркнула что-то про Содом и Гоморру.

Мальчик протиснулся в первые ряды, откуда было хорошо видно внушительные ворота — деревянные с железными заклепками, больше подходящие средневековой крепости, чем женской тюрьме. Будь мальчиков трое, встань они друг другу на плечи, как китайские акробаты (он видел таких в «Ипподроме»), тот, что сверху, может, и дотянулся бы до верхней арки ворот. Тюрьма Холлоуэй будоражила воображение мальчика. Он представлял себе, как за толстыми каменными стенами томятся прелестные беспомощные девушки в ожидании спасителя — в первую очередь его самого.

Стремясь запечатлеть волнующее событие, рядом суетился фотограф из «Эмпайр ньюс» — его выдавала карточка, лихо заткнутая за ленту шляпы. Мальчик ощутил родство душ — как-никак они оба сотрудники индустрии новостей. Фотограф снимал групповой портрет нескольких

«светских прелестниц». О таких мальчик был наслышан, поскольку не ленился полистать «Татлер» и «Байстэндер», разнося их по почтовым ящикам.

Прелестницы — редкие птицы в этих краях — позировали перед воротами тюрьмы. Трое старших, на вид лет двадцати, кутались в роскошные меха, спасаясь от утреннего холода. Четвертая, слишком юная для прелестницы, была в шерстяном школьном пальто. Все четверо застыли в изящных позах, будто сошли с гравюры, запечатлевшей последние моды. Видно было, что восхищенный взгляд объектива им не в новинку. Мальчика сразила страсть. Женская красота легко обезоруживала его.

Фотограф выкопал в недрах кармана блокнот и записал имена девушек, чтобы назавтра не ошибиться в подписях. Нелли Кокер чем-то держала редактора, отвечающего за фото. Видно, за ним водятся грешки, предположил фотограф.

— Эй, там! — крикнул он кому-то вне поля зрения. — Рамзи, давай сюда! Вставай рядом с сестрами!

Появился юноша, и его поставили в общую кучку. Он явно не желал фотографироваться, но для вспышки вовремя изобразил на лице оскал.

Затем безо всяких фанфар отворилась небольшая дверца в огромных тюремных воротах и вышла малорослая, похожая на сову женщина, щурясь от надвигающегося света свободы. Толпа, особенно представители «чистой публики», разразилась приветствиями: «Даёшь, мамаша!» и «Нелли, ура!» Впрочем, мальчик расслышал и выкрик «Иезавель!» откуда-то из середины толпы — возможно, со стороны унылого габардина.

Нелли Кокер выглядела вяло и совсем не походила на библейских иезавелей, как их представлял себе мальчик. С огромным букетом белых лилий и розовых роз, который ей тут же всучили, она казалась совсем маленькой. Одна из прелестниц держала наготове большую меховую шубу и набросила ее на плечи освобожденной арестантки, будто сбивая пламя. Мальчику это напомнило, как мать проделала то же самое с младшей сестренкой, когда та еще младенцем свалилась на каминную решетку и подол платьица занялся. Обе уцелели, остались только небольшие шрамы.

Прелестницы столпились вокруг женщины — их матери, как догадался мальчик, — целовали и обнимали ее. Младшая жалась к ней, явно переигрывая, на его взгляд. Мальчик был знатоком

театрального искусства: маршруты разноски газет пролегали мимо служебных входов всех театров Вест-Энда. В «Паласе» вахтер служебного входа, бодрый ветеран Соммы, бесплатно пропускал его на галерку во время дневных спектаклей. Мальчик уже пять раз посмотрел «Нет, нет, Нанетт» и был по уши влюблен в Бинни Хейл, очаровательную звезду шоу. Он знал наизусть все слова песен «Чай для двоих» и «Я хочу счастья»[1] и готов был их спеть, если попросят. Особенно ему врезалась в память сцена, где кордебалет и сама Бинни (мальчик решил, что после стольких встреч имеет право называть ее запросто) появлялись на сцене в купальных костюмах. Зрелище было будоражаще скандальным, и у него всякий раз чуть глаза на лоб не лезли.

Правда, за бесплатный проход приходилось расплачиваться, слушая бесконечные военные байки привратника и восхищаясь его коллекци-

---

[1] Сноски: 1

«No, No, Nanette» — мюзикл Винсента Юманса на стихи Ирвинга Сизара и Отто Харбаха, либретто Отто Харбаха и Фрэнка Мэндела на основе пьесы Харбаха «Мои подруги» (1919). В 1924 г. мюзикл стал хитом в Чикаго, в том числе благодаря успеху песен «Tea for Two» и «I Want to Be Happy», а годом позже открылся на Бродвее и в лондонском Вест-Энде (театр «Палас»), где главную роль исполнила *Бинни Хейл* (1899–1924). В Нью-Йорке мюзикл продержался 321 представление, в Лондоне — 665, и неоднократно возобновлялся; также вышли две экранизации — в 1930 и 1940 гг. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ей шрамов. Когда началась война, мальчику был всего год, и она, как и грех, пока была для него пустым звуком.

* * *

На Рамзи, младшего из двух сыновей Нелли, перевалили бремя врученного матери букета, и фотограф подловил его с цветами в руках, будто краснеющую невесту. К вящему неудовольствию сестер (да и самого Рамзи), именно этот снимок назавтра украсил газету под заголовком «СЫН СКАНДАЛЬНО ИЗВЕСТНОЙ СОДЕРЖАТЕЛЬНИЦЫ НОЧНЫХ КЛУБОВ СОХО НЕЛЛИ КОКЕР ВСТРЕЧАЕТ МАТЬ ИЗ ТЮРЬМЫ». Рамзи мечтал прославиться собственными силами, а не быть придатком к славе матери. От запаха цветов его пробрало на чих — «чхи-чхи-чхи», раз за разом, — и мальчик-газетчик расслышал реплику Нелли: «Господи боже, Рамзи, да возьми ты себя в руки». Моя бы ровно то же самое сказала, подумал мальчик.

— Мам, поедем домой, — сказала одна из сонма прелестниц.

— Нет, — решительно возразила Нелли Кокер. — Едем в «Аметист». Отпразднуем.

Капитан твердо взялся за штурвал.

* * *

Толпа начала рассасываться, и мальчик-газетчик двинулся своим путем, воодушевленный тем, что стал свидетелем исторического события. Тут он вспомнил о припрятанном с утра сморщенном яблоке. Вытащил его из кармана и смачно захрустел, совсем как лошадь. Яблоко было восхитительно сладкое.

Фраер с сигарой заметил мальчика и сказал: «Знатное шоу, а?» — словно и впрямь интересовался его мнением, а потом отвесил дружелюбную заушину и наградил шестипенсовиком. Мальчик весело поскакал прочь.

Удаляясь, он услышал, как кто-то в толпе закричал: «Держи вора!» Впрочем, этот термин годился для любого из присутствующих, кроме разве что одного человека, который наблюдал с безопасного расстояния из окна неприметного автомобиля. То был старший инспектор Джон Фробишер — «Фробишер из Скотленд-Ярда», как называли его в журнале «Джон Буль», хотя и не совсем точно, поскольку сейчас инспектора временно прикомандировали к участку на Боу-стрит в Ковент-Гардене с задачей «перетряхнуть их немножко». Ни для кого не было секретом, что

в участке процветает коррупция, и Фробишеру поручили выявить паршивых овец.

Недавно журнал «Джон Буль» попросил инспектора написать серию статей о работе полиции, с прицелом на будущую книгу. Фробишер не самовлюблен, вовсе нет, но вдохновился этой идеей. Он всегда был книгочеем, и творческая задача увлекла его. Правда, теперь он засомневался. Сам он предлагал заголовок «Лондон под покровом тьмы», но журнал продавливал «Ночь на квадратной миле порока». Фробишер не понимал, почему его это удивляет: ведь любой бульварный листок пестрит шокирующими историями об иностранцах, совращающих женщин с пути истинного. Хотя на самом деле женщине скорее грозит, что у нее средь бела дня вырвут сумку.

До сих пор в «Джоне Буле» ничего не напечатали, только всякий раз, когда Фробишер приносил что-нибудь, просили добавить «жареного», «огоньку». То и другое было чуждо характеру Фробишера. Он трезво смотрел на жизнь, хоть и был не так уж прост и не лишен чувства юмора — качества, мало востребованные в Скотленд-Ярде.

Он рассеянно следил за двумя женщинами, которые незаметно передвигались в толпе, виртуозно обчищая карманы. Фробишер узнал в них

шестерок из женской банды «Со́рок воровок», но девицы были мелкой сошкой и сейчас его не интересовали.

Подъехали два двухцветных, кремовых с черным, «бентли» — один свой, другой взятый напрокат для пущей важности. Кокеры расселись по ним и укатили, помахивая публике ручкой, будто королевские особы. Преступление обогащает, борьба с ним — нет. Фробишер с трудом подавил укол зависти к «бентли». В душе инспектора вскипала обида законопослушного человека. Сам-то он пока всего лишь копил на скромный «остин-семерку», автомобиль для масс.

Порочную империю Кокеров он собирался разрушить до основания. Грязное подбрюшье Лондона, украшенное блестящими цацками, сосредоточилось в ночных клубах, особенно в «Аметисте» — крикливой драгоценности в самом сердце Сохо. Фробишера тревожил не столько упадок морали — танцы, выпивка, даже наркотики, — сколько судьба девушек. В Лондоне пропадали девушки. Он знал как минимум о пяти исчезнувших за последние несколько недель. Куда они девались? Фробишер подозревал, что они входили в двери клубов Сохо и больше не выходили.

Он обернулся к женщине, сидящей сзади в той же машине без опознавательных знаков:

— Вы хорошо их рассмотрели, мисс Келлинг? Как вы думаете, сможете выполнить мое поручение?

— Безусловно, господин старший инспектор, — кивнула Гвендолен.

Пиковая дама

В «Аметисте» главный бармен Фредди Бассетт преподнес Нелли очередной огромный букет.

— Добро пожаловать домой, миссис Кокер, — сказал он. Никаких «Нелли», он никогда не опускался до фамильярностей с семьей. У него были свои стандарты. Он проходил стажировку в «Рице» и потом работал там же, пока не лишился места из-за неприятного инцидента с двумя горничными в кладовке для белья.

— Можете представить себе остальное, — сказал он Нелли, когда пришел наниматься в «Аметист».

— Лучше не буду, — ответила она.

Нелли не любила цветы, считая их слишком капризными. По ее мнению, им место было на свадьбах и похоронах, но не на ее собственных, уж извините. Нелли желала покинуть мир неприкрашенной, как и появилась в нем: без единой ромашки.

Вместо цветов она предпочла бы получить коробку пирожных из «Мезон Берто» за углом на Грик-стрит — шоколадные эклеры или ром-бабы,

а лучше и то и другое. Нелли обожала сладкое, пристрастившись к нему еще в детстве благодаря шотландским конфетам «Кислая слива» и «Ховикские шарики». Ужаснее всего в тюремной жизни оказалась еда. Дочери по воскресеньям приносили матери в тюрьму карамельки. За время заключения у Нелли появилось много идей о реформе пенитенциарной системы, и первой в списке стояла еженедельная выдача сладостей на два пенса — зефира и кокосовой помадки, если уж выбирать.

Когда полгода назад Нелли водворили в Холлоуэй, персонал «Аметиста» послал ей вслед дары, достойные праздника урожая, — огромный букет цветов и корзину экзотических фруктов, собранную торговцем с рынка Ковент-Гарден, завсегдатаем клуба. Сотрудники украсили подарок надписью «Удачи», вырезанной из затейливой рельефной серебряной карточки, откопанной в дальнем чулане с новогодними украшениями клуба.

Эту роскошь конфисковала надзирательница, едва Нелли оказалась внутри мрачных стен. Экзотические фрукты — ананасы, персики, фиги — поделили между персоналом, пока Нелли довольствовалась скудным тюремным пайком

— неизменным гороховым супом, пудингом на нутряном сале и говяжьим рагу, мерзким блюдом, и рядом не лежавшим с коровой, на родство с которой оно претендовало.

В самый первый вечер, перед отбоем, в лючок на двери камеры Нелли просунули розу, красную, выдернутую из букета. Нелли не поняла, в каком духе ее преподнесли — издевательски или желая утешить. Сокамерница, бельгийка, застрелившая любовника, не испытывала подобных сомнений. Она выхватила розу и топтала ее ногами в тяжелых ботинках, пока лепестки не обагрили холодные камни пола в камере.

* * *

Клуб закрылся на ночь совсем недавно, и почти все работники остались, чтобы встретить своего капитана звуками фанфар. Только оркестр уже упаковал инструменты и ушел (он упрямо отстаивал свою независимость). Миновал уже час с тех пор, как музыканты сыграли гимн «Боже, храни короля», под который покачивались последние стойкие посетители. Нелли была строга (и правила соблюдались еще строже в ее отсутствие), — никто не смел сидеть, когда звучал гимн, даже самые пьяные. Сейчас из всех

посетителей осталась лишь пара завсегдатаев, благодушных поддатых фланёров, присоединившихся к хору мальчиков на побегушках, портье, официантов и повара, ответственного за завтрак. Они дружно подхватили возглас Фредди: «Миссис Кокер, с возвращением!»

Клуб только что пережил необычайно оживленный для будней вечер, когда каждый второй посетитель, казалось, явился прямиком с матча по регби или из университетского братства для буйных студентов. Стайка усталых хостесс, платных партнерш по танцам, хлопотала вокруг Нелли. От них несло несвежей, пошлой смесью пудры, духов и пота, но все же это был приятный, знакомый запах после миазмов тюрьмы Холлоуэй, и Нелли позволила девицам обнять себя, прежде чем отправить их по домам. С рассветом ночной клуб сдувался. «Аметист» оживал только ночью; его разверстая пасть требовала, чтобы ее непрерывно питали людьми.

Повар снова зажег конфорки плиты на кухне, чтобы приготовить завтрак для Нелли. Норфолкские куры неустанно снабжали «Аметист» яйцами, которые дюжинами доставлял ночной молочный поезд. Повар жаждал узнать, что подавали на завтрак в тюрьме.

— Ломоть хлеба с маргарином и кружку какао, — просветила его Нелли.

— Подкину пару сосисок, вам нужно подкрепиться, — предупредительно сказал он.

— Пожалуй, не помешает, — согласилась Нелли.

Семья удалилась в один из отдельных кабинетов, где официант сервировал стол, разложив серебряные приборы на свежей скатерти, а Фредди открывал шампанское. «Дом Периньон» для семьи, а для сотрудников клуба — сорт попроще, оптом по семь шиллингов шесть пенсов за бутылку, а с посетителей по три гинеи. За большую — восемь. Есть ли звук приятнее, говорила Нелли, чем хлопок пробки шампанского?

— Только если не мы за него платим, — заметила Эдит, в чьих жилах кровь Кокеров текла стремительным, полноводным потоком.

* * *

Представим читателю потомство Нелли Кокер в том порядке, в котором оно появилось на подмостках мира. Прежде всех Нивен — сегодня на встрече у ворот тюрьмы он отсутствовал, но это никого не удивило, — и вскоре за ним Эдит. Последовала пауза, когда Нелли пыталась предот-

вратить дальнейшее материнство, но, потерпев неудачу, произвела на свет подряд Бетти, Ширли и Рамзи, а под занавес — последыша, ныне одиннадцатилетнюю Китти, или *le bébé*[2], как иногда называла ее Нелли, тщетно пытаясь отыскать нужное имя в перечне многочисленных отпрысков. Нелли получила французское образование, что можно трактовать по-разному.

В свидетельстве о рождении Китти фигурировал отец, хотя Эдит заявляла, что это — совершенно точно — имя майора, погибшего в битве на Марне за год до рождения девочки. («Чудеса случаются», — невозмутимо говорила Нелли.)

Три старшие дочери были ударными войсками семьи. Бетти и Ширли окончили Кембридж. «Носят свою ученость легко», — гордо говорила Нелли потенциальным женихам. («Практически незаметно», — язвил Нивен.) Порой Нелли была больше похожа на театрального импресарио, чем на мать.

Эдит отвергла и университет, и замужество в пользу курсов бухгалтерского учета. Это она рулила кораблем Кокеров, пока Нелли отсиживала «на скамье штрафников» в Холлоуэй. «Аметист»

---

[2] Сноски: 2
Дитя *(фр.)*.

закрыли, хотя Эдит, конечно, назавтра же после приговора Нелли открыла его под другим названием — «Колода карт». Впрочем, он для всех всегда был и дальше собирался оставаться «Аметистом».

Эдит, выкованная из того же металла, что и мать, была ее правой рукой, доверенным лицом. Эдит понимала в бизнесе и обладала необходимым для этого стальным борджиевским желудком. Деньги решали всё. Все Кокеры знали, каково это — иметь их чуть-чуть, потом не иметь, а теперь иметь много, и никто не хотел снова сорваться в пропасть нищеты. Разве что Рамзи не слишком переживал. Он хотел стать писателем. «Я отчаялась», — говорила Нелли.

Рамзи, едва достигший двадцати одного года, постоянно терзался ощущением, будто что-то упустил.

— Словно я вошел в комнату, а все остальные только что оттуда вышли, — пытался он объяснить Ширли, своей обычной наперснице. Нивен побывал на войне, Бетти и Ширли — в Кембридже, но Рамзи по годам не попал на фронт и не продержался и семестра в Оксфорде, прежде чем был сослан в альпийский санаторий: «Легкие все в дырах, как мехи у гармошки», по словам врача

в больнице Святого Варфоломея. Если честно, это стало для Рамзи облегчением. Он робел перед однокурсниками. В Мертоне с ним доучивался кое-кто из ветеранов, не успевших выпуститься до ухода на фронт. Эти люди прошли сквозь огонь. Они были старше, чем значилось у них в метриках, тогда как Рамзи знал, что он по развитию младше своих лет.

Рамзи, казалось, был для семьи как открытая книга, а вот Нивен оставался для всех родных загадкой. Он был совладельцем автомобильного салона на Пикадилли и партнером в фирме по импорту вин, выставлял собаку на бегах на стадионе «Уайт-Сити» и владел половиной лошади, которая порой мельтешила на ипподроме, не привлекая внимания букмекеров, и неожиданно приходила первой. («Удивительно», — говорила Нелли.) Он водил знакомство и с преступниками, и с герцогами. («Никакой разницы», — говорила Нелли.) Он почти не пил, но много тусовался. Он недолюбливал тусовщиков и вообще людей, а дураков не выносил. Он никогда не увлекался наркотиками, насколько было известно семье, но когда-то крутился среди китайцев, которые ими торговали, и наведывался в Лаймхаус, а также его неоднократно видели за чашкой хризантемового

чая в печально известном ресторане Алмаза Чанга на Риджент-стрит незадолго до депортации последнего. Из Нивена вышел бы хороший методист-веслианец, но церковь его не интересовала.

* * *

Собственные предки Нелли терялись в тумане времен — или, в ее случае, в ирландском болотном тумане, — но она знала (во всяком случае, утверждала), что ее бабка по материнской линии была изгнана из Ирландии за бродяжничество, тем самым избежав смерти во время Великого картофельного голода, и положила начало династии. Она всплыла в Глазго, где ходила от двери к двери, предлагая «галантерейный товар», прежде чем перебраться на восток и попасть (неизвестно, каким образом) в объятия зажиточного лэрда из Файфа, второго сына, ставшего первым после смерти брата при загадочных обстоятельствах. Темные люди распускали слухи, что старшего брата сглазили.

Сыграли поспешную свадьбу. Бабушка Нелли уже носила в себе тайну матери Нелли, после рождения которой новоиспеченный лэрд с энтузиазмом принялся проигрывать семейные деньги и спиваться до смерти.

К моменту появления на свет самой Нелли от семейного состояния мало что осталось. Еще совсем юной ее отправили во Францию для получения образования — в школу при монастыре в Лионе, после чего «окончательно отшлифовали» (в разных смыслах) в Париже. Новоявленная парижанка, возможно уже *enceinte*[3] Нивеном, вернулась в Эдинбург и вышла замуж за врача из Инвернесса. Они завели роскошный не по средствам дом в Ньютауне, модном районе в центре Эдинбурга, и Нелли обнаружила, что молодой муж — не только пьяница, но и азартный игрок. В конце концов, когда ни денег, ни способности прощать уже не осталось, Нелли взяла дело в свои руки, запихнула детей в вагон третьего класса на вокзале Уэверли и вытащила их уже на Кингз-Кросс.

Всех, кроме Нивена, старшего, — его уже призвали в Шотландскую гвардию в Эдинбурге и отправили на фронт. Не добровольцем. Нивен не пошел бы в армию добровольцем. И вообще добровольно никуда не пошел бы. Его призвали рядовым после того, как он отказался от офицерского звания, на которое имел право благодаря

---

[3] Сноски: 3
Беременная *(фр.)*.

учебе в школе «Феттес». Частные школы Великобритании услужливо поставляли на фронт пушечное мясо в виде младших офицерских чинов, которые, как было известно всем, почти мгновенно гибли. Нивен не желал подобной привилегии. Он заявил, что будет рисковать наравне со всеми. Так он и поступил и выжил.

Остальных Нелли притащила в Лондон и оставила сидеть на сундуках на перроне, а сама отправилась на поиски жилья. Фунт в неделю за комнаты на втором этаже на Грейт-Перси-стрит, прямо за углом от вокзала. Не имея денег даже на первую неделю аренды, Нелли предложила хозяйке свое обручальное кольцо в залог. Это было не ее собственное кольцо — то давно потерялось (по небрежности, сказали бы некоторые), и она купила дешевое девятикаратного золота[4] в ломбарде. Вдова с войны, сказала Нелли хозяйке дома на Грейт-Перси-стрит, муж погиб под Ипром. Дети с интересом посмотрели на мать. Бетти и Ширли видели отца всего неделю назад: он, пошатываясь, брел по Сент-Эндрю-сквер, когда они шли из школы.

Нелли живописала свои несчастья — шестеро

---

[4] Сноски: 4
Соответствует 375-й пробе.

детей, одна еще (почти) младенец, другой на фронте. Сердобольная хозяйка распахнула перед ними двери. Даже кольцо брать не стала. Она была добрейшая душа и до сих пор одевалась по моде прошлого века.

В доме было четыре этажа. Сама домовладелица жила под Кокерами, на первом, над Кокерами обитало шумное семейство бельгийских беженцев, а на чердаке — пара русских «большевистов»: они были очень милые, хоть и не слишком чистоплотные, выполняли разные работы по дому и научили юного Рамзи нескольким словам на своем языке, а также карточной игре под названием «преферанс». Они могли расписывать пулю всю ночь напролет, попивая картофельный самогон, который брали у одного типа в Холборне. Нелли узнала и пришла в ярость. Карты уже погубили нашу семью в прошлом, сказала она, и я не позволю им погубить нас в будущем.

Девочкам очень нравилось новое жилище, потому что у хозяйки был большой пушистый кот темной масти по кличке Моппет, с которым они возились часами — наряжали в платьица и чепчики Китти и расчесывали его роскошную шубу, пока бедный Рамзи не начинал задыхаться. Сама Нелли подрабатывала шитьем; она превосходно

шила, научилась этому ремеслу у монахинь в альма-матер в Лионе. У домовладелицы стояла без дела швейная машинка «Зингер» с ножным приводом. «Большевисты» перетащили ее из хозяйкиной квартиры к Кокерам.

Нелли зорко следила за расходами семьи. Подошвы ботинок чинили жидким каучуком, воротнички чистили хлебным мякишем, ужинали печеночным супом и пирогами с угрем. Нелли была превосходным экономистом. Она выкраивала по грошу то там, то здесь и все это время вынашивала план.

Дети были бы рады остаться на Грейт-Перси-стрит, но через несколько месяцев хозяйка дома умерла, а ее сын, живший в Бирмингеме и никогда ее не навещавший, написал, что решил «всё продать» и на вырученные деньги перебраться в Америку. Нелли успела привязаться к хозяйке за время совместного проживания, иногда составляя ей компанию за послеполуденным чаем. Хозяйка увлекалась выпечкой, ее репертуар был основан на поваренной книге «Бе-Ро»: печенье с сухофруктами, сдобные лепешки, маффины — Нелли все это весьма ценила.

Нелли привыкла слышать обыденные звуки из хозяйской квартиры — шум воды, хлопанье

дверей и тому подобное. В тот день до нее медленно дошло, что внизу царит тишина, и она спустилась проверить. Накануне вечером она гадала хозяйке на картах и увидела «большие перемены», но ничего про смерть.

Когда на стук никто не ответил, Нелли открыла дверь, зная, что та никогда не запирается. В комнатах царила пустота, тяжело лежала пыль безмолвия. Нелли опечалилась, но не удивилась, обнаружив, что хозяйка так и не проснулась сегодня утром и покоится на своей кровати вечным сном.

Нелли слегка навела порядок. Полки, ящики: что-то убрала, что-то достала. Она знала, что в чайнице, сувенирной, с коронации Эдуарда VII, лежат деньги. Купюры были извлечены и убраны в карман фартука. Под высокой латунной кроватью, на которой безмятежно возлежала покойница, Нелли заметила ржавый железный ящичек вроде большой кассы. Нелли подцепила его тростью старушки и вытащила из-под кровати. Ящик был заперт; пришлось еще изрядно покопаться, чтобы найти ключ, который оказался в вазочке с ароматической смесью.

Нелли рассчитывала обнаружить старые пыльные бумаги. Договор аренды, завещание. Она не

ожидала найти клад. Королевскую сокровищницу. Бриллианты, рубины, сапфиры, опалы и гранаты. Кольца и броши, браслеты и обручья. Запонки и ожерелья, изумрудную тиару в русском стиле, жемчужное колье в пять нитей. Камеи, кораллы, пару прекрасных аквамариновых серег-подвесок, многорядный опаловый браслет с рубинами и бриллиантами.

Что за тайную жизнь вела неприметная домовладелица, чтобы собрать такие сокровища? Нелли предпочла не строить догадок. Лишь позже она узнала, что добрейшая старушка-хозяйка на самом деле была скупщицей краденого для лондонских банд и эти драгоценности уже не раз переходили из рук в руки. Нелли не могла не восхититься тихим двуличием старушки. Это был урок мимикрии.

Что же до угрызений совести, то Нелли уговаривала себя, что, возможно, хозяйка, знай она, что скоро умрет, сама подарила бы драгоценности жиличке. Маловероятный, но утешительный сюжет. Нелли, ступая с раскаянием, поднялась по лестнице к себе и послала Эдит за доктором для домовладелицы.

— Она заболела? — спросила Эдит.

— Очень сильно, — ответила Нелли.

Позднее Нелли думала, что, похоже, гадала не хозяйке, а себе, ибо великие перемены и впрямь пришли. Кокеры попрощались с «большевистами» (те двинулись в путь через всю Европу к своей революции) и съехали с Грейт-Перси-стрит, пока их не выставил сын хозяйки и пока ее преступные дружки не явились за пропавшей добычей. Много лет (возможно, и по сей день) Нелли озиралась на улице, гадая, не пронюхали ли воры, что она прикарманила их добычу, и не готовятся ли отомстить.

Семья сняла подвал с плесенью и мышами на Тотнем-Корт-роуд. Моппета взяли с собой, и он оказался превосходным крысоловом, с лихвой отрабатывая свое содержание. В качестве епитимьи Нелли решила продать самую полюбившуюся ей вещь — роскошное аметистовое ожерелье начала XVIII века — знакомому ростовщику, сторговавшись до кругленькой суммы в пятьдесят фунтов. Нелли была мастерицей торговаться. Остальное она припрятала, чтобы продавать поштучно по мере надобности. В делах Нелли была прижимиста. Каждое начинание, считала она, должно финансировать следующее. Бизнес рождает бизнес.

Нелли наткнулась на объявление в «Газетт» от

некоего Ягера. Он оказался неотесанным мелким мужчинкой, похожим на хорька, но явно смыслил в своем деле. Во время войны он устраивал «танго-чаепития» в подвале в Фицровии, но мода на танго прошла, и он искал компаньона для организации *thés dansants*[5]. Вместе Нелли и Ягер нашли цокольное помещение — по сути, подвал — на Литтл-Ньюпорт-стрит возле Лестер-сквер и вложили немало денег в его обустройство, после чего стали продавать абонементы по два шиллинга за вечер танцев и угощения. Назвали заведение «Танцевальный зал Ягера».

В «Савое» — обители шампанского и орхидей — брали по пять шиллингов, и Нелли полагала, что там подавали изысканные закуски. «Танцевальный зал Ягера» предлагал более сытный *thé* — кексы в глазури, сэндвичи, лимонад и нечто под названием «Кровь турка», ярко-розовое пойло из лимонада, ангостуры и кармина. Разумеется, лицензию на алкоголь они брать не стали. Поначалу они соблюдали закон, но потом решили, что, если не станут подавать выпивку, это сделает кто-нибудь другой. Так что они тоже начали.

Чтобы облегчить переход границы между за-

---

[5] Сноски: 5
Чаепития с танцами *(фр.)*.

конным и преступным, Ягер взял в проводники некоего Артура Мэддокса, детектива-сержанта из участка на Боу-стрит. Мэддокс был легавым полезного толка и за определенную еженедельную мзду закрывал глаза на отсутствие лицензии и предупреждал Ягера с Нелли о готовящихся облавах.

«Танцевальный зал Ягера» взлетел, как ракета; там плясали до упаду под джаз и фокстрот рэгтайм-оркестра. Словно, пока ярилась война, люди жаждали только одного — веселиться. Шла весна 1918 года, и все устали от бессмысленной бойни.

Для Нелли это стало откровением. Она не могла не заметить, что многие мужчины под утро уходят домой с танцовщицами, с которыми еще несколько часов назад были совершенно незнакомы.

— Юные леди получают за это отличные чаевые, — флегматично заметил Ягер. — Их можно понять, правда?

В ночь перемирия в темных углах зала попросту совокуплялись — опять-таки партнеры, незнакомые друг другу. На улицах творилась оргия.

— Сношения, — еще флегматичней изрек Ягер. — На них мир держится, а? Лучше, чем убивать друг друга. Трахаться — природное занятие,

скажешь — нет?

Нелли передернуло от этого слова, но волей-неволей пришлось согласиться. Столько народу полегло на войне, что она подумала — пытаясь облагородить низменную вульгарность происходящего, — уж не следуют ли веселящиеся инстинктивному позыву пополнить численность своего биологического вида. Как лягушки.

Видимо, ей стоило свыкнуться с понятием «веселье». Сама она его не жаждала, но была вполне готова обеспечивать его другим за определенную плату. Нет ничего дурного в том, чтобы хорошо проводить время, если ей самой не приходится в этом участвовать.

Одна из танцовщиц — ирландка Мод — умерла той ночью от передозировки опиума. Нелли нашла ее, скорченную, за стойкой бара в предрассветный час.

Ягер куда-то подевался, и Нелли мобилизовала парочку грубоватых солдат в увольнении, чтобы вынесли девушку. Расплатилась с ними бутылкой виски за труды.

— Куда ее? — спросил один.

— Не знаю, — ответила Нелли. — Пошевели мозгами. Попробуй реку.

Нелли рассчитала, что, если повезет, река про-

тащит труп через эссексские болота и вынесет в море. Тех солдат Нелли больше не встречала и понятия не имела, последовали ли они ее совету. «С глаз долой — из сердца вон» — одно из полезных присловий, которыми она руководствовалась в жизни.

Ягер был для Нелли всего лишь ступенькой в будущее, возможностью набраться опыта. Она обдумывала план пограндиознее. После перемирия она продала Ягеру свою долю в танцзале за пятьсот фунтов. Потом там несколько раз случались облавы, Ягера признали виновным в «продаже опьяняющих напитков» и в том, что превратил зал в «пристанище для женщин дурной репутации». Каждый раз ему впаивали штраф в триста двадцать пять фунтов. После четвертой облавы кряду Ягер признал поражение и ушел из клубного бизнеса.

* * *

На прибыль от «Танцевального зала Ягера» Нелли в приступе ностальгии по парижской юности открыла кабаре-клуб («Кабаре-интим», как

она его называла) под названием «Moulin Vert»[6] («Мулинвёрт» для не знающих французского).

Арендовав грязный подвал на Брюэр-стрит, Нелли сделала из него дворец — позолоченная отделка, пружинящий танцпол, столики в стиле монпарнасских кафе вдоль стен зала. У нее сложилось определенное видение — «мизансцена», как выразилась она, обращаясь к ветерану «Полка художников»[7], которого наняла расписывать помещение. Он создал стенные росписи в духе Ренуара.

— Можно подумать, что ты на парижской улочке, — сказала Нелли и в несвойственном ей порыве щедрости отвалила художнику лишних пять фунтов.

На историческую сцену ворвались ревущие двадцатые, и «Moulin Vert» открылся с помпой. Между кабаре-номерами (их исполняли бывшие

---

[6] Сноски: 6

«Зеленая мельница» *(фр.)*. Перекликается с названием известного парижского кабаре «Мулен Руж» («Moulin Rouge» — «Красная мельница»).

[7] Сноски: 7

21-й специальный полк воздушной службы (резервный), исторически известный как «Полк художников», — полк резерва Британской армии, сокращенное название — 21 SAS(R). Начал создаваться в 1859 г. в рамках движения добровольцев, возникшего перед угрозой французского вторжения. В первоначальный состав полка вошли профессиональные художники, музыканты, актеры, архитекторы и другие деятели искусства.

артисты вест-эндских театров) посетители танцевали, а после полуночи подтягивался почти весь кордебалет театра «Гэйети»[8]. Нелли наняла цыганский оркестр — не французский, конечно, но достаточно иностранный для публики «Мулинвёрта». Рекой лились и спиртное, и деньги. Облавы случались редко: сержант Мэддокс продолжал работать на Нелли.

Через несколько месяцев после открытия Нелли услышала, что художник, расписавший ее стены, застрелился. Многие солдаты не находили себе места в мирной жизни. Нелли с Эдит выпили за упокой его души после закрытия клуба.

Пару лет спустя Нелли получила предложение, от которого не смогла отказаться, и продала клуб. В ознаменование события она купила каждой из девушек по нитке нового жемчуга от Сиро со стразиками на застежках.

На деньги от продажи «Moulin Vert» Нелли приобрела помещение для нового клуба. Подыскивая название, она думала о куче сверкающих драгоценностей, вынесенных с Грейт-Перси-стрит. «Бриллиант»? «Сапфир»? «Рубин»? А потом припомнила ожерелье, которое помогло ей начать

[8] Сноски: 8

Название исторического театра, работавшего в Лондоне в 1864–1939 гг., означает «Веселье».

первое дело в Лондоне. И это имя точнехонько подошло, как в сказке про трех медведей. «Аметист».

Позже в империю Нелли вошли еще четыре ночных клуба — «Фея», «Лисья нора», «Сфинкс» и «Хрустальная чаша». Но главной драгоценностью в ее короне всегда оставался «Аметист».

До попадания в Холлоуэй Нелли почти каждую ночь восседала в маленькой утепленной кассирской будке у входа в клуб. Оттуда она правила своим королевством — сводила счета в конце вечера, выдавала сдачу официантам, собирала входную плату. Фунт за вход. Только для членов клуба. Членом клуба можно было стать, уплатив один фунт. Клуб получал тысячу фунтов в неделю. Лучше золотой жилы.

Никто не входил бесплатно, даже принц Уэльский. На прошлой неделе в клубе побывал Рудольф Валентино[9], неделей ранее — юный принц Георг. При нем, конечно, не было денег — у таких людей никогда нет с собой наличных, и его спутникам пришлось рыться по карманам,

---

[9] Сноски: 9

Рудольф Валентино (Родольфо Альфонсо Раффаэло Пьерри Филиберт Гульельми ди Валентино д'Антоньолла, 1895–1926) — голливудский актер итальянского происхождения, знаменитый герой-любовник немого кинематографа.

набирая мелочь на взнос. У Нелли был дар: люди чувствовали, будто она делает им одолжение, впуская в «Аметист». И это было лишь началом обирания посетителя. Клиент не мог даже уйти, не отдав шиллинг гардеробщице, если хотел получить обратно свое пальто в конце вечера. Плюс чаевые, разумеется. «Аметист» жил на чаевых. Танцовщицам-хостессам платили три фунта в неделю, но в удачную субботу — во время дерби или регаты — хостессы уносили домой до восьмидесяти фунтов. Здесь никто не просил прибавки жалованья. Ни у кого не хватило бы наглости.

«Аметист» не претендовал на *haute monde*[10], как клуб «Эмбасси», но и не опускался в погоне за клиентурой до уровня блошиных притонов с Керзон-стрит.

Лондонские банды, которые время от времени стекались в клуб, считали его полем битвы. Шайка из Элефант-энд-Касл, головорезы Дерби Сабини, Монти Абрахамс со своими людьми, Хокстонская банда, «Хакнейские гунны», Фрацини. Лука Фрацини, главарь одноименного клана, аккуратный, щеголеватый, часто сидел за столиком в углу «Аметиста», не привлекая к себе

---

[10] Сноски: 10
Высший свет *(фр.)*.

внимания. Перед ним стоял едва тронутый бокал (бесплатного) шампанского. Луку можно было бы принять за биржевого маклера. Между ним и Нелли существовало подобие джентльменского соглашения. Они знали друг друга давно, еще со времен «Танцевального зала Ягера». Они доверяли друг другу. Почти.

Посетители «из простых» и бандитская шпана терлись плечами со знатью — и сверженной, и правящей, с несметно богатыми американцами, индийскими и африканскими принцами, офицерами гвардии, писателями, художниками, оперными певцами, дирижерами, звездами театров Вест-Энда, а также хористами и хористками. Больше нигде в Англии, а может, и в мире — даже в Эпсоме во время дерби — нельзя было встретить столько разных сословий в одном месте в одно время. В отличие от многих — да что там, большинства, — Нелли не имела предрассудков. Она не делала различий по цвету кожи, чинам и расам. Если у тебя был фунт на билет, тебе дозволялось войти в ее королевство. С точки зрения Нелли, деньги были мерилом человека, будь то мужчина или женщина.

Миновав Нелли-цербера у входа, посетитель проходил сквозь бамбуковую занавеску и спус-

кался по тускло освещенной узкой лестнице, убогой, как ступеньки в угольный подвал. Это добавляло «драматизма», говорила Нелли. Все жаждали драмы. У подножия лестницы посетителя встречал еще один страж ворот, на сей раз швейцар в ливрее с галуном, эполетами и прочим — такое одеяние сгодилось бы и для контр-адмирала из оперетты. Этот индивид, Линвуд, мастер поклонов и расшаркиваний (на чаевых он делал изумительные деньги), был опальным дворецким и когда-то служил у одного из членов королевской семьи. Нелли верила, что оступившемуся человеку нужно предоставить еще один шанс — как несколько раз предоставляли ей самой. Ее забавляли ошарашенные лица некоторых высокопоставленных посетителей клуба, узнавших Линвуда (другого имени у него не было, как заведено у дворецких), ибо он хранил множество *outré*[11] тайн. Конечно, слуги, как правило, знают в лицо своих хозяев, но мало кто из хозяев запоминает лица слуг. Затем Линвуд отдергивал тяжелую черную портьеру, скрывавшую вход, и посетителя наконец пускали внутрь.

---

[11] Сноски: 11
Экстравагантных, скандальных *(фр.)*.

Coup de théâtre[12].

Та-да! Добро пожаловать в «Аметист»!

* * *

Подали яичницу с беконом, обещанные сосиски для Нелли и сладкий кофе с молоком. Сторож, громадный пес Нивена, носом приоткрыл дверь в столовую, возвещая появление самого Нивена.

Кажется, эта собака была единственным существом на земле, к которому Нивен питал уважение. Он по-прежнему называл пса «немецкой овчаркой», а не «эльзасской», не боясь имени врага, таящегося в названии породы, или игнорируя его. Как многие побывавшие в окопах, Нивен знавал собак вроде Сторожа, служебных собак, но это была одна из немногих крупиц информации о его службе в Шотландской гвардии, которыми он соизволял делиться. Никогда, за всю войну и потом, даже во время перемирия и после заключения мира, Нивен не считал, что в этой войне есть победители.

У него больше не хватало терпения на людские слабости. На людей вообще. На религию, на угрызения совести, на чувства. Сердце Нивена

---

[12] Сноски: 12
Театральный эффект *(фр.)*.

будто закалилось в горниле войны до алмазной твердости.

Он был снайпером и снимал немцев прямо в окопах из винтовки «энфилд» образца 1914 года. Чтобы уравнять шансы, немцы поступали так же. Однажды утром во время битвы при Пашендале капралу, наводившему для Нивена, снесло голову прямо рядом с ним. Днем то же самое случилось с другим наводчиком. Неудивительно, что в третий раз никто не спешил вызваться добровольцем. Снайперы и наводчики обычно менялись ролями, и в следующий раз, когда пришла очередь Нивена, он решил быть наводчиком, чтобы продемонстрировать хотя бы законы вероятности, если не удастся продемонстрировать ничего другого. Его не убили. Возможно, ему повезло, а возможно, он просто хорошо знал, когда стоит высунуть голову из-за бруствера, а когда лучше не рисковать.

Сейчас Нивен был ближе, чем думали домашние: он сидел в одной из кладовых клуба, слушая жалобы одной из танцовщиц, среди ящиков пива, шампанского и копченой сельди, которую еженедельно присылала на поезде из Уитби компания «Селедки Фортуны» на завтраки «Аметиста». Нивен положил конец жалобам, дав девушке

достаточно денег на ликвидацию «проблемы». В Ковент-Гардене была женщина, о которой, похоже, знали все хостессы. Лекарство зачастую оказывалось хуже болезни, но «кто не рискует, тот не пьет шампанского», сказала девица в кладовке. Ее проблему создал не Нивен. Он тщательно следил за тем, чтобы не оставлять следов своего присутствия в этом мире.

А сейчас он вразвалочку вошел в комнату и, легонько чмокнув Нелли в щеку на континентальный манер, сказал:

— Ну что, мамуля, птичку выпустили из клетки?

Он стащил ломтик бекона с тарелки Бетти и бросил удивленному Сторожу.

Поцелуй испугал Нелли. Он напоминал скорей эпизод в Гефсиманском саду, чем выражение сыновней любви.

— Нам всем пора по кроватям, — резко сказала она.

Нивен отсалютовал матери, умудрившись проделать это одновременно безупречно и непочтительно, — талант, отточенный на войне.

– *Sofort, mein Kapitän!*[13]

---

[13] Сноски: 13
Сию минуту, мой капитан! *(нем.)*

Нелли нахмурилась. Она, хоть и не знала немецкого, язык врага узнавала на слух.

Боу-стрит

— У вас сегодня выходной, сэр, — переполошился дежурный сержант утренней смены, когда сердитый Фробишер промаршировал в двери участка на Боу-стрит.

— Я знаю, сержант, я еще не выжил из ума.

— И в мыслях не было, сэр.

Дежурный сержант только-только входил в ритм дня с помощью крепкого сладкого чая в эмалированной кружке и был не готов действовать. Он завел привычку чутко улавливать настроение нового старшего инспектора. Фробишер служил в участке на Боу-стрит чуть больше недели, и сержант еще только изучал его обыкновенное расположение духа. Сегодня утром он осторожно оценил степень оптимизма и спросил:

— Сделать вам чаю, сэр?

— Нет, спасибо, сержант, — бодро ответил Фробишер.

Фробишер не удосужился сообщить мисс Келлинг, что сегодня у него выходной. Как и своей жене, — впрочем, Лотти мало интересовалась его передвижениями. Он пришел сюда работать, что-

бы расчистить авгиевы конюшни. Грязь никогда не спит, а значит, и Фробишер не будет спать, пока не выметет ее. Он был склонен к метафорам.

На Боу-стрит оказалось шумно. Фробишер слышал лязг и грохот железных дверей камер и громкие протесты арестованных за ночь. Вопли проклятых, поднимающиеся из Аида, подумал Фробишер, хотя здешние камеры располагались не внизу, а на уровне земли. Из женских камер этажом выше донесся тонкий вой — горе или безумие, трудно сказать. Грань между ними тонка. Фробишер подумал о своей жене.

Он встал ни свет ни заря, чтобы съездить в Холлоуэй, и у него уже подвело живот. Его бы подкрепить хорошим завтраком. Мысли Фробишера обратились к овсянке с сотовым медом и сливками с жирного цельного молока и, возможно, яйцу, свежему, прямо из-под пышноперой курицы. Маловероятно по всем статьям. Фробишер вырос в деревне. Сейчас ему было за сорок, но он так и остался уроженцем Шропшира. Когда он был мальчиком, семья держала кур. Куры свободно гуляли, где им вздумается, и его обязанностью было, вернувшись из школы вечером, искать яйца. Каждая находка становилась маленьким триумфом, удовольствие от которого не приедалось.

С тех пор ни одно яйцо не было для инспектора таким же вкусным.

— Каков улов за ночь, сержант? — спросил он.

— Битком, сэр. Мировому судье на целый день разбираться.

— Как обычно?

— Угу. Как каждый день — проституция, воровство, наркотики, разбой. Полна кутузка пьяниц, заливающих горе. Убийство на Грик-стрит…

— О? — В последние несколько месяцев по Лондону прокатилась волна загадочных убийств. Необъяснимые случайные нападения на ни в чем не повинных прохожих. Конечно, нашлись суеверные глупцы, которые, с подачи желтой прессы, винили во всем проклятие Тутанхамона. Фробишер работал с отделом тяжких преступлений в Скотленд-Ярде и не понаслышке знал, насколько эти убийства ставят в тупик отсутствием какой-либо видимой логики. Он мог только предположить, что их совершает безумец.

— Ничего особенного, сэр, — сказал сержант. — Просто два пьяных джентльмена пытались пришибить друг друга. Ими занимается Полицейский-Хохотунчик.

— Сержант Оукс? Мне бы хотелось, чтобы его называли настоящим именем.

Боже, как Фробишер ненавидел эту дурацкую песенку Чарльза Пенроуза[14].

— Да, сэр. Но спору нет, Оукс — весельчак. Во всем видит смешное.

Оукс, полицейский со стажем, не хватал звезд с неба, но был, по мнению Фробишера, хотя бы надежен; впрочем, он уже начинал раздражать инспектора своей постоянной веселостью.

— Инспектор Мэддокс сегодня вышел на службу? — спросил Фробишер.

— Все еще хворает, сэр.

— До сих пор?

Мэддокс отсутствовал по болезни с того самого дня, как Фробишер приступил к работе на Боустрит. Фробишер был убежден, что язва в сердце участка, самое гнилое из всех яблок в бочке — Артур Мэддокс.

— Что с ним такое, будь он неладен? Симулирует?

— Вроде бы у него спина болит, сэр.

Больная спина не мешает человеку выполнять свою работу, сердито подумал Фробишер.

---

[14] Сноски: 14

Песня Чарльза Пенроуза «The Laughing Policeman», выпущенная в 1922 г. под псевдонимом Charles Jolly и ставшая большим хитом в 1926 г., когда Пенроуз перезаписал ее под собственным именем, основывалась на песне чернокожего американца Джорджа У. Джонсона «The Laughing Song» (1890).

— Ну если он вдруг, паче чаяния, появится сегодня утром, передайте, что я его ищу.

Мэддокс, произведенный в инспекторы после войны, находился, как полагали, на содержании у тех самых людей, которых должен был преследовать. Он жил не по средствам — большой полуотдельный дом в Крауч-Энде, жена, пятеро детей. (Пятеро! Для Фробишера было немыслимо завести даже одного.) И автомобиль, «вулзли-оупен-турер», машина состоятельных людей, предмет зависти тех, кому едва хватает на «остин-семерку». Не говоря уже о летнем отдыхе всей семьей в Борнмуте или Бродстерсе, и не в дешевых пансионах, а в хороших отелях. Фробишер не сомневался, что Мэддокс стакнулся с Нелли Кокер, прикрывает ее от закона, но что он получает взамен? Мэддокс хитер как лис, а Нелли, королева птичьего двора, держит целый курятник. Может, она пускает Мэддокса к своим курочкам? (Да, инспектор несколько злоупотреблял развернутыми метафорами.)

При упоминании имени Мэддокса дежурный сержант втянул воздух и выпрямился, что привлекло внимание Фробишера. В последнее время он заинтересовался так называемым языком тела, или невербальной коммуникацией, ко-

гда человек выдает себя тончайшими знаками. Конечно, Фробишер готов был допустить, что дежурный сержант всего лишь решил размять затекшую спину. Можно понять, если у тебя кольнуло в спине, но не целую же неделю прогуливать службу, ради всего святого.

Фробишер принюхался. Откуда-то повеяло райским ароматом жареного бекона. У инспектора в желудке жадно заурчало. Фробишер нахмурился. Они едят, когда его нет? Сэндвичи с беконом? Чем еще занимаются в участке у него за спиной? Его охватило странное разочарование, как в юности, когда другие мальчишки не принимали его в свои затеи. Он был неловким, замкнутым ребенком. Теперь он стал неловким, замкнутым мужчиной, но научился лучше маскироваться под жестким панцирем.

Он устремил хмурый взгляд на дежурного сержанта, и тот, чтобы бекон не подложил ему свинью, мгновенно сменил тему:

— Я слыхал, Мамаша Кокер откинулась сегодня утром.

Дежурный сержант — как и весь участок — прекрасно знал об одержимости инспектора Кокерами, особенно Нелли.

— Да, — сказал Фробишер.

— Вы ездили, сэр?

— Ездил.

Фробишер не вдавался в подробности, а дежурный сержант не стал искушать судьбу лишним вопросом. Фробишер не вел светских бесед, вообще никогда. В результате его сильно недопонимали, считая высокомерным, даже заносчивым. Он пытался, помоги ему Бог, болтать о погоде, скачках или даже фильмах, но выходило наигранно, как у бездарного актера. («Ну что, констебль, как там поживает ваш огород?») Его настоящие увлечения были эзотерическими, малоинтересными простому человеку или коллегам с Боу-стрит и уж точно его жене — Берлинский договор между Германией и Советами[15] (это уж точно добром не кончится) или демонстрация прибора под названием «телевизор» Королевскому обществу[16] неким мистером Бэрдом (словно в романе Герберта Уэллса). У инспектора был пытливый ум. Это

[15] Сноски: 15

Договор о ненападении и нейтралитете, подписанный 24 апреля 1926 г. в Берлине между Веймарской республикой и СССР, действовал до 23 августа 1939 г., когда был перезаключен как Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом.

[16] Сноски: 16

Лондонское королевское общество по развитию знаний о природе, также Королевское общество — ведущее научное общество Великобритании, одно из старейших в мире, создано в 1660 г. и утверждено королевской хартией в 1662 г.

— проклятие. Порой даже для детектива.

Дома, в Илинге, от тягот светской беседы инспектора спасал языковой барьер. Его жену звали Шарлотта — Лотти, — хотя у нее не было подтверждающего это свидетельства о рождении, и Фробишер сомневался на ее счет. Как детектив он хотел бы расследовать дальше, но как муж считал благоразумным не будить лихо. Она была француженка или бельгийка, она сама, казалось, не знала в точности — воистину пограничное расстройство. Ее спасли из опустошенных руин Ипра в конце войны без какого-либо имущества, кроме головки чеснока в кармане, без документов, и она не могла вспомнить, как ее на самом деле зовут — по причине того, что врачи называли «истерической амнезией».

В юности Фробишер по-разному представлял себе свою будущую жену, но истерическую амнезию не предвидел. История Лотти была трагичной и запутанной, — опять же, он не предвидел такого в своей будущей супруге.

Тут два констебля втащили в участок женщину, вопящую о своей невиновности, и тем избавили Фробишера от необходимости додумывать эту мысль.

— Долли Парджетер, обвиняется в карманной

краже на Стрэнде, — сказал дежурному сержанту один из констеблей в форме, пытающихся удержать арестованную.

— Ты сегодня раненько, Долли, — добродушно приветствовал сержант арестованную. — Давайка заселим тебя в «Риц»?

Ноздри сержанта трепетали: его отрывали от бекона, но позаботиться о беконе значило бы выдать его существование Фробишеру.

— Ну, тогда я пошел, — неохотно сказал Фробишер. Он предпочитал полицейский участок своему террасному дому в Илинге; это многое говорило о террасном доме в Илинге.

Уже в спину ему дежурный сержант сказал:

— Сэр, я забыл — там девушку выловили из воды, из-под пирса у Тауэрского моста. Она, должно быть, все еще в Дыре Мертвеца. Подумал, вы захотите знать.

По мнению обитателей Боу-стрит, интерес Фробишера к мертвым девушкам достигал почти нездоровой степени.

— Спасибо, сержант. — Фробишер обрадовался избавлению от Илинга. — Я взгляну на нее.

— У вас сегодня выходной, сэр, — напомнил дежурный сержант.

— Преступность никогда не спит, — раздра-

женно сказал Фробишер. Он знал, что звучит как ханжа. — Кстати, сержант…

— Да, сэр?

— Кажется, у вас бекон подгорает.

Выходя из участка, Фробишер не мог сдержать улыбку. Так им и надо, что не позвали его.

Переходя дорогу, он был вынужден ловко отскочить, чтобы увернуться от приближающегося мотоцикла. «Энфилд», водитель безлик за очками и кожаным шлемом. Как легко погибнуть на улицах Лондона. Случайно или не очень.

Неловкий возраст

Четырнадцатилетняя Фреда проснулась еще до того, как Кокеры погрузились в «бентли» у тюремных ворот. Фреду разбудили крики и фальшивое пение ночных рабочих рынка Ковент-Гарден, разгружающих машины с товарами, которые в полночь начинали прибывать отовсюду: яблоки из Ившема, грибы из Саффолка, экзотика со всего мира.

С тех пор как Фреда — Альфреда Мёргатройд — сбежала из дома, она снимала мансарду в убогом пансионе на Генриетта-стрит, настолько близко к рынку, что, казалось, сюда доносился запах растоптанных гниющих капустных листьев. Фреда приехала в Лондон за удачей, намереваясь стать звездой сцены Вест-Энда. Ее пока не открыли, но она не теряла мужества, и в эту субботу ей предстояло прослушивание. Она была уверена, что ее жизнь вот-вот изменится.

Хоть и миниатюрная, Фреда выглядела старше своих лет. Она была хорошенькая, но на удивление не кичилась своей внешностью, считая ее скорее делом случая. Или божьим даром, если

верить, что Бог выдает красоту людям как что-то хорошее (Фреда не верила). Красота больше смахивала на каверзы греческих богов — скорее проклятие, чем дар. Одной из немногих книг, прочитанных Фредой, была иллюстрированная антология греческих мифов («Мифы Древней Греции для детей»), найденная ею в десять лет на скамье в вагоне. Не сказать, чтобы полезный учебник жизни.

Фреду выставляли напоказ, едва она выучилась сидеть без посторонней помощи, и ее мать собрала целую батарею фотографий, запечатлевших успехи дочери: от участия в конкурсах «Милый малыш» до исполнения роли Клары (на которую набирали из местных) в профессиональной постановке «Щелкунчика» приезжей театральной труппой на прошлое Рождество. Глэдис, мать Фреды, когда-то служила усердным хроникером ее красоты, но в последнее время утратила интерес и решила, что праздный образ жизни лучше обеспечить за счет нового мужа, на поиски которого и бросила все силы. Раньше Глэдис использовала как источник дохода внешность Фреды, но вложения перестали окупаться. «Ты уже подвядаешь», — сказала она Фреде. Та нахмурилась. Ей казалось, что впереди еще годы

цветения.

Предметом гордости для Фреды был талант, а не внешность. Часы, проведенные в пируэтах, поворотах, чечетке, на пуантах и в *шассе*[17]. С трех лет она посещала танцевальную школу, из которой Королевский театр Йорка ежегодно выбирал лучших учеников для укрепления кордебалета в пантомимах, как и гастролирующие балетные и оперные труппы, приезжающие в Йорк (отсюда ее Клара: «Девочка из Рощ очаровывает в роли»). Рощами назывался их район города, но Фреде нравилось, как это звучит: будто она лесная нимфа, а не обитательница убогого дома в трущобе на задворках кондитерской фабрики «Раунтри». Раньше они жили в гораздо лучшем доме на Уиггинтон-роуд, прямо напротив фабрики, где работал отец Фреды, пока не умер, но три года назад их вышвырнули судебные приставы.

За свою недолгую жизнь Фреда освоила обширный репертуар, играя кошек, собак, медвежат, снежинок, фей и разнообразных (но почему-то всегда одинаковых) «деревенских детей», которые танцевали, пели и резвились вокруг майского древа. Казалось, ни одна рождественская пан-

---

[17] Сноски: 17

Скользящий шаг, элемент классического и некоторых бальных танцев.

томима не обходится без сцены на деревенской площади. Фреда была милым ребенком и умела следовать указаниям, что делало ее любимицей взрослых.

Фреда верила: нет ничего лучше на свете, чем стоять на сцене. Там обретаешь некое величие, возвышающее над унылым миром. При одной мысли о сцене душа Фреды воспаряла.

С семи до тринадцати лет Фреда служила манекенщицей и моделью одежды ручной вязки для производителя пряжи. Причем она не только позировала для фотографий на выкройках — в промозглой студии-мансарде в Манчестере, — но и участвовала в выступлениях труппы, гастролировавшей по северу Англии под эгидой местных лавок для вязальщиц, где продавались выкройки, спицы и клубки шерсти, позволяющие связать демонстрируемую одежду.

Эти маленькие дефиле чаще всего проходили в унылых церковных залах, и публика состояла в основном из женщин, все еще измотанных и надломленных утратами войны. И всегда почему-то зимой. «Видимо, такова природа шерсти», — говорила Ванда.

Они тащили одну упряжку, как выражалась Ванда. Их было трое — Дункан, Ванда и Фреда

— плюс Адель, которая «работала на компанию» и отвечала за их переезды и ночлег, сжимая в одной руке путеводитель Брэдшоу, а другой таща чемодан, набитый «Вязкой», как она это называла (определенно с большой буквы), из одного прокуренного вагона третьего класса в другой. Никто из труппы, даже Адель, не умел вязать ничего, кроме лицевых и изнаночных петель, хотя Дункан утверждал, что освоил вязку по-французски. Ванда смеялась и говорила:

— Не будь пошляком.

В войну он служил на флоте. Моряки, видимо, любят повязать.

Когда они демонстрировали товар, им постоянно задавали вопросы: «Что это за кромка?», «А это двойная коса?» Ванда умела превращать эти вопросы в комплименты:

— О, вы заметили, какая вы умница! А вы сами как думаете, какой это узор? Уверена, вы разбираетесь.

И все в таком духе.

«Переоблачения», как Адель называла смену одного вязаного предмета на другой, неизменно происходили в тускло освещенном закутке при зале, среди молитвенников, рассыпающихся рождественских яслей и прочей позабытой цер-

ковной утвари.

В зале они не выходили на сцену, даже если таковая имелась, а чаще всего ее не было. Вместо этого они шествовали чередой, один за другим, по проходу между рядами шатких стульев, занятых публикой. Дойдя до конца зала, они чинно совершали поворот кругом и возвращались обратно.

— Чем медленнее, тем лучше, — наставляла Адель. — В дождливый будний вечер люди не на вязание поглазеть приходят, а за впечатлениями.

Фреда демонстрировала разнообразные кардиганы и свитера со сложными узорами, костюмы-тройки с плиссированными юбками и шетландскими беретами. И множество помпонов.

— Очень аппетитный вид, — говорила Ванда.

Фреда быстро привыкла смотреть прямо перед собой и безмятежно улыбаться, пока зрители тянулись потрогать рукав, пощупать подол ластичной вязки[18] или, порой, саму Фреду — ущипнуть за тыльную сторону ладони или похлопать по упругой икре, призывно возвышающейся над белыми носочками и черными

---

[18] Сноски: 18
Другое название — резинка.

лаковыми туфельками. Эти туфельки сразу после показа снимались, чтобы не поцарапать, и сменялись простыми коричневыми оксфордами.

Фреду часто награждали нестройными аплодисментами, никак не относящимися к «Вязке», — скорее всего, за то, что она лучилась обещанием: обещанием будущего, которое непременно окажется лучше прошлого. В глазах публики это ее освящало. Если бы они могли урвать себе частичку ее, наподобие святых мощей, — фалангу пальца, прядь волос, да хоть помпон, — они бы так и сделали.

Ванда была высокая и костлявая, с волосами цвета имбирного печенья. Гламурная, хоть и видавшая виды, она всегда благоухала «Хабанитой» от Молинар, сшибая с ног при близком контакте. Она даже мазала этими духами свои сигареты «Сарони», которые курила не переставая и от которых ее голос с тисдейлским выговором становился «по-вороньи хриплым», как любил повторять Дункан. Ванда вечно предлагала сигарету Фреде («Давай, побалуй себя, детка») и всегда заранее возвещала о своем появлении надрывным влажным кашлем.

Дункан до войны «топтал театральные подмостки» и однажды делил сцену с инженю Эдит

Эванс в «Хеймаркете» — «пеплумы и всякое барахло», пренебрежительно говорил он. Вся эта фраза была непостижима для Фреды, но она впитывала знание неким осмосом, и то, что озадачивало сегодня, часто прояснялось на следующий день. Ей казалось, что слово «пеплум» звучит таинственно и благородно.

Дункан демонстрировал пуловеры, кардиганы и жилеты, многие с замысловатыми узорами «фэр-айл», часто с аксессуаром в виде незажженной трубки для придания мужественности. Даже в юном возрасте Фреда понимала, что мужественность не входит в число качеств, к которым Дункан стремился. У него был забавный выговор — «пшютый ливерпульский», по словам Ванды, — который Фреде очень нравился, и она немало времени проводила, пытаясь ему подражать.

Ванда тоже была опытной артисткой, в свое время выступала в мюзик-холлах ассистенткой фокусника и ежевечерне левитировала.

— Это не по правде, миленькая, — сказала она Фреде, когда та восхитилась. — Это трюк.

Но ведь трюк — это даже лучше, чем по правде!

Ванда дефилировала в «женских модных ве-

щах» — термин, по ее присловью, скрывающий «грехов множество», — от болеро до платьев-свитеров и степенных кардиганов. Младенцам и малышам не повезло, хотя Ванда иногда выходила с большой куклой в полном дневном обмундировании. Кукла таинственным образом появлялась ниоткуда — в чемодан Адели она точно никак не влезла бы. Ее звали Дороти. «Самое близкое к материнству, что мне светит», — говорила Ванда (скорее радостно, чем печально), поправляя ленты на чепчике неодушевленной Дороти.

В отличие от матери, с каждым месяцем все более разболтанной, Фреда была на удивление чистоплотным и аккуратным ребенком («Крохоборка», — говорил Дункан). Каждый вечер перед сном Фреда накручивала волосы на тряпочки-папильотки и натирала веснушки содой — кто-то однажды сказал ей, что от этого они побледнеют. Перед тем как лечь в постель (часто — общую с Вандой), Фреда складывала всю одежду пирамидкой на стуле — от юбки внизу до трусиков наверху, венчая эту конструкцию носками, — чтобы утром разобрать пирамидку в обратном порядке.

— Ну какая ты молодец! — восхищалась Ванда.

Они делили комнату в многочисленных пансионах. Ванда, как и мать Фреды, была неряхой: одежда брошена где попало, повсюду рассыпана пудра. Фреда не осуждала. Она перенимала науку быть женщиной. Приходится брать, где дают, как сказал бы Дункан.

Фреда и в упаковке чемоданов была мастерица, могла впихнуть в свой маленький вдвое больше, чем Ванда в свой большой. Иногда она и за Ванду собирала вещи. Все дело в том, как сложить. Как в геометрии, говорил Дункан. Познания Фреды в геометрии, да и в любой другой области математики, были плачевны. Порой она думала, что ей стоило бы чаще ходить в школу.

— Не переживай, миленькая, если ты хочешь быть танцовщицей, тебе достаточно считать до восьми, — говорила Ванда.

У Ванды была шуба, по ее словам — подарок поклонника, сшитый из шкурок тридцати шести горностаев. Шуба напоминала огромное снежное облако, и Фреда частенько засыпала на меховом плече Ванды в очередном вагоне поезда. Дункан утверждал, что шуба из кроликов, а не из горностаев. Фреда понятия не имела, что такое горностай. Какое-то животное, это она знала, но ее знакомство с животным миром было весьма

ограниченным. У нее никогда не было даже канарейки, она сроду не бывала ни на ферме, ни в зоопарке. Коровы и овцы играли роль украшений в северном пейзаже, проносящемся за окном поезда. Теперь Фреда стыдилась своего былого невежества, но когда-то ее страшно потрясло объяснение Ванды, что «Вязка» берет начало от овец.

По вечерам в пансионах Дункан доставал из чемодана бутылку. Он всегда возил в чемодане бутылку. И всегда предлагал Фреде «хлебнуть». Она неизменно отказывалась. Попробовала однажды, и ее чуть не вывернуло наизнанку.

— Старый флотский ром, — говорил Дункан. — От него краска с линкора слезет. Там я к нему и пристрастился, в старом добром королевском флоте.

Ванда (предпочитавшая портвейн) при этом иногда странно похабно ухмылялась и говорила:

— А расскажи-ка нам про войну, Дункан.

И тот смеялся в ответ:

— Так и расскажу, выкуси!

Но потом принимался повествовать, как пошел ко дну вместе с кораблем его величества «Неустрашимый» в пятнадцатом году в проливе Ла-Манш, а потом «выскочил обратно как проб-

ка». Что в этом похабного, удивлялась Фреда. Она решила, что история с пробкой — это какая-то шутка или фокус. Дункан редко упоминал о примерно пятистах моряках, которые не выскочили обратно вместе с ним. Война была частью истории, а история Фреду не интересовала, ведь она в ней не участвовала. Она жила в ритме настоящего и жаждала будущего.

Ванда «утратила спутника жизни» в начале войны. Фреда решила, что он погиб на фронте, но Дункан сказал, что он сбежал в Барнсли с барменшей.

— Аллитерационный адюльтер, — прокомментировал он.

— Ученое слово, — отозвалась Ванда.

— Это ты про какое? — спросил Дункан.

В такие душевные вечера в пансионах, иногда перед шипящим газовым камином в «общей гостиной», а чаще в комнатушке Ванды и Фреды Дункан учил Фреду играть в карты, разложив колоду на покрывале. Еще он учил ее плутовать, что было даже лучше, — «холодная раскладка», «третья карта» и многие другие «фокусы», как он их называл. У нее явно был талант.

— Ловкие пальчики, — одобрительно говорил Дункан.

Он называл Фреду «прозорливой». Она думала, это что-то, связанное с озорством. Они играли на спички. К моменту, когда их пути разошлись в последний раз, Дункан был по уши в долгу у Фреды. Он сказал, что ему придется ограбить один из складов Крюгера, чтобы с ней расплатиться. И объяснил, что Крюгер — Спичечный Король. Фреда задумалась: если она выйдет за Спичечного Короля, станет ли Спичечной Королевой?

Ванда тоже мастерски владела картами, научилась всяким трюкам за время работы ассистенткой фокусника. Она охотно объясняла Фреде, как распилить кого-нибудь пополам (обычно женщину) и как устроить исчезновение (тоже обычно женщины). Очень полезные знания, по мнению Фреды.

— Отвод глаз, — говорила Ванда. — Вот в чем секрет.

Ванда охотно выдавала тайны общества волшебников («Наверное, за это полагается смертная казнь», — весело говорила она), но и под страхом смерти не выдала бы свой возраст. («Дама имеет на это право».)

— Двадцать пять, — строила догадки Фреда, но лишь за глаза.

— Умножь на два и отними десять, — говорил

Дункан.

А где же была мать Фреды все это время? Чаще всего брела, пошатываясь, в «Ко-оп» с кувшином и возвращалась с ним же, полным хереса, «выдержанного в дереве». Звучит изысканно, а на деле просто бочка с краником в подсобке магазина.

Отец Фреды, он был намного старше, умер («дуба дал») на работе. Благодаря плохому зрению он не попал на фронт, но подвело сердце, и в пять лет Фреда осиротела.

— Старый зануда, — говорила Глэдис, — вечно с трубкой и в шлепанцах, не знаю, о чем я думала.

Хотя на самом деле прекрасно знала о чем: о том, как бы не таскаться каждый день на работу в контору фабрики «Раунтри», где и познакомилась с отцом Фреды, вдовцом «из руководства». «Из руководства» звучало весьма внушительно для Фреды. Воспоминания об отце были связаны с запахом шоколада, твида и табака. Он каждую неделю приносил домой пакет бракованных шоколадок — это снабжение трагически пресеклось, когда он умер.

Теперь, когда отца не стало, мать редко удостаивала его именем. В ее разговорах с дочерью он был просто «твой отец», а зачастую и «этот козел». Поэтому в сознании Фреды отец приоб-

ретал мифологические черты, будто спустился с Олимпа специально, чтобы обрюхатить Глэдис и умчаться обратно в божественные чертоги. В книжке греческих мифов девушки, казалось, пребывали в почти постоянной опасности: их то и дело застигал врасплох не в меру ретивый Зевс в образе лебедя, быка или даже муравья. Так почему бы и не козла?

В реальном мире отцу Фреды просто глупо льстило внимание молодой женщины. Поначалу рядом с Глэдис он сам себе казался моложе, но вскоре рядом с ней начал чувствовать себя стариком. История столь же древняя, как и сами греческие боги.

— И зачем Зевсу понадобилось маскироваться? — размышляла Ванда, листая книжку Фреды в вагоне поезда где-то между Ротерхэмом и Шеффилдом. — Ведь лучше, чтобы тебя уестествил главный бог, чем муравей, разве нет? И как это вообще возможно с муравьем? Разница в размерах просто смехотворна.

— «Уестествил»? — фыркнул Дункан. — Ты что, малютка Бо-Пип[19], что ли? Зови греблю греблей, душа моя.

---

[19] Сноски: 19

Героиня английской детской песенки «Little Bo-Peep Has Lost Her Sheep» («Малютка Бо-Пип потеряла своих овечек»), известной с начала XIX в.

К счастью, весь этот разговор происходил в отсутствие Фреды: она в это время торчала в коридоре, свесившись из окна; в глаза ей летела гарь из топки, и она рисковала остаться без головы. Опасность не отпугивала Фреду, а скорее манила.

Перед лицом полного дезертирства родителей, как добровольного, так и вынужденного, Ванда и Дункан стали для Фреды кем-то вроде опекунов. Адель — нет. Адель занималась исключительно расписаниями.

— Забавная у нас семейка, правда? — сказала Ванда.

— Приходится брать что дают, — ответил Дункан.

* * *

Но однажды Адель отвела Фреду в сторонку и сказала, что та стала «слишком женственной» для детской «Вязки» и ее услуги больше не требуются.

— Прошу прощения? — опешила Фреда. Как это — она не нужна? Она считала себя очень даже нужной.

— Ты демобилизована, дорогая, — сказала Адель с непривычным для нее сочувствием. (Она

редко утруждала себя эмоциями.)

Но нельзя было отрицать, что, несмотря на эльфийские черты и легкую походку, у Фреды и впрямь весьма заметно округлилась грудь, а «эти дни» начались уже давно — тревожное путешествие, в котором Ванда заменяла Фреде родную мать.

— У нее «болезни роста», — говорила Ванда. Что это вообще такое, недоумевала Фреда. Представлялось, будто ее растягивают на дыбе.

— Ты развита не по годам, милая, — сказала Адель. — Во всех отношениях.

— Мы будем скучать, — сказала Ванда, прижимая Фреду к мохеру, пропитанному табаком и «Хабанитой».

Порывшись в сумочке в поисках какого-нибудь прощального подарка, Ванда извлекла лишь носовой платок с вышитой буквой «В». Мятый, но «непользованный», заверила она Фреду. Дункан отдал ей свою колоду (крапленых) карт. С тех пор прошел почти год, и Фреда горевала, представляя, как соратники колесят без нее под моросящим дождем Дарлингтона или Донкастера. Но пару недель назад она случайно столкнулась на Шем-

блз[20] с Аделью и узнала, что «Вязка» приказала долго жить, а Ванда неожиданно вышла за некоего Уолтера, владельца строительной фирмы в Грэнтеме. «Подумать только, в такой дали!» — сказала Адель, словно речь шла о Тимбукту. Еще невероятнее было то, что Ванда, по слухам, ждала ребенка. («Радостно или печально?» — гадала Фреда.)

Фреда понятия не имела, где находится Грэнтем, зато прекрасно представляла себе, где на карте Лондон. Ей уже грезилось, как она будет жить среди его чертогов наслаждения. «Вертепов греха», — говорила Адель. Фреда не знала, что это значит, но звучало заманчиво.

Дункан, похоже, тоже забросил шерсть: он устроился помощником управляющего рестораном «Гранд-отель» в Скарборо. Но, видимо, удача отвернулась от него, потому что сейчас он отбывал два года принудительных тяжелых работ в тюрьме Армли за «нарушение общественной пристойности». «Тебе лучше не знать, что это значит», — сказала Адель, а потом все равно объяснила. Фреда обладала замечательным качеством: ее не так-то просто было удивить.

---

[20] Сноски: 20

Шемблз — улица со старинными домами и лавками в историческом центре Йорка, бывший мясной рынок.

* * *

В районную школу Фреда и раньше ходила чрезвычайно редко, а когда ей исполнилось четырнадцать, вовсе забросила учебу. Глэдис объявила, что, раз Фреда больше не учится, ей, очевидно, придется найти работу. Фреда не чувствовала в этом острой необходимости: она готова была ждать, пока не подвернется случай стать звездой. К сожалению, кроме пары посредственных любительских театральных трупп, никто, похоже, не горел желанием, чтобы Фреда для них позировала, танцевала или играла, — оказывается, она пребывала в «неловком возрасте». И уж точно никто не собирался ей за это платить. До сезона рождественских постановок было далеко, и к тому же Фреда сомневалась, что Королевский театр готов к ее переходу от деревенского дитяти к деревенской деве.

Глэдис подтолкнула ее устроиться в мастерскую модистки на Кони-стрит. Фреда думала, что от нее потребуется лишь любезно помогать дамам выбирать очередной головной убор, и пришла в ужас, узнав, что ее запрут в подвале, где придется отпаривать фетровые клоши на безликом лысом деревянном болване. Она продержалась полдня

и в обеденный перерыв сбежала. Тогда, может, в железнодорожную контору на Вокзальном спуске, сказала Глэдис. Или за прилавок в новом универмаге «Вулворт». Или на кондитерскую фабрику «Терри». Или «Раунтри» — они-то уж точно возьмут, учитывая ее семейные связи?

Фреда не собиралась работать в «Раунтри»! Она собиралась стать звездой! Прославиться! Уехать в Лондон! Лучше умереть от избытка восклицательных знаков, чем гнуть спину в конторе или на фабрике!

Тебе нужен хороший пинок под зад, сказала Глэдис, и точка.

* * *

Ночные грузчики на рынке Ковент-Гарден уступили место мальчишкам с тачками и торговцам за прилавками. Мир просыпался. Ноги Фреды под тонким одеялом уже репетировали танцевальные па. Флоренс, делившая с ней бугристый, набитый конским волосом матрас, недовольно застонала во сне.

Большой расклад

Птенцы Нелли еще нежились в постелях, кроме Нивена, чье местонахождение всегда было для семьи загадкой. Кокеры по необходимости вели ночной образ жизни, и утренняя песнь птиц была их колыбельной, хотя трели уже стихали к тому времени, как семья добралась домой после празднования свободы Нелли. Кокеры гнездились на Ганновер-террас, где Риджентс-парк начинался буквально от порога. Величественное жилище, отделанное белой штукатуркой, было бесконечно далеко от злачных уголков Сохо, на доход от которых содержалось.

Сама Нелли, однако, успела привыкнуть к суровому распорядку тюрьмы, где в шесть утра грохотом и лязгом возвещали подъем: надзиратели колотили по дверям камер, словно сам сон был греховен. Сейчас страдающая бессонницей Нелли с воспаленными глазами поднялась с постели, на которой проворочалась почти час, заварила себе чаю и вышла с чашкой в сад — просто ради удовольствия открыть дверь и вдохнуть воздух свободы.

Попивая чай, Нелли наблюдала, как пестрый дрозд выуживает червяка из клумбы с красными тюльпанами. Червям еще представится случай отомстить — когда-нибудь они сожрут дрозда. И Нелли сожрут тоже. Она опасалась, что это случится скоро. Нужно готовиться. Нужен план.

Допив чай, она выплеснула остатки на клумбу, одинаково напугав и тюльпаны, и дрозда, и принялась изучать чаинки на дне чашки. Они подтвердили ее подозрения. Грядут перемены. Пора делать Большой расклад девицы Ленорман.

Нелли вернулась в дом и разложила полную колоду карт на огромном столе в столовой. (Ранний георгианский стиль, кубинское красное дерево, удачно куплен на распродаже имущества древнего рода, пресекшегося из-за войны. Нелли была всегда рада ухватить хорошую вещь по дешевке.)

— Хм, — изрекла она, вглядываясь в карты. Гораздо выразительнее, чем это междометие выглядит на бумаге. В картах не было ничего загадочного. Их послание можно было бы назвать

озимандиевским[21]. Змея, коса, гроб и букет. Конец веселью.

* * *

Нелли устала. Ее — возможно, впервые в жизни — начала утомлять бесконечная гонка, необходимая, чтобы удерживаться на плаву. Якорь «Аметиста», груз всей империи тянул ее на дно. Она знала, что еще одного тюремного срока ее здоровье не выдержит, и, сидя в Холлоуэй, начала подумывать об отставке, — может, уехать в Довилль или даже Торки (сняв номер долговременного пребывания в отеле «Империал»), передать ключи от королевства детям, а корону — незыблемо надежной Эдит.

Мэддокс оказался так себе защитником. Он не предупредил о внезапном налете, о грубой своре полицейских, которые нагрянули той ночью, вломились в клуб и арестовали Нелли. Ее унизили прилюдно — в ночь парада по случаю инаугурации лорд-мэра Лондона, когда клуб был забит публикой до отказа. Нелли увели в наручниках;

---

[21] Сноски: 21

«Озимандия» (1818) — сонет английского поэта Перси Биши Шелли (1792–1822). Основная тема сонета — забвение, которое грозит всем историческим событиям и личностям, даже величайшим правителям великих царств.

ее лишь самую малость приободрили нелестные возгласы завсегдатаев «Аметиста» в адрес полицейских.

Мэддокс навестил ее в тюрьме и горячо оправдывался. Он, мол, не был на дежурстве в ночь облавы, и она должна понимать, что он, как бы ни старался, не может постоянно отвлекать всю лондонскую полицию. «Больно много он протестует, как мне кажется»[22], — сказала Нелли своей новой сокамернице.

Бельгийку, убившую любовника, перевели в крыло для отбывающих длительный срок. Новая соседка Нелли, Агнес, была из кокнейской семьи жуликов и воров; она и ее сестра состояли в печально известной женской банде «Со́рок воровок». («Неплохо придумано», — одобрила Нелли.)

В Холлоуэй активно работал тюремный телеграф, причудливо мешая слухи и факты. Сама Агнес хорошо знала Мэддокса.

— Нелли, он положил на тебя глаз, — предупредила она. — Он все эти годы за тобой следил, видел, как ты поднялась, а теперь хочет захапать все сам.

Похоже, Мэддокс больше не желал быть про-

---

[22] Сноски: 22

Ср.: «Больно много она протестует, как мне кажется» (У. Шекспир. Гамлет. Акт III, сц. 2. Перев. В. Рапопорта).

стым валетом: он хотел свергнуть королеву и стать королем.

— Только через его труп, — сказала Нелли.

Она терялась в догадках, почему он не делает свой ход, пока она за решеткой.

— Должен набрать подкрепление, — объяснила Агнес. — Он не справится в одиночку.

Мэддокс, по ее словам, прочесывал улицы в поисках всякого отребья — бродяг, бездомных, подонков общества и бедствующих ветеранов войны — и тут же на месте вербовал их. Не говоря уже о некоторых его коллегах с Боу-стрит, они тоже не прочь урвать кусок пирога, на который нацелился Мэддокс.

— Собирается отжать у тебя клубы, — сказала Агнес.

И, будто Нелли мало было неприятностей, Агнес сообщила, что на Боу-стрит вот-вот появится новая метла: старший детектив-инспектор Джон Фробишер, намеренный вышвырнуть Кокеров и их подручных за дверь.

* * *

Встревоженная собственным гаданием, Нелли собрала карты Ленорман со стола и завернула в шелковый платок, в котором они всегда храни-

лись. Пойти прогуляться, что ли, подумала она. Неспешно побродить, просто в свое удовольствие. Нелли обычно ходила по делам, чтобы попасть из одного места в другое, а не для наслаждения процессом. Наслаждение — это что-то такое, за что другие платят ей. Теперь, конечно, у нее есть «бентли» и шофер Хоукер, так что она почти никуда не ходит пешком. У нее болел тазобедренный сустав, и от тонкого тюремного матраса на железной койке стало еще хуже. В «Аметисте» Эдит подарила матери тросточку с серебряным набалдашником.

— В честь твоего выхода в свет, — сказала она, будто Нелли была дебютанткой из общества.

— Я иду гулять, — сообщила она кухарке.

Когда Нелли скрылась из виду, кухарка удивленно приподняла бровь, обращаясь к Филлис, новой юной посудомойке. Кухарка служила у Кокеров так долго, что переняла их мимику. У всех Кокеров были очень красноречивые брови. Они позволяли вести целые беседы, не произнося ни слова. Филлис, еще не овладевшая этим искусством, спросила: «Чего?», но кухарка уже сосредоточилась на двух яйцах, которые варила для Ширли. Завтрак в доме на Ганновер-террас не имел определенного часа и, как правило, на-

чинался, когда в нормальных домах уже обедали. Кухарка сходила с ума от беспорядочного режима питания Кокеров и уже много лет грозилась уйти, но знала, что Нелли разгадает ее блеф.

— Да, кстати, — произнесла Нелли, появившись снова — так внезапно, что кухарка слегка взвизгнула. Филлис, однако, выросла в проблемной семье, и ее труднее было выбить из колеи, незаметно подкравшись (что Нелли умела отлично).

— Да, миссис Кокер? — отозвалась кухарка.

— Приглядывайте за Эдит, пока меня не будет.

— За Эдит?

— Да, за Эдит. Ей что-то неможется.

Нелли снова исчезла, и кухарка с Филлис не дышали, пока не стало ясно, что на этот раз хозяйка и впрямь ушла.

Теперь уже Филлис вопросительно приподняла бровь. Она училась на лету.

* * *

Нелли ушла слишком далеко, почти к самому зоопарку, и вдруг на нее накатила неодолимая слабость. Нелли присела отдохнуть на скамейку. В тюрьме с ней произошло нечто пугающее. Однажды, резко проснувшись посреди ночи, она увидела, как из стены выплыла женщина

и приблизилась к ее кровати, где и зависла в нескольких дюймах над полом, молча глядя на нее.

При виде призрака Нелли не закричала от ужаса. Она не стала ни будить сокамерницу, Агнес, ни звать надзирательницу. Незачем, потому что Нелли знала, кто ее посетил. Это была Мод — танцовщица, умершая от передоза в ночь перемирия в «Танцевальном зале Ягера».

Призрачная Мод была вся в речном иле, волосы увиты мокрыми водорослями. С ее одежды на каменные плиты пола камеры струилась вода. Нелли даже узнала платье — атлас и кружево устричного цвета, теперь потемневшие от влаги. Нелли вспомнила карты девушки и как они ее озадачили. Мыши-воровки, гроб, корабль. Пугающее путешествие по воде. Мод утонула? Неужели она еще живая попала в реку? А теперь выволоклась со дна, чтобы преследовать Нелли?

Призрак растворился в каменной тюремной стене и больше не являлся до конца пребывания Нелли в Холлоуэй, но она знала, что это не последний визит. Мод — счет, требующий оплаты. Нелли предстоит расплатиться. Удастся ли увильнуть? Вот в чем вопрос. Она боялась, что от этого не спрятаться даже в Довилле.

Все, что делала Нелли, она делала ради своих детей — ведомая не столько любовью, сколько биологией, материнским императивом пестовать и защищать поколения, чтобы род Кокеров продолжался до скончания времен, до Страшного суда — дня, о котором Нелли предпочитала не думать. Нельзя, чтобы все это пошло прахом — будь то из-за смерти, выхода на покой или никчемности отпрысков. Она обязана оградить наследие рода, даже если потребуется жертва. Она принесет нужную жертву — себя или кого-то другого. Предпочтительно кого-то другого. Нельзя позволить Фробишеру все разрушить, а Мэддоксу — и вообще кому угодно — просто заявиться и проглотить империю целиком. Похоже, с Довиллем придется повременить.

Нелли вздрогнула, словно ледяная рука коснулась ее затылка. Оглядев простирающийся вокруг Риджентс-парк, она заметила лишь припозднившихся клерков, спешащих в конторы, и ранних нянь с колясками. Она заподозрила Мод — у живого человека не бывает такого леденящего касания. Впрочем, кто-то — из плоти и крови, не призрак — в самом деле прятался за могучим буком, скрываясь почти полностью. Поняв, что Нелли его засекла, человек отступил еще глубже

в тень, но ботинки комично торчали наружу.

Конечно, по (довольно обширному) опыту Нелли, мужчина, таящийся за деревом, может затевать что угодно, и чаще всего неприятное. Особенно если на нем двухцветные штиблеты. Может, наследнику престола и сойдут с рук «туфли соответчика»[23], но Нелли считала, что они придают мужчине вульгарный вид (хотя мало кто стал бы слушать советы Нелли Кокер в области моды). Однако этот филер был ее человеком.

Он совершенно не таился. Разве шпион не должен лучше сливаться с окружением? И почему он сейчас наблюдает за Нелли? Он должен был следить за домом на Ганновер-террас, чтоб его!

Она поднялась со скамейки и вперевалочку двинулась к буку, занося новенькую трость, будто штык, которым собиралась проткнуть владельца штиблет.

---

[23] Сноски: 23

Двухцветные туфли типа «оксфорды», изначально мужские, сделанные из кожи двух различных, часто контрастных цветов. В Британии такая мода воспринималась как чересчур броская, на грани вульгарности, и эти туфли стали называть «туфли соответчика», имея в виду соответчика в бракоразводном процессе, то есть соблазнителя, прелюбодея. Такая обувь стала ассоциироваться с нарушением нравственных устоев. В частности, этот фасон носила разведенная американка Уоллис Симпсон, брак которой с королем Эдуардом VIII привел к скандальному отречению последнего от престола.

Ландор, невозмутимый перед лицом любого насилия, отшатнулся в испуге.

— Хватит шнырять, — сказала Нелли.

Парень из Шропшира[24]

По пути в Дыру Мертвеца Фробишер сделал крюк через Цветочный рынок, расположенный напротив полицейского участка. Инспектор учуял аромат сирени. Этот запах, будто за ниточку, втянул его внутрь, к ряду оцинкованных ведер с охапками пышных соцветий на прилавке, должно быть привезенных откуда-то из сельской местности.

Надо бы купить Лотти цветов. Сирень она не любит. И лилии, конечно, тоже: французы считают, что лилии — это для похорон. Может, фрезии — что-нибудь весеннее. Или тюльпаны. С тюльпанами не ошибешься. Он заглянет к цветочнику по дороге домой.

Он держал Лотти в секрете от коллег с Боу-стрит. Их заинтриговало бы, что у него жена француженка, и еще более — что она часто бывает не в себе. Лучше пускай думают, что его жену зовут Хильда или Мейбл и что она хлопочет вокруг

---

[24] Сноски: 24

«Парень из Шропшира» — ставший классикой сборник из 63 стихотворений английского поэта Альфреда Эдварда Хаусмана (1859–1936), опубликованный в 1896 г. Многие стихотворения из сборника были положены на музыку.

него, когда он приходит домой, — вешает пальто, жарит свиную отбивную, разглаживает его нахмуренный лоб. Эксцентричная Лотти, способная целый вечер петь колыбельные маленькой тряпичной кукле, которую сама смастерила, озадачила бы их.

Он жадно вдыхал аромат сирени. По сторонам проселочной дороги, ведущей к фермерскому домику, где он жил в детстве, буйно росла сирень. И боярышник, чей кислый запах возвещал о наступлении лета. Боже, как он скучает по запаху живых изгородей!

— Ищете чего? — спросил продавец, но Фробишер отпрянул, переполненный воспоминаниями о прошлом, о невинных надеждах юности.

Это было неожиданно — откуда вдруг нахлынуло? Вряд ли Кокеры могли пробудить такие чувства. И уж точно не мисс Келлинг? Он познакомился с ней только вчера — слишком мало времени, чтобы пробить его скорлупу (орудием для этого он представлял себе иглу, а не меч).

Правильно ли он поступил, что привлек к делу мисс Келлинг? Не подвергнет ли он ее опасности? Кажется, она из отважных («Безусловно, господин старший инспектор»). Отрадно встретить такое в женщине. Она не безумна, не француженка и не

особенно красива. Она библиотекарша.

Он оставил мысли о Гвендолен Келлинг позади, как и сирень. Его ждет мертвая девушка. Может, это ей он должен принести цветы?

Aprés la Guerre[25]

— Вы хорошо их рассмотрели, мисс Келлинг? — спросил старший инспектор Фробишер у Гвендолен, глядя, как Кокеры торжественно удаляются в «бентли». — Как вы думаете, сможете выполнить мое поручение?

— Безусловно, господин старший инспектор.

Гвендолен считала, что всегда лучше говорить уверенно, даже если в душе отнюдь не чувствуешь уверенности. Тогда и окружающие перестают мямлить. Такой подход очень пригодился ей во время войны, да и после, в библиотеке, оказался весьма полезной чертой. Ее коллегам, помощницам библиотекаря — мисс Тейт, мисс Роджерсон и мисс Шоу — явно часто нужна была твердая рука на штурвале. Гвендолен неизменно удивлялась панике, которую вызывала затерявшаяся книга или неверно вставленная в картотеку карточка. Мисс Тейт, мисс Роджерсон, мисс Шоу и даже их начальник, директор библиотеки на Клиффорд-стрит, мистер Поллок (да-да, мужчина, — похоже, начальником всегда должен быть мужчина)

---

[25] Сноски: 25
После войны *(фр.)*.

могли всполошиться из-за малейшего пустяка. Муниципалитет Йорка планировал открыть новую библиотеку Карнеги на Музейной улице, и Гвендолен опасалась, что трепетные души не выдержат волнений переезда, не говоря уже о том, чтобы заново расставить на полках многочисленные книги.

Среди многих раненых, за которыми ухаживала Гвендолен во время войны, был мужчина — мальчик, — который несколько часов давился собственными мозгами после снайперского выстрела в голову, пока не задохнулся насмерть. Его явно не заботило, где по десятичной классификации Дьюи должна стоять новая книга сэра Артура Конан Дойла о применении фотографического дела в спиритизме.

— Вы такая рассудительная, мисс Келлинг, — часто говорил ей мистер Поллок. Гвендолен считала, что «рассудительная» — весьма нелестный эпитет, возможно граничащий с оскорблением.

Ковен, состоящий из благовоспитанных и немолодых мисс Тейт, мисс Роджерсон и мисс Шоу, раздражал Гвендолен, но они не хотели ей ничего плохого, поэтому она стоически терпела их, каждое утро надевая маску кротости вместе с библиотечной униформой: фильдеперсовые

чулки, твидовая юбка, шерстяная кофта и одна из стремительно ветшающих линобатистовых блузок. Гвендолен могла бы с тем же успехом вступить в религиозный орден — настолько замкнутой стала ее жизнь, поделенная между библиотекой и матерью.

* * *

Гвендолен остановилась в «Уоррендере» — скромном пансионе возле Музея Виктории и Альберта, рекламирующем себя как заведение «только для дам». Владела и управляла им некая миссис Бодли. Она была сурова, как старшая медсестра в армейском госпитале, отчего в Гвендолен, как и при общении с настоящими армейскими старшими медсестрами, просыпалось желание бунтовать.

Селясь тут, Гвендолен надеялась, что ее соседками окажутся независимые образованные женщины, с которыми можно будет вести вдохновляющие беседы за рюмочкой хереса перед ужином. Или, если брать противоположный конец спектра, может, ее развлечет соседство гламурных особ, за которыми каждый вечер заезжают кавалеры и везут потанцевать или поужинать. Реальность оказалась несколько

иной. За вычетом туристок, «Уоррендер», похоже, служил постоянным домом для немолодых женщин, или «Бедствующих Благородных Дам», как называла их миссис Бодли, удостаивая заглавных букв.

В первый же вечер Бедствующие набросились на Гвендолен («Свежее мясо», — подумала она) и уже успели затянуть ее четвертой в бридж и сделать ничего не подозревающей жертвой беспощадной партии в юкр. Мисс Тейт, мисс Роджерсон и мисс Шоу были кроткими агнцами рядом с так называемыми Бедствующими из пансиона Бодли.

В библиотеку Гвендолен пошла не по призванию (в конце концов, кто по своей воле станет библиотекарем?), а по финансовой необходимости после того, как семейные деньги оказались потеряны. Нет, не потеряны — украдены. Многое можно потерять — братьев на войне, ключи, мужество, — но семейные состояния, даже скромные, крадут.

Гвендолен не могла отрицать, что поначалу ее истерзанная войной душа находила утешение в безмолвном дубе книжных полок, но, увы, бальзам испарялся, стоило ей вернуться домой после рабочего дня и окунуться в очередной

бесконечный вечер пикировок с матерью и ее списка жалоб. Мать потеряла на войне двух сыновей — двух младших братьев Гвендолен — и носила свое горе торжествующе, а не скорбно. Для женщины, которая твердит, что в любую минуту рискует упасть в обморок, и проводит свои дни, страдальчески возлежа на кушетке с коробкой дорогих шоколадных ассорти марки «Терри», мать оставалась на удивление воинственной даже после окончания войны. (Семья хранила верность «Терри», а не «Раунтри», потому что их дом соседствовал с фабрикой «Терри» на Бишопторп-роуд.) Мать Гвендолен была глупа и склонна верить любой ерунде. Из таких людей и выходят патриоты, думала Гвендолен. Весьма прискорбно.

До войны Келлинги жили богато. Их было пятеро: мать, отец, Гвендолен и двое ее братьев, Гарри и Дикки. Они владели прекрасным домом неподалеку от Нейвсмира и держали кухарку, судомойку, горничную и садовника. В усадьбе были крокетная площадка, пруд, плодовый сад с яблонями, грушами и сливами. Келлинги крепко вросли корнями в землю, — казалось, лишь могучий ураган способен смести такую жизнь. Так оно и вышло. Могучим ураганом оказалась война.

Деньги поступали от семейного дела — проволочного заводика, основанного в предыдущем столетии лично дедом Гвендолен, отцом ее отца. Завод процветал еще до войны.

— Проволока всегда будет нужна людям, — говорил отец. Он и представить себе не мог, сколько проволоки потребуется миру, охваченному войной.

Проволочный заводик ютился на угрюмой улочке, скорее даже в переулке, в центре города. Его окружали средневековые улицы и здания, и он казался необычным производством для города, который, если ветер дул в правильном направлении, наполнялся утешительным ароматом какао с фабрики «Раунтри» или бодрящим благоуханием сахара и клубники, становящихся вареньем.

Гвендолен часто заглядывала на завод по пути из школы. У отца был застекленный кабинет наверху, откуда открывался вид на шумный, занятой цех. И до сих пор случалось, что Гвендолен, оттирая кастрюлю стальной мочалкой (соусы у нее подгорали шедеврально), от металлического запаха мгновенно переносилась на годы назад, на проволочный завод, к отцу.

— Я наживался на смерти, — печально сказал

отец, когда она приехала домой в отпуск в 1917 году; они вместе смотрели, как тюк за тюком колючей проволоки выносят из цеха и грузят в вагон, идущий на фронт.

— Терновые венцы, — произнес отец с несвойственной ему поэтичностью. Он исправно ходил в церковь — скорее чтобы умиротворить мать, чем по иным причинам, — но в глубинах души таил неизведанные этой женщиной бездны.

Вскоре отец умер, оставив значительную сумму, но завещание оказалось в руках матери. Гвендолен не демобилизовали до 1919-го. К тому времени в армии, конечно, свирепствовала испанка — последняя из египетских казней, — и Гвендолен, ступив наконец на йоркширскую землю, обнаружила, что все деньги исчезли. Поначалу мать пыталась свалить вину на отца: мол, он спустил все на бирже, но в конце концов призналась, что перевела все состояние человеку, с которым познакомилась — подумать только где! — в церкви. Некоему Томасу Благгарду, который выманил деньги у матери, пообещав «управлять ее инвестициями».

— Откуда я могла знать? — причитала она. Да как можно было не знать!

Мать была не первой глупой женщиной, оду-

раченной мошенником, но от этого легче не становилось. Неблагородный мистер Благгард, конечно же, бесследно исчез — ни слуху ни духу. «Пропал, — бессильно сказала мать. — Все пропало». (Нет! Не пропало! Украдено!)

Им следовало бы продать роскошный дом и переехать в более скромное жилище, это принесло бы столь необходимые средства, но мать отказалась продавать, и время поковыляло дальше. Проволочный завод ушел за бесценок: миру больше не нужны были нескончаемые мотки колючей проволоки, — напротив, он предпочитал забыть, что когда-либо в них нуждался. Гвендолен с матерью закрыли половину комнат в доме и удалились от мира, еле сводя концы с концами на скудное жалованье Гвендолен, устроившейся в библиотеку. Теперь Гвендолен понимала, что должна была найти способ взять дело в свои руки, но одно горе за другим — братья, отец, деньги, не говоря уже о самой войне, — подкосили ее, и она свалилась в жернова матери и позволила себя перемолоть.

* * *

Когда разразилась война, Гарри было только восемнадцать и он учился в Оксфорде. В сере-

дине Михайлова семестра он приехал домой и заявил, что намерен идти добровольцем. Лишь потом Гвендолен узнала, что мать забрасывала его ура-патриотическими письмами, убеждая пойти на фронт. Назавтра она сама отвела сына в рекрутскую контору в Грин-Говардс, сияя так, будто он уже вернулся победителем.

— Не волнуйся, Гвенни, — сказал Гарри. — Все закончится за пару месяцев, зато мать наконец от меня отстанет.

Гарри был любимчиком матери, Гвендолен — любимицей отца. А Дикки вроде бы оказался никому не нужен, так что Гвендолен взяла его под крыло. Он был ужасный проказник, вечно всех доводил своими выходками, вечно старался привлечь внимание. Гвендолен каждый день горела желанием отвесить ему подзатыльник за ту или иную шутку. На Рождество ему подарили «Набор фокусника», и он не переставал изводить домашних фокусами с веревками, картами, монетами («Видишь монету у меня в руке? Сейчас она исчезнет у тебя на глазах. Приготовься удивиться!»), пока на него не прикрикивали, чтобы убирался прочь.

Так он и поступил. Даже заставлять не понадобилось. В пятнадцать лет он провернул свой

лучший фокус с исчезновением: сбежал из дома и прибавил себе лет, чтобы завербоваться юнгой-сигнальщиком на линкор «Непобедимый». «Что, удивились? — написал он характерным ужасным почерком на открытке из Портсмута. — У нас тут сплошное веселье и забавы. Представляю, как вы все по мне скучаете. Вот отдельный поцелуй для Гвенни. х»[26].

Гарри проглотила амнезиогенная грязь Фландрских полей, и даже отметки не осталось там, где он пал. И Дикки последовал примеру брата, не оставив могилы, куда можно было бы прийти поплакать. Вскоре после того, как Гарри утонул в грязи, «Непобедимый» пошел ко дну при Ютланде, и Дикки отправился на дно вместе с тысячей матросов.

Шесть лет назад Гвендолен с матерью приехали в Лондон на душераздирающий спектакль — церемонию похорон Неизвестного солдата. Мать убедила себя, что именно Гарри суждено лежать в той гробнице. А Гвендолен нравилось думать, что там покоится Дикки, хоть она и понимала, что это невозможно. Ему так мало, ужасно мало довелось жить, и «погребение средь королей»

---

[26] Сноски: 26

Х — так передаются на письме поцелуи. — *Примеч. ред.*

могло бы хоть как-то искупить это. Но конечно, будь Дикки там, он бы спихнул крышку гроба и выскочил наружу, как чертик из табакерки. («Что, удивились?»)

Столько пропавших, столько сгинувших. Они вечно терзали Гвендолен, пока она несла ночную вахту, часами лежа без сна.

* * *

И вот, когда Гвендолен уже решила, что тусклое прозябание будет тянуться вечно, мать удивила ее — неожиданно занемогла. В библиотеке Гвендолен дали неоплачиваемый отпуск. В бытность санитаркой Гвендолен перевидала множество мужчин, стоящих на пороге смерти, но никто из них, казалось, не цеплялся за жизнь так упорно, как мать. Унылые дни ее угасания тянулись бесконечно, как до этого тянулись унылые дни ее существования. Мисс Тейт, мисс Роджерсон и мисс Шоу прислали миленькую открытку с незабудками, какие посылают возлюбленным, и написали в ней: «Мы думаем о тебе, дорогая. Твои друзья из библиотеки». (Мистер Поллок воздержался, заметила Гвендолен.) Она была так тронута, что расплакалась, но тихо, потому что мать чудовищно возревновала бы. Она

давно застолбила скорбь как свое единоличное владение.

Гвендолен не хватало деликатного общества мисс Тейт, мисс Роджерсон и мисс Шоу, пахнущего духами «Апрельская фиалка». Не хватало тихих разговоров ни о чем, скрашивающих библиотечные будни. «Сплетни», — пренебрежительно называл их мистер Поллок, но Гвендолен считала, что так мужчины именуют женские беседы. Мужчины говорят, чтобы передать информацию или порассуждать о счете игры в крикет и предвыборной статистике. Женщины же беседуют, пытаясь разобраться в причудах человеческой натуры. Если бы мужчины «сплетничали», возможно, мир стал бы лучше. Войн точно поубавилось бы.

— Боже, мисс Келлинг, да вы радикалка, — сказал мистер Поллок, когда Гвендолен высказала эту мысль.

Дело было во время жаркого спора о комплектовании фондов. Среди сотрудников давно уже шла битва вокруг романа Майкла Арлена «Зеленая шляпка», — мистер Поллок опасался, что эта книга «развратит провинцию» своей аморальностью. Там поднимаются такие темы, которые невозможно даже упомянуть в приличном обще-

стве. «Венерические болезни? Гомосексуализм? Промискуитет?» — подсказала Гвендолен, не сдержавшись. Мистер Поллок побагровел. Так легко было поджечь его фитиль и любоваться взрывом.

В битве за «Зеленую шляпку» победила Гвендолен — в основном потому, что единственная среди всех сотрудников библиотеки читала этот роман. Ей не нравился стиль Арлена, не нравился рассказчик, не нравилась Айрис Шторм — *femme fatale*[27], обладательница зеленой шляпки и нелепого, раздражающего характера. Говорили, что прототипом была Нэнси Кунард, что вся книга — своего рода *roman à clef*[28], и Гвендолен гадала, каково это — узнать себя в романе. Бесит, наверное. И все же она была готова сражаться за книгу, доказывать, что библиотеке важно идти в ногу со временем. Да и разве их дело — решать, что люди могут читать, а что нет? («Да», — сказал мистер Поллок.) Конечно, отчасти ей было наплевать, но словесные баталии с мистером

---

[27] Сноски: 27

Роковая женщина *(фр.)*.

[28] Сноски: 28

Роман с ключом *(фр.)* — роман, в котором за персонажами угадываются реальные личности. Этот жанр пережил бурный всплеск популярности в 1920-е гг.

Поллоком бодрили.

От читательниц постоянно поступали запросы на «пикантных» писателей современности — Элинор Глин, Руби М. Эйрес, Этель М. Делл. «Горяченькое», — хихикала мисс Шоу. В последнее время на библиотеку обрушился прямо-таки шквал: публика требовала новый роман Э. М. Халл «Сыновья шейха», против которого мистер Поллок выступал особенно резко.

Но почему бы не держать в фондах популярные романы наших дней, спорила Гвендолен. Скажите, что плохого в безобидном удовольствии, особенно после стольких пережитых бед? Неужели всем читать Скотта или Смоллетта? Даже Остин для некоторых читателей тяжеловата. Сам мистер Поллок превозносил Аддисона и Карлейля. Ничего хуже этого Гвендолен представить не могла. Продолжение «Шейха» появится в фондах только через мой труп, сказал мистер Поллок, и ковен благодушных седовласых дам обернулся и задумчиво поглядел на него, будто он только что произнес заклинание, аннулирующее остаток его пыльно-серой жизни. Гвендолен не сдержала смешка.

* * *

Когда длительное бдение у одра подходило к концу, Гвендолен пообещала себе: если вернется в библиотеку, то станет с ангельским терпением переносить мистера Поллока. Обет совершенства, который, она знала, обречен на провал. Но ей необязательно было возвращаться. Необязательно классифицировать книги и штамповать контрольные листки. Необязательно штопать чулки и драить кастрюли. Гвендолен наконец-то освободилась от дочернего долга, ведь даже симулянты в итоге умирают. Ветер набрал силу, и она вышла из зоны мертвой зыби.

В библиотеке она, естественно, с подобающей траурной торжественностью принимала от мисс Тейт, мисс Роджерсон и мисс Шоу бурные соболезнования в связи с кончиной матери. Коллеги прислали на похороны небольшой венок с надписью «От твоих друзей из библиотеки», и Гвендолен поблагодарила их: «Маму это тронуло бы». На самом деле мать, скорее всего, заявила бы, что венок слишком маленький, или что она от него чихает, или что он не того цвета. Она безмерно любила фиолетовую гамму — удушающий цвет, если его слишком много вокруг. Гвендолен

была бы рада никогда в жизни больше не видеть ничего лилового и сиреневого.

Она сказала Фробишеру, что взяла отпуск в библиотеке, хотя на самом деле распрощалась с ней насовсем перед поездкой в Лондон. Гвендолен не хотелось, чтобы инспектор счел ее перекати-полем. Она чуяла нутром, что должность библиотекаря вызовет у него больше уважения, чем ее нынешние обстоятельства.

— Мы будем так по вас скучать, мисс Келлинг, — сказала мисс Шоу. Все (кроме мистера Поллока, конечно) нежно чмокнули Гвендолен в щечку на прощание, а он лишь вяло пожал ей руку и пожелал всего хорошего.

* * *

Сегодня в немыслимую рань за ней заехал в «Уоррендер» детектив — старший инспектор Фробишер на машине с полицейским констеблем за рулем: факт, не ускользнувший от миссис Бодли.

Детектив — старший инспектор Фробишер, до чего громоздкое обращение. Гвендолен решила в дальнейшем называть его просто Фробишер, хотя, возможно, лишь про себя. У него было очень серьезное лицо. Он из молчунов — она знавала таких — и, казалось, страдает от ее попыток за-

вести беседу.

Еще только-только пробило восемь, когда он высадил ее у «Уоррендера». Она спросила:

— Так вы теперь домой?

— Домой? — переспросил он с озадаченным видом, будто не понимая значения этого слова. (Но ведь есть же у него дом?) После паузы инспектор ответил: — Нет. Боюсь, зовет долг. Поеду на службу, на Боу-стрит.

— И мне туда явиться с *рапортом*? — Она рассмеялась этому слову, грядущему предприятию. (У нее чуть кружилась голова.) Когда он снова нахмурился — а хмурился он часто, — она добавила: — Не волнуйтесь. Я буду благоразумна, обещаю. Я, увы, славлюсь своим благоразумием.

— Старайтесь не привлекать к себе внимания.

— Я библиотекарша, — успокоила она его. — Мы привыкли скользить по миру незамеченными.

Констебль-шофер открыл дверцу, и Гвендолен взбежала по ступеням «Уоррендера», обернувшись на верхней, чтобы отсалютовать Фробишеру. Как ее переполняли силы! Казалось, с нее сняли тяжкую ношу — так оно и есть, конечно, ведь ее мать умерла. Аллилуйя!

Как успела заметить Гвендолен, миссис Бодли дежурила на посту едва ли не круглые сутки. Вот

и сейчас она с любопытством оглядела уличный наряд постоялицы.

— Ранняя пташка, мисс Келлинг? — полюбопытствовала она, но Гвендолен подозревала, что имелось в виду: «Припозднились, мисс Келлинг?»

— Я, можно сказать, и не ложилась, миссис Бодли, — беспечно ответила Гвендолен. Наградой был вид чопорного лица с поджатыми губами. — Надеюсь, я не пропустила завтрак.

Завтрак, как и все трапезы в «Уоррендере», был основательным. По столовой беспрестанно курсировал большой серебряный кофейник, под тяжестью которого сгибалась тощая юная служанка Вайолет. Бедняжку одинаково страшили и кофейник, и миссис Бодли.

Овсянка, жирный бекон, яичница и кровяная колбаса, а после — тосты с мармеладом. Что ни говори о миссис Бодли, но Бедствующих она точно не держала впроголодь. Гвендолен ела с аппетитом. Какие жизненные силы в ней кипели! Ей ведь еще и тридцати двух не исполнилось, напомнила она себе. Она слишком долго жила в тени войны. А теперь может освободиться от нее. Освобождение Гвендолен, словно осаду сняли. Она знаком попросила еще кофе и обменялась

улыбками с Вайолет. Почти сообщницы, а миссис Бодли — их общий враг.

Сможет ли она сделать то, о чем просил Фробишер? Она понятия не имела, но собиралась проверить. Это будет приключение. Если повезет, отнюдь не благоразумное.

Фробишер прикованный (к письменному столу)

Гвендолен Келлинг застала его вчера на Боустрит совершенно случайно: он сидел, погруженный в раздумья, за письменным столом. Фробишер старался проводить в кабинете как можно меньше времени, предпочитая быть на ногах. Человек в конторе слеп, а человек на улице видит многое, особенно если подозрителен. Самыми счастливыми в карьере Фробишера были дни, когда он молодым констеблем в форме патрулировал улицы, снашивая тяжелые ботинки. Он дежурил в оцеплении на похоронах старой королевы, потом на коронации нового короля и на той, что последовала за ней.

Он успел увидеть Лондон во всем блеске, но после войны столица пришла в упадок. «O tempora! O mores!»[29] — думал он. С наступлением мира все будто обезумели; порой инспектор задавался вопросом, не приближается ли гибель западной цивилизации. Впрочем, о кончине цивилизации

---

[29] Сноски: 29
«О времена! О нравы!» *(лат.)*

толковали, наверное, еще во времена вавилонян или того же Тутанхамона. Склонные к суевериям судачили о проклятии гробницы фараона, которое теперь, после того как ее вскрыли, вырвалось наружу. Распространилось мнение, что теперь проклят весь Лондон. Фробишер отмахивался от подобных глупостей, хотя, конечно, как и все, был в восторге от открытия гробницы. («Дивные вещи!») Он даже подписался на «Нэшнл джиографик» только ради…

Тут в дверь решительно постучали, и…

— Старший инспектор?

— Да. Мисс?..

— Гвендолен. Гвендолен Келлинг. Мне дали ваше имя, — сказала она. — Некий мистер Ингрэм. Ему сказали обратиться к вам в Скотленд-Ярд, но он не смог вас там найти.

— Потому что я здесь, а не там. — Неужели Скотленд-Ярд не смог даже перенаправить этого мистера Ингрэма на Боу-стрит? (Видимо, да, дело обстояло именно так.)

— Что ж, теперь я вас нашла. Перейду сразу к делу, хорошо?

— Пожалуйста. Но сначала присядьте, мисс Келлинг, прошу вас.

— В общем, дело вот в чем, — начала она, усев-

шись напротив. — Я ищу двух девочек, Фреду Мёргатройд и Флоренс Ингрэм. Им по четырнадцать — едва из детства вышли, особенно Флоренс. Она, судя по всему, довольно инфантильна, воспитывалась в монастыре. И боюсь, Фреда уговорила ее сбежать вместе в Лондон.

— А вы их… тетя? — спросил Фробишер и поспешно добавил: — Или сестра? — на случай если слово «тетя» намекало на возраст.

На вид посетительнице чуть за тридцать, прикинул он, вполне подходящие годы для тети. Впрочем, инспектор умел определять возраст лошади вернее, чем возраст женщины. Он до сих пор иногда катался верхом в Эппингском лесу. Он предпочитал лошадь «остину-семерке». Лошадям скоро конец, они уже не вернутся.

— Нет, — ответила она, прервав его блуждающие мысли. — Я подруга Фрединой сестры. У Фреды нет отца, а от матери толку никакого. У Сисси — ее сестры, вернее, сводной сестры — маленькие дети. А у меня нет иждивенцев, я взяла отпуск на работе — в библиотеке — и совершенно свободна. Поэтому вызвалась поехать в Лондон на поиски.

Фробишер с трудом успевал за потоком информации. Эта женщина говорила так стремительно.

Она выглядела полной сил и веселья — по работе он редко сталкивался с такими людьми. От этого ему стало слегка не по себе.

— У вас, случайно, нет фотографий этих девочек? — спросил он.

— Ну конечно! — Она хлопнула себя по лбу.

(Для библиотекарши она была на редкость экспансивна. Почти как итальянка. Раньше слово «библиотекарша» вызывало в мозгу инспектора образ кислой старой девы, далекий от оживленного создания, сидящего сейчас перед ним.)

— Вот я глупая, даже не подумала об этом! — воскликнула она. — Попрошу Сисси прислать утренней почтой фото Фреды. Уверена, она сможет раздобыть и снимок Флоренс. Ее родители в отчаянии, а вот мать Фреды, боюсь, даже рада от нее избавиться.

— Эти девочки способны о себе позаботиться?

— Как я уже сказала, Флоренс довольно инфантильна для своих лет.

— А Фреда?

— К сожалению, в точности наоборот. У меня есть записка, которую Фреда оставила матери, но не думаю, что это сильно поможет. — Она достала из сумочки мятый розовый листок и протянула через стол.

— «Дорогая мама! — зачитал вслух Фробишер. — Я сбежала в Лондон искать...» Мисс Келлинг, что это за слово?

— Удачи.

— «...искать удачи. Я буду танцевать на сцене. В следующий раз я тебе напишу, когда достигну...»

— Славы. У нее ужасный почерк. После «славы» стоит восклицательный знак, — добавила она. — У вас «слава» прозвучало слишком обыденно, господин старший инспектор. Это слово требует искорки.

Фробишер пропустил ее замечание мимо ушей. Он решил, что так безопаснее. Он никогда не умел реагировать на насмешки, даже самые безобидные, особенно от женщины. И понятия не имел, как добавить искорку в слово. Да и вообще во что угодно. Вместо этого он упрямо продолжил читать с розового листка. Тот был пропитан чем-то неприятным.

(«Думаю, гераневыми духами», — сказала мисс Келлинг.)

— «...достигну славы. Не волнуйся за меня. Твоя любящая дочь Фреда».

Записка лучше, чем ничего, рассудил Фробишер. Девушки, которые не пишут записок, выходят в дверь и растворяются в воздухе. А те,

что пишут, оставляют хоть какой-то след. Записка гласит о намерении.

— Искать удачи, — задумчиво пробормотал он, возвращая розовый листок. Можно попробовать отправить констебля по танцевальным школам — туда наверняка стекаются девушки, желающие «искать удачи» на сцене.

В Лондоне, объяснил он мисс Келлинг, танцовщицы — особого рода товар, их производят массово, «наподобие стали или угля, как это ни прискорбно». В околотке Фробишера полно танцевальных школ. Большинству «выпускниц» не светит пробиться в театр и обрести желанную славу. Вместо этого их отправляют танцевать в ночные клубы или за границу, и дальше, как правило, ни слуху ни духу. Некоторые, конечно, оказываются на панели. Или их выбрасывает волной на берега Темзы, или их вылавливают в Уоппинге и Дептфорде. Или у Тауэрского моста. Про этих он мисс Келлинг не сказал.

— А что девушки делают в ночных клубах? — спросила она. — Я из Йорка, у нас, наверное, и нет таких заведений.

— Девушки танцуют с посетителями и получают за это деньги, — объяснил Фробишер. — Их называют «хостессами».

— Звучит почти как…

— Вот именно. Хуже всего клубы Нелли Кокер. Они будто пожирают девушек. «Веселые девицы» миссис Кокер, так их называют. Понимайте как хотите.

И тут Фробишера осенило.

— Послушайте, мисс Келлинг! У меня к вам предложение.

* * *

— Проникнуть в лагерь врага, господин старший инспектор?

— Ну, не знаю, я бы не назвал это именно так. Звучит чересчур драматично. Скорее, «разведать обстановку». Всего на один вечер, мисс Келлинг. В «Аметист», самый большой клуб Нелли Кокер. В ее штаб-квартиру, можно сказать. У меня на Боу-стрит сейчас нет женщин-констеблей. Мне нужен человек, который не покажется в клубе совсем уж белой вороной.

— Совсем уж?

— Побудьте моими глазами и ушами на вечер. Если заметите что-нибудь подозрительное, потом расскажете. И кто знает, вдруг да наткнетесь на кого-нибудь из ваших беглянок.

Она почти не колебалась.

— Что ж, почему бы и нет? С вами?

— Со мной? — Эта мысль его испугала, и он торопливо сказал: — Нет-нет, не со мной. Я устрою вам сопровождающего. Должен предупредить, мисс Келлинг, это притон разврата, там вы можете столкнуться с поведением, которое вас шокирует.

— Инспектор, я всю войну работала санитаркой. Вряд ли на свете осталось что-либо, способное меня шокировать. Мне взять псевдоним, конспиративную кличку?

Он не ожидал от нее такого рвения.

— Не нужно, мисс Келлинг. Но будьте начеку, эти люди мастера соблазнять.

Он помедлил и добавил:

— Если вы не против… Матриарх этой семейки, Нелли Кокер, по прозвищу Пиковая Дама, завтра утром освобождается из тюрьмы Холлоуэй. Не хотите составить мне компанию и поглядеть на зрелище?

— Это будет зрелищно?

— Почти наверняка.

— Отлично. Я люблю зрелища, в последнее время их не хватало. А теперь мне пора. Я и так уже отняла у вас много времени. Хочу пройтись по магазинам и посмотреть достопримечательности.

— Достопримечательности? У вас есть Бартоломью? Он вам понадобится. И еще… — Его вдруг осенило. — Мисс Келлинг, вам нужно вечернее платье для «Аметиста». У вас с собой есть такое?

— Разумеется, господин старший инспектор.

— Можно просто «инспектор», мисс Келлинг.

Он вообразил, как она зовет его Джоном. Эта мысль так его отвлекла, что он резко встал и сказал:

— Тогда я все устрою. Пришлю весточку в?..

— «Уоррендер». В Найтсбридже. Жду с нетерпением, господин инспектор.

Ночные пташки

— Где мама? — спросила Ширли, подсаживаясь за стол к Бетти и Китти.

— Откуда мне знать, — ответила Бетти. — Разве я сторож матери своей?

Пес Нивена повел ушами, но тревога оказалась ложной. Все его мысли всегда были сосредоточены на Нивене.

На Ганновер-террас не было расписания поездов, чтобы держать семью в колее; бесцельные дни просто текли своим чередом. Одна лишь Эдит двигалась целенаправленно, хотя сегодняшний день был исключением. Дети вставали когда вздумается — ближе к полудню или даже после полудня — и утоляли голод. Каждый из них представлял себе завтрак по-своему. Ширли, к примеру, разглядывала вареные яйца, только что принесенные кухаркой, а Бетти сражалась с каким-то салатом в желе. («Вроде бы с креветками, но не разберешь толком».) Салаты кухарке не давались; этому, судя по виду, место было скорее в аквариуме.

— Мама ушла, я слышала, — сказала перема-

занная джемом Китти.

Она устроилась на подоконном сиденье и развлекалась чтением вслух светских сплетен из газет. Недавно ее исключили из пансиона (за поджог, который она рьяно отрицала), и никто не знал, что с ней делать, поэтому Нелли поручила ей выискивать в газетах полезные крохи информации, — например, что леди Мельхиор отбыла из Дурбана на «Виндзорском замке» и держит путь в Саутгемптон. И тогда метрдотель в одном из клубов сможет шепнуть: «С возвращением из Южной Африки, леди Мельхиор, рады снова вас видеть» — и подать бутылку шампанского, вроде бы бесплатную, но на деле незаметно приписанную к счету в конце вечера. В мире Нелли ничто не доставалось даром, даже любовь. Может быть, любовь — особенно.

Непривычно припозднившаяся Эдит, мутная спросонья, присоединилась к сестрам и пожаловалась:

— Что-то мне нехорошо.

— Да, на тебе и правда лица нет, — заметила Бетти с сочувствием (откуда что взялось). Порой она сама себе удивлялась. Бетти была очень жестка, но временами склонна к слезливой сентиментальности — сочетание, которое роднило

ее с матерью и многими тиранами, жившими как до нее, так и после.

Зевающий Рамзи добрел до стола и пробурчал не то приветствие, не то ругательство. Дети Кокер редко утруждали себя хорошими манерами в общении друг с другом.

Бледная как полотно Эдит взяла с подставки ломтик тоста, но тут же отложила в сторону, будто он кишел пауками.

— Выпей рому, — предложила Ширли. — Мне всегда помогает.

Эдит содрогнулась от одной мысли.

— Попробуй гоголь-моголь, — не унималась Ширли. Эдит чуть не стошнило.

— С мамой все в порядке? — спросила Бетти, ни к кому конкретно не обращаясь. — Не заболела, ничего?

— Заболела? — переспросила Эдит. — С чего ты взяла?

— Не знаю. Она просто сама на себя не похожа.

— Думаю, в тюрьме у нее было слишком много времени на раздумья, — заметила Ширли.

Ни у Бетти, ни у Ширли особо не было времени на раздумья. «Жизнь ума» казалась им пустой тратой и жизни, и ума, несмотря на Кембридж. А может, как раз из-за него.

— «В котором часу начинается ночная жизнь? В Букингемском дворце, по слухам, считают, что в девять; в Мейда-Вейл предпочитают „вечерять долго и со вкусом“ и стоят за половину восьмого; в Мэйфере (мистер Майкл Арлен поправит меня, если я не прав) — за половину девятого; Южный Кенсингтон усаживается вокруг добротного стола красного дерева на четверть часа раньше; а Уимблдон желает, чтобы фикус убрали и купленную в рассрочку радиолу начали осваивать ровно в восемь».

— Ой, заткнись уже, — оборвала сестру Бетти.

— Что это за чушь? — спросила Ширли.

— Вивиан Куинн, из колонки светских сплетен, — устало ответил Рамзи.

— А Китти не может почитать «Детей Нового леса» или что-нибудь в этом роде? — раздраженно предложила Эдит.

Китти мечтала, чтоб и о ней когда-нибудь написали в газетах. «Светскую львицу — младшую дочь миссис Кокер, достойной обитательницы Вест-Энда, владелицы клубов, — видели вчера вечером в галерее Графтон…» и все такое. Остальные Кокеры презирали так называемых журналистов, что строчили эти светские колонки. «Писаки с Флит-стрит», — пренебрежительно

говорила Эдит. Патрик Бэлфур, Хорас Уиндем, Вивиан Куинн, конечно же, зловредные мужчины определенного типа, язвительные, снобы и, как выражалась Нелли, «втихомолку экстравагантные». «Оксюморон», — заметила Бетти. «И он тоже», — согласилась Нелли.

Несмотря на инстинктивное недоверие к колонкам светских сплетен, Нелли признавала ценность рекламы в таких изданиях, как «Экспресс» и «Скетч», или в разделе «Светские хроники» в «Ивнинг стэндард». Читатели этих газет обожают истории о знаменитостях, и, если те же знаменитости мелькают в «Аметисте» или другом клубе Нелли, тем лучше. Клубы прожорливы и требуют постоянной подпитки. Хлеб с маслом в этом бизнесе приносят не Таллулы Бэнкхед[30] мира сего, а парочки, что приезжают в город из Пиннера по «Столичной» линии метро на вечер в поисках веселья.

После возвращения Рамзи из Швейцарии обязанность окучивать светских хроникеров возложили на него, хоть он и протестовал. Сейчас он очень медленно мазал тост маслом, будто оття-

---

[30] Сноски: 30

Таллула Бэнкхед (1902–1968) — знаменитая американская актриса театра и кино, подруга Зельды Фицджеральд; в 1920-е гг. выступала в лондонских театрах.

гивая момент, когда придется откусить. Сегодня утром Рамзи тоже чувствовал себя не лучшим образом (перебрал дури накануне), но не желал навлекать на себя гнев Эдит, объявив об этом. Эдит любила поругаться. Он вздохнул так, что она угрожающе вскинула бровь.

— Ты тоже болен? — резко спросила она, готовая к баталии.

— Вовсе нет, — ответил он, откусил огромный кусок тоста, чтобы доказать свое здравие, и чуть не подавился. Порой Рамзи казалось, что вся его жизнь — одна долгая борьба за подлинность. (Он был склонен к мелодраме.) Видимо, он невольно произнес это вслух, потому что Ширли ошарашила его репликой:

— О, милый, дорогой Рамзи, конечно же, ты подлинный! (Насколько она добрее всех остальных Кокеров!) Ты страдаешь, потому что ты творческая натура. Художник обязан страдать, только так он доберется до сути вещей.

В Альпах ему нечего было делать, кроме как лежать на веранде. Он пялился на швейцарский снег, девственно-белый и слепяще-яркий, как чистый лист бумаги, и наконец начал думать, что сходит с ума. Никто не навещал его, хотя это на самом деле не удивляло. Мать запросто могла бы

приехать на «Восточном экспрессе» до Цюриха, но утверждала, что слишком занята. С каждым новым ребенком интерес Нелли угасал, так что последыши — Рамзи и Китти — были совершенно заброшены.

Рамзи умолял Нелли прислать ему что-нибудь почитать, но откликнулся Нивен: он слал книги ящиками, все подряд, от «Мабиногиона»[31] до Вирджинии Вулф. Когда несколько месяцев назад Рамзи ступил на английский берег, его мозг был так загажен словами, что горел неодолимой потребностью извергнуть их. Роман, решил Рамзи, я напишу роман! (Великий, естественно.) Увы, сам процесс воплощения чего бы то ни было на бумаге (девственно-белой и слепяще-яркой, совсем как швейцарский снег) оказался не таким простым, как виделось со стороны.

Ширли и Бетти подарили брату на недавнее двадцатиоднолетие маленькую портативную пишущую машинку «Ремингтон». («Машинка для путешественника» — неправда, Рамзи вовсе не путешествовал, если не считать Швейцарию, а он ее не считал.) О чем писать?

— Разве не говорят «пиши о том, что знаешь»? —

---

[31] Сноски: 31

«Мабиногион» — сборник валлийских легенд. Составлен в XII–XIII вв.

сказала Бетти. — Но ты ведь ничего не знаешь, правда?

— Ну спасибо.

Если он станет писать о том, что знает, выйдет тощий романчик про пациента швейцарского санатория в тисках безнадежности и экзистенциального ужаса. Кому, черт возьми, захочется такое читать? Он сам точно не стал бы.

— Это очень просто, — посоветовала Ширли. — Записывай предложение за предложением, и вуаля — роман готов.

Было бы проще, будь у него заглавие. Удачное заглавие — а дальше само пойдет. Может ли человек быть писателем, если он пока ничего не написал? Художником, если не создал ни одной картины?

— Конечно может, — сказала Ширли. — У тебя *душа* художника, тебе необязательно что-то *делать*. — Эдит презрительно фыркнула, но Ширли невозмутимо продолжала: — Слушай, Рам, как тебе идейка? Мы с тобой могли бы сбежать вместе — на Ривьеру или в Париж — и жить в какой-нибудь мансарде, как положено, и я буду писать картины маслом по холсту, а ты — стро-

чить великий *roman du jour*[32], ну, знаешь, вроде «Зеленой шляпки».

Опять эта чертова книжонка, подумал Рамзи. Ему осточертело о ней слышать. Написать провокационный, но, в сущности, скучноватый современный роман может любой дурак.

— Ты бы точно смог! — без тени иронии сказала Ширли.

Рамзи не знал, что Ширли пишет картины.

— Не пишу, — беспечно ответила она, — но уверена, что смогла бы.

* * *

Со своего места у окна Китти хорошо видела мужчину, который стоял в частном садике, отделяющем Ганновер-террас от улицы. Мужчина пристально смотрел на их дом, будто чего-то ждал. Смуглый, выглядит как иностранец. Он курил сигарету с нахальным видом человека, которому плевать, видят его или нет. На нем были двухцветные штиблеты, про которые Китти знала, что их называют «туфлями соответчика», хотя понятия не имела почему, а спрашивать было бесполезно: никто не отвечал.

---

[32] Сноски: 32
Роман дня *(фр.)*; популярный роман.

Присутствие Китти не смущало незнакомца — казалось, напротив, забавляло. Она, как истинная Кокер, вопросительно вскинула бровь, и мужчина коснулся шляпы легким приветственным жестом и неспешно удалился. Китти задумчиво жевала кусок поджаренного хлеба. Она ничего никому не сказала. Незнакомец был слишком интересен, и она не хотела его ни с кем делить.

* * *

Вошел Нивен с почтой, которую все поленились забрать с коврика у двери, и раскидал конверты по столу в сторону адресатов. Налил себе чашку кофе и пил стоя, не сняв пальто, — роскошный твидовый ольстер от Хантсмана. С бобровым воротником, в пышный длинный ворс которого Китти вдруг нестерпимо захотелось запустить пальцы; она протянула руку, но Нивен отмахнулся от нее, как от мухи. Воротник напомнил ей Моппета, их кота с Грейт-Перси-стрит. Его в прошлом году задавила телега мусорщика, и Китти думала о том, что из шкуры можно было бы набить чучело или изготовить воротник, и жалела, что этого не сделали. Можно было бы даже мумифицировать его, как египетскую кошку, что украшает бар в клубе «Сфинкс». Ей не

разрешали посещать «Сфинкс» — самый разнузданный из кокеровских клубов, — но это ее не останавливало.

— Мама дезертировала, — сообщила Нивену Ширли, безжалостно обезглавливая второе вареное яйцо. — Самовольная отлучка.

— Значит, ее поставят к стенке, — сказал он. — Такая положена кара.

— Бедная мама, — рассмеялась Бетти.

— Что там? — спросила Китти, обвиваясь вокруг шеи Рамзи, как удав, пока тот вскрывал адресованный ему конверт.

— Отстань, ты меня душишь.

Она прочла вслух:

— «Приглашаем на веселье. Достопочтенная Памела Бероун просит Вас пожаловать на „Детский праздник“».

— Это еще что за хрень? — спросила Ширли. — Надо с собой ребенка приводить? Кошмар какой-то.

— Она из этих, золотой молодежи, — мрачно сказал Рамзи, отцепляя от себя Китти. — Положила на меня глаз, — добавил он. — Бог знает почему.

— Я знаю Памелу, — сказала Бетти. — Она ни капельки не золотая.

Все Кокеры презирали так называемую золотую молодежь.

— Она даже не такая уж и молодая, — заметила Ширли.

— Вообще никакая, значит, — сказала Бетти.

Они захихикали, довольные собой. Как обычно.

— Ты пойдешь? — спросила Китти.

— Может быть. Вдруг случится что-нибудь интересное.

— О чем можно будет написать, — подбодрила Ширли.

— Мама захочет, чтобы ты засветился, — сказала Бетти. — Лишний раз помахал флагом «Аметиста».

— У нас есть флаг? — спросила Китти.

— Наверняка там будет твой дружок Вивиан Куинн, — сказала Бетти.

— Он мне не дружок, — возразил Рамзи. — Его колонка — идиотизм. Он сам идиот.

— Вивиан Куинн? — оживилась Китти. — А я и не знала, что он твой друг.

— Он мне не друг, — повторил Рамзи. — Почему все так думают? Мы просто знакомы, вот и все. Он мне даже не нравится.

— Ты же постоянно с ним видишься, — заме-

тила Бетти.

— Я и с тобой постоянно вижусь, но это не значит, что ты мой друг.

— Говорят, он пишет *roman à clef*, — невозмутимо продолжала Бетти, не обидевшись на колкость. — Интересно, Рамзи, тебя он тоже туда вставит?

Она засмеялась и тут же спросила:

— Эдит, тебе нехорошо? У тебя такой вид, будто тебя сейчас вывернет.

Эдит и впрямь позеленела, но мужественно оставалась за столом.

— С какой стати? — ответил Рамзи. — Если Куинн меня туда вставит, я его закажу.

— Кому же ты его закажешь? — спросила Китти.

— Нивену, конечно, — сказала Ширли.

— Я за тебя не буду руки пачкать, — ответил Нивен. — Я уже наубивался.

— Правда? Ты убивал людей? — спросила Китти. Брат представился ей в новом, интригующем свете.

— А ты думала, что делают на войне? Идиотка.

Бетти переключилась с салата на персик, методично очищая его серебряным складным ножичком, на котором были выгравированы

ее инициалы, — подарок от поклонника. Нелли неоднозначно отнеслась к такому подарку: конечно, полезнее цветов, но зачем дарить женщине нож? Это почти приглашение к поножовщине, рассудила она. У Чехова было ружье, у Бетти — нож. В ее сюжете осторожность, похоже, необходима.

— Я тебя вчера видела, — обвиняюще сказала Бетти Нивену.

Нивен так и не сел, не снял пальто. Он всегда либо приходил, либо уходил, и домашние терялись, когда он застревал между двумя состояниями, вот как сейчас.

— Возле Сент-Джеймс-стрит, — не унималась Бетти. — Ты остановил машину у этих новых штук, «светофоров», и с тобой в машине была женщина.

— Кто она? — спросила Ширли.

— Никто, — ответил Нивен.

— Ну должна же она быть кем-то. Ты ее катал?

Бетти заржала (совершенно неподобающе для девушки из хорошей семьи):

— Ах, это теперь так называется?

— Правда катал, Нивен? — с похвальной невинностью спросила Китти.

Он проигнорировал вопрос.

— Ты опять уходишь? — поинтересовалась Бетти. Этот вопрос он тоже проигнорировал. — Подбросишь нас? Мы с Ширли едем в «Селфридж».

— Можно мне тоже с вами? — спросила Китти.

— Нет.

У Нивена была, по общему мнению, лучшая машина — «испано-сюиза», такая роскошная, что прохожие останавливались на улице, благоговейно любуясь ее красотой. («Божественно», — тянула Китти, и руки ее порхали в неизъяснимом жесте. Она вечно подражала какой-нибудь кинозвезде или знаменитости. Склонна была творить себе кумиров.)

— Нивен, ну так что, подбросишь нас? — повторила Бетти.

Уже оголенный персик у нее на тарелке представлял собой идеальный спелый шар — он мог бы выступить дублером одного из золотых яблок, что сбили с шага Аталанту.

Вместо ответа Нивен взял персик и смачно откусил. Возмущенная Бетти подскочила ошпаренной кошкой, вопя, что он поганый ублюдок, и желая ему сдохнуть. Эдит сказала:

— Тут ребенок! — («Где?» — спросила Китти.) И добавила: — Бетти, положи нож.

Нивен щелкнул пальцами, подзывая Сторожа,

и оба быстро убрались, пока никто не втерся пассажиром в «испано-сюизу».

Остальные рассеялись так же плавно и инстинктивно, как стая ворон, которая вмиг разлетается кто куда. Эдит отправилась «полежать» к себе, но добралась только до уборной на первом этаже, и там ее во всеуслышание стошнило.

— Что бы это ни было, надеюсь, оно не заразно, — сказала Бетти.

— Она вчера хлестала джин, — заметила Ширли.

— Не стоило бы ей пить, она градус не держит.

Бетти с Ширли втиснулись в крохотный «санбим» Бетти, а Рамзи, воодушевленный верой Ширли в него, ушел к себе — обдумывать роман. Писателям надо много думать; в сущности, едва ли не больше думать, чем писать.

Покинутая всеми Китти вернулась на подоконник и прикончила такой же покинутый персик. Китти надеялась, что загадочный мужчина вернется на свой пост, но сад пустовал. Тогда Китти наполнила для себя ванну и вывернула туда целую банку ароматических солей «Русалка», спертую у Бетти. После купания Китти, чувствуя себя изрядно сморщенной, попросила кухарку

сделать ей *chocolat chaud*[33] («Шо?» — переспросила недовольная кухарка), а потом стащила из кладовки несколько толстых ломтей ветчины и ела, пока ее чуть не стошнило, почти как Эдит.

* * *

Вернувшись наконец домой на Ганновер-террас после загадочной сцены в парке, Нелли застала Китти врасплох, внезапно возникнув у стеклянных дверей в гостиную. Двери были заперты, и Китти впустила мать, хоть у нее в голове и мелькнула мысль — не впускать.

— Тебе разве не пора спать? — спросила Нелли.

— Я только встала, — резонно ответила Китти.

---

[33] Сноски: 33
Горячий шоколад *(фр.)*.

Дарданеллы

Нивен занял привычное место в парикмахерском кресле, и его укутал горячим влажным полотенцем угрюмый мужчина по имени Эмин, который, казалось, держал на своих плечах всю тяжесть Османской империи. Он был свиреп и с размахом орудовал опасной бритвой. Эмин с Нивеном безмолвно соглашались по многим вопросам, особенно по поводу Черчилля и катастрофической глупости Галлиполи, но все равно Нивен не высказывал свои мысли на эту тему: никто не хочет обсуждать политику с человеком, держащим у твоего горла открытое лезвие.

Эмин по-турецки означает «заслуживающий доверия», не раз говорил парикмахер Нивену, будто нуждаясь в подтверждении своей честности. Нивен же, напротив, предпочитал прятать свои добродетели подальше от посторонних глаз. Например, женщина, которую Бетти вчера заметила в его машине возле Сент-Джеймс-стрит, и впрямь существовала, но вовсе не такая, какую вообразила Бетти. Бетти была одновременно и дальнозорка, и близорука — это надо еще умуд-

риться («слепа как летучая мышь», по словам Нелли). Надень она очки, возможно, признала бы в женщине одну из уборщиц «Аметиста». (А может, и нет. Бетти была не из тех, кто обращает внимание на уборщиц.)

Уборщица свалилась с лестницы в клубе и сломала лодыжку, и Нивен вынес ее, весьма дородную, на руках из подвала наверх, а потом отвез в больницу Святого Фомы. Там он отсчитал пять фунтовых банкнот из бумажника и отдал уборщице, зная, что Нелли уволит ее, когда узнает. В «Аметисте» не терпели отсутствия на рабочем месте, независимо от причины. При таком раскладе, говорила Нелли, работники всегда бодры и веселы. «*Pour encourager les autres*[34], и все такое». Нивену не помешало бы присутствие матери рядом в окопах во время войны. В мирное время — другое дело.

– *Эфенди?*[35]

— Ничего, Эмин. Продолжай.

— Я вчера говорил с одним человеком, — как

---

[34] Сноски: 34

«Чтобы взбодрить других» *(фр.)*. Полностью эта цитата из повести Вольтера «Кандид» (1759) звучит так: «…в нашей стране полезно время от времени убивать какого-нибудь адмирала, чтобы взбодрить других» (перев. Ф. Сологуба).

[35] Сноски: 35

Господин *(турецк.)*, вежливое обращение к мужчине.

бы между делом сказал Эмин.

— Да?

За день Эмин успевал перевидать много людей. И много всякого услышать. Человек в парикмахерском кресле, закутанный в кокон, часто выбалтывает секреты. Нивен терпеливо ждал продолжения.

— Некий Аццопарди. Сидел вот здесь, на этом самом месте, где вы сейчас.

— Турок?

— Мальтиец. Дурной человек. Вы его знаете?

— Никогда не слышал.

Эмин плеснул ему на лицо одеколону.

— И что же мне следует о нем знать? — подтолкнул Нивен, когда турок замолчал.

— Он приглашает вашу мать завтра на встречу. На послеобеденный чай.

Нивен расхохотался, словно взлаял:

— На послеобеденный чай? Действительно, ужасный злодей.

— Ей стоит держать ухо востро, *эфенди*.

— Моя мать и без того — одно большое ухо.

Нивен щелкнул пальцами, и Сторож сделал стойку. С Эмином расплатились и дали на чай. Значит, Аццопарди пустил машину в ход, подумал Нивен. Ему что-то нужно от Нелли, но что

именно — неясно.

* * *

Неделю назад, когда Нелли еще чалилась в тюрьме Холлоуэй, Аццопарди подкрался к Нивену на собачьих бегах и представился. Сначала в порядке прелюдии долго мурлыкал ему на ухо что-то лестное, чего Нивен не любил, и наконец перешел к делу.

Аццопарди был крупный мужчина, комплекцией напоминающий моржа-самца, с манерными ужимками и елейной речью, похожий скорей на сценического злодея, чем на реальную угрозу. Нивен не удивился бы, узнав, что Аццопарди родом не с Мальты, а из Рамсгита или Саутенда, а весь этот театральный образ — для пущего эффекта. Клоун, заключил Нивен. Аццопарди на удивление бегло говорил по-английски. По его словам, на путь преступности он встал еще в детстве, украв козу. А теперь, как подозревал Нивен, Аццопарди нацелился украсть целую империю. Империю Нелли.

— Не кража, — возразил Аццопарди. — Компенсация.

— Компенсация? За что?

Собак выпустили из клеток.

Аццопарди предложил сигару. Нивен отказался, и они молча смотрели, как собака Нивена пришла первой.

— Ваша? — спросил Аццопарди.

— Нет, — сказал Нивен. Он чувствовал, что этот человек не любит собак, и не хотел признаваться в собаковладении. Сторожа загодя отправили домой: он недолюбливал собачьи бега.

— Не моя, — солгал Нивен. Ложь давалась ему легко — он считал ее способом защитить правду.

Нелли уже стареет, сказал Аццопарди. Сдает. Разве не пора ей уйти на покой и пожинать плоды трудов своих?

— Ей едва за пятьдесят, — ухмыльнулся Нивен самонадеянности собеседника, — и, если вы позаритесь на ее клубы, она вас с лестницы спустит.

— Вы законный наследник матери.

Нивен рассмеялся:

— Вы, видимо, путаете меня с Эдит. И поверьте, нам еще долго ждать наследства.

Нивен — прагматик, сказал Аццопарди, он видит, куда ветер дует. Нелли больше не голодна.

— А сегодня, мистер Кокер, мир принадлежит тем, кто голоден до перемен. До новых идей. Победитель получает всё.

— Вы рассуждаете как анархист, — сказал Ни-

вен. — Или итальянский фашист.

— Нет, мистер Кокер. Я рассуждаю как бизнесмен.

Достопримечательности Лондона

— Мисс Келлинг, вам нужно вечернее платье для «Аметиста». У вас с собой есть такое? — спросил Фробишер, с сомнением оглядев ее старое пальто и поношенные туфли.

— Разумеется, господин старший инспектор.

Лучше держаться уверенно и т. п. Единственным вечерним туалетом, который Гвендолен привезла с собой, был древний бархатный наряд, вероятно более уместный в пасторском доме на чаепитии, чем в лондонском ночном клубе, хотя она не бывала ни там ни там. Явно, требовалось что-то более гламурное, более *à la mode*[36]. Осмотр достопримечательностей, о котором она сказала Фробишеру, может подождать. Встречай меня, магазин «Либерти», подумала она.

— Опять уходите, мисс Келлинг? — спросила миссис Бодли, когда Гвендолен мелькнула перед ее зорким оком.

Гвендолен подумала, не назвать ли какое-нибудь почтенное учреждение — Британский музей или Национальную галерею, — но вместо этого

---

[36] Сноски: 36
По моде *(фр.)*.

предпочла еще сильнее взъерошить накрахмаленные перышки миссис Бодли и весело сказала:

— В «Либерти» на Риджент-стрит, миссис Бодли. Мне нужно свершить большое дело — обновить свой гардероб.

Миссис Бодли наградила это легкомыслие едва заметной гримаской неодобрения.

«Ну и пусть, — подумала Гвендолен. — Хватит с меня добродетели».

* * *

В Йорке, откуда Гвендолен уехала два дня назад, нарциссы еще мешкали на склонах валов, окруживших старый город, но здесь, на улицах и в парках столицы, давно отцвели. Гвендолен не была в Лондоне со дня похорон Неизвестного солдата, когда они с матерью стояли в скорбной толпе, выстроившейся по пути к Вестминстерскому аббатству. Как и многие другие, мать с дочерью были закованы в суровую броню горя. Скорбящие рыдали беззвучно, толпа лишь шелестела, будто огромная стая черных птиц неслышно опустилась на Лондон. Тогда город весь окутался траурным покровом, как саваном, и нынешний новый вид его, нарядного по весне, глубоко потряс Гвендолен.

Но и взбодрил тоже, и она размахивала руками, шагая через Гайд-парк. «Петух Севера», полковой марш Гордонских хайлендеров[37], незваным гостем прокрался ей в голову и отказывался уходить. Она предпочла бы бодрого Моцарта — кларнет или валторну, но воинственная музыка несла ее вперед.

Когда-то у нее случился приятный, недолгий роман с офицером Гордонских хайлендеров. Небольшой чинный флирт, не более. (Возможности для большего не представилось, с сожалением вспомнила она.) Офицер прошел через ее руки, буквально, в полевом госпитале в Вимерё — шрапнель в ногу, не слишком серьезно, — и был эвакуирован обратно в Англию. Когда он вернулся на фронт, она искала его имя в ежедневных сводках, но оно так и не появилось в списках погибших. Он ей не писал, впрочем, как и она ему.

Все, кто работал рядом с ней в госпиталях во Франции, неутомимо писали письма и решительно вели дневники, но Гвендолен не чувствовала тяги к хроникам, не испытывала потребности

[37] Сноски: 37

Гордонские хайлендеры, Гордонские горцы (The Gordon Highlanders) — пехотный полк Британской армии, существовавший в 1881–1994 гг. и названный в честь шотландского клана Гордон. В его рядах служили выходцы из Абердина и северо-восточной Шотландии.

в *aide-mémoire*[38]. Жизнь нужно впитывать, а не записывать. В конечном итоге все это просто бумага, и ее кому-то придется выбрасывать, когда тебя не станет. Может, наше подлинное предназначение в этом мире — быть забытыми, а не оставить о себе память.

— Какая вы практичная, мисс Келлинг, — говорил мистер Поллок.

— Какая жестокая, — говорила мать.

Гвендолен задалась вопросом, является ли ее жестокость желательным качеством, с точки зрения Фробишера. Или он из тех мужчин, что видят в женщинах хрупкие цветы, требующие заботы и защиты? Он все время вздыхает, часто и скорбно, словно недовольный пес, и все же жаль, что не он составит ей компанию в субботу вечером. «Я буду танцевать на сцене», — смущенно прочел он с надушенного листка, и Гвендолен еле сдержала смех.

Она сделала небольшой крюк, чтобы осмотреть новый мемориал Королевской артиллерии на Гайд-парк-корнер, — больше из любопытства, чем из желания поклониться погибшим. Она не любила мемориалы. В них не было правды

---

[38] Сноски: 38
Памятная записка *(фр.)*.

поля боя — грязи, комьев окровавленной плоти, разбросанных конечностей без тел и тел без рук и ног. Воплощение страданий в холодном камне не могло передать ужаса. В Йорке мать настояла на том, чтобы присутствовать на открытии герцогом Йоркским городского мемориала павшим на войне — чрезвычайно спорного проекта. Гвендолен, как многие, считала, что лучше было бы сделать что-нибудь для живых йоркширцев — родильный дом или парк, вроде того, что компания «Раунтри» выстроила на свои средства в память о погибших работниках шоколадного цеха. На йоркском мемориале было высечено: «Имя их живет во веки веков». Еще одна ложь. Кто теперь помнит Дикки?

С матерью говорить о таких вещах было бесполезно. Ее интересовала не сама война, а лишь последствия собственного вдовства.

В Йорке на Данком-плейс, возле Королевского театра, стоял красивый неоготический памятник Англо-бурской войне. Гвендолен часто ходила мимо. Каким же далеким прошлым казалась теперь Англо-бурская война — материал скучных учебников истории, засохший жук на булавке по сравнению с кровавым, злобным Левиафаном ее собственной войны. (Гвендолен относилась к

войне собственнически, та все изменила.) Невозможно поверить, что когда-нибудь и эта война станет забытым прошлым, увековеченным лишь в равнодушном камне.

По крайней мере, подумала Гвендолен, создателям нового мемориала Королевской артиллерии хватило духу показать мертвого солдата. Хотя бы за это она отдавала памятнику дань уважения. Гвендолен отказывалась поклоняться мертвым в этих святилищах, но сердце дрогнуло при виде увядшего букетика, возложенного к подножию монумента. Поблекшая записка гласила просто: «Папочке». Что за злой, злой мир, допустивший такую войну.

* * *

Цель манила Гвендолен, и «Петуха Севера» наконец-то удалось вытеснить из головы. Гвендолен на миг замерла на тротуаре, любуясь великолепным фасадом нового здания «Либерти» в тюдоровском стиле, а потом затрепетала от безмолвного наслаждения, когда спросила у швейцара: «Дамское платье?» — и тот молча указал в сторону лифта. Он что, немой? — удивилась она. Не очень-то удобно для швейцара. Ей доводилось видеть мужчин, которым выжгло

горло отравляющими газами.

Она проигнорировала лифт и взлетела по великолепной лестнице. Война повержена. Здесь царит красота.

* * *

Гвендолен уже начинала жалеть, что не купила хотя бы один приличный наряд перед отъездом в Лондон. Ведь нельзя сказать, чтобы в Йорке не было магазинов одежды. Гвендолен устыдилась, думая о том, какой жалкой провинциалкой, должно быть, выглядит в глазах продавщицы «Либерти»: та ринулась к ней, словно ястреб, завидевший добычу.

Продавщица слишком хорошо знала воровок и понимала, что те рыщут по торговому залу в приличной одежде, чтобы смешаться с покупательницами почище, основной здешней клиентурой. Гвендолен чуяла, что продавщица прикидывает: дама, одетая столь убого, должно быть, поймала себе нового мужа или внезапно разбогатела, а вовсе не собирается стащить что-нибудь из магазина.

— Конечно, — сказала наконец продавщица, — давайте посмотрим, чем я могу вам помочь. Мадам ищет что-то конкретное?

— Ну, — ответила Гвендолен, — кажется, я ищу всё.

Какой подарок магазину!

Откуда же взялось это внезапное богатство, спросите вы. Через несколько дней после похорон матери Гвендолен навестила семейного поверенного, некоего мистера Дженкинсона, в его конторе на Стоунгейт, напротив прежнего здания проволочного завода, — теперь там торговали шерстью.

— Прямо мечи на орала, — сказала мистеру Дженкинсону Гвендолен.

Тот радушно приветствовал ее, предложив чаю «или рюмочку портвейна?» Она отказалась от того и другого.

Как она и подозревала, дело свелось к нескольким подписям и нескольким бумажкам. Никаких скрытых тайн, никаких волшебных неразменных монет. Гвендолен не удержалась и посетовала на потерю (кражу!) всего, что такими трудами нажил ее отец, и мистер Дженкинсон сказал:

— Что ж, мисс Келлинг, возможно, сейчас самое время получить доступ к трасту.

Трасту?

— Трасту, который учредил ваш отец. Меня всегда интересовало, почему вы так долго не

трогали его.

Трасту? *Приготовься удивиться!*

Он объяснил терпеливо, будто ребенку. Ее отец основал дискреционный траст для своих детей. После смерти отца каждый из них должен был получить равную долю по достижении двадцати одного года. Пять тысяч фунтов.

Пять тысяч фунтов?

— Каждому.

Каждому?

Он нахмурился:

— Вы правда не знали? Ваша матушка не сказала? Я писал вам об этом.

Мать знала? Она украла (другого слова не подберешь) письма, адресованные Гвендолен?

— Естественно. Она не могла распоряжаться этими деньгами, но знала об их существовании. И конечно же, — продолжал поверенный, — согласно условиям траста, в случае смерти одного из детей деньги делятся между остальными. Гарри и Дикки умерли задолго до своего двадцатиоднолетия (мои искренние соболезнования, кстати, мисс Келлинг), так что их доли остались нетронутыми. Когда погиб Гарри, его долю унаследовали вы и Дикки, а когда погиб Дикки, вы унаследовали и его долю. Так что всего у вас пятнадцать тысяч

фунтов.

Пятнадцать тысяч фунтов?

— Ваш отец зарабатывал большие деньги, пока был жив.

Пятнадцать тысяч фунтов? Мать знала, что где-то в банке лежат пятнадцать тысяч фунтов — нет, не «где-то», а на депозитном счету в Йоркширском Пенни-Банке на Кони-стрит, если точно. Неужели отец был провидцем? Знал, что жене-дуре нельзя доверить и ломаный грош, не то что все состояние?

— Удивительно, почему ваша матушка ничего не сказала, — сказал мистер Дженкинсон.

— Да, удивительно, — согласилась Гвендолен, хотя на самом деле знала почему.

Гвендолен с деньгами стала бы независима. Гвендолен с деньгами могла бы бросить мать — несмотря на обещание отцу — и начать жить по собственному разумению. Гвендолен с деньгами не была бы прикована к матери узами бедности. Гвендолен с деньгами была бы свободна. Мать предпочла прозябать в убогой нищете, лишь бы не потерять рабыню-приживалку.

— А дом, что, если я продам дом?

— Думаю, вы выручите самое меньшее три тысячи фунтов. Это прекрасный дом.

— И в банке пятнадцать тысяч фунтов? — (На соседней улице!) — Вы уверены?

— Плюс набежавшие проценты, разумеется.

— Если вы не возражаете, мистер Дженкинсон, пожалуй, я все-таки выпью тот портвейн.

* * *

Гвендолен отпраздновала как следует: прошла пешком до ресторана «У Терри» на площади Святой Елены и пообедала там в гордом одиночестве. Она устроила пиршество: суп из бычьих хвостов, курица в белом соусе и трайфл, пропитанный хересом. Она теперь обеспеченная женщина. От богатства к лохмотьям и снова к богатству. Она так сильно радовалась, что почти стыдилась этого.

Она не хотела быть ни скупой, ни расточительной, но ей хотелось заставить деньги работать. Реинвестировать во что-то надежное или, может, в производство, только чего-нибудь другого, не проволоки. Или открыть магазинчик. В Лондоне она проходила мимо нескольких заведений, принадлежащих женщинам. Шляпный салон «У Одри», ателье мод «У Барбары», цветочный «У Джин». Можно открыть «У Гвендолен», подумала она, в Йорке или Харрогите; впрочем, она, хоть

убей, не могла придумать, чем бы хотела торговать. Одно можно сказать точно — ее заведение не будет унылым. Время уныния прошло.

* * *

Гвендолен вышла из «Либерти» и влилась в толпу, снующую между магазинами. В отделе дамской моды она обзавелась прекрасным новым гардеробом, но пока еще была одета в прежний костюм библиотекарши: твид и шерсть. В магазине обещали упаковать ее покупки и доставить в «Уоррендер» сегодня же, так что Гвендолен осталась свободной и могла гулять по Риджент-стрит без обременения, не считая сумочки. Сумочка тоже была старая — потертая, изношенная.

Гвендолен пропустила ланч в «Уоррендере» — небольшая потеря, так как в этот прием пищи постоялиц кормили сэндвичами. Бедствующие набрасывались на них, как волки, стараясь ухватить лучшие — с яйцом и кресс-салатом, с вареной ветчиной — и оставить бутерброды с рыбной пастой в качестве утешительного приза для опоздавших.

Двинувшись дальше по Риджент-стрит, Гвендолен миновала мужчину, играющего на корнете, — уличного музыканта — на тротуаре перед

магазином «Хэмли». Глаза музыканта закрывали непроницаемые темные очки, а к футляру от инструмента была прислонена картонка с безыскусной надписью: «Ослеп на войне». Не дилетант — на самом деле он играл неожиданно хорошо, на профессиональном уровне. В футляре, перевернутом перед ним в качестве чаши для подаяний, лежала лишь горстка полупенсовиков.

Гвендолен замедлила шаг, а потом окончательно остановилась, чтобы лучше слышать. Корнетист играл «Дуй, ветер южный»[39], очень красиво. Гвендолен, пожалуй, не слыхала мелодии печальней — разве что «Вечерняя зоря», но та по самой своей природе была воплощением скорби и меланхолии[40].

Мелодия мало помогала музыканту, никто не бросал ему монет, и он сменил тактику, перейдя к англиканским гимнам. «Друг мой лучший, Иисусе». Этот гимн тоже звучал невероятно скорбно. Гвендолен раньше не думала, что корнет может быть таким жалобным. Она подумала, не

---

[39] Сноски: 39

«Blow the Wind Southerly» — народная песня из Нортумбрии, известная с XIX в.

[40] Сноски: 40

«Last Post» — сигнал горном, традиционно игравшийся при отбое, также использовался в траурных процессиях и при воинских погребениях.

попросить ли музыканта сыграть «Я хочу счастья», — бедняга заработает чуть побольше.

Друг мой лучший, Иисусе. (Правда ли это? — задумалась Гвендолен. Если она когда-то и верила, то сейчас определенно утратила веру.) На мелодию этого гимна солдаты пели свои собственные тексты, и его можно было услышать повсюду. «Вот бы кончилась войнушка». Однажды Гвендолен слышала, как эту песню исполняла воодушевленным хором разношерстная группа раненых — ходячих и на носилках, — эвакуируемых домой на санитарном поезде, который она сопровождала в Булонь.

В этом варианте были слова, которых не услышишь в смешанной компании, — не только «чертов», но и «жопа», и «трахнуть», — и, заметив Гвендолен, все солдаты смущенно заухмылялись и виновато, скомканно отсалютовали, бормоча один за другим, как на перекличке в строю: «Простите, сестра… Простите, сестра… Простите, сестра». Как будто после — к тому времени — многих лет на фронте ее все еще могли шокировать слова. (Она не была медсестрой, но для солдат они все были сестрами.) Кое-кого из них, лежачих, ей довелось мыть в постели: можно было бы подумать, что это смутит их сильнее, чем сказанная в

присутствии женщины «жопа» или «говно». Или, уж если на то пошло, «гребаный» — слово, с которым она, конечно, не была знакома до Франции, а вот там уже слышала много раз. Пациенты *in extremis*[41] склонны к непристойностям, а умирающие не всегда так чинны, как людям хочется думать.

В приукрашенных рассказах ее коллег-медсестер в тех бесконечных дневниках все мужчины были бодры и веселы, даже самые изувеченные, даже на пороге смерти. Гвендолен считала, что молчаливое страдание — занятие для святых, а не для солдат. В чем добродетель молчаливой смерти — уйти под воду, погрузиться в грязь? Или жить дальше, ампутантом после газовой гангрены, с телом, освежеванным или изрезанным в лапшу артиллерийским огнем?

«Простите, сестра… Простите, сестра… Простите, сестра… Простите, сестра». Она рассмеялась и сказала: «Удачи, ребята». Некоторые — большинство — вернутся в строй через несколько недель. Некоторые — многие — будут мертвы или тяжело ранены к концу года. Она могла бы плакать о них, но какой толк от слез?

---

[41] Сноски: 41
При смерти *(лат.)*.

Ветеран перешел на «Пребудь со мной» — непростая вещь для корнета. Этот гимн играли на хрипящем церковном органе на похоронах матери. От мрачного репертуара корнетиста Гвендолен приуныла. Душевный подъем, вызванный шопингом, улетучился: ее покупки были оплачены нескончаемыми тюками колючей проволоки, а это, по сути, ничем не отличалось от наживы на поставках оружия и боеприпасов. Отец знал, что у него руки в крови. Было жестоко с его стороны передать дочери отравленную чашу, подорвать новообретенное ощущение свободы. Она ошиблась: та война никогда не будет повержена. А даже если и будет, придет другая и наложится на память об этой.

Надо держаться бодро, решила она. И еще нужно дать бедняге-музыканту немного денег. Она рылась в сумочке в поисках кошелька, и вдруг на нее налетел кто-то — женщина — и сбил с ног. Растянувшись во весь рост на тротуаре, Гвендолен закричала — больше от испуга, чем от боли. Ошеломленная столкновением, она не сразу поняла, что оно было намеренным — ее ограбили! У нее вырвали сумочку. Только сегодня утром, в машине возле тюрьмы Холлоуэй, Фробишер предупреждал, что в последнее время у женщин

часто вырывают сумки. Какая же она дура, что не смотрела в оба.

Лежа плашмя, ненадолго оглушенная, она смотрела, как ее потрепанная старая шляпа-клош катится на дорогу и превращается в блин под колесами велосипеда мальчишки из мясной лавки. Несколько пешеходов обогнули Гвендолен и прошли мимо. Так вот какой ты, Лондон, подумала она.

* * *

— Боже, мисс Келлинг, — сказала миссис Бодли, когда Гвендолен вернулась в «Уоррендер» после приключения на Риджент-стрит. — Что с вами случилось?

Гвендолен догадывалась, что выглядит ужасно. Она ударилась скулой о тротуар, и та наверняка уже начала синеть; фонарь под глазом неизбежен. На одном чулке зияла уродливая дыра, кожа туфли ободрана, юбка испачкана чем-то неприятным. Хорошо хоть, что все это старое, поношенное.

Какой-то мужчина помог ей подняться на ноги — или, скорее, ловко поднял ее — и отрывисто спросил, все ли с ней в порядке. Не повредили ли ей чего-нибудь?

— Только чувство собственного достоинства, — ответила она.

— Они унесли вашу сумочку — вместе с деньгами, надо думать.

— Они?

— Их было двое, женщины. Позвольте подвезти вас куда-нибудь. Моя машина припаркована за углом на Кондуит-стрит.

Надменно поднятая бровь умудрилась придать этому простому предложению циничный оттенок.

В обычных обстоятельствах Гвендолен воспротивилась бы — принять предложение подвезти от незнакомого мужчины в незнакомом городе можно счесть верхом безрассудства, — но сейчас, когда она встала на ноги, у нее закружилась голова, очевидно от потрясения. И еще, он прав, у нее не осталось денег на такси. Впрочем, в кошельке все равно было так мало, что воров ждет жестокое разочарование.

Мужчина, предлагающий ее подвезти, был элегантно одет, на грани щегольства, хоть и держался с мрачностью, привлекательной для некоторых — нет, многих — женщин (и особенно сестер Бронте). Тем не менее казалось маловероятным, что красивый мужчина в элегантной

машине (прилагательные взаимозаменяемы) планирует похитить Гвендолен, поэтому она сказала:

— Спасибо, это очень любезно с вашей стороны.

Его машина действительно стояла за углом. Заднее сиденье занимала собака, большая немецкая овчарка, похожая на волка. Она окинула Гвендолен равнодушным взглядом. Именно такую собаку ожидаешь увидеть у подобного человека.

Сам автомобиль оказался великолепным зверем. Гвендолен ничего не знала о машинах, но была способна оценить красивую вещь. И еще она узнала фигурку летящего аиста на капоте, потому что такая машина была у Айрис Шторм, главной героини «Зеленой шляпки». Только в романе машина желтая, а эта — цвета сливок.

— «Испано-сюиза», — сказала Гвендолен.

— Я впечатлен. Большинство женщин не отличают одну марку машины от другой.

То, как он сказал «большинство женщин», граничило с пренебрежением.

Несколько минут они ехали молча.

— Прошу прощения. Среди всей этой драмы я забыла представиться. Меня зовут Гвендолен. Гвендолен Келлинг.

Он не представился в ответ, и она задумалась, не хочет ли он сохранить анонимность по какой-то причине, — может быть, он знаменитый киноактер и желает остаться инкогнито? Или преступник, избегающий опознания? Или просто проявляет грубую замкнутость, как положено Хитклиффу? Она знавала несколько таких. Гвендолен нравились открытые, оптимистичные мужчины.

В конце концов он ответил:

— Нивен. Меня зовут Нивен.

— Приятно познакомиться, мистер Нивен.

Ее спаситель говорил с легким шотландским акцентом. Кельтский акцент — еще один атрибут, неотразимый для некоторых женщин. Сисси, подруга Гвендолен, часто шутила, что боится не устоять и выйти замуж за любого ирландца, который с ней заговорит. К счастью, ни один не заговорил. Чтобы покорить Гвендолен, акцента было совершенно недостаточно.

Спаситель довез ее прямо до «Уоррендера», не похитив, и помог выйти из машины. Гвендолен поймала его быстрый оценивающий взгляд на себя, на свою поношенную одежду, уродливую прическу. Волосы она обрезала (кое-кто сказал бы «обкорнала») сама хирургическими ножни-

цами на фронте и с тех пор так и не научилась пристойно укладывать. Что ж, не одна она устала от непрактичных ритуальных действий, которые положено выполнять даже во время войны, если ты женщина.

— «Уоррендер», — сказал он, прочитав название над дверью.

Казалось, его рассмешила табличка, гласящая, что это отель «Только для дам».

— Вы живете в монастыре, — сказал он не без сарказма.

— Всё лучше, чем в борделе, — ощетинилась она. Он долго смотрел на нее. Она решительно отказывалась смущаться.

— Вы ведь оправитесь? — спросил он.

— Чашка горячего сладкого чаю, и я буду как новенькая. — Боже, звучит как одна из тех бодрых медсестер-мемуаристок, которых она всю жизнь высмеивала. Гвендолен обрадовалась, что наконец можно уйти. Ей было стыдно — этот человек увидел ее слабой и униженной, а она не любила, чтобы ее видели такой.

— Что ж, большое спасибо за всю вашу помощь, мистер Нивен, — сказала она, развернулась и вошла в «Уоррендер».

* * *

— Я споткнулась о бордюр, — сказала Гвендолен, не желая рассказывать миссис Бодли о своих несчастьях. Миссис Бодли была из тех, кто склонен осудить собеседника за прегрешения других.

Гвендолен устроилась в гостиной отеля, поставив перед собой поднос с чаем — ей и впрямь очень нужен был горячий, сладкий чай. Какой необычный день выдался — от тюрьмы Холлоуэй с утра до нападения и ограбления на Риджент-стрит, не говоря уже о том, что накануне Фробишер завербовал ее шпионить за печально известными Кокерами. Библиотека бледнела в сравнении.

Должно быть, Гвендолен заснула над подносом с чаем, так как ее разбудил приход миссис Бодли.

— Некий джентльмен, — сказала та, вложив в это слово всю тяжесть своего неодобрения, — оставил кое-что для вас на стойке портье.

Гвендолен последовала за миссис Бодли к стойке и изумилась, обнаружив, что оставленный там предмет — ее украденная сумочка. Как, скажите на милость, она отыскала дорогу обратно в «Уоррендер»?

— Того, кто ее оставил, случайно, звали не ми-

стер Нивен? — спросила она.

— Не назвался, — ответила миссис Бодли. — Хорош собою. Может быть, с моей стороны такие советы неуместны, мисс Келлинг, но вам не следовало бы бегать по Лондону, якшаясь с подобными типами.

— Я постараюсь больше не встречать красивых мужчин, миссис Бодли, — серьезно сказала Гвендолен.

Тайна усугублялась, так как при дальнейшем исследовании Гвендолен обнаружила, что из сумочки ничего не пропало: все было на месте вплоть до последней монетки, до носового платка. Это мистер Нивен устроил, больше некому, никто другой не знал о краже; но не было никакой записки, никакого объяснения того, каким образом сумочка возвращена в целости. Конечно, записка потребовала бы ответа, выражения благодарности. Переписка могла бы привести к дальнейшему знакомству, которого он явно не желал. Гвендолен не станет обольщаться надеждой, что он заинтересовался ею. Он увидел только утомленные жизнью обноски и ужасные волосы и почувствовал, скорее всего, только жалость. Гвендолен ощутила маленький укол разочарования и разозлилась на себя за это.

Глазированные специалитеты

За несколько месяцев до того, как Фреда сбежала в Лондон, ее легкомысленная мать Глэдис обзавелась воздыхателем, или «сладеньким», как прозвала его соседка. На самом деле ничего сладкого в мистере Птицесвисте (дурацкая фамилия!) не было, кроме его тортов. Он владел небольшой сетью пекарен и, ухаживая за Глэдис, потчевал ее своими так называемыми специалитетами: липкими ванильными слойками и приторно-сладкими «Французскими фантазиями». Он вечно твердил Фреде:

— Зови меня дядя Ленни.

Фреда на это не велась.

Мистер Птицесвист давал много опрометчивых обещаний — обручальное кольцо, дом на Маунт-стрит и прочее, — но пока ни одно из них не воплотилось в жизнь. Глэдис объясняла это тем, что Фреда очень грубая.

— Будь с ним поласковее, — предостерегала она. — Даст Бог, он станет твоим новым отцом.

Фреда считала, что отец ей совершенно не нужен, новый или какой другой.

Она была не вполне *au fait*[42] (по выражению Дункана), как должен вести себя отец, но точно не так, как мистер Птицесвист. Тот умудрялся щипать, дергать и гладить Фреду даже чаще, чем ее щипали, дергали и гладили во время показов «Вязки». Он вечно звал ее посидеть у него на пухлых коленях или поцеловать его в усы, испачканные табаком. Конечно, она привыкла, что ее хватают руками. В прошлом году она играла Душистого Горошка в «Сне в летнюю ночь» в постановке любительской труппы «Раунтри», и актеры, игравшие Мастеровых, проходу ей не давали, но они на самом деле просто шутили, и их легко было отвлечь. А вот мистер Птицесвист никак не унимался.

По выходным он начал «оставаться на ночь», и Глэдис разыгрывала целый спектакль, готовя «гостевую комнату» — душную каморку без окон в задней части дома, — словно Фреда не догадывалась, что происходит у нее под носом. Стоило всем разойтись по своим кроватям, и Фреда слышала, как мистер Птицесвист крадется через холл в комнату матери, а после неприличного промежутка времени оттуда доносится его

---

[42] Сноски: 42
В курсе *(фр.)*.

свинский храп.

* * *

Если не считать Ванду и Дункана — теперь потерянных для Фреды, — единственной ее подругой была Флоренс Ингрэм. Она ходила в ту же танцевальную школу, что и Фреда, но, увы, не блистала ни внешностью, ни талантом, и на отчетных концертах ее обычно задвигали в самый задний ряд. Такое пренебрежение не вызывало у нее зависти к звездным номерам Фреды. Напротив, она поддерживала подругу, чтобы та сияла еще ярче, и грелась в лучах ее славы. Однако Флоренс хорошо разбиралась в чувствах. У нее их было много, порой даже слишком.

Флоренс была добрая девушка, высокая, плотная и до изумления неуклюжая. За неповоротливость ее никогда не пускали танцевать в пантомиме на деревенской площади или вокруг майского шеста. Однако в прошлое Рождество обе девочки участвовали в постановке «Дика Уиттингтона и его кошки» в Королевском театре.

Они играли кошек. Не главную Кошку, а простых, рядовых кошек, подружек главной. Но в программке они значились. Фреда была Хорошенькой Кошечкой. Они исполняли номер под

названием «Кошачий танец», хотя Фреда сомневалась, что хоть одна кошка на свете умеет бить чечетку. А еще они много умывались по-кошачьи — лизали лапы и приглаживали ими уши. Флоренс выпустили на сцену в роли Комичной Кошки — дородной, увесистой, чья неуклюжесть вызывала взрывы хохота в зале. Фреда услышала, как режиссер сказал костюмерше: «Ей и играть особо не надо». Бедная Флоренс!

Фреда провела с подругой немало часов, муштруя ее, чтобы усовершенствовать: учила держать спину прямо и ходить с книгой на голове (почти недостижимо), снимать при каждой возможности толстые очки с линзами, как донышки бутылок (что, увы, часто приводило к синякам), и держать рот закрытым, когда дышишь или ешь (что порой кончалось удушьем). По мнению Фреды, подруге было давно пора удалить аденоиды. Но одна знакомая матери Флоренс знала девушку, якобы истекшую кровью на операционном столе во время удаления аденоидов, поэтому Флоренс до сих пор не лишилась своих. «Истечь кровью» звучало для Фреды возвышенно-оперно. Она, конечно, была ценительницей оперы, успела много раз выйти (и выбежать, и выскочить) на сцену в массовке в постановках гастролирующих трупп,

где по сюжету требовались дети.

Родители Флоренс, мистер и миссис Ингрэм, были состоятельные люди, Флоренс жила в большом особняке на Тадкастер-роуд, и Фреда тратила много времени на езду туда и обратно на велосипеде. У миссис Ингрэм была «приходящая» — то есть женщина, прислуга, — и в доме всегда пахло чистящими средствами: «Брассо», нашатырем и полиролью — ароматами, неведомыми в жилье Фреды в Рощах. Комнаты на первом этаже были отделаны дубовыми панелями до половины, а полы — из чего-то под названием «паркет»: прочные, блестящие, совсем не то что рваный линолеум дома у Фреды.

У Ингрэмов был невероятно плодоносный сад. «Сад неземных наслаждений», — называл его мистер Ингрэм и смеялся. Фреда угадывала, что он на что-то намекает. Он это любил. Особым театральным голосом цитировал Шекспира, Диккенса, Вордсворта: «Зима тревоги нашей позади. К нам с солнцем Йорка лето возвратилось…»[43] или «То, что я делаю сегодня, — это лучше, неиз-

[43] Сноски: 43
Первые строки «Ричарда III» У. Шекспира, перев. М. Лозинского.

меримо лучше всего, что я когда-либо делал»[44]. Он выдерживал паузу в пару секунд, ожидая, поймает ли Фреда отсылку, а когда (неизбежно) становилось ясно, что нет, он объяснял. Должно быть, он целыми днями занимался тем же в частной школе для мальчиков, где преподавал. Это было невероятно скучно, но за допуск в размеренную домашнюю жизнь Ингрэмов приходилось платить.

Флоренс посещала школу для девочек при женском монастыре, потому что Ингрэмы были католики. Они удочерили Флоренс еще младенцем. Фреда много лет старалась облагородиться, чтобы Ингрэмы сочли ее столь же достойной удочерения, но они так и не клюнули.

Ингрэмы нашли ребенка через религиозное агентство по усыновлению, и девочку доставила к ним монахиня под покровом ночной тьмы. Флоренс подкинули на крыльцо католического монастыря, в метель, когда ей было всего несколько часов от роду. «Не напоминает ли это нам слегка „Оливера Твиста“?» — сказал мистер Ингрэм. («М-м-м», — промычала Фреда уклончиво. Она слышала название «Оливер Твист», но

[44] Сноски: 44

Заключительные строки «Повести о двух городах» Ч. Диккенса, перев. Е. Бекетовой.

думала, что это такое печенье.)

«По крайней мере, не исключено, что мать Флоренс была католичкой», — сказала миссис Ингрэм, будто это смягчало грех отказа от ребенка. (Дункан называл католичество «поповскими бреднями», а про себя говорил, что «отпал», и Ванда фыркала со смеху: «Теперь это так называется?»)

Тайна собственного рождения — рождества — завораживала Флоренс. Откуда она взялась? Ей нравилось воображать, что Ингрэмы оберегают ее, укрывая от всего света, пока она не сможет заявить права на законное наследство. «Может, даже на трон где-нибудь», — размышляла она. Фреда не хотела развеивать надежды Флоренс, указывая, что та, скорее всего, просто была прискорбной ошибкой своей настоящей матери. («Дитя любви», — сказала Ванда, когда Фреда поведала ей о подруге. «Байстрючка», — прямолинейнее сформулировал Дункан.)

Она даже научила Флоренс ездить на велосипеде. На день рождения родители подарили той отличный дамский «Рэлей» с открытой рамой, которому Фреда ужасно завидовала, но так и не смогли заставить дочь сесть в седло. Флоренс училась целую вечность, шатко петляя из стороны

в сторону, и Фреде пришлось врать родителям подруги, скрывая, сколько раз та упала. Но в конце концов Флоренс осилила эту науку, и теперь девочки могли вместе совершать долгие велосипедные прогулки — в Элвингтон, Болтон-Перси, а однажды, героически (там были холмы, а с холмами у Флоренс не ладилось), — аж до Брэндсби и обратно.

Как дочь сотрудника «Раунтри» (пусть и покойного) Фреда пользовалась множеством благ, предоставляемых щедрыми работодателями: рождественские елки, бассейн в Йерсли, спортивные дни, летние гулянья, любительские спектакли. Фреда всегда ухитрялась протаскивать с собой Флоренс. Казалось бы, Ингрэмы должны быть благодарны Фреде, но… «Они считают, что ты меня с пути сбиваешь», — сказала Флоренс, со смаком посасывая лакричный шнурок, когда они прогуливались по крепостной стене. Фреде нравился вид на Йорк со стен — город будто превращался в музей и открывал все свои тайны; совсем не то что на уровне земли в тесном сплетении древних улочек.

Несмотря на опасения насчет Фреды, Ингрэмы все же терпели ее дружбу с дочерью, потому что иначе у той вообще не было бы подруг. «К сожа-

лению, Флоренс умом не блещет», — подслушала однажды Фреда слова миссис Ингрэм. Это правда, Флоренс не отличалась быстротой соображения и страшно медленно осваивала новое — например, игру в карты. Фреда пыталась научить ее играть в рамми, но без толку. Флоренс любила «Снап», потому что Фреда нарочно ей проигрывала. Хотя порой ждать, когда Флоренс наконец сообразит, что карты совпали, и радостно выкрикнет «Снап!», было мучительно.

— В карты? — удивился мистер Ингрэм. — Вы что, играете на деньги?

Конечно же нет! Если бы они играли на деньги, Фреда уже давно опустошила бы голубую стеклянную копилку Флоренс.

— Хм, — произнес мистер Ингрэм. Казалось, он никогда не верил ни одному слову Фреды, хотя она изо всех сил старалась быть честной с Ингрэмами.

«Я осуждена судом общественного мнения», — думала Фреда, цитируя одно из любимых выражений Дункана.

* * *

Однажды мистер Птицесвист застал Фреду врасплох, подкравшись сзади на кухне, пока Глэ-

дис бегала к мяснику за полукопченой колбасой, которую ее возлюбленный желал вложить в свой обеденный сэндвич. Фреде чудился тут некий двусмысленный подтекст, но подробности от нее ускользали. Какой бы ни была Фреда внешне — развитые формы, «грубость», апломб, — заглянув в самую глубь ее души, можно было найти лишь невинность.

В тот день Фреде велели мыть посуду после завтрака, и она, чтобы скрасить это нудное занятие, пыталась одновременно стоять на пуантах. Она так сосредоточенно удерживалась на носочках, отдирая мочалкой кастрюлю из-под овсянки, что не замечала мистера Птицесвиста, пока его щетинистые усы не кольнули ей шею, а пухлые ручонки не зашарили по всему телу, будто он, подражая Зевсу, превратился в осьминога.

— Ну же, Фреда, будь умницей для дяди Ленни, — горячо пыхтел он ей в ухо.

Он издал хриплый стон экстаза, когда одно из щупалец наткнулось на уже ощутимую грудь, а потом, менее восторженно, охнул, когда острый локоток Фреды врезался ему в ребра. Она сделала отработанный пируэт и ловко двинула коленом ему в «висюльки», как называла их Ванда. Она объяснила Фреде строение мужского организма,

когда девочка была еще совсем юной, но используемые Вандой словечки скорее запутывали, чем способствовали пониманию, и так уже затрудненному лебедями и муравьями. Термин, который предпочитал Дункан, — «снасть» — был еще менее полезным.

Мистер Птицесвист, согнувшись от боли, прошипел Фреде: «Ах ты сучка» — ровно в тот миг, когда очень своевременно вошла Глэдис, возвестив о прибытии колбасы, словно в плохо написанном фарсе.

Осьминог изложил свою версию событий: Фреда набросилась на него без причины, будто бешеная кошка, выпустив когти. Фреда не удивилась, когда мать не проявила интереса к ее объяснениям, а только отругала и велела идти к себе в комнату и там хорошенько подумать о «своем будущем в этом доме!».

Лежа на кровати в аккуратной позе, подобно каменной фигуре на крышке гробницы в соборе, разглядывая облупившуюся побелку потолка, Фреда гадала, почему мать, обычно такая ленивая, не отправила за колбасой ее. Зачем оставила наедине с мистером Птицесвистом? Неужели Фреда стала приманкой, чтобы раздразнить его вянущий аппетит? Вроде сластей или пирожных,

вроде мятой шоколадной конфеты с апельсиновым кремом с конвейера «Раунтри». По щеке медленно скатилась слеза. Фреда промокнула ее платком Ванды. Тот пах «Хабанитой» и навевал мысли о подруге.

Фреда вздохнула, села и достала из ящика прикроватной тумбочки колоду карт Дункана. Перехлестывая карты (это занятие всегда действовало на нее утешительно), она и впрямь, как было велено, задумалась о своем будущем в этом доме. Сдавала снизу, жульническим приемом, которому научил ее Дункан. Из колоды выпорхнула пиковая дама, и Фреда засунула ее обратно. Она не сочла даму пророческой картой. Карты — это всего лишь бумажки с картинками и цифрами, не более того.

Что же до «будущего в этом доме» — Фреда решила, что, возможно, у нее такового нет.

* * *

Побег в Лондон — не первое, что пришло в голову Фреде при раздумьях о будущем. Сперва она собиралась присоединиться к бродячему цирку. Никаких цирковых умений у нее не было, но неужели так уж сложно повисеть на трапеции, пройтись по канату или даже постоять на спине

скачущей по кругу лошади? В конце концов, у нее отличное чувство равновесия. Пожалуй, ее больше привлекали сверкающие, переливающиеся костюмы, чем сами номера, но это не имело значения, поскольку, увы, в городе не было никакого цирка и Фреда не представляла, где его искать. За неимением цирка пришлось положиться на весьма ненадежную страховку в лице родни.

У Фреды была сводная сестра от первого брака отца — затаившая обиду дочь по имени Сисси. Она уже вошла в подростковый возраст, когда Глэдис заарканила их отца. Вскоре Сисси уехала во Францию, в сестры милосердия на фронт, и больше в их дом не вернулась.

— Скатертью дорога, — сказала Глэдис.

Теперь Сисси была замужем, с кучей детей и жила на другом конце города. По словам Глэдис, у Сисси были «замашки не по положению». Фреда считала, что это хорошо, — как еще возвыситься над жалким прозябанием?

Фреда однажды подслушала, как Сисси сказала Глэдис, что Фреда — «выпендрежная соплячка». Приговор сестры больно ранил. «Я не соплячка, просто необычайно уверена в себе», — думала

она, отрабатывая *port de bras*[45] и наблюдая за собой в узкое трюмо. В зеркале отражался и туалетный столик, где гордо красовались ее многочисленные кубки за танцевальные конкурсы. И за плавание брассом — она всегда побеждала на соревнованиях «Раунтри» в бассейне Йерсли. Фреда гордилась своими достижениями — особенно потому, что больше, похоже, никто ими не гордился, кроме Флоренс, которая неизменно болела за подругу с трибун.

* * *

— Переехать к нам? — с сомнением повторила Сисси. — Понимаешь, Фреда, у нас не то чтобы много места — всего три спальни, а нас уже шестеро.

Сестра Фреды жила в новом полуотдельном доме в Эйкоме. Фреде казалось, что места в нем более чем достаточно.

Фреда примостилась на краешке стула у кухонного стола, чинно скрестив лодыжки и выпрямив спину. Она следила за своими манерами, старательно удерживая на лице улыбку и пытаясь не выглядеть «выпендрежной соплячкой» (эти слова

---

[45] Сноски: 45
Движение рук (в балете).

до сих пор саднили). От безнадеги Фреда решила сыграть роль милой младшей сестренки.

— Я могла бы помогать тебе с детьми. Ну, в качестве платы.

Фреда не могла даже припомнить имен всех детей Сисси. Старшую звали Барбара, в этом она была почти уверена. Сейчас Барбара была в школе. Еще двое — близнецы — играли с деревянными кубиками на линолеумном полу в кухне. Будь они котятами, Фреда бы их обожала, но, увы, на котят они совсем не походили.

— Я ведь все-таки их тетя, — сказала Фреда, одаривая близнецов благожелательной улыбкой в попытке изобразить тетушку, хотя, сказать по правде, она была мало знакома с тетями как таковыми. — И я могу спать где угодно. Хоть на диванчике в гостиной, например.

Она склонила голову набок, стараясь излучать обаяние.

Сисси неловко жонглировала, заливая заварку кипятком из тяжелого чайника и при этом удерживая на бедре брыкающегося младенца. («Бобби», — напомнила она Фреде.) Похоже, и чай, и ребенок были в опасности.

— Подержишь его? — попросила сестра.

Без особой охоты Фреда протянула руки к столь

же противящемуся Бобби, который громко запротестовал. Какой капризуля! Фреда крепко ухватила его и после недолгого перетягивания на манер каната сумела оторвать от матери.

— Я буду вроде квартирантки, — сказала Фреда, кое-как кантуя ноющего, ерзающего Бобби. Она вспомнила Дороти, куклу, которую Ванда таскала во время показов «Вязки». С куклой гораздо проще. Интересно, где Дороти сейчас и (более насущный вопрос) как Ванда справляется с материнством? Грэнтем. Знай Фреда, где это, отправилась бы туда прямо сейчас, сдалась бы на милость Ванды, мягкой, как кроличий мех, хоть с ребенком, хоть без.

— Ну, Сисси, я совсем ненадолго, — не унималась Фреда, — только пока огляжусь и решу, что делать дальше. — Она слышала умоляющие нотки в собственном голосе и ненавидела себя за это.

— Мне на самом деле не нужна помощь, — невозмутимо сказала Сисси. Она из тех женщин, в которых материнство заложено природой, как святость, подумала Фреда. Какой контраст с ее собственной матерью.

— К тому же, даже если ты поживешь у нас какое-то время…

Казалось, Сисси прикидывает, нет ли у них шкафа или сундука, куда можно запихнуть сводную сестру. Словно куклу в коробку или чемодан, подумала Фреда. Неожиданно для себя она ощутила родство с Дороти.

Она смотрела, как Сисси водружает чайник обратно на плиту, и думала: «У нас в жилах течет одна кровь, разве это ничего не значит? Неужели поздно вспомнить, что мы семья?» На Фреду вдруг накатила внезапная, непривычная слабость.

— Ладно, теперь давай попьем чаю, — сказала Сисси. — Можешь положить Бобби.

Фреда с облегчением опустила Бобби на коврик, и он лежал на спине, дрыгая руками и ногами, как перевернутый жук, а Сисси разливала чай и раскладывала сконы. Глэдис никогда не пекла. Мистер Птицесвист обеспечивал ее неиссякаемым запасом тортов, которые Фреда из принципа отказывалась есть. При мысли о мистере Птицесвисте и его «специалитетах» она поморщилась. Конечно, Фреда могла бы рассказать Сисси о похотливых поползновениях мистера Птицесвиста, но она привыкла, что в чужих грехах обвиняют ее, и подозревала, что случай с блуждающими щупальцами осьминога не станет исключением.

— И тебе все равно придется найти работу, —

сказала Сисси. — Зарабатывать на жизнь, — добавила она, будто Фреда могла не знать, что это такое. — Удивительно, что тебя не привлекла шляпная мастерская. Я думала, это довольно творческое занятие. Может, моя подруга Гвен устроит тебя в библиотеку.

— В библиотеку? — эхом откликнулась Фреда, не в силах скрыть ужас в голосе. Библиотека — самое смертельно-тоскливое место на свете.

— Да, в библиотеку, расставлять книжки на полках или что-нибудь в этом роде.

— Я не очень-то люблю читать, — сказала Фреда.

— Чтобы поставить книгу на полку, необязательно быть книгочеем, — укоризненно сказала Сисси. — Надеюсь, ты *умеешь* читать?

— Да, конечно. — Какая наглость! Фреда, между прочим, осилила всю книгу греческих мифов, от корки до корки.

Близнецы начали швырять друг в друга деревянными кубиками. Один угодил Бобби по голове, и тот разразился воплем, пронзительным потусторонним звуком, который можно было бы использовать как оружие на войне. Враг сдался бы немедленно. Сисси лишь рассмеялась и, подхватив Бобби, сказала: «Нечестивым же

нет покоя» — люди вроде нее всегда что-нибудь такое говорят. И поговорка-то была глупая, по мнению Фреды. Покой нечестивых как раз ничто не нарушает, они живут себе — не тужат, праздно попивая херес, выдержанный в дереве, да поедая эклеры и глазированные булочки.

— Пойдем, — сказала сестра, — поможешь мне забрать Барбару из школы.

Племя бедуинов, готовясь пересечь пустыню с караваном верблюдов, наверное, собиралось менее тщательно, чем Сисси со своим выводком.

— Знаешь что, — сказала Фреда посреди этих нескончаемых сборов, — мне пора домой, мама будет волноваться, где я пропадаю.

— Да неужели? — скептически отозвалась Сисси. Помявшись, она добавила (без особой убежденности, как решила Фреда): — Слушай, если ты и правда хочешь у нас пожить, наверное, ты сможешь разместиться в одной комнате с Бобби.

Король-рыбак

Как ни странно, за все годы службы в полиции Фробишеру ни разу не довелось побывать в Дыре Мертвеца — так называли морг под Тауэрским мостом. Из-за течений на этом отрезке Темзы плывущие по реке трупы цеплялись за опоры моста, и их вылавливали баграми и временно хранили в Дыре Мертвеца. Некоторые выловленные утопленники погибли случайно, обычно по пьяни, иногда это были жертвы убийств, но многие — самоубийцы. Фробишеру доводилось иметь дело с неудачливыми самоубийцами — его жена относилась к их числу.

Сегодня река была вялой и коричневой, с нескончаемой флотилией барж и лодок — торговая артерия города. Никакой сирени. Ни аромата цветущих лип или свежескошенного сена — лишь зловоние смрадного мегаполиса. Фробишер чувствовал, как его душа съеживается.

Морг оказался на редкость безрадостным местом, пропитанным нездоровыми речными испарениями. Каменные ступени вели от Темзы к маленькой бетонной площадке, на которую втас-

кивали тела. Открытый тоннель за платформой, куда их потом переносили, отзывался влажным унылым эхом, блестящий белый кафель напоминал обстановку мужского туалета и был начисто лишен всякого сочувствия. Дверца в стене вела вниз, внутрь опоры моста, в сырой вонючий закуток, где мертвецов хранили до отправки дальше. Мало того что ты умер, так еще и угодить сюда… Фробишер содрогнулся.

Но девушки, утонувшей или какой другой, тут не оказалось. Служитель, которого пришлось вытаскивать из какой-то норы, где он отсиживался в отсутствие клиентов, сообщил:

— Ее увезли в Саутворк.

* * *

Фробишер пересек реку по Тауэрскому мосту в потоке понурой толпы. Он ощущал ауру страдания, которая, словно миазмы, исходила от людей. Война их доконала — а может, то была его собственная внутренняя мрачность. Порой ему казалось, что многовековая история Лондона физически давит на макушку. Его тянуло в открытые поля и светлые леса юности. Он вырос среди лошадей. Его дядя был местным кузнецом, а отец — пахарем. Недавно Фробишер поймал себя на

мысли о том, какой была бы его жизнь, пойди он по стопам отца, — брел бы молча по борозде за тяжеловозами, выдыхающими пар в морозный воздух. Вместо этого ему дали образование — стипендию в гимназии в городке по соседству. И каждый день, в любую погоду ему приходилось топать пять миль туда и столько же обратно.

Теперь он с радостью сменил бы книги на звон упряжи могучих саффолков и туман, встающий над землей ранним утром. С этим пора завязывать. Он тонет в ностальгии. Его пугало, что в последнее время он постоянно ударяется в мрачные раздумья. Они были почти как приступы болезни.

— Старший инспектор?

— Да.

* * *

В саутворкском морге трупов хватало, но юных утопленниц не нашлось. В отличие от Дыры Мертвеца, здесь Фробишер не раз побывал за годы службы. Морг располагался на месте старой тюрьмы Маршалси, знакомой Диккенсу.

— Крошка Доррит, — сказал Фробишер служителю морга, на что тот ответил без тени юмора:

— Таких тут нет, начальник.

Фробишер вздохнул.

Ни Эми Доррит. Ни какой бы то ни было девушки-утопленницы.

— Загляните на Сноу-Хилл, — без особого энтузиазма посоветовал служитель. И еще неуверенней: — Или в Кью.

Инспектор двинулся дальше. Как ни претило ему сидеть в конторе — прикован к столу, как Прометей к скале, и его печень клюют бюрократы, — это бессмысленное шатание отнимало время. Вот бы кто-нибудь — ну хоть тот же Бэрд — изобрел переносной телефон. Куда полезней телевизора.

На Сноу-Хилл утопленницы тоже не оказалось. Ее нигде не было. Конец пути совпал с началом — она обнаружилась в маленьком морге полицейского участка на Боу-стрит.

Обратный проход вдоль набережной навел на инспектора тоску. Он не мог отделаться от странного предчувствия, что пропавшие девушки Гвендолен Келлинг — предвестницы чего-то. В лондонском воздухе веяло злом.

* * *

Фробишер внимательно осмотрел девушку, лежавшую на мраморном столе. Тощая малышка,

навеки застрявшая в юности, она уже не станет старше: ее жизнь затушили, подобно огоньку свечи. Нагая и беззащитная, как в день появления на свет. Каштановые волосы, еще влажные. Маленькие грудки, как формочки для кексов, вуаль веснушек на теле, не смытая речной водой. Могли бы и прикрыть ее чем-нибудь, — Фробишер поморщился от такого неуважения к мертвым. Осторожно приподнял веко. Сколь бы безжизненным ни казался труп, Фробишер вечно опасался, что покойник внезапно дернется, если его потрогать. На Фробишера уставился мутный карий глаз. Точно мертва.

Одежду с нее сняли и аккуратно сложили у ног. Платье, белье и одна туфля, серебристая. Из тех, в каких девушки ходят танцевать. Платье легкомысленное, блестящее, будто она возвращалась с вечеринки, но это мало что значило: весь Лондон — одна нескончаемая вечеринка. Следы помады на губах говорили, что в реке девушка пробыла недолго. Учитывая фазу прилива, вряд ли она уплыла далеко от того места, где попала в воду. Документов, конечно, никаких. На щеке здоровенный синяк, как сирень в пору цветения. На тонкой цепочке на шее — маленький серебряный медальон.

Явился полицейский врач Уэбб с трубкой в зубах.

— Гадал, куда вы запропастились, Фробишер, — сказал он. — Девчонка уже несколько часов на столе.

— Вы изъясняетесь, как рыботорговец, — буркнул Фробишер, не утруждаясь любезностями. Уэбб ему не нравился. Бойкий тип, «переполнен собственной важностью», как сказала бы давно покойная матушка Фробишера.

— А вы тогда, выходит, рыбак.

— Она утонула? — сухо осведомился Фробишер.

«Она утонула» — так называлась картина, которую он где-то видел, не мог вспомнить художника — Милле или Уоттс, кто-то в этом роде[46]. Еще одна падшая женщина. Да-да, он ходил в картинные галереи, это была передышка от самых омерзительных аспектов его работы, необходимая, чтобы не сойти с ума. Инспектор и сам баловался акварелью. Любительские опыты, которые он никому не показывал. Его вкус не склонялся ни к классике, ни к авангарду, а тяготел к романтизму,

---

[46] Сноски: 46

«Found Drowned» (1850) — картина художника-символиста Джорджа Фредерика Уоттса, вдохновленная стихотворением Томаса Худа «Мост вздохов» (1844).

даже сентиментальности. Еще одна вещь, которую не стоило афишировать на Боу-стрит.

— И да и нет, — ответил Уэбб. Он указал на небольшую рану на шее девушки. — Сонная артерия. Нож. Маленький.

— Хоть и маленький, а хватило, — заметил Фробишер.

— Думаю, она потеряла сознание до того, как оказалась в реке, но в легких есть вода. Так что она утонула прежде, чем истекла кровью. Вода слишком холодная, в ней долго не протянешь. Температура тела быстро падает, мы называем это «гипотермия». Одного холода хватило бы, чтобы ее убить. Что так, что эдак, у нее шансов не было.

Фробишера затошнило. Уже и время обеда миновало, а он так и не поел. Дома в Илинге его ничего не ждало. На Лотти накатил очередной приступ меланхолии. Неподходящее слово для почти кататонического состояния, в которое она регулярно впадала.

— Третья женщина за месяц, — сказал Уэбб.

— Четвертая, — поправил Фробишер. — На прошлой неделе в Ричмонде выловили еще одну. Думаю, самоубийство.

Он поднял туфельку и осмотрел ее.

— Только одна?

— Да.

С помощью Уэбба Фробишер снял с шеи девушки медальон. Внутри обнаружилась фотография женщины, не пострадавшая от воды. Должно быть, мать. На другой створке можно было бы ожидать снимок отца, но там красовалась слегка нечеткая собачья мордочка, вроде бы терьер. Почему-то пес опечалил инспектора больше, чем мать. Может, стоит завести собаку для Лотти? Какого-нибудь спаниеля или йоркширского терьера — вдруг это ее развеселит? Любит ли она вообще собак? Фробишер понятия не имел. Он едва знал собственную жену с ее уклончивой душой, нежеланием *присутствовать*. Все мальчишеские годы у него была собака, колли с их фермы, по кличке Дженни. Он старался о ней не вспоминать. Обстоятельства ее смерти (отрава, предназначенная воронам) омрачили его идиллическое детство.

Размышления вернули его в Шропшир. Он бы что угодно отдал за возможность пройтись лугом в разгар лета или послушать рассветный хор птиц в лесу! Он вздохнул. Надо с этим завязывать. Опять он утопает в ностальгии. *Неудачная метафора.*

Он сунул медальон покойницы в карман.

— Попрошу кого-нибудь поспрашивать в лондонских ювелирных, мало ли.

— Иголка в стоге сена, — пренебрежительно отмахнулся Уэбб. — Кстати, она *virgo intacta*[47], — добавил он. — Если вам вдруг интересно.

Фробишер в последний раз посмотрел на девушку. «В глазах мутится. Ей лицо закрой! Да, молодою умерла она…»[48]

— Да прикройте же ее, ради бога! — рявкнул он.

* * *

— Вернулись, сэр? — приветливо спросил дежурный сержант.

Ну конечно, подумал Фробишер. Он отомстил мне за подгоревший бекон, отправив искать ветра в поле. Фробишер не доставил сержанту удовольствия лицезреть его разочарование от бессмысленно проведенного утра.

Вместо этого он довольно резко сказал:

---

[47] Сноски: 47

Нетронутая девственница *(лат.)*.

[48] Сноски: 48

Из пьесы Джона Уэбстера (1578–1634) «Герцогиня Мальфи» (акт IV, сц. 3), перев. П. Мелковой.

— Сержант, пошлите кого-нибудь за констеблем Коббом. У меня для него особое поручение.

Второпях

— Вам записка, — с этими словами хозяйка пансиона подплыла на всех парусах к Гвендолен, когда та садилась ужинать.

— Записка? Симпатичный мужчина принес? — предположила она.

— Нет. Полицейский в форме, — неодобрительно ответила миссис Бодли, передавая послание.

На конверте было выведено размашистым почерком: «Мисс Г. Келлинг». Гвендолен дождалась, пока снедаемая любопытством миссис Бодли ушла, и только тогда вскрыла конверт.

Дорогая мисс Келлинг, не могли бы Вы узнать у своей подруги, носила ли одна из Ваших девушек медальон? Спасибо. Искренне Ваш, Джон Фробишер.

Значит, его зовут Джон.

Она ничего не знает о его обстоятельствах. Возможно, он женат, хотя и не производит впечатления образцового семьянина — у него какой-то совсем холостой вид. Разумеется, он тоже ничего не знает о ее положении, о ее неожиданном богатстве. Она не стала разубеждать его насчет

библиотеки. Похоже, это его как-то успокоило. Вероятно, библиотекарши редко баламутят сердца мужчин.

Гвендолен не сразу осознала просьбу Фробишера — отвлеклась на его новооткрытое имя, Джон. Сердце упало, когда до нее дошел смысл записки. Ясно, что это значит. Он нашел тело. Солдата на поле боя можно опознать по армейскому жетону. Девушку, найденную в Лондоне, — по медальону.

Разумеется, она предполагала, что Фреда и Флоренс живы-здоровы где-то там. Ей и в голову не приходило, что может быть иначе, но вопрос Фробишера о медальоне намекал на ужасную участь. Если и не Фреды с Флоренс, то какой-то другой бедняжки. Гвендолен почувствовала себя страшно виноватой — она воспринимала визит в Лондон как увеселительную прогулку, а трезвомыслящий Фробишер думал о трупах. Как ужасно будет, если Фреду или Флоренс найдут мертвыми! Она не могла представить, как сообщит такое известие сестре Фреды.

Сисси Мёргатройд была самой близкой подругой Гвендолен, они дружили на протяжении всей юности и вместе записались санитарками в 1915 году, едва окончив школу. Прошли курсы Крас-

ного Креста и отправились на фронт. Перемирие развело их в разные стороны. Сисси вернулась домой, когда заключили мир, а Гвендолен служила дальше, пока ее не демобилизовали в 1919-м. Вернувшись, она обнаружила, что Сисси вышла замуж за инженера-строителя и уже ждет первенца.

Ее мужа звали Уилфред, и он был славный малый — веселый, обаятельный. Если уж женщине обязательно надо замуж, то лучше Уилфреда не сыскать. («Ох, Гвен, выходи за него сама, если я вдруг преждевременно помру!» — сказала Сисси, нелепо обрадованная этой идеей.) Но Гвендолен не искала ни мужа, ни ребенка, а второе казалось неизбежным следствием первого. (Обязательно ли любовь к мужчине влечет за собой материнство? Нельзя ли иметь одно без другого? «Сложный вопрос», — смеялась Сисси.) Впрочем, это все равно не было проблемой, ведь мужчин днем с огнем не сыщешь, даже если бы Гвендолен и хотела, — война постаралась. Захочет любви — заведет собаку. Возжаждет ребенка — усыновит сироту: видит Бог, их сейчас полно, хоть она и сомневалась, что у нее хватит духу на материнство.

— По-моему, у тебя на все хватит духу, Гвен, —

говорила Сисси. — Даже на любовь.

— Пф-ф, — выразительно фыркнула Гвендолен. Она не поддастся на романтические бредни, сколь бы благими ни были намерения. И не даст себя стреножить браком, каким бы веселым и обаятельным ни был мужчина рядом.

Перед мысленным взором Гвендолен возник Фробишер — серьезный, очень прямо сидящий за письменным столом. Каким он был бы мужем? Она не могла представить, чтобы он, засучив рукава, менял пеленки или чистил картошку, как Уилфред. От одной этой мысли ее разобрал смех. У него ведь миссия, а мужчины, у которых есть миссия, не тратят времени на пустяки. Его послали на Боу-стрит «подчистить хлев». Коррупция. Она повсюду, даже мисс Шоу в библиотеке в обмен на взятку — карамельку — могла простить посетителю штраф за просроченную книгу.

* * *

По предложению Сисси Гвендолен перед отъездом в Лондон навестила родителей Флоренс. Миссис Ингрэм суетилась, накрывая на стол в гостиной — кофе с печеньем. Она была из породы трепетных, чашки и блюдца дребезжали, кофейник трясся в руке, пока мистер Ингрэм не

сказал мягко:

— Рути, сядь, дай я сам.

— Мы пытались, — начал рассказывать он, обращаясь к Гвендолен. — Связывались со Скотленд-Ярдом, нам дали имя детектива — Фробишер, — сказали, это с ним надо говорить, — но он так и не откликнулся. Мы пробовали много раз.

— Ее сбила с пути эта негодница, — встряла миссис Ингрэм.

— Фреда?

— Ее мать — потаскуха. — Неожиданное слово из уст такой деликатной особы. Миссис Ингрэм то и дело прикладывала руку к горлу, будто нащупывая невидимую нитку жемчуга. — И еще она воровка.

— Фреда?

— Мы пригрели змею на груди, а теперь Флоренс, наверное, лежит мертвая в какой-нибудь подворотне, — застонала мать.

— Ну ладно тебе, Рути, мы же знаем, что она жива, — сказал мистер Ингрэм.

«Отчего он так уверен?» — подумала Гвендолен. В ответ мистер Ингрэм выдвинул ящик комода, достал оттуда стопку открыток и передал ей:

— Она пишет так, будто на каникулы уехала.

Миссис Ингрэм застонала, и муж снова принял-

ся увещевать:

— Ну же, Рути, не надо.

Гвендолен изучала открытки. Ни на одной не было обратного адреса. Казалось, их оторвали от длинной полосы, потому что на всех одинаково значилось «Достопримечательности Лондона» — собор Святого Павла, Биг-Бен и так далее.

— «Дорогие мамочка и папочка, — прочла вслух Гвендолен, — я чудесно провожу время в Лондоне. Скучаю по вам!»

У миссис Ингрэм стало такое лицо, будто ее сейчас стошнит.

— Видите, — сказал мистер Ингрэм, — последний штемпель всего двухдневной давности. С ней все хорошо.

— Она отсталая, Алистер! — застонала миссис Ингрэм. — Слабоумная! Она не может о себе позаботиться.

Мистер Ингрэм тяжело вздохнул:

— Она просто медлительная, Рути, вот и все. Наша Флорри немного тугодумка.

Он снова шумно вздохнул.

— Полицейский, с которым я говорил в Скотленд-Ярде, сказал, что в Лондоне девушки пропадают постоянно.

Миссис Ингрэм завыла.

— Я бы и сам поехал искать ее, — сказал мистер Ингрэм, — но не могу оставить бедняжку Рути — она всегда страдала нервами, знаете ли.

Гвендолен знавала на войне мужчин, которые не просто страдали нервами: их нервы были растерзаны в клочья виденными зверствами. Миссис Ингрэм не могла с ними тягаться, но ее рыдания были ужасны, и Гвендолен корила себя за каменное сердце — эта женщина заслуживала сочувствия.

— Мы подумывали нанять частного детектива, — сказал мистер Ингрэм.

— От Глэдис Мёргатройд никакого толку, — горько заметила миссис Ингрэм. — Я уверена, ей плевать, даже если она никогда в жизни больше не увидит дочь.

— Я еду в Лондон, — заверила Гвендолен несчастную мать. — Я буду их искать. Я найду их.

Пастушка, подумала она, в поисках заблудших ягнят. Хотя Фреду вряд ли назовешь ягненком, скорее уж паршивой овцой, если на то пошло.

Пока Гвендолен уходила по дороге от дома Ингрэмов, ей казалось, что воздух все еще сотрясается от воплей миссис Ингрэм.

«Обещаю, что верну вам Флоренс», — сказала

она Ингрэмам.

Не слишком ли опрометчивое обещание? Давая его, она сама стала заложницей превратностей судьбы. Остерегайся клятв, подумала она. Что, если дочь, которую она вернет Ингрэмам, будет уже не живая? Об этом страшно было даже думать.

* * *

В гостиной пансиона лежали на столике письменные принадлежности для постоялиц. После ужина Гвендолен увильнула от партии в бридж с Бедствующими, взяла перо и написала короткую записку Сисси: «Носила ли Фреда медальон? Не спросишь ли Ингрэмов, был ли медальон у Флоренс?» Пожалуй, в дальнейшие подробности вдаваться не стоит, хотя Сисси наверняка тоже довелось читать те красно-зеленые жетоны с тел убитых солдат.

— Паршивая девчонка, — сказала Сисси, показав Гвендолен прощальную записку сводной сестры («Дорогая мама…»), но Гвендолен стало жаль Фреду. Ей никогда не показывали в жизни иного пути, кроме как выделываться, а теперь, похоже, никого, даже Сисси, не встревожил особо ее побег; впрочем, Сисси считала Фреду кукушонком, вытолкнувшим ее из родительского гнезда.

Гвендолен добавила постскриптум: «Надеюсь, ты выслала фотографии Флоренс и Фреды».

Геллеспонт

Нивен состоял в клубе на Пикадилли. Клуб был полезен во многих отношениях, особенно когда требовалось уединиться и подумать. Не успел Нивен усесться в одно из солидных кожаных кресел в библиотеке, как к нему приблизился официант и деликатным шепотом, отточенным такими людьми до совершенства, произнес:

— Вас внизу спрашивает дама, сэр.

Слову «дама» был придан едва заметный оттенок.

— Прикажете выставить ее, сэр?

— Не нужно, — сказал Нивен.

Женщинам, разумеется, вход в клуб был заказан; самое присутствие женщины у подножия лестницы члены клуба сочли бы опасным вторжением. Нивен сам назначил встречу с упомянутой «дамой». Сейчас он, к облегчению официанта, живо препроводил ее из здания в свою машину, а оттуда — в укромный уголок «Ягненка и флага», более подходящее место для их дела.

Она — «не его тип», хоть у него и нет определенного «своего типа». В целом Нивен предпочитал

женщин, о которых мог забыть, едва они скроются из виду. Потому его так и раздражала Гвендолен Келлинг. Он до сих пор ее помнил. И она была определенно, категорически не в его вкусе.

Женщина, с которой он сидел в «Ягненке и флаге», была из банды «Со́рок воровок». Он положил на стол десятифунтовую банкноту, и женщина ловко спрятала ее в сумочку. За свои деньги Нивен стал обладателем ридикюля, едва годного на тряпки, не то что на выкуп в десять фунтов. Он швырнул омерзительный предмет в машину и покатил вдоль Молла. Он чуял, что ему предстоит не просто пересечь пролив Гайд-Парк-Корнер, чтобы достичь противоположного берега с Найтсбриджем и «Уоррендером». Он переплывает Геллеспонт. А та история кончилась не очень хорошо[49].

[49] Сноски: 49

Отсылка к древнегреческому мифу о Геро и Леандре: Леандр, юноша из Абидоса, каждый день переплывал пролив Геллеспонт, на другом берегу которого, в Сесте, ждала его возлюбленная Геро, жрица храма Афродиты, зажигавшая для него огонь как маяк. Но однажды огонь погас, и Леандр, сбившись с пути, утонул.

Домашний фронт

Со временем желудок Фробишера приспособился к кухне жены-иностранки. Он подозревал, что даже французы во Франции не употребляют столько чеснока, сколько Лотти. Чеснок словно был для нее талисманом. Фробишер полагал, что это как-то связано с Ипром, где она потеряла дочь. Он постоянно держал в кармане мятные леденцы — перебивать чесночный дух изо рта. Чтобы не шокировать коллег на Боу-стрит.

Лотти бережно сохранила чеснок, который лежал у нее в кармане, когда ее нашли на поле боя в Ипре. Головка чеснока успела состариться и высохнуть к моменту встречи Лотти с Фробишером, накануне перемирия, когда она стояла на парапете моста Ватерлоо, готовясь прыгнуть. Но позже она воскресила этот чеснок, посадила каждый зубок в горшочек с землей, поливала и ухаживала ревностно, как Изабелла за своим горшком базилика. В школе они проходили Китса. Клочки знаний часто всплывали в памяти Фробишера непрошеными гостями.

Потомство той самой головки чеснока и поныне

произрастало у них в садике за домом, где Лотти выращивала также ассортимент заморских *herbes*[50]. («Эрб», — долгое время слышал Фробишер.) До женитьбы его единственное знакомство с травами ограничивалось мятным соусом к баранине да петрушкой к треске. В Англии никто не называет мяту с петрушкой «травами».

Когда жена была в форме, Фробишер пировал, как французский крестьянин. Он работал с людьми, считавшими пирог с угрем и картофельное пюре верхом гастрономического искусства. Они бы непочтительно отозвались о Лоттиных *cassoulets* и *coq-au-vin*[51]. Однако сегодня Фробишера ждал отнюдь не пир. На стылой кухне в Илинге он соорудил себе сэндвич с солониной и съел его, стоя у раковины.

Лотти едва подняла глаза, когда он вошел.

— Я дома! — неизменно кричал он с порога и тут же бодро добавлял: — *Bonjour!* — чтобы не выказывать чрезмерную приверженность одной стороне. Он немного знал французский, помнил со школы, но Лотти предпочитала, чтобы он гово-

---

[50] Сноски: 50

Травы, пряная зелень *(фр.)*.

[51] Сноски: 51

Кассуле (запеченная в духовке до корочки густая фасолевая похлебка с зеленью и мясом) и петух в вине — блюда французской кухни.

рил по-английски. Его бездарные поползновения на язык жены оскорбляли ее слух.

Он мысленно похвалил себя, что не забыл по дороге домой заглянуть на Цветочный рынок. К концу дня цветы отдавали по дешевке, и Фробишер по сходной цене купил отличный букет разноцветных тюльпанов — розовых, красных, желтых. В этот час туда стекались цветочницы, чтобы набрать материал для своих бутоньерок и букетиков. Не Элизы Дулиттл[52], просто старухи, часами стоящие на продуваемых ветрами углах, чтобы заработать на жизнь. Фробишер иногда покупал у них скромный пучок фиалок, скорее из милосердия, но ему было приятно зарыться в цветы носом и упиться ароматом, на миг изгнав чумной дух проклятого города.

Завернутые в бумагу тюльпаны казались яркими и жизнерадостными, пока он добирался домой. Он поехал в Илинг на поезде. На следующей неделе он заберет машину из салона. Его вдруг поразило осознание, как сильно он будет скучать по сутолоке общественного транспорта. В толпе он чувствовал себя частью чего-то цело-

---

[52] Сноски: 52

Элиза Дулиттл — героиня пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион» (1912), цветочница, которую профессор фонетики на спор берется за полгода обучить произношению, принятому в светском обществе.

го, а не брошенным в одиночестве. На одном из сидений валялся забытый «Ивнинг стэндард». Заголовок гласил: «МАМАШУ КОКЕР ВЫПУСТИЛИ ИЗ КУТУЗКИ». Фробишеру не нравилось это прозвище. Оно представляло Нелли Кокер этакой добродушной сказочной старушкой, когда на деле она если и была сказочным персонажем, то, несомненно, ведьмой.

Соседка по вагону — довольно замученная жизнью, подумал он, — улыбнулась и сказала:

— Вот бы мне мой старик носил цветы.

Он не нашелся с ответом, но теперь пожалел, что не сказал: «Пожалуйста, возьмите» — и не вручил ей весь букет: его собственная жена, увидев цветы, скривилась, будто они напомнили что-то, о чем лучше забыть.

Сейчас Лотти скрылась в своем обычном убежище — задней гостиной. Когда на нее находил такой стих, она часами сидела в кресле у окна и бездумно пялилась в сад.

Лотти неплохо шила, и Фробишер купил ей в антикварной лавке на Нью-Кондуит-стрит хорошенький палисандровый столик для рукоделия, обитый внутри плиссированным бледно-голубым шелком. Сейчас она вышивала диванную подушку с яркими попугаями, но чаще брала

пяльцы и откладывала, не сделав ни стежка.

Фробишер также соорудил в саду кормушку, чтобы жене было на что поглядеть, но она, казалось, не замечала стайку прожорливых зябликов, что налетали на его подачки, как стервятники. Сейчас стемнело, птицы угомонились, но Лотти вглядывалась во тьму, будто с тревогой ждала, что из мрака кто-то появится. Ее дочь, надо полагать. Крошечная жертва войны.

Лотти уныло взглянула на мужа — почти так, будто это он был виноват в ее настроении. Ледяное дыхание запустения лежало и на доме. В очаге остался лишь холодный пепел, и Фробишер предался утешительному занятию — разводить огонь. Теплый весенний день с наступлением сумерек обернулся стужей.

Супружеское ложе сегодня тоже будет холодным, что случалось нередко. Когда у жены хорошее настроение («приподнятое», — думал он), она обвивает тощими руками шею мужа и осыпает его таким градом поцелуев («Mon amour, mon amour, je suis désolée»)[53], что ему почти хочется, чтоб она прекратила. Ее порывы иногда тревожили его. Сегодня тревог не предвиделось.

---

[53] Сноски: 53

«Моя любовь, моя любовь, я так опечалена» *(фр.)*.

Лотти, облачившись в плотную ночную рубашку, напоминающую Фробишеру саван, повернется к нему спиной, а он будет лежать без сна и думать, насколько иной была бы теперь его жизнь, появись он на пять минут позже, когда Лотти уже нырнула бы в Темзу и отправилась бы в Дыру Мертвеца.

Он поставил тюльпаны в кувшин, поскольку не нашел вазы, и водрузил на буфет, чтобы жене было видно. Затем сел в свое кресло и стал смотреть, как разгорается огонь. Наверное, можно еще раз попытаться написать статью для «Джона Буля». Несколько дней назад он начал вполне трезво:

Район Лондона, именуемый Вест-Эндом и обозначаемый Королевской почтой как «Лондон W1», занимает примерно квадратную милю. В него входят Пикадилли-серкус и Лестер-сквер, а также все ресторанчики и клубы, составляющие Сохо — не столько географический район, сколько атмосферу, пронизывающую эту часть Вест-Энда.

— Добавьте перчику, — сказал ему редактор «Джона Буля». — Это вам не уличный листок. Наши читатели знают, где Вест-Энд. Им подавай то, чего они не знают, иначе какой смысл? Ну, знаете, пикантные моменты.

Инспектор отложил перо и бумагу, не написав ни строки.

Ему хотелось попросить констебля Кобба приглядеть за Мэддоксом в «Аметисте», но что, если Кобб заодно с Мэддоксом? Маловероятно, но не исключено. Что, если они все заодно с Мэддоксом? Что, если сгнило не одно яблоко сверху, а вся бочка? Нельзя поддаваться мании и подозревать всех и вся, как параноик. Оукс, прозванный Хохотунчиком, вроде бы внушает доверие. Может, его привлечь к миссии?

Бесполезно, инспектор был слишком взвинчен, чтобы расслабиться. Швырнув недокуренную сигарету в огонь, он поставил перед камином противопожарную ширму. Накинул пальто, взял шляпу с вешалки.

— Я недолго прогуляюсь, подышу свежим воздухом, — крикнул он, но ответа не дождался.

Он бродил по илингским улицам. Не целеустремленным полицейским шагом, а блуждающей походкой человека, которому нет покоя дома. Было поздно, и на него поглядывали с подозрением. Может, и впрямь завести пса. Человек с собакой никого не пугает.

Вернувшись, Фробишер обнаружил, что разведенный им огонь погас. Он разворошил золу и

терпеливо оживлял пламя растопкой и угольной крошкой, пока оно вновь не запылало ярко и весело. Он задремал в кресле и, проснувшись, увидел, что огонь опять потух. Прямо как наша с Лотти история, подумал он, но был слишком измотан, чтобы перерабатывать на метафоры свою супружескую жизнь. Вместо этого он устало поплелся наверх, в постель.

Чаепитие в «Горинге»

На следующее утро первой почтой принесли кое-что для Нелли, но конверт с ее именем так и остался нераспечатанным на обеденном столе. Нелли редко получала почту на Ганновер-террас, предпочитая, чтобы все шло в «Аметист», подальше от любопытных глаз.

— Мама обожает секреты, — говорила Ширли.

— Даже когда их нет, — говорила Бетти.

— Особенно когда их нет, — говорила Ширли.

Нелли сидела с Бетти за столом, пытаясь втолковать ей основы бухгалтерии. Нелли находила Бетти самой легкомысленной из своих детей, за исключением Китти, но также самой восприимчивой к обучению, за исключением Эдит.

— Деньги пришли, деньги ушли — вот и все, что нужно знать, разве нет? — сказала Бетти.

— Ну, не совсем, — ответила Нелли, черпая из своего и без того скудного запаса терпения. — Сводить баланс — это не просто графы заполнять. Тут все тоньше.

— Тоньше? Какие тонкости могут быть в счетах? А, поняла! Двойная бухгалтерия, да?

Légerdemain?[54] Жонглировать цифрами. Водить за нос фининспектора и все такое. Что ж ты сразу не сказала? Но ведь всем этим Эдит занимается, зачем мне учиться?

«Потому что я не всегда буду рядом», — подумала Нелли. Но не стала говорить об этом дочери: не имело смысла. Нелли знала, что дети считают ее бессмертной. Слишком монументальна. Но если она передаст бразды правления Эдит, той понадобится свой подручный, тоже Кокер, готовый на все ради сохранения бизнеса. Бетти, может, и легкомысленна, но в ней есть безжалостность, какой нет у Ширли с Рамзи.

— Если посмотришь в левую колонку гроссбуха, — продолжала гнуть свое Нелли, — увидишь…

— Ты откроешь наконец этот конверт?

Нелли подозрительно взглянула на письмо.

— Это не бомба, — сказала Бетти.

— Кто знает, — сказала Нелли.

За неимением ножа для бумаг Бетти протянула матери свой перочинный ножичек, и та со вздохом смирения вскрыла конверт и осторожно извлекла содержимое — листок плотной бумаги,

---

[54] Сноски: 54
Ловкость рук *(фр.)*.

исписанный острым иностранным почерком, черными чернилами.

— Что, на свидание зовут? — с усмешкой спросила Бетти.

— Нет, — ответила Нелли.

Но это было именно так.

* * *

Приглашение. Нелли разрядилась в пух и прах по такому случаю — облачила свою пудингообразную фигуру в позаимствованный у Ширли дневной жакет, отделанный страусиными перьями («Сперла, а не позаимствовала», — пожаловалась Ширли), и нацепила диковинную шляпку работы знакомой модистки с Инджестр-плейс. Казалось, на голову Нелли приземлился дрозд и испустил дух. Нелли подумала, что эта шляпка отлично подошла бы для похорон. Правда, насколько ей известно, никаких похорон в ближайшее время не предвидится. Но они будут, как пить дать. Так же верно, как то, что за летом приходит осень.

* * *

— Мистер Аццопарди уже здесь, — вполголоса

произнес управляющий, будто поверяя бесценный секрет. И провел ее к столику.

— Вы очаровательно выглядите, — сказал Аццопарди, вставая ей навстречу.

Пока официантка разливала чай по чашкам, он произнес:

— Я люблю отели. Правду сказать, я их *обожаю*.

Нелли еще никогда не бывала на послеполуденном чае в «Горинге». Отличный тонкий фарфор, все элегантно.

— Я люблю сладкое, — сказала она и сразу взяла эклер, игнорируя сэндвичи.

— Я наслышан, — отозвался Аццопарди. — Хотя вы и без того сладостны.

«Подлизывается», — подумала Нелли. Почему-то разочарованно — она ждала от этого ухаживания больше злодейства и меньше банальностей. Впрочем, эклер был превосходен.

Аццопарди начал рассказывать, что раньше жил в Лондоне, но уехал в годы войны, на время перебрался за границу. Нелли решила, что речь о тюрьме. Обычно так и было. Да, он откровенно признался — плавучая тюрьма на якоре близ Гибралтара. Вернувшись в Соединенное Королевство, он поселился в Шотландии.

— Ваша родина, если не ошибаюсь?

— Лишь малая ее часть, — ответила Нелли, не желая заявлять права на всю Шотландию. — Очень воодушевляет. Пейзажи и все такое.

— О да, пейзажи, — согласился он.

Да кто же он такой, гадала Нелли. На удивление хорошо говорит по-английски, определенно лучше Китти.

— Вы остановились здесь? — спросила она.

— В «Горинге»? Нет, я снял дом на Итон-сквер. Решил вернуться, чтобы вспомнить былое. Однажды у меня тут случился неприятный опыт.

— И все же вы захотели вернуться?

— Чтобы упокоить призраков. И, — он хихикнул про себя, — поглядеть, узнает ли меня кто-нибудь. Я сильно изменился с тех пор, как жил в Лондоне.

Он покосился на свою кисть, на тыльной стороне которой Нелли уже заметила уродливый шрам в форме звезды — рану, похоже, заштопали кое-как, если вообще штопали. Она воздержалась от комментариев.

— Такое увлекательное занятие — переизобретать себя заново, вам не кажется? — Он многозначительно взглянул на Нелли.

— Мне неоткуда знать, — ответила она, вопро-

сительно вскидывая бровь над вторым эклером.

Даже Аццопарди счел необходимым ответить на вопрос кокеровской брови:

— Закон существует, чтобы его нарушать, — уж кому и знать, как не вам.

Нелли нахмурилась на последний кусочек эклера в руке и вернула его на тарелку.

— Что-то не так, Нелли?.. Можно, я буду называть вас Нелли?

— Лучше не надо, будьте добры.

Он что, *заигрывает* с ней? С Нелли и не такие пытались флиртовать, и все тщетно. Скользкий, какой-то маслянистый тип. Видимо, нацелился на ее клубы. Прослышал, что Мэддокс собрался на нее наехать, и решил опередить. И чего он юлит, а не переходит сразу к делу, не называет сумму? Она успокоила себя сконом.

— Хочу предложить вам пятьдесят тысяч фунтов, — сказал он, почуяв ее нетерпение.

— За что? — невинно спросила она, вооруженная лишь ножом для масла.

— За ваши ночные клубы. Что скажете? — Он моргнул — медленно, как черепаха.

Клубы стоили минимум вдвое больше. Аццопарди снова моргнул по-черепашьи.

— Еще чаю? — спросил он, кивая витающему

поблизости официанту.

— Не откажусь, — ответила Нелли.

* * *

Аццопарди попросил счет.

— Могу ли я подвезти вас куда-нибудь? — спросил он Нелли.

— Нет, спасибо. Мне надо заглянуть в дамскую комнату перед уходом.

— Но вы обдумаете мое предложение?

— Разумеется.

— И дадите ответ на следующей неделе?

— Разумеется.

Они поднялись из-за чайного стола одновременно. Аццопарди протянул руку, но, когда Нелли ответила тем же, он вдруг напугал ее, перехватив руку и притянув к себе — настолько близко, что она ощутила запах его одеколона. Тот же, что у Нивена, — факт, довольно-таки сбивающий с толку. Тут Аццопарди напугал ее еще сильней, чмокнув в щеку, раз-два. Нелли не была ксенофобкой — иначе не видать бы ей успеха в бизнесе, — но все же не сдержала мысль: «Чертов иностранец».

* * *

В дамской комнате (премилой) Нелли мрачно посмотрела на себя в зеркало. Она запыхалась, будто бежала (маловероятное для нее занятие). «Я не продаюсь», — мрачно подумала она. У нее было странное ощущение, что Аццопарди забавляется с ней. Кошка с мышкой. Он не хочет платить за клубы. Хочет ли он их вообще? Она подозревала: он нацелился на что-то совсем иное, но на что — она вообразить не могла. Что бы это ни было, она чуяла — он будет неумолим и то, что не сможет приобрести уговорами, возьмет разбоем. Сперва Мэддокс, теперь Аццопарди. Варвары у ворот. Нелли вздохнула. Ясно, что с Довиллем придется обождать до развязки этого дельца. Она пригладила перышки и вышла из дамской комнаты.

Швейцар «Горинга» усадил Нелли в «бентли». Хоукер, шофер, покосился на нее в зеркале заднего вида, когда она плюхнулась на кожаное сиденье. Он опасался, что после тюрьмы в броне хозяйки появилась трещина. Сильная Нелли предсказуема, но слабая способна на что угодно.

Хоукер жил в квартирке над гаражом, в проулке на задах резиденции на Ганновер-террас.

Он жаждал выйти на покой — мечтал о садовом участке, — но другого жилья у него не было. Пока найдет куда переехать, он будет годиться разве что на живодерню, говорил он дочери. На Нелли он работал уже пять лет. Порой он опасался, что знает слишком много ее тайн и она его ни за что не отпустит. После мучительных переговоров с Нелли Хоукер выбил себе один выходной в две недели. «Я как средневековый крепостной крестьянин», — жаловался он дочери.

— Куда едем, миссис Кокер? — спросил он.

— В «Хрустальную чашу», — сказала Нелли.

Voilá!

В доме на Ганновер-террас царил покой. Притихла даже Китти, хотя это обычно не предвещало ничего хорошего. Идеальные условия для создания великого труда, и Рамзи с упоением колотил по клавишам «ремингтона» и гонял каретку, подпитываясь лишь чаем «Липтон» и баночкой кокаиновых пастилок от боли в горле, которую стрельнул у хостессы в «Сфинксе». Он больше не думал — он писал! Его озарило, словно ударом молнии, — он должен создать детективный роман, загадочное убийство, ведь они сейчас так популярны. Он только что дочитал новую книгу Кристи «Убийство Роджера Экройда» и, конечно, оценил по достоинству хитроумно закрученный сюжет, но хотел чего-то более реального, более жесткого.

Чтобы завертелось действие, нужен труп, подумал он. Например, кого-нибудь вытолкнули из окна. Он замечал, что дефенестрация популярна в современных детективных романах. Таинственный труп на тротуаре. Но чей? И почему?

И еще для детективного романа понадобится

сыщик, который займет свое место в пантеоне прославленных детективов, — Дюпен у Эдгара По, Шерлок Холмс, даже Пуаро у Кристи. Рамзи не нужен элегантный, умный и благовоспитанный персонаж — нет, нужен детектив Скотленд-Ярда, кто-то, видавший виды и хорошо знакомый с теневой стороной жизни.

«Пиши о том, что знаешь». Бетти сказала, что он ничего не знает, но ошиблась, он знает кое-что — вакханалию, которая творится в Лондоне после наступления темноты, правда ведь? Уличные проститутки, наркотики, банды, безумные вечеринки, маскарады, ночные клубы, азартные игры, даже ужасная золотая молодежь — от грязи до блеска и все, что между. Его детектив в силу своей профессии будет беспрепятственно перемещаться между двумя мирами. И в очередном гениальном озарении Рамзи наконец нашел заглавие — «Эпоха блесток». Весь замысел предприятия раскинулся перед ним, как сверкающий тканый гобелен!

За дело. Прежде всего его детективу нужна какая-то изюминка, он должен быть чем-то не похож на других. Возможно, какая-то броская черта или причуда, которые, кажется, есть у каждого них, — скрипка, усы и тому подобное. Валлиец!

Рамзи не мог припомнить ни одного валлийского детектива, да и вообще ни одного валлийца, если уж на то пошло, кроме Ллойд-Джорджа, да и тот ведь не родился в богом забытой глуши Уэльса, верно?

И как Бог создал Адама, так Рамзи создал Джонса.

> **Старший инспектор Джордж Джонс, или Джонс-легавый, как его называли дома, в долинах, откуда он был родом** (из коих происходил?), **стоял на перроне вокзала Паддингтон, ожидая поезда 5:05 из Тонтона. Он сверился с карманными часами… Форменными табельными карманными часами.** (Входят ли в полицейскую форму карманные часы? Имеет ли значение, если нет? Звучит вроде нормально.) **Он сверился со своими форменными табельными карманными часами… своими верными форменными табельными карманными часами**.** (Так лучше.) **Поезд 5:05, прибывающий по расписанию** (NB – выяснить, есть ли поезд 5:05 из Тонтона), **медленно приближался к платформе, пуская клубы**

пара. Джонс улыбнулся про себя.

Почему? Почему он улыбается? И кстати, с чего бы главаря преступного мира занесло в Тонтон? Рамзи выбрал Тонтон наугад. Может, что-нибудь вроде Бристоля или даже Манчестера больше подходит на роль рассадника беззакония? Бирмингем точно, банды из этого города приезжали на дерби и чувствовали себя в «Аметисте» как дома. Рамзи подумал, что сможет решить позже. Интересно, есть ли в доме на Ганновер-террас справочник Брэдшоу? Вряд ли. Никто из Кокеров не ездит по железной дороге.

Джонс улыбнулся про себя, предвкушая встречу с Реджи Данном. Словно по сигналу, двери поезда открылись, и пассажиры начали выходить на платформу. Вагон первого класса, отметил Джонс. Данн, нечестивый главарь преступного мира Сохо, прогуливался по платформе с легкомысленным видом, словно у него не было ни единой заботы в жизни… вальяжно прохаживался по платформе, не подозревая, что заклятый враг поджидает его. «Привет, Реджи, – сказал Джонс. – На скачках

был?» (Звучит как-то плоско. Безобразничал? Натворил дел?)

«Что, Реджи, опять за старое взялся?» (Лучше.) **«Не желаешь ли прогуляться и обсудить…»** Обсудить что? Творить оказалось на удивление утомительно. Рамзи зевнул и раскурил сигарету.

«Привет, Реджи, – сказал Джонс. – Опять за старое взялся? Может, прогуляемся, и ты расскажешь мне, что сделал с бриллиантами леди Лорчен?»

Отлично! Рамзи прикурил новую сигарету от старой. Он слышал, как внизу в прихожей бьют большие напольные часы. Уже поздно, скоро нужно отправляться в «Сфинкс», но, по правде говоря, заведение и без него работает, само по себе.

Напирай, не сдавай. Следующая глава.

Он раскурил очередную сигарету.

Джонс держался в тени, его…

Тишину вдруг разорвал оглушительный визг, раздавшийся из глубин дома. Рамзи понадеялся на что-то леденящее кровь, но обнаружил лишь юную судомойку: она с жаром лупила сковородкой огромную крысу.

— Вот так, — торжествующе сказала она, запыхавшись и раскрасневшись, когда поверженная и окровавленная жертва наконец распласталась на каменном полу закутка, где мыли посуду.

Они были одни — кухарка ушла домой, — и Рамзи налил себе и судомойке по стаканчику бренди, чтобы отпраздновать ее триумф. Бренди был всего лишь кулинарный, но все равно Нелли, вероятно, закатила бы истерику, если бы увидела, как сын с судомойкой запанибрата пьют ее спиртное за выскобленным сосновым кухонным столом.

— Чего она не знает, о том не страдает, — сказала судомойка, потягивая бренди.

Какая благоразумная, подумал Рамзи. И смелая к тому же. Почему он раньше не замечал ее? Он даже не знал, что у них есть судомойка. Она представилась как Филлис, и в ходе их неподобающей беседы выяснилось, что она — белая овца (или, возможно, агнец) в семье воров из Ист-Энда, поэтому Рамзи провел полчаса с пользой, собирая сведения для своего романа. Он расспрашивал девочку о взломах, карманных кражах и налетах.

— Что ж, спасибо, что рассказала мне о своем племени, — сказал он, когда они допили (второй) бренди.

— Своем племени? — Брови судомойки взлетели вверх, и это напомнило ему Эдит. — Будто мы совсем другая порода! — Она вдруг разгневалась. — Мы все люди, мы все равны! — (Коммунистка, что ли?) — И «мое племя», как вы выразились, может, и воры, но хотя бы этого не скрывают. Это ваше — с гнильцой!

Нанеся удар, она гордо удалилась. А Рамзи-то думал, они так хорошо поладили. Ну что ж, возможно, из нее выйдет интересный персонаж для романа.

Наметив их добычею себе[55]

— Сбежать? В Лондон? Правда, Фреда? — взволнованно гнусавила подруга. Ей по правде надо удалить аденоиды. — Прямо как Дик Уиттингтон![56]

— Ну, не совсем как он, но да, в Лондон, — сказала Фреда. — Сядем на поезд и уедем. Очень просто, если вдуматься.

Они только что вышли из кинематографа на Кони-стрит и теперь ели жареную картошку, горячую и жирную, прямо из бумажного кулька, бродя по площади Святой Елены, и тут Фреда впервые предложила эту дерзкую авантюру.

— Но что мы будем делать в Лондоне? — недоумевала Флоренс.

— Как что, танцевать, конечно же, — сказала Фреда. — И петь, наверное, тоже. На сцене. Станем звездами!

---

[55] Сноски: 55

Джон Мильтон. Потерянный рай. Перев. Н. Холодковского.

[56] Сноски: 56

Ричард Уиттингтон (1354/1358–1423) — торговец, лорд-мэр Лондона, ставший прототипом героя народных сказок, пьесы и пантомимы: бедный мальчик Дик Уиттингтон со своей кошкой отправляется в Лондон, чтобы заработать состояние.

Флоренс неуклюже сплясала джигу на паперти церкви, давшей название площади. Фреда вспомнила Комичную Кошку, которую подруга играла в «Дике Уиттингтоне».

— О Фреда! — сказала Флоренс, мелодраматично прижимая руку к груди. — Как чудесно! Ты правда думаешь, что я могу стать звездой?

Комичная Кошка собиралась отправиться в Лондон с Диком Уиттингтоном.

— Конечно, — бодро ответила Хорошенькая Кошечка. Было ясно, что у Флоренс нет шансов, но Фреда не сомневалась, что у нее хватит оптимизма на двоих.

— Фреда, как ты думаешь, там улицы правда вымощены золотом? — спросила Флоренс, пока они дрожали на продуваемой ветром платформе вокзала в Йорке в ожидании поезда на Лондон.

Проклятая пантомима, подумала Фреда. Это оттуда Флоренс набралась фантазий о славе и богатстве. Успех требует упорного труда и железной дисциплины — не говоря уже о таланте, — а Фреда знала, что, если честно, Флоренс ни на что такое не способна.

— Нет, это просто сказка, — ответила Фреда, но ответ потонул в шуме прибывающего поезда.

Однако у них, в отличие от нищего Дика

Уиттингтона, кое-что было за душой. Фреда рассудила, что имеет право наказать мистера Птицесвиста за порочные поползновения, и, когда увидела его куртку, висящую без присмотра на спинке стула в кухне, запустила руку во внутренний карман. Она была настороже, в глубине души ожидая, что какая-нибудь злобная тварь — крыса или хорек — откусит ей руку. Однако она осталась невредимой и сумела выудить улов — кошелек, толстый от субботней выручки в лавке.

Сам мистер Птицесвист был тем временем занят с Глэдис в гостиной (Глэдис настаивала, чтобы это помещение называли «залой»). Недавно он купил матери Фреды граммофон и стопку популярных пластинок, которые сейчас и проигрывал на всю громкость. Из так называемой залы доносились и другие звуки, но Фреда сомневалась, что они свидетельствовали о танцах; уж точно не со стороны мерзкого осьминога. Фреда видела, как они с матерью сцепились, их губы слиплись, будто они пытались высосать воздух из легких друг друга. Какая гадость!

Под прикрытием пения Билли Мюррея «Хлопай в ладоши! Вот идет Чарли!» Фреда выудила несколько банкнот из бумажника мистера Птицесвиста, прежде чем аккуратно вернуть бумажник

на место. В общей сложности добыча составила четыре фунта десять шиллингов — небольшое состояние.

Деньги мистера Птицесвиста благополучно перекочевали в кошелечек Фреды, а кошелечек — в сумочку, неновую, доставшуюся от Ванды. Фреда планировала отбыть на поезде в Лондон еще до того, как Глэдис и мистер Птицесвист вылезут из несвежей постели. Фреда предвкушала, как разъярится осьминог, обнаружив, что его обокрали. На каминной полке она оставила прощальную записку, карандашом на своей лучшей розовой бумаге для писем.

Дорогая мама! Я сбежала в Лондон искать удачи. Я буду танцевать на сцене. В следующий раз напишу тебе, когда уже достигну славы! Не волнуйся за меня. Твоя любящая дочь Фреда.

Флоренс тоже внесла вклад в общую кассу — почти два фунта мелочью из голубой стеклянной копилки, разбитой по такому случаю.

Когда они расположились на скамейках вагона третьего класса и паровоз уже рвался в путь, Флоренс удивила Фреду: широко раскрыв глаза и онемев от торжества, она лукаво вытащила из кармана пальто нитку жемчуга и продемонстрировала Фреде, сидящей напротив. Фреда узнала

ожерелье сразу: она не единожды видела его на пухлой шее миссис Ингрэм. Дункан однажды рассказывал ей о ловцах жемчуга на Цейлоне: о том, как они могут задерживать дыхание дольше, чем кто-либо другой, чтобы нырять в глубины за тайными сокровищами устриц. Фреда задалась вопросом, сколько раз им пришлось нырять, чтобы у миссис Ингрэм было красивое ожерелье.

Вслед за жемчугом, словно кролик из шляпы Вандиного фокусника, явились бирюзовая запонка (бирюза была камнем миссис Ингрэм по гороскопу) и синяя птичка — брошка из эмали и золота, которую, как знала Фреда, мистер Ингрэм подарил миссис Ингрэм на ее пятидесятилетие. По случаю этого юбилея устроили небольшое чаепитие, на котором присутствовала и Фреда, как и на многих других скромных семейных торжествах Ингрэмов. Глаза миссис Ингрэм наполнились слезами, когда она развернула маленькую синюю брошку.

— О, какой ты заботливый, Алистер, — сказала она. — Я так тронута. Спасибо, дорогой. — А мистер Ингрэм ответил:

— Дражайшая Рути, ты столько всего вытерпела.

«Что же вытерпела миссис Ингрэм?» — гадала

Фреда. Самого мистера Ингрэма, решила она. Он был ужасно сухой старый чурбан. Они поцеловались — скромно, как и следует целоваться взрослым, по мнению Фреды.

— Убери, — прошипела Фреда, и ее голос потонул в шипении пара, выпускаемого паровозом перед отправлением.

В вагоне они были не одни. Пожилой мужчина у окна устремил все внимание на страницу некрологов «Таймс», но сварливая с виду женщина уже косилась на девочек неодобрительно: они были преступницами уже хотя бы в силу своего возраста и пола.

Довольно неохотно Флоренс снова спрятала сокровища. Будет плохо, когда Ингрэмы обнаружат, что их драгоценная Флоренс сбежала, и еще хуже, когда выяснится, что вместе с ней исчезли и драгоценности миссис Ингрэм. Фреда подозревала, что и в том и в другом обвинят ее. В конце концов, решила она, ее обвинят во всем.

Не успели они вылезти из поезда на вокзале Кингз-Кросс, как Фреда ощутила бремя наивности Флоренс. Пока они еще стояли на перроне, забирая свои чемоданы, к ним подошла женщина и спросила, не ищут ли они жилье, и Флоренс, как ластящийся брошенный пес, готовый по-

дружиться с кем угодно, сказала: «Да, ищем, как мило с вашей стороны», прежде чем Фреда оттащила ее за рукав пальто. «Не разговаривай ни с кем, кто так к тебе подходит. Вообще ни с кем не разговаривай».

— Почему нет? Она просто хотела помочь, — запротестовала Флоренс.

Агнец, напрашивающийся на заклание! Неужели она никогда не слышала о торговле белыми рабынями? О желтой угрозе? Об арабских шейхах, держащих европейских женщин в плену в шатрах среди пустыни?

— Глупая, такое бывает только в кино, — сказала Флоренс. (И это от человека, легковерней которого Фреда не знала!) — И нам ведь правда надо найти где переночевать сегодня.

Время подходило к пяти.

— Уже почти время чая, — добавила Флоренс с тревогой человека, привыкшего к регулярному питанию.

«О господи», — подумала Фреда. Флоренс не привыкла сама о себе заботиться, а Фреде казалось, что она всю свою небольшую жизнь только этим и занимается. — Не будь такой ворчуньей, Фреда. Мы ведь приехали отдыхать, в конце концов.

Какой уж тут отдых! Это была большая ошибка — позвать простодушную Флоренс вместе с собой в Лондон.

Они вышли со станции на многолюдные, ошеломляющие улицы. Фреде скрутило живот от внезапного страха, хоть она и не могла в этом признаться, но Флоренс, несмотря на тяжесть чемодана, ничуть не смутилась и радостно засеменила по тротуару.

* * *

Они нашли жилье в пансионе на Генриетта-стрит. Столь же неприветливом, сколь угрюмой оказалась его хозяйка. На двери не было ни названия, ни номера, только железный дверной молоток, украшенный лицом демона; один его вид зародил у Фреды дурное предчувствие, а когда она приподняла молоток, то едва заметно вздрогнула от страха, словно электрический ток пробежал по телу.

Вдруг дверь распахнулась, выпустив запах тушащегося дешевого мяса, а за ним появилась женщина в грязном, засаленном переднике, бросившая вместо приветствия обескураживающее «Чего надо?».

Ее звали, как выяснилось, миссис Дарлинг[57] — бывало ли на свете имя, менее подходящее к характеру его носительницы? — и она быстро оглядела улицу, прежде чем сказать: «Заходите», будто не хотела, чтобы кто-нибудь видел, как они входят. Фреда замешкалась на пороге, и лишь потому, что она погрузилась в теплые воспоминания о том, как играла Динь-Динь в любительской рождественской постановке «Питера Пэна», миссис Дарлинг успела схватить ее за предплечье и втащить в темный коридор. Флоренс, уже внутри, оглянулась через плечо и сказала: «Давай не тормози» (как ни смешно, обычно именно Фреда использовала эти слова применительно к Флоренс). Фреда вздохнула и последовала за подругой.

Миссис Дарлинг предложила им чай в унылой гостиной. Чашки были грязные, и Фреда лишь притворилась, что отпивает слабый настой из листьев, явно заваренных уже не первый раз.

Затем возникла некоторая путаница относительно цели их визита. Миссис Дарлинг, оглядев Фреду, предложила «решить» ее «проблему», и они не сразу смогли объяснить своей новой квар-

---

[57] Сноски: 57
Darling *(англ.)* — милая, дорогая.

тирной хозяйке, что их «проблема» заключается в отсутствии крова. Она мрачно, скрипуче рассмеялась и сказала: «Что ж, вам повезло. Комната на чердаке только что освободилась».

* * *

Фреда всегда вставала намного раньше — ей, как правило, приходилось трясти Флоренс, чтобы разбудить. Подругу удавалось выманить из постели только перспективой завтрака. Они каждый день завтракали вне дома — Ковент-Гарден изобиловал дешевыми кафешками для рабочих с рынка. В пансионе они готовить не могли; миссис Дарлинг подавала ужин каждый вечер, но еда была настолько ужасна, что даже Флоренс с ее героическим аппетитом порой бледнела. Флоренс хотела ежедневно ужинать в ресторане, и Фреда, хранительница их общей казны, устала от постоянных споров.

— Давай вставай, — говорила она подруге, стягивая с нее одеяло. — На том свете отоспимся.

Так обычно говорила Ванда Дункану.

После завтрака они направлялись в Вест-Энд и бродили туда-сюда по Риджент-стрит, Оксфорд-стрит и прилегающим переулкам, чтобы скоротать время. Иногда (довольно часто, по

правде говоря) Флоренс цеплялась глазами за что-нибудь в витрине магазина, ныряла внутрь и выходила с очередной ненужной безделушкой — набором карандашей, пупсом, пуховкой для пудры. Видимо, Флоренс никогда ни в чем не нуждалась и потому не имела понятия о бережливости. А еще она была как сорока — ее манило все блестящее, даже самая дешевая побрякушка. Насыпь дорожку из блесток, и Флоренс не раздумывая последует по ней.

Перед витриной магазина игрушек «Хэмли» ее просто приходилось держать силой. Ей все время хотелось зайти посмотреть на кукол, хотя она явно уже переросла подобные забавы.

— В куклы можно играть в любом возрасте, — упрямо заявляла она.

От этих кукол с мертвыми глазами Фреду бросало в дрожь. Флоренс еще ребенок, с горечью думала Фреда, она верит в ангелов, фей и в доброту человечества — во все то, в чем Фреда уже давно разочаровалась.

* * *

По настоянию Фреды они сразу по прибытии в Лондон записались в танцевальную школу с высокопарным названием «Академия танца

Вэнбру». Важно поддерживать форму, говорила Фреда подруге, к тому же лондонские танцевальные школы могут порекомендовать тебя в театры, если ты чего-то стоишь. Школой заправляла некая мисс Ада Шербурн, худая как доска и прямая как палка; она одевалась только в черное и белое и держала в руках тросточку вроде хлыста, которой неустанно дирижировала, муштруя кордебалет. Иногда она стегала девушек по ногам сзади, если они сбивались с ритма.

— Божечки-кошечки, — говорила Флоренс.

Они с Фредой покупали свежие выпуски «Сцены», внимательно просматривали в поисках открытых прослушиваний и приходили пораньше к служебным входам театров Вест-Энда, чтобы присоединиться к извивающейся очереди соискательниц с танцевальными туфлями в руках. Попав внутрь, они вливались в другую змеящуюся вереницу оптимистичных претенденток и наконец выходили на пустые гулкие подмостки под аккомпанемент одинокого унылого пианиста. В первый раз, в «Паласе», Фреда, до глубины души потрясенная тем, что стоит на настоящей сцене Вест-Энда, едва смогла просипеть свое имя, когда ее спросили.

Бедняжке Флоренс, конечно, ничего не светило.

Она не принадлежит к числу любимиц Терпсихоры, говорила мисс Шербурн. И правда, у Флоренс не было ни музыкального слуха, ни чувства ритма, а ноги словно обуты в свинцовые башмаки водолаза. Фреда хотя бы обычно успевала отбить несколько нервных тактов, прежде чем кто-то невидимый из первого ряда кричал: «Спасибо, следующая!»

— К сожалению, в столице совсем иные стандарты, чем в провинции, — говорила мисс Шербурн Фреде. — Может, вы и звезда своей провинциальной школы, но здесь вы, к сожалению, просто одна из многих. Но я уверена, что в конце концов найду вам что-нибудь. А на самый крайний случай, — добавляла она довольно мрачно, — в ночных клубах всегда нужны девушки, умеющие танцевать.

Нелли Кокер и ей подобным такие всегда нужны, сказала мисс Шербурн.

Фреде неприятно было об этом думать, но Флоренс изменилась с тех пор, как они приехали в Лондон. Конечно, она почти сразу перестала рваться на сцену, но это как раз не удивляло. Вместо этого ей хотелось ходить в кафе, кино и слоняться по универмагам Вест-Энда. Она хотела «смотреть достопримечательности» и купила

дорогой набор открыток с отрывными листами, который так и назывался «Достопримечательности Лондона». Набор раскладывался гармошкой, показывая фотографии Букингемского дворца, здания парламента, Тауэра и так далее, и после посещения очередного пункта Флоренс неизменно отправляла родителям соответствующую открытку, на которой каждый раз писала одно и то же. «Дорогие мамочка и папочка, я замечательно провожу время в Лондоне. Скучаю по вам!» — чувство, несколько подпорченное небрежно-веселым восклицательным знаком и отсутствием обратного адреса. В доме Ингрэмов был телефон, но Флоренс ни разу не попыталась связаться с родителями. Фреда поняла, что подруга впервые в жизни обрела свободу. Фреда, у которой не было ничего, кроме свободы, считала, что это понятие сильно переоценено.

Шла неделя за неделей, Фреда продолжала изнурительный марафон по открытым прослушиваниям в театрах, предоставив Флоренс бегать по туристическим местам одной. Возможно, это было ошибкой, потому что обычно безоблачный нрав подруги в последнее время часто омрачался новообретенной раздражительностью. Если Флоренс не уходила осматривать

достопримечательности Лондона (она должна была их все перевидать уже по нескольку раз), то, как правило, валялась, нехарактерно мрачная, на неудобном матрасе, набитом конским волосом, лениво выковыривала по одному леденцу из пакетика и читала мрачные триллеры в суперобложках, которые покупала с лотка на Бэрик-стрит.

Конечно, ее тоже захватила история о Тутанхамоне и его проклятии.

Фреда не слыхала о Тутанхамоне — она никогда в жизни не читала газет, они годились, чтобы нарезать кусками и подвесить на веревочку в сортире или чтобы заворачивать жареную рыбу с картошкой, но на этом их польза, по мнению Фреды, заканчивалась. Она не понимала, почему такой большой, современный город, как Лондон, — наверняка самый важный город на свете — должен волноваться из-за какого-то типа, умершего в Египте тысячи лет назад.

— Он бродит по улицам, ища жертв, — говорила Флоренс, — потому что мы его раскопали и потревожили его вечный покой.

— Никакие не «мы», — раздраженно говорила Фреда. — Я его не раскапывала. Я даже не знаю, где этот Египет.

В Йорке нельзя было ни газовую трубу проложить, ни новую сточную канаву прокопать, чтобы не наткнуться на римский скелет. Если бы покойникам не нравилось, что их «вечный покой» нарушают, то улицы родного города девушек наверняка кишели бы неупокоенными духами. («Так и есть», — говорила Флоренс.) У соседа Фреды по Рощам в угольном подвале хранился римский скелет, и люди платили по два пенса, чтобы прийти и поглазеть на него. Фреда предпочитала потратиться на пакетик грушевых леденцов.

А еще видения! За день до отъезда в Лондон девочки забрались по винтовой лестнице на крышу собора. Фреда хотела попрощаться с Йорком, собираясь покинуть его навсегда. Флоренс пыхтела, кряхтела и жаловалась на головокружение на каждом витке, в то время как Фреда — мастерица пируэтов, не будем забывать, — скакала по ступенчатой спирали и всячески подбадривала подругу. День был ясный, и, когда они добрались до вершины, перед ними раскинулась долина Йорка.

— Отсюда как будто виден весь мир, — сказала Флоренс.

— Ну, не совсем весь, — сказала Фреда. — На

самом деле крошечная часть.

— Как ты думаешь, если отсюда прыгнуть, то полетишь?

— Нет! — Какой же простофилей иногда бывает Флоренс! Фреда строго сказала: — Не полетишь. Упадешь.

— Я думаю, ангелы нас подхватят. Мне кажется, я их вижу, они ждут вон там, — сказала Флоренс, неопределенно показывая вдаль, на холмы. (Иногда Фреда и впрямь беспокоилась за подругу.) — А вон там Харрогит, — уверенно добавила Флоренс.

Видимо, в ее школе на уроках географии много времени проводили, рисуя и раскрашивая карты Йоркшира. Флоренс с матерью часто ездили в Харрогит на поезде, миссис Ингрэм предпочитала тамошние магазины. По словам Флоренс, в Харрогите «полно ангелов». Вот дурочка. Фреда однажды тоже поехала, и, несмотря на послеобеденный чай в кафе «У Бетти», бесконечное шатание по магазинам смертельно ей наскучило, ангелы там или не ангелы.

Однажды девочки пошли с миссис Ингрэм во фруктовую лавку Хэннонов на Стоунгейт — миссис Ингрэм прослышала, что там есть «моченые грецкие орехи», и горела желанием удивить ими

мужа. Фреда не могла представить, зачем кому-то захочется есть грецкие орехи, моченые или какие угодно. Они горчат и застревают в зубах. Изо всех орехов Фреде нравился только засахаренный миндаль от «Терри», в нежных пастельных тонах, который миссис Ингрэм держала в серебряной вазочке в буфете. «Филигрань», — загадочно сказала миссис Ингрэм, когда Фреда восхитилась узорчатым ажурным бордюром, окаймляющим вазочку. На слух Фреды это звучало как что-то связанное с игрой или, может быть, как хорошенькое имя для девочки.

В лавке Хэннонов Флоренс вдруг оживилась, заявив, что видит лик Девы Марии на большой дыне. «Канталупа», — сказал продавец в коричневом халате, будто это могло объяснить видение. Фреда никогда раньше не видела дынь, хоть без Мадонны, хоть с Мадонной, выдавленной на лягушачье-желтой поверхности. Теперь, конечно, живя так близко к рынку Ковент-Гарден, она считала себя знатоком фруктов и овощей со всего мира.

* * *

Фреда все больше терзалась угрызениями совести из-за беспокойства, которое причиня-

ла Ингрэмам, а вот сама Флоренс казалась на удивление невосприимчивой к чувству вины. «Дражайшая Рути, ты столько всего вытерпела». Сейчас миссис Ингрэм терпит гораздо больше, думала Фреда.

Однако Флоренс регулярно посещала мессу в церкви под названием «Корпус Кристи», католическом храме на Мейден-лейн, и Фреда гадала, исповедалась ли там подруга и получила ли отпущение грехов (Флоренс и научила ее этим терминам). Как, должно быть, удобно регулярно начинать с чистого листа.

«Корпус Кристи» означает «Тело Христово», объяснила Флоренс озадаченной Фреде, когда та спросила. Над алтарем церкви висело большое распятие. По сути, это казнь, разве нет? Фреда решила, что с тем же успехом могли бы там виселицу поставить. Жуть. И все же храм Тела Христова был великолепен, словно особенно роскошный театр. Фреда заглянула внутрь (осторожно, а то вдруг ее охмурят) и поняла, что ей хочется иметь бога, какого угодно, если он дает право на такое великолепие. В детстве Фреду иногда водили в воскресную школу — два слова, которые, по ее мнению, не должны стоять рядом, — но школа разочаровала ее скудостью

интерьера.

Совсем маленькой Фреда играла в «Гаммельнском крысолове», постановке труппы Сетлмент-Плейерс, хромого мальчика, отставшего от всех других детей. Это была роль без слов, поэтому Фреде, помимо хромоты, велели быть еще и глухонемой. Она играла на публику и получала много сочувствия, на поклонах ей даже устроили отдельную маленькую овацию. Вместо того чтобы поменять в тексте мальчика на девочку, Фреду спросили, не подстрижет ли она волосы. У нее тогда были чудесные длинные косы, но, конечно, она отрезала их. Ради роли она была готова на всё. А теперь в роли Крысолова выступила она сама: завлекла Флоренс и увела ее неведомо куда.

На душе у Фреды скребли кошки. Если бы не она, подруге ни за что не пришло бы в голову сбежать из дома. У Фреды было предчувствие, что эта история плохо кончится. Так или иначе.

Бартоломью

Фробишер прислал в «Уоррендер» еще одну записку. Сдержав слово, он отправил констебля по танцевальным школам и в итоге вытянул счастливый билет, узнав название заведения, которое посещали Фреда и Флоренс. «Мой констебль уже расспросил там, — писал Фробишер, — так что вам нет необходимости туда идти».

— Но, конечно же, я пойду, — сказала Гвендолен, обращаясь к записке.

Пышно названная «Академия танца Вэнбру» располагалась на Фрит-стрит, и Гвендолен решила отправиться туда пешком — как вскоре стало ясно, большая ошибка. Во-первых, идти было далеко, а во-вторых, оказавшись в Сохо, Гвендолен безнадежно заблудилась в лабиринте улиц. Люди, у которых она спрашивала дорогу, похоже, были столь же несведущи в топографии столицы, как и она сама. Должно быть, она добрых полчаса плутала по лабиринту, прежде чем случайно наткнулась на Фрит-стрит. Без карты не обойтись.

* * *

— Что ж, для девушки всегда что-нибудь найдется, пока она не увяла, — сказала Ада Шербурн. «Мисс Ада Шербурн — преподавательница танцев» царила в академии Вэнбру. Внешность мисс Шербурн ошарашивала: бледная, как выросший во тьме побег, в идеально сидящем черном платье (элегантном, а не похоронном), с такой безупречной осанкой, что Гвендолен почувствовала себя полной замарашкой. Мисс Шербурн также не стриглась: длинные волосы были уложены в аккуратную, но замысловатую прическу, на которую у Гвендолен ушли бы часы (если бы она вообще смогла такое воспроизвести). Гвендолен сразу воспылала неприязнью к учительнице танцев.

— Да, насколько я помню, они здесь занимались, — сказала мисс Шербурн. Когда прозвучали имена Фреды и Флоренс, у нее дернулся глаз. Возможно, это просто нервный тик.

— Когда вы видели их в последний раз?

— Ах, не припомню, — туманно ответила преподавательница. — Возможно, несколько недель назад. К сожалению, таланты Фреды оказались посредственными, она довольно неуклюжа. То

есть у нее сносный чечеточный шаг и слух есть, но я знаю полсотни девушек поспособнее. А уж бедняжка Флоренс… Возможно, они перешли куда-нибудь в менее респектабельное место.

Что это значит?

— Скажите, мисс Келлинг, кем они вам приходятся, эти девушки?

— Это девушки, которые пропали, мисс Шербурн, вот кем они мне приходятся.

— Я бы на вашем месте поискала по ночным клубам. Такие, как Фреда, — лакомый кусочек для Нелли Кокер мира сего. Она пожирает их. Хотя я предполагала, что они вернулись в родную деревню, на север.

В устах Ады Шербурн слово «север» прозвучало как оскорбление.

— Йорк, — защищаясь, подсказала Гвендолен. — На самом деле очень приятный город. С древней историей.

Зазвонил телефон, прервав этот обмен колкостями.

— С вашего позволения, — сказала Ада Шербурн, сняла трубку, не дожидаясь ответа Гвендолен, и, прикрыв рукой микрофон, сказала ей: — Мне ужасно жаль, что я больше ничем не могу вам помочь, — а затем убрала руку с микро-

фона и завела приторную беседу, явно с кем-то из театрального мира. Гвендолен поняла, что ей указывают на дверь.

На выходе ей навстречу попалась стайка девушек, идущих на занятие в репетиционной одежде, с танцевальными туфлями в руках. Они заулыбались и забормотали вежливые приветствия.

— Прошу прощения, — сказала Гвендолен, — не знает ли кто-нибудь из вас Фреду Мёргатройд или Флоренс Ингрэм, которые здесь занимались?

Девушка в хвосте стайки пропищала:

— Я знаю Фреду. Она хорошая.

Остальные девушки не стали задерживаться и пошли дальше.

— Когда ты видела ее в последний раз?

— Пару дней назад. На репетиции.

Пару *дней* назад? По словам Ады Шербурн выходило, что она не видела Фреду и Флоренс уже несколько недель. Неужели они такие незапоминающиеся? Или есть какая-то причина, по которой преподавательница хотела о них забыть?

— А Флоренс?

— Давно уже не видела. Она продержалась всего несколько дней. А что, мисс? Что-то случилось?

— Видишь ли, — сказала Гвендолен, — к сожалению, похоже, никто не знает, где они. Я подруга Фрединой сестры, я приехала в Лондон искать их. Может, ты подумаешь и предположишь, где они могут быть?

Та склонила голову набок, раздумывая. Птичка. Она была очаровательна, с четкой ровной стрижкой каре и вздернутым носиком. Гвендолен могла представить ее на сцене — в музыкальной комедии, пожалуй. Она хорошо говорила, уже овладела четкой дикцией.

— Ну, я не знаю, где они живут, — сказала девушка, — но я знаю, что у Фреды прослушивание.

— Прослушивание?

— Да, мисс Шербурн устроила ей прослушивание в «Адельфи», на роль в «Бетти в Мэйфере». Это ревю, — пояснила она в ответ на непонимающий взгляд Гвендолен.

Ада Шербурн не упомянула ни о каком прослушивании. Почему?

Гвендолен слышала, как она сердито кричит: «Черри! Черри Эймс, ты идешь? Черри!»

Девушка скорчила гримаску и сказала:

— Это я, мне нужно репетировать, я готовлю сольный номер, у меня завтра тоже прослушива-

ние, в «Паласе». — Она побежала по коридору, но вдруг вернулась с полпути и сказала: — А знаете, у мисс Шербурн записаны все наши адреса. У нее в кабинете.

* * *

Гвендолен как можно тише проскользнула в кабинет Ады Шербурн. Сама преподавательница теперь была полностью поглощена занятием: Гвендолен слышала, как она с удивительной свирепостью отсчитывает такт: «Пять-шесть-семь-восемь». Она истинный дракон, и Гвендолен сейчас вторгалась в логово дракона.

Образцовый порядок в кабинете облегчал поиски. У одной стены стоял дубовый картотечный шкаф с четырьмя выдвижными ящичками, подписанными каллиграфическим почерком, и на третьем ящичке сверху услужливо значилось «Ученицы». Внутри все было аккуратно разложено по алфавиту — из Ады Шербурн вышла бы отличная библиотекарша, не хуже мистера Поллока.

И вот она, в подвесной папке, помеченной «Л — М» — «Фреда Мёргатройд», и адрес — Генриетта-стрит, дом четыре.

Счет прекратился, и Гвендолен поняла, что

Ада Шербурн сейчас поймает ее, прежде чем она успеет унести ноги. От этой мысли у Гвендолен побежали мурашки. Любопытно было бы посмотреть, как Ада Шербурн и миссис Бодли сойдутся в запертом помещении в драконьем поединке. Гвендолен поставила бы на миссис Бодли (ее обиды были зрелищней), но борьба вышла бы упорная.

— Раз-два-три-четыре! — Неумолимый счет возобновился.

Гвендолен облегченно выдохнула, добравшись до двери кабинета. Вышла и тихо закрыла ее за собой.

Сисси всегда бранила сестру, обзывая ее расхлябанной, но, по правде говоря, у Фреды, должно быть, стальные нервы, раз она подвергает себя строжайшей дисциплине танца.

* * *

— Десять минут отсюда, — сказал мужчина за прилавком в табачной лавке на Грик-стрит, куда Гвендолен заглянула спросить дорогу. Она вышла из Академии танца Вэнбру и уже давно ходила кругами. Лондонские «десять минут», похоже, намного длинней йоркширских.

Опять Лонг-Эйкр! Гвендолен уже один раз

прошла по Боу-стрит. Она была готова капитулировать и обратиться к Фробишеру, чтобы он помог отыскать дорогу, когда, к счастью, наткнулась на книжный магазин Стэнфорда, и любезный молодой человек продал ей загадочного Бартоломью. Ну конечно — карта! Гвендолен припомнила, как посетители библиотеки брали карты и атласы на дом.

— Я идиотка, — сказала она любезному молодому человеку, а тот ответил:

— Ну что вы, мэм, конечно нет, — и, более того, развернул девственные складки карты и показал маршрут, по которому ей следует идти. — Пять минут, — пообещал он и, к счастью, не обманул.

* * *

В «Адельфи» не обнаружилось никаких признаков «Бетти в Мэйфере». Вместо этого фасад театра был обклеен афишами «Зеленой шляпки» с большими фотографиями Таллулы Бэнкхед, исполнительницы главной роли. (Гвендолен представила себе ярость мистера Поллока.) Она решила, что купит билет. Может, стоит купить два и пригласить Фробишера, хотя трудно представить, что «Зеленая шляпка» придется ему по вкусу. «Что вообще может быть ему по вкусу?» —

гадала Гвендолен. Возможно, чинная опера или утомительная хоровая музыка (ей не нравилось ни то ни другое). Но наверняка в этом человеке должна быть хоть какая-то легкость бытия? Гвендолен пообещала себе, что, если так, непременно ее отыщет.

Театр был закрыт, и она в конце концов очутилась у служебного входа на Мейден-лейн. Бартоломью не помог: он, похоже, не ставил перед собой задачу нанести на карту служебные входы лондонских театров.

Служебный вход был открыт, и внутри маячил вахтер.

— Я ищу одну девушку… Фреду Мёргатройд… у нее здесь было прослушивание, — сказала Гвендолен.

Вахтер позвонил и попросил кого-то прислать. Искомая личность оказалась безусым юнцом довольно желтушного вида. Он с жалостью поглядел на Гвендолен:

— Вы хоть представляете, сколько девушек проходит через эту дверь?

«И все ли они выходят обратно?» — задумалась Гвендолен.

— Нет, вообще-то, не представляю, — ответила она.

— Сотни, вот сколько, — возмущенно сказал он. — И я не смогу назвать вам ни единого имени.

Гвендолен пожалела, что у нее нет с собой фотографии Фреды: вдруг она помогла бы освежить память этого странного юноши.

— Я спрошу у руководства, — величественно сказал он и исчез так надолго, что Гвендолен решила, что он, должно быть, забыл, но в конце концов он возник снова и сказал:

— Нет, никто не знает никого по имени Фреда Мёргатройд.

Он явно напоказ закурил сигарету, будто гордясь тем, что курит. Гвендолен решила, что он вряд ли намного старше Фреды.

— Что-нибудь еще? — спросил он, уже поворачиваясь, чтобы уйти.

Гвендолен спросила:

— Она получила роль?

Юнец только рассмеялся (привратник явно разделял его веселье):

— Какую роль?

Перед лицом такой неподатливости отступление казалось единственным выходом, и Гвендолен удалилась в кафе, заказала сардинки на поджаренном хлебе и ела их, изучая своего

драгоценного Бартоломью. Скоро я стану совсем *au fait*[58] на улицах Лондона, подумала она с некоторым удовлетворением.

* * *

В доме на Генриетта-стрит никто не отозвался на вежливый стук, и Гвендолен забарабанила громче. Дверной молоток был в форме ухмыляющегося демонского лица: не очень-то приветливо, подумала она. Возможно, так и задумано. Снаружи дом производил впечатление заброшенного, но трепет грязного тюля в окне верхнего этажа намекал, что внутри кто-то есть.

Она снова громко постучала, но дверь сохраняла угрюмую неподвижность. Какое-то нехорошее место. Гвендолен не страдала излишне богатой фантазией, но в этом доме было что-то такое, отчего мурашки бежали по спине. Возможно, этой негостеприимной двери, чтобы открыться, нужен более официальный стук полицейского. Гвендолен вздохнула; в порядке дня снова отступление. Как часто детективы сталкиваются с непреодолимыми препятствиями. Неудивительно, что Фробишер так много вздыхает.

---

[58] Сноски: 58
Знающий, освоившийся *(фр.)*.

Газетный киоск на Стрэнде был увешан открытками, включая сплошную полосу, гордо гласящую: «Достопримечательности Лондона». Гвендолен остановилась. Это ведь те самые открытки, которые Флоренс отправляла родителям? Гвендолен почему-то захотелось купить набор. Открытки, висящие в киоске, были для показа. А Гвендолен выдали набор в уже сложенном виде, в вощеном конвертике. Она заплатила и сунула купленное в сумку. Надо будет выделить день на осмотр достопримечательностей — открытки могут пригодиться. И нужно отправить одну открытку мисс Тейт, мисс Роджерсон и мисс Шоу. Страшно представить, как они разволнуются, получив ее.

«Хрустальная чаша»

Простительно было бы предположить, что «Аметист» — безусловно, самый известный и прибыльный из клубов Нелли — наиболее близок ее сердцу, но на самом деле это было не так: именно к «Хрустальной чаше» она питала особую привязанность. Здесь она часто уединялась ближе к вечеру, наслаждаясь тишиной перед началом вечерних увеселений.

Среди клиентов клуба, по большей части высокопоставленных, было много членов палаты лордов, а также несколько королевских адвокатов[59], носителей шелковых мантий, и даже членов Верховного суда. Возможно, именно поэтому в «Хрустальной чаше» никогда не бывало облав. Клуб располагался далеко и от судебных

[59] Сноски: 59

Королевский адвокат, также советник Короны, советник короля или королевы — престижный статус, который присваивает юристу король или королева особым патентным письмом. Для его получения нужен стаж работы адвокатом не менее 15 лет и определенные достижения в юриспруденции.

иннов[60], и от Вестминстера, что, по словам Нелли, и объясняло его привлекательность для представителей истеблишмента, поскольку никто не ожидал, что они забредут так далеко от привычных троп.

Это был самый утонченный из всех клубов. Нелли потратила восемь тысяч фунтов на роскошный синий с золотом декор — обитые стеганым атласом стены, плиссированный и присборенный искусственный шелк на потолке, кленовый паркет «в елочку», изящные стеклянные люстры, на столиках электрические лампы под розовыми абажурами — словно позолоченная бонбоньерка. Еду готовили в заведении Гантера на Беркли-сквер. «Хрустальная чаша» была единственным из всех клубов Нелли, где подавали икру. Нелли брала семь шиллингов и шесть пенсов за порцию (то есть, по ее меркам, отдавала практически по себестоимости). Метрдотель был русский и, по слухам, наследник династии Романовых по боковой ветви, но Нелли никогда не спрашивала его прямо, потому что не хотела получить отрицательный ответ и разочароваться.

---

[60] Сноски: 60

Судебные инны — юридические корпорации, или палаты (ассоциации квалифицированных юристов), занимающие обширную территорию в Лондоне на границе Сити и Вестминстера.

Лицензия на алкоголь всегда была в порядке, и в заведение ни разу не являлся инспектор проверять, подается ли спиртное в неустановленные часы (хотя это происходило постоянно). Хостессы были высшего класса, благовоспитанные барышни — если не приглядываться, не отличишь от светских дебютанток. Они стоили по две гинеи за танец, вдвое дороже, чем в «Аметисте».

Ресторан «Хрустальной чаши» находился на первом этаже, и Нелли любила сидеть там, втягивая успокаивающий дух выдохшегося спиртного и табака и смотреть, как последние лучи дня просачиваются сквозь арлекиново-пестрые ромбы витражного стекла в окнах. Иногда она выпивала стаканчик «Мариани», винной настойки на листьях коки, считая, что если такой напиток подходит папе римскому, то и ей сгодится; не важно, что она стала чураться религии после неприятного инцидента в юности, задолго до окончания монастырской школы.

Не то чтобы Нелли боялась наркотиков как таковых. На самом деле, когда Нивен отправился на фронт в 1916 году, она подсунула ему в вещмешок купленный в «Хэрродсе» «Приветственный комплект для друзей», содержащий кокаин, морфий, шприцы и иглы. Нивен выбросил его за борт

при переправе через Ла-Манш, сомневаясь, что наркотики помогут выжить.

Однако обычно, когда Нелли сидела в «Хрустальной чаше», на столике перед ней стоял чайник. Если она все еще была там, когда начинали подтягиваться хостессы, они умоляли ее погадать им, и она веером раскладывала карты на столе перед собой, предлагая их девушкам, словно обещания. Или угрозы. Смотря как посмотреть. В мире Нелли все зависело от того, как посмотреть.

На верхнем этаже здания была квартира со всеми удобствами, оформленная в розовых тонах. Там никто не жил, и Нелли любила подняться наверх и посидеть в никем не тронутой атмосфере — это действовало необычайно умиротворяюще. Возможно, то был единственный незапятнанный уголок ее жизни.

Главный бармен, вкрадчивый испанец, усердно полируя бокалы, сказал:

— С возвращением, миссис Кокер.

Не желает ли она чего-нибудь? К его удивлению, Нелли ответила:

— Виски. Односолодовый. Смотри, чтобы хороший. Ничего не добавлять.

«Макаллан» был щедро налит и подан с боль-

шой учтивостью. Должно быть, она празднует освобождение, подумал бармен.

— Она не заболела? — спросил управляющий, некто Темплтон. Он тихо подошел к бармену, и они вместе исподтишка наблюдали за Нелли.

— Она пьет виски.

— И что это значит?

— Понятия не имею.

Дни Темплтона в «Хрустальной чаше» были сочтены. Эдит сказала Нелли: его подозревают в том, что он запускает руку в кассу.

Нелли осторожно пригубила напиток. Она очень давно не пила виски и теперь не была уверена, какие воспоминания воскресит его вкус. Лишь слабую, пахнущую торфом память о первой брачной ночи, когда ее приобщили к значению слова «совокупление» — раньше она думала, что это что-то относящееся к продаже земельных участков.

«Хрустальная чаша» должна была пустовать в этот час, в чем и заключалось ее очарование для Нелли, но, подняв глаза, она увидела, что за одним из столиков у дальней стены кто-то сидит.

Это Мод, конечно, кто же еще? Она капала водой на чудесный кленовый паркет «в елочку». Нелли пришлось сдержаться, чтобы не крикнуть

принести швабру: пол стоил целое состояние.

У Мод был бокал абсента, и она подняла его в тосте. Нелли молча подняла свой в ответ.

— Она точно не в себе, — пробормотал Темплтон бармену, наблюдая, как Нелли салютует пустоте.

* * *

Когда музыканты начали подтягиваться на эстраду и распаковывать инструменты, а танцовщицы — наводить красоту в артистической уборной, Нелли тяжело поднялась из-за стола и подала знак принести пальто. Темплтон бросился исполнять.

— С возвращением, миссис Кокер, — сказал он, помогая ей надеть пальтишко. Он заметил, что в тюрьме хозяйка словно чуточку ссохлась.

Он заметил также, что она завела себе тросточку с красивой серебряной рукояткой в виде лисьей головы. Но трость не казалась признаком слабости, поскольку Нелли не опиралась на нее, а размахивала ею, как тамбурмажор жезлом. Темплтон не удивился бы, получив удар по голове.

— Теперь в «Аметист»? — спросил он, скорее ради поддержания разговора, чем из любопытства.

— А куда еще? — ответила Нелли.

Это прозвучало как искренний вопрос. Управляющий не нашелся с ответом.

* * *

В «Аметисте» еще все было тихо, когда «бентли» Нелли подъехал ко входу. Хоукер помог ей выйти. Эта новая трость, подумал он, больше похожа на театральный реквизит.

Вместо того чтобы сразу войти в «Аметист», Нелли немного прошлась по улице, словно зверь, заново помечающий свою территорию. Клуб окружали разнообразные заведения — рестораны, кафе и всевозможные лавки: контора агента по снабжению морских судов, оптовый поставщик ножей, цирюльня, сапожная мастерская, импортер чая и так далее. Несколько владельцев вышли поприветствовать Нелли. Она была личностью. Она придавала улице скандальную известность. Они это ценили.

Нелли на миг задержалась перед «Аметистом». Покрытые копотью кирпичные стены и облупившаяся краска служили отличной маскировкой. Окна первого этажа были затемнены, и фасад не давал ни малейшего представления о внутренней необъятности. Когда-то в здании жила семья гугенотов: не ткачей-шелковников, те обосно-

вались в Спиталфилдсе, а ювелиров, нашедших убежище в Сохо. Их мастерская располагалась на верхнем этаже, где было больше всего света, и, когда Нелли-сорока только въехала в здание, она углядела крошечный слиток золота, застрявший между двумя широкими дубовыми половицами. Это показалось ей добрым знаком. Обещанием больших сокровищ. Нелли хранила слиток в шелковом мешочке на завязках, вместе с другими талисманами, приобретенными за годы, — зубом шотландской дикой кошки, куском горного хрусталя, заячьей лапкой и прядью волос, срезанной с трупа повешенного (хотя Нелли первая признала бы: нет никаких доказательств, что волосы срезаны с повешенного и даже вообще с мертвого). Если у Нелли и была душа — определенного ответа на этот вопрос пока никто не дал, — то языческая.

Мешочек хранился под матрасом маленькой латунной кровати в спальне на Ганновер-террас. В Холлоуэе Нелли остро не хватало его. В первую же ночь по возвращении в собственную постель она стала искать мешочек и встревожилась, обнаружив, что он исчез.

* * *

Чтобы попасть в «Аметист», нужно было сначала миновать два гранитных обелиска — привратников, бывших кулачных бойцов, гордившихся тем, что они сторожевые псы Нелли.

— Привет, ребята, — сказала она, приветствуя их кивком.

Невозмутимые лица едва дрогнули, хотя привратники были тронуты чувством товарищества. Они оба много раз бывали в тюрьме. Теперь Нелли стала одной из них.

У подножия лестницы хозяйку подобострастно приветствовал Линвуд.

— Миссис Кокер, — сказал он, — рад вас видеть.

Взгляд Нелли смутил его. Линвуда не было среди тех, кто вчера под утро остался в клубе отметить возвращение Нелли. Она и Эдит заметили его отсутствие и обменялись репликами без слов, сигналя приподнятыми бровями. К сожалению, Линвуд знал кое-какие тайны — как самой Нелли, так и гостей клуба. Это обеспечивало ему неприкосновенность. Пока что, во всяком случае. Он заметил трость Нелли. Она будто угрожала.

Он отдернул черный бомбазиновый занавес и

поклонился, словно особе королевской крови:

— Добро пожаловать домой, миссис Кокер.

Ведь это и впрямь мой дом, подумала Нелли, прощая Линвуду его подобострастие. Дом на Ганновер-террас — жилье, но «Аметист» — царство, где она правит во всей своей славе.

— Прошу, — великодушно сказала она, пропуская Мод вперед себя. — Постарайся не капать повсюду.

Сокровища Египта

Вечер выдался приятный, хоть и прохладный, и предсмертные минуты весеннего заката целовали белый камень столичных зданий. Или, может быть, «лобзали»? Рамзи отверг это слово как слишком романтичное, наряду с «целовали». «Блестели»? Нет, это кастрюли и сковородки блестят — во всяком случае, в хороших домах. К тому времени, когда он нашел удовлетворившее его слово («ласкали»), солнце давно уже отправилось на покой. Похоже, он вполне способен писать в уме, только не на бумаге. Надо бы носить с собой блокнот, чтобы ловить эти моменты. (Почему он так не делает?) Надо вставить этот образ в роман.

Рамзи любил воображать себя фланером. Вроде Бодлера. Он мог бы, возможно, стать одним из *poète maudit*[61], утопающим в декадансе и абсенте. Впрочем, писать стихи как таковые его не

---

[61] Сноски: 61

Проклятые поэты *(фр.)*. Название цикла статей Поля Верлена, посвященных его отверженным и непризнанным собратьям по перу, которые и сами не желали вписываться в окружающий мир буржуазного успеха и скучной добропорядочности, — Тристану Корбьеру, Артюру Рембо и Стефану Малларме.

тянуло. Поэзия не приносит денег, она — бесплодная земля литературы. Да, он читал «Бесплодную землю»[62] и не понял, из-за чего весь сыр-бор. Он счел это произведение претенциозной чепухой, просто мешаниной цитат и обрывков из учебников истории, по сути.

Мимо прошли две женщины, хихикая и цепляясь друг за друга, будто всё вокруг их страшно веселило. Они были с головы до ног одеты в разные оттенки зеленого, включая обязательные зеленые шляпки. Все зеленое. Почему этот цвет в такой моде? Неужели из-за чертовой «Зеленой шляпки» Майкла Арлена? Может, это из-за абсента, — Рамзи любил абсент. *La fée verte*. Зеленая фея. Или потому, что зеленый — цвет надежды? Целительная трава, прорастающая сквозь грязь и мертвецов во Фландрии полях[63]. Хороший образ. «Целебная трава». Получилось бы неплохое название, если бы он уже не нашел другое. Правда, не подходит для детективного романа, слишком в духе Золя. Несколько переведенных романов

[62] Сноски: 62

Поэма Т. С. Элиота, выпущенная в 1923 г.; считается одной из самых важных поэм XX в. и основным произведением в модернистской поэзии.

[63] Сноски: 63

Стихотворение Джона Маккрэ, ставшее своего рода гимном памяти павших на первой мировой: «Во Фландрии полях алеют маки / Среди крестов, за рядом ряд; / То наши памятные знаки…»

Золя он кое-как осилил, пока лежал в санатории.

На Сохо-сквер небольшая группа мужчин — рабочих, подумал Рамзи, взволнованный этой мыслью, — устроила какую-то демонстрацию. В последнее время много болтали о всеобщей забастовке, и Рамзи развлекался фантазиями о том, как будет стоять на баррикадах на Оксфорд-стрит. Он все еще хранил теплые воспоминания о «большевистах» с Грейт-Перси-стрит. Возможно, следующий роман стоит написать о рабочих.

Демонстранты-оборванцы, с виду грубые и говорящие с северным акцентом, временами хором выкрикивали заученный клич: «Работать — ни минутой больше, денег — ни грошом меньше!» Шахтеры, подумал Рамзи. Но что шахтеры делают в Сохо? Какой им смысл отстаивать свои интересы здесь, почему они не протестуют в Вестминстере? Может, им подсказать, куда идти? Может, стоит поговорить с ними, извлечь достоверные детали для романа о рабочем классе. «Люди угля» — ему понравилось это название. Звучит благородно.

Рамзи с открытым лицом и протянутой рукой приблизился к рабочим, но не знал, как к ним обратиться. (Люди? Товарищи?) Не успел он определиться, как один рабочий обратил к нему

усталое, грязное лицо и сказал:

— Вали-ка ты нахер, пижон херов.

Рамзи уполз, поджав хвост. Вот тебе и рабочий класс.

* * *

Он добрался до «Сфинкса», все еще зализывая раны. Внутри над дверью его встретила большая гипсовая копия маски Тутанхамона. Не накликает ли она проклятие на них всех? Он неловко прошел под слепым взглядом юного фараона и двинулся по длинному узкому коридору, который отлого спускался в подвал. Нелли проконсультировалась с египтологом из Эшмоловского музея (нити ее паутины простирались повсюду), и коридор должен был воспроизводить туннельный вход в гробницу фараона, хотя Рамзи думал, что это больше похоже на вход в шахту. Не то чтобы он бывал в пирамиде или шахте, но читал и о том и о другом. Египетские мертвецы пугали Рамзи; в юности он посетил Британский музей и тамошний зал, полный мумий. И потом неделями видел по ночам кошмары: он заперт в этом зале ночью, а мумии ожили. Ведь мертвых следует хоронить, а не выставлять напоказ?

В этом коридоре «Сфинкса» Рамзи всегда

холодел, будто шел в свою собственную бальзамированную загробную жизнь, и с облегчением выдыхал, когда наконец достигал конца и (относительной) безопасности сумеречных интерьеров клуба. Конечно, полной безопасности не найти нигде, и уж точно ее не было в «Сфинксе».

Каждый из Кокеров, кроме Нивена, номинально заведовал одним из ночных клубов Нелли, и Рамзи по возвращении из-за границы достался «Сфинкс», самый сомнительный из всех. Нелли говорила, что это сделает из него человека, но Рамзи думал, что, скорее, это его разделает.

Как явствовало из названия, «Сфинкс» был вдохновлен египтоманией, охватившей Лондон после открытий Картера и Карнарвона на Ниле четыре года назад. Клуб украшали поддельные египетские сокровища — настенные росписи, иероглифы, восточные лампы и тому подобное, — а также несколько подлинных артефактов, которые Нивен раздобыл для Нелли у кого-то из своих знакомых (тот служил в Египетской экспедиционной армии и сумел привезти домой несколько сундуков награбленного).

Нелли мечтала украсить «Сфинкс» саркофагом, желательно с обитателем внутри — у Долтона в клубе «Морг» на Хэм-Ярд столами служили

гробы, — но ее отговорили от этой макабрической идеи, в основном из-за редкости подобных диковинок, и даже Нивен не смог раздобыть древнеегипетскую мумию в Вест-Энде. Жаль, сказала Нелли. Она знала, что завсегдатаи «Сфинкса» не смутились бы, а может, даже обрадовались бы возможности пить свои «Ромовые Дейзи» и «Королевы ночи» в компании мертвеца. Такая уж это была публика.

Лучшее, что удалось достать, — мумию кошки: ее купили за шиллинг в пабе «Музей» напротив Британского музея у человека, служившего там дворником. Он сказал, что в подвале музея есть кладовка, «битком набитая этими мерзкими штуками». Еще один кошмарный образ, от которого Рамзи не спал по ночам.

* * *

Рамзи пришел рано, на месте был только Геррит, главный бармен. Управляющий «Сфинксом», сварливый уроженец Глазго, должен был появиться через полчаса, а за ним вскоре и остальной персонал.

Геррит был драчливый голландец; Нелли велела ему при работе в баре надевать феску — она выглядела комично при крупном лице с невы-

разительными чертами, но Рамзи ни за что не стал бы высказывать это наблюдение, поскольку побаивался Геррита. Здоровяк с матросскими татуировками на руках когда-то служил в торговом флоте, но теперь называл себя художником и пресмыкался перед капитализмом (под которым, похоже, подразумевал Нелли) лишь под страхом голодной смерти. Странный выбор со стороны Нелли, хотя «Сфинкс» был самым беспорядочным из ее клубов. Однако Рамзи думал, что следовало бы нанять кого-нибудь с более византийской внешностью, а может, даже и настоящего египтянина. На пестром базаре Лондона можно отыскать представителей любого народа, с любого края света.

Геррит без фески стоял за барной стойкой, полируя столешницу — медную, с маленькими инкрустациями из лазурита, которая удовлетворила бы даже взыскательный вкус Клеопатры. Возможно, Клеопатра осталась бы менее довольна кошачьей мумией, на которой уже начала расти какая-то плесень. У мумии были нарисованные глаза, взгляд которых, казалось, преследовал посетителя.

— Для атмосферы, — сказал Геррит, заметив, как ноздри Рамзи задергались от странного запа-

ха в клубе. — Твоя мать, — добавил он в качестве дальнейшего объяснения.

Рамзи смутно припомнил разговор, в котором Нелли выразила желание, чтобы в клубе витали «ароматы Альгамбры», что бы это ни значило. Альгамбра и Древний Египет — это совершенно разные вещи, указал он, но Нелли сказала, что большинство людей считает заграницей все, что лежит к востоку от Дувра. «Мы должны подлаживаться к их невежеству», — сказала она.

От благовоний в «Сфинксе» пахло как…

— В будуаре шлюхи? — предположил Геррит.

— Я не знаю, как пахнет в будуаре шлюхи, — чопорно сказал Рамзи.

— Конечно, откуда тебе знать, — сказал Геррит.

Рамзи постоянно казалось, что голландец глумится над ним, но, возможно, дело было в акценте или в расположении черт на большом бледном лице.

Геррит был коммунист, но в рабочее время его свободу убеждений связывала Нелли, которая не допускала в клубе никакой политики, особенно русской, не желая, чтобы над гренадином и джином поднимали красный флаг. Впрочем, праздная толпа, обычно заполнявшая «Сфинкс»,

хоть и курила русские коктейльные сигареты, с презрением закатывала глаза при упоминании политики.

Женщины тянулись к Герриту: похоже, их всегда привлекают грубияны. Геррит, по наблюдениям Рамзи, не отвечал взаимностью. Бабы, презрительно говорил он, что в них пользы? Кроме стирки да койки. Рамзи гадал, *видел* ли Геррит Нелли хоть раз. Она явно не годилась ни для того ни для другого. Но, впрочем, Нелли не была женщиной в полном смысле слова, она была первородным элементом, вроде железа. Или метонимией — как король относится к короне, так Нелли относится к империи Кокеров.

Гортанный акцент Геррита звучал для ушей Рамзи так, словно голландец говорил с набитым губкой ртом. Из-за этого слово «койка» звучало еще омерзительней.

— Рамзи, ты чего-нибудь хочешь? — спросил Геррит, глядя на него из-под тяжелых век. Он всегда называл его Рамзи, а не мистер Кокер. Рамзи подозревал: это означает, что в глазах Геррита он мальчишка, а не мужчина.

Рамзи не ответил, но Геррит вышел из-за стойки, двигаясь неожиданно плавно для его крупных габаритов, и направился вглубь зала, где алый

бархатный занавес скрывал дверной проем в нише. Небольшая табличка гласила: «Только для персонала», и Геррит протиснулся сквозь тяжелые складки занавеса. Ему не нужно было оглядываться, чтобы знать, что Рамзи кротким ягненком следует за его большими перекатывающимися ягодицами.

Возможно, кое-кто из клиентов «Сфинкса» мечтал заглянуть за красный бархатный занавес, за которым скрылись Геррит и Рамзи. Любопытные могли воображать, что там откроется нечто чарующее — гарем или даже внутренняя камера пирамиды. И действительно, передние покои в гробнице Тутанхамона с их беспорядочным нагромождением погребальных предметов — Рамзи видел фотографии — не так уж отличались от подсобки «Сфинкса», только в «Сфинксе» кучами валялись не позолоченные ложа, опахала и истлевшие останки царских колесниц, а все больше деревянные ящики из-под пива, упаковочные коробки и уборочный инвентарь — швабры, ведра, мыло и моющие средства, а также запасы чая и сахара для персонала. Еду посетителям не подавали — те поглощали такое огромное количество алкоголя и наркотиков, что теряли интерес к пище.

Рамзи небрежно повесил смокинг на ручку швабры и уселся на перевернутый пустой деревянный ящик с трафаретной надписью «Луи Редерер» на боку. Он закатал рукав крахмальной рубашки, чтобы открыть серебряному шприцу Геррита доступ к вене.

— Расслабься, Рамзи, — сказал Геррит, пронзая кожу. В этот момент Рамзи всегда чувствовал себя уязвимым, но Геррит обращался с ним нежно, словно с пациентом, осторожно вводя иглу. — Всего лишь маленький укольчик.

Геррит остался очень доволен собой. Рамзи все равно дернулся, и Геррит сказал:

— Ты просто девчонка, Рамзи.

Бармен был так близко, что Рамзи обонял запах из слюнявых уст — лук и рыба — и ощущал колебания воздуха, идущего из ноздрей. Такая близость и смущала, и возбуждала Рамзи. Он никогда не был уверен в намерениях Геррита на свой счет.

Рамзи закрыл глаза и представил, что находится в экзотическом опиумном притоне — не в Лаймхаусе, он бывал в Лаймхаусе, и тот приводил его в ужас. Где-нибудь еще. В Сингапуре, возможно. Или в Шанхае. Рамзи жаждал путешествий и приключений. Романтика Востока и Леванта

— Багдад, Марракеш, Бейрут, Алеппо. Каир! Не пошлая пародия «Сфинкса», а настоящий город, зловонный, шумный и красочный.

«Где живет Геррит?» — гадал Рамзи. Он представлял себе что-то убогое — мансарду, где кальсоны Геррита сохнут на ко́злах у газового камина, пока на плитке варится едкий кофе. Здесь же стоит мольберт с уродливой, незаконченной кубистской мазней. Рамзи, как ни старался, не видел ничего в абстрактном искусстве, хотя, если его спрашивали, выражал восторги и мог часами бормотать о «необходимой истине своего „я“» и тому подобном. В основном он держал свои филистерские мысли при себе. Он хотел убедить окружающий мир в том, что идет в ногу со временем.

Еще в комнате Геррита была бы неубранная постель с мятыми, засаленными простынями, в сплетении которых, возможно, все еще дремлет очередная любовница. Или, возможно, любовник. У Рамзи учащенно забилось сердце.

— Готово, дорогой, — внезапно сказал Геррит бодрым тоном медсестры, обработавшей пациента и потерявшей к нему интерес.

К тому времени, как Рамзи удалось разлепить веки, Геррит уже исчез, вернувшись в мир по ту

сторону красного бархатного занавеса.

Рамзи встал — слишком быстро, — и ему пришлось снова опуститься на ящик, ожидая, пока кладовка перестанет вращаться.

Рамзи знал, что Геррит покупает наркотики в китайском ресторане на Риджент-стрит, но, когда сам пошел туда за тем же, официанты лишь безмятежно улыбались ему, будто глухие, и приносили еду: свинину чоп-суи, утку по-пекински и что-то студенистое (Рамзи даже не был уверен, что это едят). Он счел себя обязанным съесть все и надеялся, что, когда принесут счет, в него вложат хотя бы маленький бумажный пакетик с наркотиком, но нет, просто солидная сумма и тяжесть в желудке. «Рамзи, тебе там нечего делать», — сказал потом Геррит, словно ребенку.

До Геррита, до открытия гробницы Тутанхамона, еще до того, как Рамзи сослали в Швейцарию из-за больных легких, — когда он еще учился в школе — он навещал мадам Николаидис в подвальном кафе на Бейтман-стрит, где предлагались инъекции кокаина по десять шиллингов за раз. За дополнительные два шиллинга мадам учила, как делать инъекции самому, но Рамзи слишком боялся брать в руки шприц. Позже мадам Николаидис переехала в другое место, у

противоположного от Ганновер-террас конца парка, и снова открыла тот же бизнес, теперь на дому. Клиентуру в основном составляли девушки из хороших семей, которые проскальзывали в ее гостиную на Риджентс-Парк-роуд и выскальзывали прочь.

Рамзи гораздо больше нравилось в безопасной гостиной мадам Николаидис с ее коврами, лампами и диванами, в которых тонешь, чем здесь, в кладовке «Сфинкса». Он ходил к мадам, как навещают из чувства долга ворчливую старую тетку. Однажды она угостила его чаем и пирожным — чем-то под названием «бугаца», но на самом деле это была просто корзиночка с заварным кремом, только называлась по-иностранному.

Рамзи продолжал сидеть с закрытыми глазами, сжимая голову руками и ожидая, пока перестанет колотиться сердце. Когда он наконец снова открыл глаза, то заметил что-то похожее на каблук туфельки, торчащий между двумя ящиками пива. Он медленно встал и отодвинул ящик. Это и впрямь оказалась туфелька, типа серебряных сандалий, которые носило большинство танцовщиц. Что такое могла делать здесь хостесса, чтобы потерять туфлю? Он не мог не представить себе, как кочегарская туша Геррита придавлива-

ет одну из сильфидообразных девиц к стене из пивных ящиков.

Рамзи вышел из кладовки с туфлей в руке в поисках ее владелицы и обнаружил, что музыканты уже рассаживаются по местам и настраивают инструменты и танцовщицы подтягиваются, трещa без умолку: их карминовые губы еще свежи, пудра пока не запеклась кусками в складках усталых лиц. Они были как свежие цветы, которые к концу вечера поникнут, поблекнут. (Отличный образ, подумал Рамзи. Впрочем, я наверняка забуду.) «Добрый вечер, мистер Кокер… Добрый вечер, мистер Кокер», — щебетали девицы. Рамзи что-то буркнул в ответ. Он показал туфлю, и одна из девушек сказала:

— Ой, глядите, принц явился искать Золушку.

— Я подумал, может, это кто-то из вас обронил, — сказал он, но хозяйка туфли не объявилась.

Из воздуха сгустился управляющий-шотландец и сказал:

— Что-нибудь еще, мистер Кокер? Мы все уже готовы.

Все они жаждали от него избавиться. «Вали-ка ты нахер, пижон херов», — все еще болезненно отдавалось в мозгу.

Рамзи хлопнули по плечу: это явился Геррит в феске, готовый к вечернему наплыву веселящихся.

— Ну-ка выпей, — сказал он, протягивая Рамзи стакан воды. — И позволь, я приму вот это, — и отобрал у Рамзи туфлю, которую тот все еще сжимал.

У Пиноли

У Эдит было назначено свидание с любовником, и она пошла, хоть ей и нездоровилось. Пожалуй, они были самой неромантичной парой из всех посетителей ресторана «Пиноли» на Уордор-стрит.

Несмотря на относительно ранний час, в «Пиноли», как обычно, кипела жизнь. Можно было бы ожидать, что любовник предпочтет держаться в тени, но ему нравились людные, оживленные места. В этом плане он совершенно лишен стыдливости. Эдит думала, что однажды это его погубит. И все же часто именно наглецы выживают, а кроткие идут ко дну, верно ведь? Эдит не была кроткой, но рисковала пойти ко дну.

— Ты что-то сделала с волосами, — сказал он.

Это комплимент? Его хвала всегда была уклончивой. Эдит редко удостаивалась восхвалений от представителей мужского пола. «Бетти и Ширли досталась красота, — говорила Нелли, — а тебе мозги. В этом ты пошла в меня. Тебе бы следовало радоваться». Бетти и Ширли завоевали стипендии в Кембридж, напомнила Эдит матери. «И

посмотри, какими дурами они оттуда вышли», — сказала Нелли.

У Эдит аппетит был «на нуле», о чем она и сообщила любовнику, подсев к нему. Он сейчас поглощал *table d'hôte*[64] за три шиллинга. Только что прикончил тарелку *filets de hareng à la meunière*[65], в то время как Эдит слегка пригубила суп *crème chasseur*[66], от которого ее лишь сильнее затошнило. Она с отвращением смотрела на сельдь — все эти крошечные косточки так и норовят застрять у человека в горле. В детстве, когда они еще жили в Эдинбурге, она подавилась рыбной косточкой. Она понятия не имела, от какой рыбы, но сельдь казалась главной подозреваемой. Нелли перевернула дочь вверх ногами и трясла, как копилку. Тщетно. В конце концов косточку извлекла медсестра в детской больнице. Эдит запомнила тряску, а не косточку. Любовник перешел к десерту и начал уничтожать *bombe*

---

[64] Сноски: 64

Табльдот *(фр.)*. То же, что комплексный обед или ужин, — набор блюд от закуски до десерта за фиксированную цену.

[65] Сноски: 65

Филе сельди а-ля меньер (рыба, посыпанная мукой и обжаренная, затем политая растопленным маслом, лимонным соком и посыпанная петрушкой).

[66] Сноски: 66

Суп-крем охотничий *(фр.)*.

pralinée[67].

— Что с тобой такое?

— Небольшой кишечный грипп, наверное, — сказала Эдит небрежным тоном, хотя желудок все еще сводило от стойкого селедочного запаха. Она ни за что не скажет правду. Решит свою проблему без его ведома. Иначе никогда от него не освободится.

— Как ты думаешь, я привлекательная? — спросила она после паузы, в течение которой наблюдала, как он поглощает *bombe*.

Ел он на удивление неизящно. В последнее время она замечала в нем одни лишь недостатки. Видимо, так и умирает любовь, хотя подходит ли слово «любовь» к тому, что между ними было? Вопрос был задан не с жеманством, характерным для некоторых женщин. Эдит никогда в жизни не жеманничала. Скорее, это было просто любопытство. Она знает, чем ценна для этого мужчины, и тщеславие тут ни при чем.

— Думаю ли я, что ты привлекательна? — повторил он. Он обдумывал вопрос слишком долго. (Скажи попросту «да», раздраженно подумала она.) — Я бы сказал — ты миленькая.

---

[67] Сноски: 67
Бомбочка с пралине *(фр.)*.

Не то, с горечью подумала она. «Не по-хорошу мил, а по-милу хорош», — любила повторять ее мать. У Нелли в арсенале была куча бессмысленных фраз.

— Мне пора, — резко сказала Эдит.

— Мне тоже, — сказал он, из чего мы могли бы заключить, что дома его ждет семья, и, хотя так оно и было, по вечерам он обычно искал каких-нибудь грязноватых приключений. Он католик, он в любом случае никогда не бросил бы жену. Эдит черпала в этом некоторое утешение.

— Что ж, полагаю, скоро увидимся, — сказала она после того, как он попросил счет.

— Видимо, да, — сказал он.

В последнее время она старалась держать его на расстоянии. Его это забавляло. Она гадала, не в последний ли раз видит его. Она боялась, что, даже если порвет с ним, он все равно будет ее преследовать. Он не может просто так ее отпустить, она слишком много знает.

Когда-то, не так давно, Эдит была во власти его чар. Он красив, коварен, и у него всё сложно — эти три качества влекли Эдит, казались ей интересными, особенно по сравнению с жадными до удовольствий тупицами, населявшими ее рабочую жизнь. Даже умные люди, казалось, впадали

в идиотизм, стоило им оказаться в ночном клубе. Теперь, однако, она поняла: «интересный» — это последнее, что стоит искать в любовнике. Он обладает большой властью, большей, чем она, но и она сильна. «Надо быть начеку», — подумала она. Если им суждено сразиться друг с другом, легкой победы ему не видать.

— Тебе нужно домой, — сказал он. — Ты сама не своя.

— Можно подумать, я не в курсе, — сказала Эдит.

У нее был план. (Недаром она дочь своей матери.) Настала пора приводить его в исполнение.

* * *

Эдит быстро покинула «Пиноли» и поймала такси, пока мужчина еще расплачивался по счету. Она не хотела, чтобы он знал, куда она поехала. А ехала она не домой.

— Бедфорд-стрит, — сказала она водителю, не желая называть истинный пункт назначения. На Бедфорд-стрит она вышла, расплатилась и прошла остаток пути пешком.

Насколько удалось разузнать заранее, процедура должна занять совсем немного времени. Если повезет, она обделает дело и вернется на

Ганновер-террас к ужину.

Она шла по Генриетта-стрит, ища дом четыре. На этой двери номера не было, но, поскольку домишко был зажат между номерами два и шесть, она решила, что нашла нужный. На двери висел уродливый железный молоток с лицом демона, а может, и самого дьявола. Что ж, подходит к случаю, подумала она, приподняла его и решительно постучала. Дверь распахнулась; казалось, за ней была пустота, и Эдит окликнула:

— Миссис Дарлинг?

В ответ наружу вымахнула костлявая рука, схватила Эдит и втянула ее внутрь.

Похищение, облава и небольшой пожар

Китти, как обычно, бросили, предоставив ей свободу бродить по комнатам сестер в доме на Ганновер-террас. Комнату матери Китти тщательно обыскала уже несколько раз, но, к ее разочарованию, единственное, что удалось найти, — потертый мешочек под матрасом. Там были зуб, прядь волос, заплесневелая лапка какого-то животного и прочая мелочь. Китти не могла не понять, что это какие-то колдовские штучки. Она выбросила мешочек в канал — вдруг колдовство направлено на нее — и потом изобразила полное неведение, когда Нелли ее расспрашивала.

Она взяла из гардероба Бетти лисью горжетку, намотала ее на шею и накрасила губы помадой Ширли, кроваво-красной «Молинар». В комнате Эдит она «позаимствовала» два шиллинга из стоящей на туалетном столике шкатулки, инкрустированной иглами дикобраза. Визиты Китти в эту комнату не поощрялись, поэтому было интересно изучать вещи Эдит. На туалетном столике стоял флакон «Шалимара». Заинтригованная,

Китти побрызгала им на запястья. Эдит вроде бы не пользуется духами.

К зеркалу был прислонен конверт, адресованный Эдит. Уже вскрытый, так что, с точки зрения Китти, законная добыча, хотя, будь он и запечатан, она, вероятно, все равно отпарила бы его. Письмо сегодняшнее. На листке бумаги размашистым мужским почерком написано: «Дорогая Эдит, просто подтверждаю, что мы сможем увидеться сегодня вечером. У Пиноли в семь. До встречи, А. х». Не просто «А.», а «А.» и дальше крестик — поцелуй! Без поцелуя это могла быть записка от кого угодно, хоть от пивовара, поставляющего пиво для клуба, но поцелуй превращал ее в нечто другое. Как ни слабо верится, у Эдит завелся поклонник.

Китти пришлось самой добираться до «Аметиста», поскольку никто не удосужился организовать кэб. Денег ей тоже никто не оставил, так что она считала себя в полном праве взять два шиллинга у Эдит. Китти вышла из дома и, зажав в руке два шиллинга, встала на тротуаре в тщетной надежде на такси — на Внешнем кольце их никогда не бывает, — и тут рядом притормозила машина.

Водитель потянулся через сиденье и опустил

окно. Открыл пассажирскую дверь и улыбнулся Китти. Он выглядел иностранцем, вроде пухлого Рудольфа Валентино.

— Привет, малышка, — сказал он.

— Привет, — вежливо ответила Китти.

— Запрыгивай, я тебя подвезу. Если хочешь, покатаю. Что скажешь?

* * *

Ширли и Бетти имели обыкновение ездить в «Лисью нору» и «Фею» вместе. Они почти все делали вместе — они были «ирландские близнецы», родились в один год, только одна в начале года, а другая в конце. Сестры были очень разные, но и очень похожи между собой. Обе считали, что стиль важнее содержания. («Содержание бывает причиной войны, а стиль — очень редко», — говорила Ширли. «Из-за стиля можно получить разве что убийственный взгляд», — отвечала Бетти, довольная собой. Сестры считали себя остроумными.)

Нелли настояла на том, чтобы напичкать их образованием до отказа. После дорогой частной школы они вместе поступили в Кембридж и оставили по себе неувядающую память в женском колледже Гертон. Обе были кумирами однокаш-

ников — спортивные автомобильчики, наряды от модных портных, затейливые прически. Ширли единолично ввела в моду стрижку каре цвета воронова крыла, которую потом более или менее неудачно копировали все ее соученицы. Однокурсницы умоляли о разрешении прислуживать сестрам, быть у них на побегушках, сидеть у их ног перед угольным камином, поджаривая им крампеты[68] на медной вилке. И это только девушки. Юноши из мужских колледжей грозились самоубийством, предлагали геркулесовы подвиги, писали стихи. («Чудовищные», — говорила Бетти.)

Хоть сестрам и нравилось в Гертоне, они покинули альма-матер не оглядываясь. Орфей мог бы послать их спасать Эвридику из Аида.

Эдит была слишком полезна матери, чтобы та отпустила ее замуж, а Китти уже бросили на произвол судьбы, так что исполнение пиратских амбиций Нелли по проникновению в верхние эшелоны английского общества возлагалось на Бетти и Ширли. Она не успокоится, пока они не выйдут замуж за кого-нибудь, кто забрался на

---

[68] Сноски: 68

Крампеты — толстые английские лепешки из пористого теста.

верхнюю ступеньку лестницы «Дебретта»[69]. Только дочери, не сыновья — насчет тех она будет рада, если они вообще женятся, хоть на ком. Особенно Рамзи.

Ширли в последнее время часто видели в обществе второго сына герцога, юноши по имени Ролло, которого Нелли усердно окучивала для блага дочери. Безрезультатно. Ширли говорила, что Ролло милый, но она видала более мужественных мужчин даже в кордебалете «Паласа». Она противилась матримониальным амбициям матери. Она хотела «стать кем-то». («Но ты же уже кто-то», — говорила Нелли.)

Нынешний поклонник Бетти, тот самый, с серебряным перочинным ножиком, не числился в «Дебретте». Он был канадский железнодорожный магнат-миллионер, что в глазах Нелли придавало ему определенный вес. Но, возможно, недостаточный. Для Нелли деньги без титула почти так же никуда не годились, как титул без денег. Война, к разочарованию Нелли, оборвала древние родословные. Сыновья и наследники, принесенные в жертву высшему благу, больше не

---

[69] Сноски: 69

«Дебретт» — британское издательство, наиболее известное ежегодным справочником родословных английских дворян и помещиков, который издается с 1802 г.

могли жениться на Ширли и Бетти, а все деньги знатных родов теперь уходили на содержание имений.

* * *

«Лисья нора» на Уордор-стрит была любимым клубом Бетти: джазовое заведение с американским баром, ямайским оркестром и стеклянным полом, под которым переливались разными цветами огни. После полуночи здесь начиналась вакханалия. Она привлекала клиентуру, состоящую из богемных мужчин и женщин полусвета, а также людей всех цветов кожи и вероисповеданий, в дружеском хороводе, как Вавилон до смешения языков. Актеры кордебалета, все еще в полном сценическом гриме, часто являлись сюда прямо со своих выходов на бис и вливали в себя «бренди фэнси», будто умирали от жажды.

Гости любили Бетти. В иные вечера она не сходила с калейдоскопического танцпола ни на минуту от открытия до закрытия клуба. И Бетти, и Ширли превосходно танцевали, почти на профессиональном уровне, в отличие от Эдит, у которой были обе ноги левые. («А может, и все три», — говорила Бетти.) Сестры подумывали открыть танцевальную академию в одном из

клубов: члены клуба платили бы дополнительно, чтобы научиться новейшим танцам или отработать уже знакомые. Нелли пока пережевывала эту идею, как корова жвачку. Ширли и Бетти сомневались, что она когда-нибудь ее переварит.

Нелли старалась держаться подальше от «Лисьей норы». Там она чувствовала себя старухой. Ей было комфортнее наносить случайные визиты за угол от «Лисьей норы», в «Фею», маленькое изящное заведение с претензией на изысканность. Здесь танцы были важнее всего, все хостессы набирались из лучших танцевальных школ, некоторые даже из мюзик-холлов, а еще в «Фее» был полностью женский оркестр и управляющая-женщина, которая носила мужской вечерний костюм, скроенный по ее великолепной фигуре. Мужчин отсюда не гнали, но женщины часто танцевали друг с другом — явление, нередкое и за пределами клуба, ведь война забрала с танцпола так много мужчин и не вернула обратно.

Бетти и Ширли знали о существовании клубов (возможно, более укромных), куда женщины ходили специально ради подобных вещей (Бетти и Ширли не возражали — они считали, что женщины должны держаться вместе), но «Фея» привлекала более благопристойную публику

— довольно чопорные квикстепы и множество веселых извинений, когда танцоры путались, кто мужчина, а кто женщина.

Тут была стойка с холодными закусками, очень популярная — два шиллинга шесть пенсов за сэндвич, и с маслом, а не с маргарином. Бутерброды готовила всю ночь напролет в задней комнате женщина по имени Берта, глухонемая, у которой среди прочих предметов костюма неизменно фигурировало посудное полотенце — даже когда она шла домой.

Талант Ширли к шарадам пригодился в общении с Бертой. Ширли всегда мечтала о сцене. Нелли недоумевала. «Необязательно выходить на сцену, чтобы играть, — говорила она. — Жизнь — это одна длинная постановка». А комедия или трагедия — как посмотреть, верно ведь? Но Ширли стояла за нюансы. Ничего, потом поймет, мрачно говорила Нелли.

Их работа заключалась в том, чтобы каждый вечер проверять, всё ли в порядке, все ли на месте, достаточно ли денег в кассе, а затем оставалось только завести пружину и отпустить. Как заводную игрушку.

Только не сегодня. Когда Бетти и Ширли прибыли в «Фею», там творилась страшная суматоха.

Большинство гостей стояли на тротуаре снаружи, будто зеваки на променаде. Тонкая струйка дыма поднималась откуда-то из недр клуба, и действительно, одновременно с Бетти и Ширли прибыла пожарная машина, шумно звеня всю дорогу от пожарного депо на Шафтсбери-авеню, — словно актер, чей выход назначен почти под занавес.

Занавес над драмой вскоре опустился, и жертвы оказались незначительными: угол кухни выведен из строя, и Берта обожгла руку, когда выворачивала ведро с пищевой содой на огонь.

— Умница, — с восхищением сказал пожарный, обращаясь к Ширли. — От воды все мигом заполыхало бы.

Пожарный, похоже, был старшим, отвечал за операцию, и Ширли ловила каждое его слово, а также цеплялась за его надежный локоть, утверждая, что нетвердо стоит на ногах от шока. Во время войны Ширли была слишком молода, чтобы оценить мужчину в форме с эстетической точки зрения. Теперь она достаточно повзрослела.

Берта сидела на тротуаре, и ей оказывала первую помощь медсестра из больницы Святого Фомы, постоянная посетительница «Феи». Неужели Берта устроила пожар? Может, посудное

полотенце случайно взметнулось и задело огонь конфорки на плите? Берта немо, но энергично отрицала такую возможность.

Потребовалась длительная пантомима между Бертой и Ширли, чтобы выяснить подробности случившегося. Заднюю дверь открыла невидимая рука, когда Берта была поглощена приготовлением яичного салата для сэндвичей (она отчитывалась очень подробно). Конечно, она не могла услышать дверь, но ее насторожил мерзкий запах керосина. У нее отличное обоняние.

— Один орган чувств компенсирует потерю другого, — объяснила Ширли пожарному, которого уже утомила истеричная атмосфера «Феи». Какой-то идиот устроил пожар, они убедились, что пожар потушен. Это было все, что интересовало пожарного. Он отцепил Ширли от своего локтя.

Берта, однако, продолжала драматическое повествование через посредничество Ширли. Она дала понять, что обернулась и увидела горящую тряпку, брошенную в сторону газовых горелок, и тут же, больше инстинктивно, чем намеренно, смогла потушить огонь, высыпав на него соду. И нет, она не видела лица того, кто бросил тряпку.

— Поджог? — Пожарный проявил слабый интерес. — Вам лучше связаться с полицией.

Бетти и Ширли в унисон пообещали непременно так и сделать. На самом деле и не собирались. Скорее Тутанхамона воскресят с помощью искусственного дыхания, чем Нелли согласится на вмешательство полиции.

— Она решит, что это мы виноваты, — сказала Бетти сестре, когда началась уборка.

— Я знаю, но мы тут ни при чем.

— Все равно она решит, что это мы виноваты.

Пожарная машина уехала, гости вернулись в клуб, не смущаясь копотью и запахом гари. Берту отправили домой с пятью фунтами из кассы, которые выдала Ширли. Несколько гостей вызвались продолжить изготовление сэндвичей в ее отсутствие. Кокеров всегда удивляла готовность посетителей ночных клубов помогать за кулисами. Скорее ради новизны, чем из альтруизма. Эти люди обожали катастрофы.

* * *

— Все в порядке? — спросила Нелли, когда Ширли и Бетти прибыли в «Аметист».

Она имела в виду «Фею» и «Лисью нору», а не душевное, телесное и умственное благополучие дочерей. Такими вещами Нелли редко интересовалась. Перед ней стояла маленькая стеклянная

тарелочка с ирисками, и она задумчиво жевала одну, пристально разглядывая дочерей. Нелли умела заставить собеседника почувствовать, что он лжет, даже если он говорил правду.

— Небольшой пожар на кухне в «Фее», — смело сказала Бетти, стойкая перед лицом ежевечернего материнского допроса.

— Сразу же потушили, — поспешно добавила Ширли. — Хотя…

— Хотя?

— Похоже, его начали намеренно.

— Ну и ну, — сказала Нелли и положила в рот еще одну ириску. — Давайте подробности.

* * *

Нелли не в первый раз сталкивалась с пожаром. У нее был клуб «Везучая кошка», приобретенный вскоре после «Аметиста» и несколько лет назад сгоревший дотла после закрытия на ночь. «Везучая кошка» оказалась действительно везучей, потому что всего за несколько недель до ее уничтожения Нелли купила страховку — как раз против пожара. Пожар признали несчастным случаем. Весомее всего оказалось свидетельство Мэддокса. («Я заметил неисправную проводку».) Жертв не было, кроме, по иронии судьбы, кошки,

которая жила в помещении для контроля популяции грызунов. На пепелище нашли несколько мелких косточек. Нелли соврала расстроенным дочкам, что кошка сбежала, переселилась куда-то еще.

— Чего не знаешь, о том не страдаешь, — сказала она Мэддоксу. Но сама в это не верила. То, чего не знаешь, почти наверняка для тебя опасно. Нелли предпочитала знать всё.

Она продолжала размышлять над новостями из «Феи», сидя у себя в кассовой будке. Операция проведена неуклюже, но все равно, если бы не быстрая реакция Берты, все посетители клуба могли бы сгореть дотла, и Нелли, вероятно, села бы за преступную халатность, если не за непредумышленное убийство, а может, даже и за предумышленное, и ей пришлось бы уйти из дела. Что, предположительно, и было целью. Это Мэддокс, некому другому.

* * *

Рамзи уже собирался покинуть «Сфинкс» на ночь, когда начался страшный переполох. О нем возвестил донесшийся с верхней площадки лестницы звук клаксона, похожий на клоунский рожок (позже Рамзи понял, что это был сигнал от

швейцаров), после чего задрожал и затрясся пол, будто началось землетрясение. Заскрежетали шестерни, и бар со всеми его бутылками — и с Герритом, все еще стоящим за стойкой, — начал исчезать.

Рамзи с большим опозданием перестроил свой озадаченный мозг и понял, что бар и впрямь вращается, подобно паровозу на поворотном круге или театральной сцене при смене акта. Совсем как в недавно виденной Рамзи постановке, где вся сцена поехала по кругу, открывая совершенно другие декорации. «Землетрясение» было работой скрытого двигателя, приводящего в движение механизм. Там, где раньше был бар, уже осталась только крашеная стена, а бар — и Геррит вместе с ним — исчезли. Рамзи странно расстроило, что бармен не помахал на прощание, исчезая из виду. Куда он делся? Вернется ли он?

Пока Рамзи был заворожен этим хитрым фокусом исчезновения, девушки, привратники и официанты, не говоря уже о посетителях «Сфинкса», отработанными движениями убирали стаканы, бутылки и все прочие признаки нарушения законов о лицензировании алкоголя. К тому времени, как полицейские неуклюже ввалились в клуб, на виду не осталось ничего незаконного, лишь

фальшивая атмосфера добродетели.

Красная бархатная занавеска отодвинулась, Геррит вразвалочку вышел из подсобки, как плохой актер на сцену, и сказал:

— Проблема, офицеры?

Рамзи уставился на него, онемев. В клубе есть секретная дверь в подсобку? И никто не счел нужным рассказать ему о трюке с баром? Чего еще он не знает? Он ведь, предположительно, руководит этим клубом!

— Все в порядке, приятель? — сказал Геррит, снова (довольно сильно) хлопнув его между лопаток. — Хитро, а?

Через час недовольная полиция ушла, бар вернулся на место, и веселье возобновилось. Геррит легким кивком указал Рамзи на красную бархатную занавеску. Геррит прав, подумал Рамзи, мне определенно нужно чем-нибудь успокоить нервы.

* * *

Поскольку, чтобы попасть в «Сфинкс», нужно было идти вниз, к выходу неизбежно приходилось подниматься. Такой уклон коридора явно противоречит логике, верно ведь? Гораздо лучше было бы приложить некоторые усилия в начале

вечера, зато с легкостью ускользнуть в конце.

Рамзи двигался медленно. Проход освещали очередные светильники в восточном стиле — газовые лампы с открытым пламенем, замаскированные под факелы. Для столь любимой матерью «атмосферы», несомненно. Рамзи был уверен, что они опасны. Виноват ли он будет, если в «Сфинксе» начнется пожар, если вся беспутная толпа сгорит заживо или затопчет друг друга насмерть, пока оркестр играет «Весело нам»?

Дрожащий, жуткий отсвет языков пламени падал на иероглифы. От лампового газа Рамзи снова замутило. Ему казалось, будто он превращается в плод собственного воображения. (Возможно ли такое вообще? Может быть, это полная бессмыслица? Может быть, вообще всё на свете — полная бессмыслица?)

Засквозило холодом — это значило, что привратники начали пускать посетителей, и через несколько секунд на Рамзи набежала сверкающая волна людей и тут же схлынула в клуб, а его оставила на мели. Надо выйти на свежий воздух. Он снова прошел под маской Тутанхамона, почти ожидая, что она заговорит.

У него в венах курсировало столько наркотиков, что он уже начинал разделяться на несколько

Рамзи, разные ноты в гамме, а он был одним гармоничным аккордом. Хватит уже искать метафоры, его сейчас от них стошнит.

— Мистер Кокер? — сказал один из вышибал. — Мистер Кокер, вам нехорошо?

Вышибалы, крепкие ребята с бычьими плечами, которые могли бы тянуть плуг, все еще были в громоздких зимних шинелях. Двадцать семь шиллингов за зимнюю, двадцать пять — за летнюю, послышался в голове у Рамзи голос матери. Она ходячий гроссбух. У нее все имеет свою цену. Будь у нее возможность заложить своих детей в ломбард, она бы это сделала. (Нет, только Китти, сказала она.)

— Нет, все в порядке, спасибо, — неловко сказал Рамзи, делая огромное усилие, чтобы не распасться окончательно и не исчезнуть навсегда. — Я теперь в «Аметист». Спокойной ночи.

* * *

Рамзи шел по тускло освещенным проулкам, и у него появилось неприятное ощущение, что за ним кто-то следит. Или что-то. Что-то злое. Как там у Шекспира? Посещенье душегуба. Да, именно такое предчувствие. «Пальцы чешут-

ся» — неплохое название для романа[70].

Ему стало еще страшнее, когда повсюду забрезжили тени, похожие на дым. Черная кошка перешла дорогу, совершая ночной обход территории. Это к удаче или нет? Рамзи не мог сообразить. Почему-то он припомнил мумифицированную кошку в «Сфинксе», а эта мысль привела к египетским мумиям в целом и оттуда очень быстро вернулась к Тутанхамону и его проклятию.

Что за дрянь вколол ему Геррит сегодня вечером? Рамзи предполагал, что это кокаин, — Геррит называл его «пылью радости» (произнося это как «пыль йадости», что как-то приглушало ликование). Как правило, это был именно кокаин, хотя иногда Геррит давал ему морфин, прекрасный, но непрактичный, а однажды — героин, после которого Рамзи изнемогал от желания получить еще, но Геррит отказал. Кокаин не вызывал у Рамзи такой нервозности, а обычно приводил в радостное, бодрое состояние, превращал в улучшенную версию, готовую быть послушным адъютантом в полку Кокеров.

---

[70] Сноски: 70

Ср.: «Пальцы чешутся. К чему бы? К посещенью душегуба» (У. Шекспир. Макбет. Акт IV, сц. 1. Перев. Б. Пастернака). В английском оригинале: «By the pricking of my thumbs / Something evil this way comes». Также «By the Pricking of My Thumbs» — заглавие романа Агаты Кристи, выпущенного на русском языке под названием «Щелкни пальцем только раз».

Нивен предупреждал брата, что сейчас на рынке ходит «плохая дурь» и не следует принимать что попало, полученное от кого попало. Рамзи тогда решительно клялся, что вообще ничего не принимает. Сейчас сердце стучало в груди, как мотор, идущий вразнос. Возможно, Нивен прав насчет плохой дури.

Теперь Рамзи был совершенно уверен, что за ним следят: каждый шаг, казалось, отзывался эхом чьих-то чужих шагов, но всякий раз, когда он оборачивался, никого не было видно. Улицы пустовали, даже обычные патрули из проституток куда-то делись. Все казалось зловещим, словно он попал в рассказ Эдгара По.

И вдруг, господи помилуй — мумия! Настоящая египетская мумия плелась к нему, шатаясь и развевая бальзамировочными пеленами. Его кошмары ожили. Мумия, похоже, разматывалась на ходу, дерганой походкой двигаясь по тротуару. Все ближе и ближе. Рамзи застыл, парализованный зрелищем. Может, он сошел с ума? Большинство людей искусства, вероятно, в той или иной степени безумны. Это почти что знак отличия.

И тут он услышал пьяные возгласы и смех и увидел, что за мумией следует малютка Бо-Пип,

затем большой пузатый медведь, а замыкает шествие арлекин с лицом, скрытым маской, с угрожающе поднятой деревянной битой.

Это не юноша-фараон явился с того света по душу Рамзи, а всего лишь безобидная компания пьяных гуляк в маскарадных костюмах.

Относительно безобидная. Внезапно они окружили его, смеясь и толкаясь, уже не такие благодушные, какими казались поначалу. Рамзи вспомнил, как над ним издевались соученики в школе. Вблизи от медведя несло — маскарадный костюм, конечно (по крайней мере, Рамзи на это надеялся), — а Бо-Пип при ближайшем рассмотрении оказалась мужчиной. Под костюмами может скрыться кто угодно, задумавший что угодно. Пугающая мысль.

Рамзи удалось вырваться из сомнительных объятий гуляк и убежать.

* * *

— В «Сфинксе» всё в порядке? — встретила его Нелли.

— Да.

— А Летучий Голландец как там?

— Как всегда.

— А ты?

— Я?

— Да, ты. — Пронзительный взгляд Нелли буравил его насквозь. Словно он на скамье подсудимых, а мать — одновременно обвинитель, судья и присяжные. — Рамзи, ты что-то натворил?

— Нет!

— Ничего не случилось?

— Ну да, была полицейская облава, но все обошлось. Хотя, вообще-то, ты могла бы и рассказать мне о трюке с баром.

— Не ворчи, — сказала Нелли. — Тебе это слишком идет.

— Ты знала про облаву? Наводка от Мэддокса? Я думал, он нам больше не друг.

— Так и есть, — сказала Нелли. — У нас теперь другой друг.

* * *

Последней явилась Китти: вся растрепанная, глаза дикие, помада от «Молинар» размазана, лисья горжетка взъерошена.

— Что с тобой? — резко спросила Нелли.

— Ничего особенного, — сказала Китти. Она не хотела рассказывать о происшествии, зная, что сама же и выйдет виноватой.

— Попробуй еще раз. — Нелли пристально смотрела на Китти, Китти смотрела в ответ. Война на истощение. Наконец Китти сдалась.

Несмотря на свое природное легкомыслие, Китти вежливо отклонила предложение мужчины, поскольку из болтовни сестер усвоила, что в предложениях «покатать» кроется что-то смутно омерзительное. Поэтому, когда он протянул руку, схватил ее за локоть и попытался затащить в машину, Китти билась, как рыба на крючке, вопя во все горло «Убивают!», пока мужчина не отпустил ее. Он рассмеялся и сказал, что она «не стоит хлопот» — фраза, которая, к сожалению, будет преследовать Китти всю жизнь.

— Что за мужчина? — спросила Нелли.

— Не знаю.

— Мэддокс?

— Нет, того я знаю. Это была не его машина.

— Что за машина?

— «Мерседес-бенц», желтый. Модель «спортс-фаэтон». — Китти разбиралась в машинах, она изучала автомобильные журналы Нивена, собираясь когда-нибудь купить «роллс-ройс».

— Вот как, — задумчиво произнесла Нелли. Это не было похоже на вопрос.

— Он очень хотел меня покатать.

— Вот как.

* * *

Теперь Китти думала, что, возможно, он и не сделал бы ей ничего ужасного, а просто запер бы где-нибудь (она представила себе соломенную подстилку и добродушного тюремщика) и регулярно приносил бы полные тарелки намазанных маслом тостов, пока мать не заплатила бы выкуп. Согласилась бы Нелли заплатить? И если да, то сколько? Был, конечно, и другой вариант, где мужчина мог сделать с Китти что-то ужасное, но вознаградил бы бесконечным запасом булочек в сахарной глазури, лимонада и прочих приятностей, и она каталась бы как королева на заднем сиденье его желтой машины. Сейчас ее кольнуло сожаление об упущенном — возможно, интересном обороте событий. В следующий раз, когда этот — или любой другой — мужчина предложит ее покатать, она вполне может согласиться, просто желая посмотреть, что будет.

— Любопытство сгубило кошку, — сказала Нелли, словно читая ее мысли. — И котят тоже.

* * *

Итак, началось, подумала Нелли. Первые залпы врага — поджог, похищение и налет полиции. Три попытки, и все провалились. Почерк Мэддокса чувствовался во всем, что касалось облавы и пожара. Но не похищения. Желтый «мерседес-бенц» стоял у «Горинга», когда она приехала туда сегодня днем. Вряд ли в Лондоне их много.

— Это мистера Аццопарди машина? — спросила она у швейцара.

— Не могу знать, мадам. — Швейцар ухмыльнулся, пряча в карман полученную от Нелли фунтовую банкноту.

Аццопарди пытался напугать Нелли, в то время как Мэддокс стремился ее уничтожить — точнее, уничтожить ее бизнес, что для нее было одно и то же. Мэддоксу нужны клубы, а Аццопарди, похоже, затеял какую-то игру. Нелли не любила игры, вдруг да проиграешь.

Нелли погрузилась в себя. Ей надо было подумать.

Утренний чай

В отличие от большинства мужчин, Фробишер всегда испытывал облегчение, когда мог отправиться на работу. На работе ему удавалось восстановиться. В Илинге он распадался на части.

Сегодня утром, когда он проснулся, его первая мысль была о мисс Келлинг, несмотря на жену, лежащую рядом в постели. Его болезненно укололо чувство вины. Иногда он жалел, что не католик: получить отпущение грехов, должно быть, очень утешительно.

Лотти еле слышно похрапывала, что не было совсем уж неприятно в красивой женщине. На влажном лбу выступили прозрачные жемчужины пота, и прядь темных волос прилипла к щеке. В некоторые (многие) дни дом в Илинге больше походил на приют для скорбных главою, а отношения Фробишера и Лотти — на отношения врача и пациента, а не мужа и жены. Он постоянно пытался придумать для нее какие-нибудь бодрящие занятия — не хочет ли она прогуляться с ним в парке? Может, вынести ее кресло в сад,

чтобы она могла посидеть на солнышке и понаблюдать за птичками? Как насчет покататься на лодке в Ричмонде в его выходной? И так далее и тому подобное.

Фробишер женился сравнительно поздно и не знал, чего ожидать. Тогда ему казалось благородным поступком спасти женщину, как он спас Лотти, но позже пришлось задуматься — не была ли это просто слабость перед лицом красоты? Лотти *в самом деле* красива. Будь она дурнушкой, потянуло бы его к ней? Неловкий вопрос, но инспектор задавал его только самому себе. Жена была непрозрачна, как опал, и они с мужем безнадежно не понимали друг друга.

Лотти уже однажды спасли до этого. Не Фробишер поднял ее из руин Ипра, он в то время был занят на внутреннем фронте проигрышной битвой с преступностью — война, которая никогда не заканчивается. Мужчина, который привез Лотти обратно в Англию, а затем бросил, был английский майор из Королевского Хэмпширского полка.

Когда Фробишер впервые увидел Лотти, она балансировала на парапете моста Ватерлоо. Ее поза напомнила ему Нику Самофракийскую, только, в отличие от статуи, у Лотти пока была на месте

голова, пусть и не в порядке. Фробишер схватил ее за талию и стащил обратно на землю. Он спас Лотти и тем самым потерял себя.

Ему, вероятно, следовало бы понять, что Лотти невозможно спасти. У нее свои подъемы и спады, как у моря, но, похоже, она предпочитает отлив приливу.

Возможно, когда он выйдет на пенсию, им стоит переехать обратно в сельскую местность ради здоровья Лотти (и его здоровья тоже). Она не любит пригороды; может быть, поля и леса оживят ее. Он нежно отвел прядь волос со щеки жены, и она пробормотала что-то по-французски. Он вздохнул.

Он принес ей чашку чая — первое и последнее прибежище английского мужа.

* * *

— Мэддокс вернулся? — спросил Фробишер, стряхивая пальто.

— Нет, сэр. Его все ждут то там, то тут. — Дежурный сержант рассмеялся.

— Черт побери, сержант, он вам Алый Перво-

цвет[71], что ли?

Мэддокс не может прятаться бесконечно. Фробишер подумал, не нанести ли внезапный визит к нему домой, в Крауч-Энд, застав его на месте преступления за копанием в саду, ремонтом крыши, или чем там еще занимаются от нечего делать отцы семейств в Крауч-Энде.

— Если он придет, скажите, что я его ищу.

— Есть, сэр. Чаю, сэр? Заварить?

Фробишер чуть было не сдался, но принять чай означало бы проявить слабость. А не завести ли в участке женщину? Видимо, немолодую, некрасивую, плотно обмотанную фартуком, с чайной тележкой. Возможно, с акцентом кокни и исходящей от нее теплой, влажной аурой сочувствия.

— Нет, спасибо, сержант, — сказал он наконец, когда сержант начал нетерпеливо выбивать дробь карандашом по стойке. Будь осторожен, чтобы не затеряться в собственных мыслях, напомнил себе Фробишер.

---

[71] Сноски: 71

Алый Первоцвет — герой одноименного классического приключенческого романа (1905) английской писательницы баронессы Эммы Орци. «Его все ждут то там, то тут» — строка из стихотворения, вошедшего в роман.

В «Симпсоне-на-Стрэнде»

— Позвольте представить вам говядину, сэр! — возгласил официант в ресторане Симпсона, тяжеловесно-торжественно поднимая купол большой серебряной сервировочной тележки, словно обедающие в «Великом диване»[72] всю жизнь ждали этого откровения. В центре внимания оказался кусок говядины, сочащийся жидким розовым соком, который собирался лужицами на тяжелом серебряном подносе. Представив друг другу главных участников действа, официант отрезал два сочных ломтика и деликатно уложил на тарелку, как два перекрывающихся древесных листа, прежде чем спросить: — Хрена, сэр?

— Да, будьте добры. И еще запеченный в духов-

---

[72] Сноски: 72

«Великий диван» — таверна, открывшаяся в 1828 г. под названием «Великий курительный диван», в 1848 г. переименованная в «Таверну Симпсона „Великий диван“» и являющаяся частью ресторана «Симпсон-на-Стрэнде», одного из старейших лондонских ресторанов, подающих традиционную английскую кухню. Также считается местом рождения британского шахматного спорта. Традиция бесшумно подкатывать к столику большой кусок говядины на тележке и отрезать тонкие ломтики прямо перед подачей обедающим была введена впервые именно Симпсоном, чтобы не отвлекать шахматистов от игры. В этом ресторане бывали Диккенс, Дизраэли, Конан Дойл, Черчилль, нынешний король Британии Карл III и многие другие английские политики и деятели культуры.

ке картофель, крем из порея, отварную капусту, морковь с маслом. И налейте хорошего бордо… *Château Talbot*, тринадцатый год? Отлично… и оставьте соусник на столе, пожалуйста.

Бокал наполнили; красное вино колыхалось, как жидкие рубины, в свете огромных люстр.

Боже, как Аццопарди любит Англию! Любит ее помпезные здания и ее шелудивые улицы. Любит озлобленного, обанкротившегося герцога, у которого снимает дом на Итон-сквер, и в равной степени любит оборванных детей, которые бегают за ним по улице и громко оскорбляют его на национальной почве. (Почему-то они считают его турком.) Любит еду в таких местах, как это, — кровавую говядину с толстым желтым слоем жира, в который он жаждет вонзить зубы. И тяжелый ком пудинга, который должен последовать за куском говядины. Паровой с вареньем сегодня, сэр. И оставьте кувшин заварного крема на столе. Пожалуйста. Спасибо.

— Вам тоже говядину, сэр? — спросил официант, поворачиваясь к обеденному компаньону Аццопарди и держа наготове разделочный нож, как ятаган.

— Благодарю, я предпочитаю рыбу, — сказал Нивен, к явному неудовольствию официанта.

Тюрбо в зеленом соусе подали с гораздо меньшей помпой, чем говядину, и Нивену в бокал налили вуврэ. Аццопарди поднял свой бокал и заметил, что Нивен разглядывает шрам на тыльной стороне его ладони.

— Старая военная рана, — рассмеялся он.

— Вы не были на войне.

— Войны бывают разные, мистер Кокер. В любом случае ваше здоровье!

Нивен ответным движением поднял бокал:

— Ваше здоровье.

Звякнул тяжелый хрусталь.

— За будущее, — сказал Аццопарди.

Нивен приподнял бровь и пробормотал: «Будущее», хотя мало в него верил. Он был готов подыгрывать убеждению Аццопарди, что они собираются захватить империю Нелли. Мальтиец говорил об этом предприятии в терминах «репараций», словно, подобно Германии, стенал под гнетом несправедливости. Если Нивен сейчас откажет Аццопарди, то больше не будет в курсе его намерений. Нивен может спасти мать или предать ее. Ему нравилось думать, что он еще не решил, но в глубине души он знал, что родство перевесит. У Кокеров всегда так.

Аццопарди жадно осушил бокал и подал знак

официанту принести еще вина.

— Я думаю, мы станем большими друзьями, — сказал он Нивену.

— Давайте пока ограничимся деловым партнерством, — сказал Нивен.

— Еще лучше, — сказал Аццопарди.

* * *

Нивен отказался от парового пудинга с вареньем.

— Вы прямо аскет, — сказал Аццопарди, уже поглядывая на сырную доску. Стилтон! Поистине великолепный сыр.

— Хочу оставить место в желудке, — сказал Нивен.

Он попросил у официанта кофе — черный.

— Больше ничего.

— Даже сливок? — спросил Аццопарди с убитым видом, болея душой за напрасные труды коровы. — Вы ведь не из этих… вегетарианцев?

Он проткнул вилкой ломтик сыра и пробормотал:

— Божественно!

На миг Нивену вспомнилась Китти. Те же странные ужимки.

— Нет, — сказал Нивен, не вдаваясь в подроб-

ности, хотя порой действительно задумывался о том, что не любит пролития крови. На войне он насмотрелся на это вдоволь. Лучше бы человеку охотиться с луком и стрелами на оленя, но сам Нивен уже безнадежно запутался в силках цивилизации.

— Мужчине нужно мясо, — упрямо заявил Аццопарди. — Красное мясо, чтобы кровь была красная.

Воплощение лицедейства — женоподобен, но притворяется, что он не такой. Нивену было все равно. Его собственный брат из таких, однако Нивен от этого любит его не меньше. Но вправду ли он любит Рамзи? Слово «любовь» звучало странно в контексте семьи Кокеров. У них любовь была диким, необузданным чувством. Нивен любил Сторожа, в этом он не сомневался. Доведись ему выбирать между жизнью и смертью брата и собаки, кого бы он выбрал? На весах его сердца чаши склонялись в пользу пса.

— Мои соболезнования, — сказал Аццопарди. — Я слышал, в одном из клубов вашей матери был пожар.

— Небольшой, — сказал Нивен.

— Она слабеет. Вы готовы совершить *coup*

d'état?[73] Захватить власть. Вы присоединитесь ко мне?

Он как ястреб, выжидающий нужного момента, чтобы спикировать на добычу, подумал Нивен. Он, похоже, не понимает, что Нелли — ничья не добыча.

— Если она не вернет мне мое, я заберу у нее бизнес не мытьем, так катаньем.

— Что же она вам задолжала? — удивился Нивен.

— Лучше спросите у нее самой.

Нивен рассмеялся.

— Моей матери давать прямые ответы религия не позволяет. — И ему самому тоже, конечно. — Мне пора.

* * *

Аццопарди с удовлетворением похлопал себя по огромному животу и велел принести еще портвейна. Это лишения в тюрьме сделали его жадным. И предательство тоже, пережитое, когда он понял, что лишился состояния. Он снова разбогател, экспортируя виски из Шотландии в Америку эпохи сухого закона — из Лита в Нью-

---

[73] Сноски: 73
Государственный переворот *(фр.)*.

Йорк через Монреаль, в таких объемах, что мог бы собственную пароходную линию завести, — но это принесло лишь деньги, а он хотел отомстить.

Он не очень-то жаждал заполучить клубы Нелли, они были просто возмещением. За то, что ему причиталось, за то, что она у него отняла.

— Еще портвейна! — добродушно сказал он официанту. Боже, как он любит Англию.

Прослушивание

Фреда репетировала и репетировала к прослушиванию, пока сосед снизу, муниципальный клерк, не пригрозил «утопить ее, как котенка», если она не прекратит. Она подготовила новый номер — «Чай для двоих», который пела, бодро отбивая чечетку. У нее был милый голосок, тоненький и высокий.

Она тщательно выбрала наряд. После долгих раздумий остановилась на клетчатой юбке и блузке с вышивкой ришелье, а сверху любимый кардиган, вишнево-красный, затейливой ручной вязки, с крошечными перламутровыми пуговками в форме цветочков. Она уже почти выросла из него, но он был дорог по воспоминаниям, и Фреда надеялась, что он принесет удачу. Кардиган был последней вещью, которую Фреда демонстрировала для «Вязки», на выезде в Гримсби, и она видела в нем прощальный подарок от Адели, хотя Адель понятия не имела, что Фреда его присвоила. Для Фреды это ощущалось как подарок, был он таковым или нет.

На этой неделе Фреда в преддверии прослу-

шивания приняла дополнительную ванну. Раз в неделю они с Флоренс ходили в общественные бани на Маршалл-стрит, где тратили шесть пенсов, чтобы вымыться теплой водой в номере первого класса. Девочки чередовались, кто первой садился в ванну. Ради прослушивания Фреда вчера заплатила два пенса за ванну второго класса, позволив себе роскошь помыться единолично. Возможности для мытья на Генриетта-стрит были скудны — раковина с холодной водой и ватерклозет, вечно грязный и пахнущий мочой, на лестничной площадке. Миссис Дарлинг не дружила с чистотой. Она также, казалось, не любила людей вообще, и все-таки даже на далеком чердаке девочки днем и ночью слышали стук-стук-стук демонического дверного молотка.

Мисс Шербурн наконец-то сумела устроить для Фреды настоящее прослушивание в театре «Адельфи» на Стрэнде, в кордебалет постановки под названием «Бетти в Мэйфере».

— Мне стоило больших трудов это устроить, — сказала она, — так что постарайся как следует, чтобы произвести впечатление.

«Я всегда стараюсь», — подумала Фреда.

С тех пор как она сбежала из дома, яркий свет успеха, который Фреда представляла себе в виде

следующего за ней повсюду луча прожектора, понемногу угасал. Но теперь все должно было измениться, свет горел ярко — Фреда Мёргатройд идет к славе! Наконец-то!

* * *

Кардиган туго натянулся, когда Фреда попыталась застегнуть перламутровые цветочные пуговки.

— Очень красиво, — сказала Флоренс. Она все еще валялась в постели, хотя день в пансионе уже шел полным ходом. — В «Адельфи» впечатлятся.

— Спасибо. — Фреда покружилась и сделала небольшой реверанс.

Флоренс настояла, чтобы Фреда приколола к красному кардигану брошку, синюю птичку миссис Ингрэм.

— На удачу, — сказала она.

Фреда не видела, как ношение краденого может принести удачу, но подчинилась, чтобы порадовать подругу.

— Чем ты займешься, пока я буду в «Адельфи»? — спросила она у Флоренс. (Чем вообще Флоренс занимает свое время?)

— О, тем да сем, — сказала Флоренс. — Я встречу тебя после в «Лайонсе» на Ковентри-стрит, и ты

расскажешь мне все-все, что было на прослушивании.

Фреду внезапно охватил озноб. Она представила, что именно так, должно быть, чувствуют себя осужденные в утро перед казнью. Момент расплаты настал. Впереди развилка. Направо лежит мощенная золотом улица, ведущая к славе и успеху. Налево — чумазый от копоти переулок, ведущий к отчаянию. Что, если Фреде придется пойти по нему? Что тогда?

— Не будь такой унылой кукушкой, — сказала Флоренс, выпутываясь из простыней. — Пойдем позавтракаем.

* * *

После еды они немного побродили, пока не начался дождь. Они расстались на Стрэнде, неподалеку от «Адельфи».

— Буду держать за тебя пальцы скрещенными на руках и ногах, — сказала Флоренс, обняв подругу. От Флоренс пахло мятными ирисками, которые она ела весь день напролет. Если не перестанет, скоро сама превратится в мятную ириску.

Фреда смотрела, как Флоренс переходит дорогу под дождем. Она ожидала, что подруга вернется

на Генриетта-стрит или, скорее всего, укроется от непогоды в каком-нибудь кафе (Флоренс следовало бы иметь акции сети ресторанов «Лайонс корнер хаус»). Но Флоренс не сделала ни того ни другого, а замялась на тротуаре у паба «Угольный подвал». Подъехал автомобиль, она шагнула вперед и, кажется, завела разговор с водителем. Это был мужчина постарше, но не такой старый, как мистер Птицесвист. Фреда не видела, что произошло дальше, потому что перед ней остановился омнибус, загородив обзор. К тому времени, как омнибус набрал пассажиров и тронулся, и машина, и Флоренс исчезли. Неужели Флоренс не знает, что нельзя садиться в машину к незнакомцам? Но потом Фреда представила себе доверчивое коровье лицо подруги и поняла, что ее, пожалуй, и конфеткой можно соблазнить.

* * *

Две или три девушки — голова будущей змеящейся очереди претенденток — уже стояли у служебного входа в ожидании открытого прослушивания. Очевидно, у них не было мисс Шербурн, чтобы замолвить словечко, и они бросали завистливые взгляды в сторону Фреды, когда та прошла мимо них прямо в святая святых. Навер-

но, решили, что я артистка из труппы, подумала Фреда, красуясь. Служебный вход «Адельфи» был почти рядом с храмом Тела Христова; возможно, следовало попросить Флоренс поставить для нее свечу в церкви, на удачу.

— Свечи не ставят на удачу, — сказала Флоренс. — И еще их ставят за кого-то другого, не за себя.

Фреда так сильно волновалась, что не заметила отсутствия афиш «Бетти в Мэйфере» на фасаде театра.

У служебного входа Фреда нашла вахтера, втиснутого в маленькую будку.

— Отменили, — сказал он, когда она вопросом о «Бетти в Мэйфере» оторвала его от внимательного изучения «Дейли мейл» (страницы подсказок для играющих на бегах).

— Отменили?

— Да, отменили. Перенесли на Шафтсбери-авеню. Сейчас у нас идет «Зеленая шляпка», разве вы не видели афиши снаружи?

Ясно же, что нет. Впрочем, решила Фреда, одно шоу ничем не хуже другого.

— У меня письмо с приглашением на прослушивание, — сказала она.

На самом деле письма не было, мисс Шербурн

договорилась о прослушивании по телефону, но это ведь, по сути, одно и то же. Привратник, похоже, был ленив; и правда, он снова уткнулся в газету и, не отрывая от нее глаз, снял трубку висящего на стене телефона и спросил, нельзя ли прислать мистера Лайонела.

— Тут девушка пришла, — добавил он.

После долгого ожидания появился мистер Лайонел. Фреде показалось, что он едва старше ее самой. Он выглядел довольно желтушным, будто ему не помешала бы хорошая доза солей для печени (Ванда считала их чудодейственным бальзамом). «Лайонел — это имя или фамилия?» — гадала Фреда. Он нетерпеливо сказал привратнику:

— Ну, Альфред, что на этот раз?

Мистер Лайонел и привратник, похоже, были на ножах из-за чего-то. Последовал обмен колкостями, предметом которых, судя по всему, был пропавший ключ. Чем больше нагнетал драму мистер Лайонел, тем лаконичнее становился привратник. Казалось, они совсем забыли о Фреде, пока она не кашлянула, напомнив о себе.

— У меня прослушивание, — сказала она, и мистер Лайонел мученически вздохнул, словно ничего более утомительного на свете не было.

— К руководству, полагаю? — спросил он ее.

— Да, к руководству, — согласилась Фреда, не совсем уверенная, что это значит в контексте «Адельфи». Ее отец был в руководстве, но ведь «Адельфи» — не кондитерская фабрика.

При слове «руководство» привратник презрительно фыркнул.

— Тогда следуйте за мной, — величественно-безразлично пригласил мистер Лайонел.

— Чрево зверя, — сказал он, ведя ее по загадочному царству — то через тесные закоулки, то через огромные, отдающиеся эхом залы.

Королевский театр в Йорке организован гораздо лучше. «Адельфи» был темным и пыльным, не говоря уже — хаотичным, и мистер Лайонел то и дело предупреждал Фреду о препятствиях, которые им приходилось преодолевать, — бухтах каната, огромных корзинах с костюмами, большом ящике с инструментами и даже маленькой собачке, равнодушно поглядевшей на Фреду.

— Это крысолов, — последовало объяснение.

Наконец они пробились в офис, где юнец передал Фреду женщине в пенсне, сидящей за столом среди вороха бумаг. Фреда подавила в себе инстинктивное желание прибраться. Женщина представилась как мисс Моллод (она не была

молодой, ей было как минимум сорок, по прикидкам Фреды). Она также была чрезвычайно сердита. Интересно, думала Фреда, тут что-то произошло, отчего они обозлились, или в театрах Вест-Энда все такие?

— В «Зеленой шляпке» нет кордебалета, — сказала мисс Моллод. — Вообще никаких танцев.

— Но меня пригласили на прослушивание, — настаивала Фреда. — Может, я в списке ожидания? Вы же постоянно прослушиваете девушек.

Мисс Моллод принялась рыться в залежах на столе, наконец нашла листок бумаги и, бросив на него самый беглый взгляд, сказала, что у нее в списках нет никакой Фреды Мёргатройд.

— Такого человека нет.

— Но такой человек есть, — запротестовала Фреда. — Это я.

Волна отчаяния начала захлестывать ее. Она пойдет ко дну. Исчезнет бесследно.

— Из Академии танца Вэнбру, — настаивала она. — Меня прислала мисс Шербурн. На встречу с руководством, — добавила она по внезапному наитию.

Это слово и впрямь подействовало как «Сезам, откройся», и мисс Моллод саркастически произнесла:

— Ну, если с руководством…

Снова усталые вздохи. Будь «Адельфи» парусным судном, он бы уже преодолел полпути к мысу Горн, подгоняемый вздохами, раздающимися в его стенах.

Мисс Моллод провела Фреду по очередной порции запутанных коридоров, а затем сказала:

— Налево, вторая дверь. Мистер Вэрли, — после чего бросила ее и ретировалась.

«Оуэн Вэрли» — гласила табличка на двери. Сердце Фреды учащенно забилось. Она выпрямилась, набралась духу и решительно постучала в дверь.

Изнутри сердитый голос проревел:

— Входите, если без этого никак!

«Да, никак, — торжественно подумала Фреда. — Я открываю дверь в свое будущее». «Мы должны препоясать чресла», — говорил, бывало, Дункан перед выходом на дефиле. Фреда препоясала чресла.

За довольно небольшим столом сидел очень крупный мужчина. Как и все в здании, он выглядел сердитым, и Фреда приготовилась к очередным шумным вздохам, но лицо мужчины переменилось, когда он поднял глаза и увидел ее.

— Ах, дитя мое, — сказал он. — Не хотите ли войти?

* * *

— О, привет, вот ты где, — сказала Флоренс, когда Фреда упала на стул напротив нее в «Лайонс корнер хаус» на Ковентри-стрит. — Как все прошло в «Адельфи»? Тебя взяли?

Флоренс методично перерабатывала тарелку сдобных булочек. Она ела медленно, тщательно пережевывая, подобно корове на пастбище.

— Нет, не взяли, — сказала Фреда.

Во рту так пересохло, что она едва могла говорить. На языке до сих пор ощущался железный привкус крови. Сердце колотилось, потому что она почти всю дорогу от Стрэнда бежала, будто за ней гнался сам дьявол. Она сбросила пальто и сумку на соседний стул и стала обмахиваться салфеткой.

Жующая Флоренс не замечала состояния подруги.

— Ну, не повезло, — сказала она. — Наверняка тебе скоро предложат другое прослушивание. Съешь булочку.

У Фреды подкатило к горлу.

— Мне надо в туалет, — пробормотала она и

ретировалась в сторону уборных.

Дамская комната в «Лайонс» на Ковентри-стрит была особенно великолепна, с большими мраморными раковинами, кристально прозрачными зеркалами и отделкой красным деревом тонкой работы. Мыло тоже приятно пахло, не то что карболовое в пансионе, и обычно, приходя сюда, Фреда старалась насладиться удобствами на полную катушку.

Только не сегодня. Сегодня она сразу бросилась в туалетную кабинку и исторгла содержимое желудка в унитаз.

Горячие слезы жгли глаза, но она не собиралась удостаивать Оуэна Вэрли таким драгоценным даром. Сейчас, стоя на коленях на холодном жестком кафеле дамской комнаты «Лайонса», Фреда была несчастна как никогда в жизни. Словно душу исторгли из нее вместе с содержимым желудка.

«Да было ли в самом деле это прослушивание?» — гадала она. Если и было, то точно не для пьесы. Какая же она дура! Даже мышь не бросается так беспечно в мышеловку с приманкой.

* * *

— Закрой за собой дверь, дорогая, — сказал Оуэн Вэрли.

Он спросил ее имя и возраст, на что она ответила «шестнадцать», как говорила с двенадцати лет. Она решила изобразить лоск искушенной столичной девушки. Слово «столичный» она переняла у мисс Шербурн. Противоположность отвратительному «провинциальному», очевидно. Хозяин кабинета, казалось, не заметил ее попыток изобразить светскость.

— Итак, Флора, — сказал он, — значит, ты хочешь стать актрисой?

— Вообще-то Фреда, мистер Вэрли, хотя мой сценический псевдоним — Фэй ле Монт. — (Мисс Шербурн говорила, что у каждого должен быть сценический псевдоним.) — Вообще-то я танцовщица. Мисс Шербурн устроила мне прослушивание.

— Мисс Шербурн?

— Академия танца Вэнбру.

— Да, конечно, я ее хорошо знаю. Значит… танцовщица, а? — Затем он спросил, приходилось ли ей выступать раньше, и она ответила:

— О, я довольно много выступала, мистер Вэр-

ли. В провинции, конечно, — небрежно добавила она, решив, что лучше сразу озвучить этот конкретный недостаток.

Она достала из сумочки папку — из той самой сумочки, которой вскоре предстояло сыграть роковую роль. Фреда была казначеем в их паре и хранила в старой сумке Ванды и общие денежные запасы, и украшения миссис Ингрэм, поскольку в пансионе на Генриетта-стрит не было надежного тайника. Фреда носила сумку, перебросив длинный ремень через плечо, как партизан — патронташ. Любому желающему вырвать у нее сокровище на улице пришлось бы биться не на жизнь, а на смерть.

Папка, извлеченная из драгоценной сумки, также содержала портфолио последних сценических фотографий Фреды. Она вручила папку Оуэну Вэрли, который положил ее на стол, не взглянув. Фреда принялась перечислять некоторые постановки, в которых участвовала, но не успела дойти даже до «Гензеля и Гретель» трехлетней давности, где играла, как обычно, деревенское дитя, танцующее у майского шеста. Фреда справилась бы с ролью Гретель куда лучше выбранной актрисы. (Той было двадцать пять лет!)

Оуэн Вэрли прервал ее словами:

— Ты бойкая малышка, а?

— Разве?

— Будь добра, Флора, приподними юбку.

— Простите?

— Твои ноги, Флора. Дай мне посмотреть на твои ноги, дорогая.

Что ж, рассудила Фреда, возможно, желание увидеть ноги танцовщицы не так уж странно. У танцовщиц все крутится вокруг ног, без них не станцуешь, верно? И еще в Вест-Энде, вероятно, все не так, как в других местах. Она несколько нерешительно приподняла юбку до колена. Многие женщины в Лондоне носят юбки именно такой длины, подумала она.

— Выше, дорогая. Немного бедра, пожалуйста.

Фреда раньше как-то не задумывалась о том, что у нее есть бедра. Она воспринимала свои ноги как нечто цельное, сверху донизу.

— Отлично, Флора. Еще чуть выше. Не стесняйся, тут все свои, верно?

И, как лягушка пассивно сидит в кастрюле, пока вода нагревается, так и Фреда постепенно подтягивала юбку все выше, словно медленно поднимающийся театральный занавес. Фреде становилось все неприятней, но по ее телу хотя бы не шарили щупальцами.

— Превосходно, — пробормотал Оуэн Варли, багровея. — А теперь блузку, дорогая.

– *Блузку?* — Фреда решила, что ослышалась. Он же из *руководства*, как ему не стыдно!

— Да, блузку, то, что на тебе надето сверху. Снимай, дорогая. Мне нужно увидеть твои достоинства.

Фреда дрогнула. Столица, подумала она и расстегнула верхнюю пуговицу. Вода начинала закипать. Фреда потрогала вторую пуговицу, а затем сказала:

— Нет, простите, мистер Вэрли, я не могу.

— Не будь глупышкой. Давай же.

— Нет.

Он с усилием поднял громоздкую тушу со стула, и Фреда в ужасе ахнула при виде его расстегнутых брюк. «Висюльки» Ванды внезапно показались легкомысленно неподходящим термином для чего-то похожего на сырые бычьи потроха. Чем он *занимался* под прикрытием стола? Фреда повернулась, чтобы уйти, выпрыгнуть из кастрюли, но Вэрли был поразительно проворен для человека его размеров, и не успела она добраться до двери, как он перехватил ее, прижав к стене, и всей громадной тяжелой тушей придавил так, что она даже дышать не могла.

К удивлению Фреды, ее мысли неожиданно перенеслись к Маргарет Клизероу, католической мученице из Йорка, которую задавили насмерть — приплюснули дверью, а сверху навалили большие камни. Фреда знала эту историю только потому, что Ингрэмы католики. По ее опыту, никто, кроме католиков, не интересовался мучениками. Дверь мучители взяли из собственного дома Маргарет Клизероу — странная деталь, всегда интриговавшая Фреду. Она решила, что лучше бы ее придавили дверью, все равно чьей, чем слоновьей тушей Оуэна Вэрли.

— Ну давай уже, — брызгал он слюной, сражаясь с ее одеждой.

Фреда чувствовала, как толстые холодные пальцы шарят по ее телу в местах, где им совершенно нечего делать. Домогательства мистера Птицесвиста казались ничтожными по сравнению с этим. Меня подвергают поруганию, подумала Фреда. Она и не подозревала, что это слово входит в ее лексикон.

— Будь хорошей девочкой, — хрюкнул Оуэн Вэрли. Голос звучал так, будто он задыхался.

Кто-то из них двоих сейчас умрет. Либо у него случится сердечный приступ, пока он стонет и содрогается, либо Фреда задохнется от нехватки

воздуха. Мученица во имя славы и удачи.

Фреда собрала все оставшиеся крохи сил и вцепилась зубами, как собака, в дряблые брыли обидчика. И, как собака, не отпускала, хотя ее чуть не стошнило от отвращения.

Оуэн Вэрли взвизгнул — насколько может взвизгнуть мужчина, когда его щека зажата в зубах девушки, — и попытался оттолкнуть ее, но Фреда все не отпускала. Если бы могла, она бы оторвала ему лицо, но в конце концов ей пришлось разжать челюсти. Оуэн Вэрли тяжело рухнул на пол и затих. Она убила его? Можно ли убить человека укусом?

Беги, подумала Фреда, беги и не оглядывайся. Беги, спасайся. Она не растерялась и схватила сумку Ванды — портфолио с фотографиями оказалось отброшено на пол, и это ее не волновало, но она не собиралась жертвовать ради Оуэна Вэрли их с Флоренс общей казной или драгоценностями миссис Ингрэм.

У Фреды не было ариадниной нити, чтобы найти путь из лабиринта. Она понятия не имела, каким чудом отыскала выход из театра, но все же отыскала. Промчалась мимо вахтера, мимо удивленной змейки свежих претенденток на Мейден-лейн. И оказалась у храма Тела Христова.

Фреда знала, что в церкви можно найти убежище, но предпочла безопасную гавань «Лайонса» на Ковентри-стрит, где ее ждала Флоренс.

* * *

Фреда смотрела на себя в зеркало в дамской комнате «Лайонса». Она многократно прополоскала рот, но ей все еще чудился вкус крови Оуэна Вэрли. Выглядела она ужасно. Расческа осталась в сумке, и самое большее, что Фреда могла сделать сейчас, — это плеснуть холодной водой в лицо и пригладить волосы руками.

— Миленькая, что-нибудь случилось? — участливо спросила пожилая служительница дамской уборной.

— Нет, все отлично, спасибо, — сказала Фреда.

От слов доброй служительницы она чуть не расплакалась. Она дала бы ей на чай, но деньги, слава богу, были в безопасности в сумке, на стуле рядом с Флоренс. Какое счастье, что Фреда не бросила сумку в «Адельфи» — вернуться за ней было бы невозможно. Флоренс присмотрит за сумкой. Ведь правда? Вдруг на Фреду накатил тяжкий ужас, и в тисках жуткой паники она выбежала обратно в зал кафе, где происходила какая-то суматоха. Одна из подавальщиц кричала: «Воры!»,

и многие посетители повскакивали с мест, будто на спортивном матче.

Пока Фреда добралась до столика, волнение уже начало утихать. Люди вернулись по местам, к своему чаю. Пострадали не они, а кто-то другой.

— Они взяли твою сумку, — убито сказала Флоренс, увидев подругу.

— Они? Кто они?

— Воровки. Женщины.

— Почему ты их не остановила? — спросила Фреда. Она похолодела, почти заледенела от гнева. Почему Флоренс такая неосторожная и не следила за сумкой? Как можно быть такой дурой?

У Флоренс затряслась нижняя губа:

— Я не виновата. Это ты убежала и бросила сумку. Я так и знала, что ты обвинишь меня.

— Да, ты виновата! Ты тупая безмозглая корова! И совершенно зря я с тобой связалась!

Человек-невидимка

Фробишер слонялся в конце улицы, подняв воротник пальто и надвинув шляпу на глаза. Он понимал, что для любого наблюдателя выглядит довольно подозрительно. Фробишер, однако, гордился тем, что умеет сливаться с фоном, как человек-невидимка Герберта Уэллса. Поэтому его бы удивило, узнай он, что на деле за ним самим следят — кто-то с блокнотиком вроде тех… нет, идентичных тем полицейским блокнотам, что выдавались из шкафа канцелярских принадлежностей, который, в свою очередь, свирепо охранялся седовласой мегерой, старшей письмоводительницей полицейского участка на Боу-стрит. Новый карандаш не выдавали, пока не предъявишь огрызок старого. Фробишер уважал экономию, но не любил скаредность. Он подумал, что стоит поговорить с этой женщиной, но она была в самом низу его списка приоритетов. Если только не окажется, что она тоже на содержании у владельцев ночных клубов Сохо.

За Фробишером действительно ходил хвост — со вчерашнего дня, когда владельца блокноти-

ка отрядили за ним шпионить. В блокноте уже появилось множество заметок настолько банального содержания, что, увидев их, Фробишер был бы подавлен (хотя и не удивлен) заурядностью своей жизни.

ДЖОН ФРОБИШЕР вышел из дома в Илинге в 6:20 (утра), прибыл на Боу-стрит в 7:45 (утра). 12:00 дня. Фробишер покинул Боу-стрит в полдень, ходил по Сохо/Ковент-Гардену. Обедал (ветчина с жареной картошкой) в закусочной «У Джонни» на Цветочной улице.

Блокнот захлопнули и сунули в карман.

* * *

С тех пор как Фробишер начал работать на Боу-стрит, он почти каждый вечер являлся сюда следить за многочисленными делишками, творящимися в «Аметисте». Бесконечная череда людей, жаждущих удовольствий, проходила через двери ночного клуба. Война сделала людей гедонистами, хотя можно было бы подумать, что эффект будет обратным, что они с облегчением примут спокойную трезвенность мирной жизни. Фробишер никогда не понимал погони за удовольствиями как самоцели. Вероятно, такие взгляды делают его занудой в глазах окружа-

ющих. Он верил в умеренную жизнь — не был пуританином, но его удручали крайности поведения, которые приходилось наблюдать. Этого ему и в Илинге хватало.

Теперь, конечно, в воздухе витало новое беспокойство. Он предположил, что дело в разговорах о всеобщей забастовке, будто Лондону и без нее мало забот. Не то чтобы он не сочувствовал рабочим. Война во многом их подкосила. Теперь Англия живет в антиутопии.

Он надеялся стать свидетелем того, как Мэддокс заходит в «Аметист». Где-то должен быть второй, секретный вход. Фробишер, конечно, искал его, но пока не нашел. Никто на Боу-стрит не признавался, что знает его расположение, но он подозревал, что знают все.

Девушка — скорее призрак, чем девушка, — вступила в круг тусклого света под фонарным столбом чуть дальше по улице. Тринадцать? Четырнадцать? Пятнадцать? Не понять. Кукольная внешность: белокурые локоны, рахитичные ножки. Блестки на дешевом платье ловят свет уличного фонаря. Она все оглядывалась беспокойно, даже пугливо, словно кого-то ждала. Фробишер уже собирался нарушить свою маскировку, подойти к девушке и сказать, чтобы

бежала домой и не задерживалась в таких местах, но тут подъехало такси, извергнув шумную, возбужденную группу вакханок, и к тому времени, как они скрылись внутри клуба, эфемерная фигурка девушки растворилась в ночи.

Он наблюдал и ждал. Наконец прибыли мисс Келлинг и Кобб. Подходит ли Кобб для этого задания? У Фробишера были сомнения, но Кобб служил усердно и казался благоразумным — слово, которое почему-то раздражало мисс Келлинг.

Кобб — тощий как жердь — в штатском оказался еще менее привлекателен. На нем был вечерний костюм на размер больше (стоимость проката оплатили из фондов Боу-стрит). Фробишер подумал, что мисс Келлинг, наверное, заслуживает лучшего.

Фробишер неохотно двинулся к станции метро. Возможно, он все же в какой-то степени понимал людей, гуляющих ночь напролет. Это позволяло им не идти домой.

* * *

Лотти уснула в кресле, ее грудь мягко вздымалась и опадала с каждым вздохом. Крышка стоящего рядом швейного столика была поднята. Внутри, среди мотков ярких ниток для попугаев,

лежали игла и пустой шприц. Значит, она опять начала. Фробишер словно оцепенел от неизбежности всего этого. Кто снабжает ее морфием? Насколько он знает, она почти не выходит из дома, разве что на соседнюю улицу с небольшим рядом лавок. Но даже при этом продукты закупает в основном Фробишер.

Он убрал иглу и шприц, закрыл швейный столик и принес одеяло, чтобы укрыть жену. Похоже, она твердо решила саморазрушиться. Он заметил, что купленные им тюльпаны уже увяли — мягкие стебли поникли, лепестки жадно раззявились. Поделом ему, видимо; в следующий раз будет знать, как покупать задешево.

Carpe Noctem[74]

— В «Лисьей норе» все в порядке? — спросила Нелли у Бетти, когда сестры прибыли в «Аметист».

— Да, мама. Все хорошо.

— А в «Фее»? — Нелли переключила внимание на Ширли. — Больше никаких пожаров?

— Нет, мама.

— Кто тут сегодня? — спросила Бетти. Это был дежурный вопрос, не означающий интереса к знаменитостям.

— Всякой твари по паре, — ответила Нелли. — Таллула Бэнкхед, Фраццини, король Дании.

Король Дании? Ширли стало любопытно: она никогда особо не задумывалась о Дании как стране или о том, что там есть король.

— Он вроде ничего, — с неохотой произнесла Нелли.

Однажды в юности ей довелось пересечься с Эдуардом, предыдущим королем, когда он

---

[74] Сноски: 74

Лови ночь *(лат.)*. Перефразированное выражение «Carpe diem» («Лови день»), иными словами — старайся успеть взять от жизни как можно больше.

еще был принцем Уэльским. Она отказывалась говорить об этом, но однажды, захмелев от новогоднего шампанского, сказала: «Взгляните хорошенько на нос Нивена».

— Дай мистеру Фрацини коробку конфет, будь добра, — сказала Нелли.

Нелли продавала коробки по пятнадцать шиллингов, а покупала оптом где-то на севере по шиллингу за штуку; коробки разукрашивались лентами (по пенни каждая) силами инвалидов войны. Хостессы всячески уговаривали клиентов купить им коробочку конфет, съедали несколько штук, а затем коробки возвращались в кладовку, там их опять наполняли, поправляли ленты и снова пускали в продажу.

— Сегодня вам придется танцевать с клиентами, — сказала Нелли дочерям. — У нас не хватает двух девушек.

— Кого именно? — спросила Ширли. «Девушки» были для Нелли собирательным понятием, она никогда не утруждалась запоминанием их имен. Имена ничего не значат — одну девушку легко заменить другой.

— Идите-ка, — сказала Нелли. — Нечего тут болтаться.

* * *

Стая Кокеров слеталась. Сразу вслед за сестрами явилась Эдит, заметно менее оживленная.

— Ты потолстела, — сказала Нелли, не поднимая глаз от гроссбухов.

— И тебе добрый вечер, мама.

Нелли оторвалась от бухгалтерии и долго смотрела на Эдит.

— Займись собой, тебе обязательно надо худеть, — сказала она.

— Чья бы корова мычала, — ответила Эдит.

* * *

— Дождь собирается? — спросила Нелли у Рамзи, когда тот поднимал решетку у входа.

— Не похоже. — Рамзи редко обращал внимание на погоду. Она была всего лишь еще одной неподконтрольной ему неприятностью. — А что?

— Швейцары говорят, что нет ни одного зонта для экипажей, их опять все растащили.

— Не думаю, что прямо-таки стащили. Просто люди забывают их вернуть.

— Это и значит — стащили. В понедельник сходишь к Джеймсу Смиту и закажешь новые.

— Это может сделать портье, — сказал Рамзи.

— Ты тоже можешь.

Рамзи со вздохом согласился. Не было смысла спорить дальше. Нелли могла увильнуть от драки, но никогда не уступала в дискуссии.

— Кстати, твой друг пришел.

Друг? Рамзи почувствовал легкий укол тревоги. Кто его друг?

— А теперь сбегай вниз и принеси мне шерри-флип, ладно? Вот умница.

* * *

Рамзи смотрел, как Фредди готовит шерри-флип: разбивает яйцо в шейкер, добавляет хересу и сахару. От этого его затошнило еще сильнее. Рядом возникла Эдит, которой явно нездоровилось:

— Шведский спичечный король пришел.

— Крюгер? Мама про него не сказала. Тебе лучше?

— Не особо.

— У тебя и правда ужасный вид, — посочувствовал Рамзи.

— Спасибо, мне сразу полегчало. Твой друг здесь. Спрашивал тебя.

Рамзи посмотрел в указанном Эдит направлении и увидел за столиком Вивиана Куинна с

Майклом Арленом и Таллулой Бэнкхед. Куинн красовался в этой компании, запрокидывая голову и смеясь над всем, что говорилось, — играет на публику, конечно. Бэнкхед — явно очень распущенная особа — играла в постановке по проклятой книжонке Арлена в «Адельфи». Ну конечно, эту муть обязательно должны были поставить в театре, иначе никак. Даже поговаривали о фильме — с Гретой Гарбо! Бэнкхед и Арлена окружала модная западнокенсингтонская тусовка, состоящая из прихлебателей Арлена. Как, должно быть, Куинн наслаждается, сидя за этим столом, в этом зачарованном кругу.

— О, когда я был в Париже, конечно, — донесся голос Куинна, типичный для него тон, нахальный и громкий.

Он вечно болтал о Париже, хотя провел там всего две недели в прошлом году во время поездки по Европе. Это не мешало ему трепаться о «Café de Flore», книжном магазине «Шекспир и компания» или как бы между делом ронять имена: Зельда и Скотт, Эрнест, Паунд и Джеймс Джойс. От его претенциозности у Рамзи зубы сводило. В душе боролись неприязнь и зависть. Зеленый цвет зависти победил. Рамзи утешился оливкой из блюда на стойке. Он заметил, что

Куинн косится в его сторону, и быстро нырнул за брустверг бара.

— Все в порядке там в окопах, мистер Кокер? — спросил Фредди.

— Да, все отлично, спасибо, Фредди. В зале довольно жарко, а здесь внизу приятно и прохладно.

— На полу?

— Да, на полу, Фредди.

— Сказать вам, когда путь будет свободен, мистер Кокер? Когда ваш друг уйдет?

— Он мне не друг, — отрезал Рамзи.

— Оки-доки, мистер Кокер, как скажете, — любезно ответил Фредди. — Если вы сейчас рванете, то должно получиться.

— Спасибо, Фредди.

— Мистер Кокер!

— Что, Фредди?

— Не забудьте шерри-флип миссис Кокер.

* * *

— Пойду подышу свежим воздухом, — сказал Рамзи матери.

— Ты только что дышал.

— Воздух вроде не по карточкам дают.

— А следовало бы, — сказала Нелли.

Рамзи обошел «Аметист» и оказался в проулке на задах. У клуба здесь был секретный выход, «спасательный люк», как называла его Нелли: через него представители истеблишмента, которым она особо благоволила, могли поспешно ретироваться в случае полицейской облавы.

Чтобы воспользоваться спасательным люком, нужно было проделать извилистый путь через внутренний дворик с уличными сортирами позади клуба, затем через незапертую дверь на задний двор соседней скобяной лавки (ее владельцу за это аккуратно платили), войти в лавку черным ходом и оттуда через парадный ход на улицу. Многие кабинет-министры, пэры королевства и даже иногда епископы спасались этим недостойным способом, как беглые преступники. Бывало, что некоторые путались, забредали в подвал соседнего итальянского ресторана и там блуждали среди бутылей оливкового масла и кьянти.

Рамзи достал портсигар. Золотой, чеканный, с рубиновой застежкой, с выгравированным внутри его именем. Из лавки на Бонд-стрит, неожиданно щедрый подарок от матери на двадцать первый день рождения. («Стоил целое состояние», — говорила Нелли каждый раз, когда Рамзи доставал сигарету.) Он выудил одну, зажег

и затянулся, чувствуя, как легкие наполняются, словно дырявые мехи. Он курил «Balkan Sobranie», крепкие и смолистые, купленные потому, что его привлекла экзотическая картинка на пачке. Говорили, что курение полезно, но Рамзи не был в этом уверен.

Насладиться сигаретой не пришлось, так как из-за угла возник Вивиан Куинн.

— А, вот ты где. Я голову ломал, куда ты запропастился, старый педик. Ты что, прячешься от меня?

— Нет, Куинн. Конечно, я от тебя не прячусь.

— Тогда дай сигаретку, а? — сказал Куинн.

Рамзи неохотно протянул портсигар.

— Огоньку? — подсказал Куинн.

Рамзи вздохнул и достал спичечный коробок. Куинн накрыл руку Рамзи своей, чтобы оградить пламя — в переулке всегда было ветрено. Рамзи хотел стряхнуть его ладонь, но стоически вытерпел, чтобы избежать очередной язвительной реплики.

— Спичечный король здесь, — сказал Куинн, видимо по ассоциации.

— Крюгер. Я знаю.

— Он мошенник, знаешь ли, — сказал Куинн. — Внебалансовые компании, необеспеченные

облигации на золото, деривативы. В конце концов все рухнет, вот увидишь. Карточный домик.

Рамзи понятия не имел, о чем толкует Куинн. Помилуйте, Крюгер делает *спички*. Много спичек. Возможно, все спички на свете. Иначе с чего бы его окрестили их королем?

Куинн затянулся сигаретой, закашлялся и засипел.

— Господи, Кокер, это адское зелье.

— Турецкий табак. К нему надо привыкнуть, — сказал Рамзи. Он не мог сдержать любопытства: — Куинн, это правда, что ты пишешь роман? О чем?

— О чем? А роман обязательно должен быть о чем-то?

— Как правило.

— До чего банально. Ну, видимо, примерно о том, как тускнеет наша золотая молодежь.

— Он как-нибудь называется?

— Довольно удачно — «Мишура».

Удивительно дурацкое название!

Дело в том, что, как бы Рамзи ни отрицал, они с Куинном и впрямь друзья, хоть и того сорта, что недолюбливают друг друга. Они спелись по необходимости, когда Рамзи вернулся из Швейцарии, а Куинн, только что нанятый вести колонку,

искал компанию, чтобы шататься по лондонским ночам. Рамзи был благодарен, что у него есть друг, пускай даже такой, которого, кажется, интересует только собственная карьера.

Но потом Куинн неуклюже полез к нему в гардеробной «Сфинкса», в чаще мехов, мужских вечерних плащей и продукции «Кромби», и Рамзи вынужденно вертелся, как уж на сковородке, пытаясь улизнуть. Положил этому конец лишь внезапно возникший Геррит: он раздернул завесу пальто и спросил:

— Все в порядке, Рамзи?

— Ой, — сказал Куинн, — мы же не хотим, чтобы Летучий Голландец приревновал, правда?

— Я не такой, — покраснев, сказал Рамзи Герриту, когда Куинн ушел, а Геррит рассмеялся и сказал:

— Рамзи, ты сам не знаешь, какой ты.

* * *

— Куинн, это *roman à clef*? — настаивал Рамзи. Произнести дурацкое название у него язык не поворачивался.

— «Мишура»? Боишься, что я и тебя там выведу? — ухмыльнулся Куинн. — Второстепенным персонажем, хочешь?

Куинн строил из себя аристократа с туманной родословной, но Рамзи знал, что на самом деле он сын провинциального аукциониста и ровно такой же обманщик, каким называл Крюгера. Рамзи надеялся, что Куинн ошибается насчет спичечного короля. Его мать прислушивалась к финансовым советам этого человека, наряду с Альфредом Лёвенштейном.

– *Иудей*, — брезгливо сказал Куинн.

— Ну, вообще-то, бельгиец, — застенчиво поправил Рамзи.

— Он тоже жулик.

«Неужели *все* люди в каком-то смысле жулики?» — задумался Рамзи.

— Не хочешь сходить со мной в катран на следующей неделе? — спросил Куинн.

— Катран?

«Катран» на воровском жаргоне означал незаконный карточный притон. Рамзи любил карты — с тех самых пор, как «большевисты» на Грейт-Перси-стрит научили его играть в преферанс. Он уже бывал в нескольких «катранах» с Куинном — маленькие, не слишком серьезные предприятия, кочующие, чтобы укрыться от закона, всплывающие в квартирах в таких районах, как Блумсбери и Марилебон. Жильцам платят, чтобы они осво-

бодили помещение на ночь, затем сворачивают ковры, отодвигают мебель и выставляют хлипкие карточные столики для игры в джин-рамми или «двадцать одно». На таких вечерах бывают и женщины, так что все довольно цивилизованно, не какая-нибудь оргия футбольных фанатов. Ставки ограничены, дешевое вино и пиво льются рекой, и участники веселятся все больше и больше, прежде чем, пошатываясь, разбрестись по домам, обогатившись или обеднев на несколько фунтов. Ставки были невысоки, Рамзи никогда не выигрывал и не проигрывал больше пяти фунтов. Далеко не Биарриц и не Монте-Карло. Однако Нелли пришла бы в ярость, если бы узнала.

«Катраны», конечно, незаконны, но всем плевать. И вообще, одним из завсегдатаев за столами был полицейский, эдакий весельчак, не в форме (в ней он выглядел бы как на маскараде), который говорил: «Повеселиться — не грех, правда ведь? Все любят поставить денежку на кон».

— Этот будет в Белгравии, — сказал Куинн.

— В Белгравии?

— Угу. Интересные люди, весьма приличная публика, по правде говоря. Нам повезло, что нас пригласили, если честно.

— Должно быть, там высокие ставки.

— Нет, не думаю. Они играют на просто так. Ну, подумай. Мне пора. Я иду на открытие «Гаргульи», могу и тебя провести, если хочешь.

— Нет, спасибо.

— Как знаешь.

Начался дождь, и Куинн раскрыл зонт, который был у него с собой.

— Что ж, до свидания пока, — сказал он, шагая прочь с претенциозно непринужденным видом. Рамзи заметил, что зонт — один из тех, что стащили из «Аметиста».

* * *

Когда Рамзи вернулся в «Аметист», не только привратники таинственным образом отсутствовали на посту, но и мать больше не восседала в своей кассе: ее заменила Китти. Бокал с шерри-флипом Нелли был пуст, а сама Китти выглядела на удивление посвежевшей.

— Где она? — спросил Рамзи.

— Не знаю.

Китти призналась, что по неосторожности впустила нескольких человек из шайки «Хакнейских гуннов» — они нахально проскочили мимо, замаскированные под костюмированную труппу Пьеро. В последнее время кое-кто из «гуннов»

завел привычку наряжаться, чтобы проникать на многочисленные костюмированные балы и маскарады, которые в Лондоне, кажется, бывают каждую ночь. Рамзи вспомнил вчерашнюю мумию с дружками. Банда Пьеро могла бы показаться даже более угрожающей.

Хитроумные «гунны» на вечеринках тайком проникали в ряды гостей и незаметно облегчали их карманы. Жертвы так самозабвенно веселились, что редко замечали пропажи, а когда замечали, было уже слишком поздно.

— Тебе влетит, если выйдет заваруха, — сказал Рамзи.

— Я, как известно, ребенок, так что во всем виноват будешь ты.

Словно по сигналу снизу послышался страшный гвалт. Рамзи колебался. Привратников по-прежнему не было на месте. А вот Линвуд, напротив, уже летел вверх по лестнице.

— Мистер Кокер, идите скорей, — задыхаясь, проговорил он, — там сущий ад. Подонки общества вцепились друг другу в глотки. Кого-нибудь убьют.

Китти торжественно, будто вручая рыцарю священный меч, передала Рамзи полицейскую дубинку, спрятанную в кассе. Нелли пользова-

лась ею не раз.

— В логово льва, мистер Кокер, — сказал Линвуд.

Рамзи двинулся вниз по лестнице, за ним плелся Линвуд и радостно скакала Китти. Линвуд отдернул бумазейную штору, и Рамзи с дубинкой в руке попытался разобраться в творящемся светопреставлении. Казалось, тут мало что можно сделать, разве что с силой столкнуть головами пару дерущихся. Может, лучше просто позволить потасовке выдохнуться, прокатиться по клубу и выгореть, как лесной пожар. Иногда это лучшая тактика.

В драке участвовали несколько фракций, которые в сочетании образовали взрывоопасную смесь, о чем позже рассказала брату Бетти, которой было хорошо видно с эстрады. «Гунны», пьяные от дешевого виски и удачного захода — объемистые карманы оттопыривала добыча с недавней вечеринки на Беркли-сквер, — готовились праздновать.

Они весь вечер дразнили Фраццини, который спокойно сидел за своим столиком и упорно игнорировал их, к их великому раздражению. Он даже предложил им конфеты из коробки, которую Нелли прислала ранее, и это разъярило

их еще больше. Фраццини знал то, чего не знали «гунны», — что его люди, пронюхав о назревающих неприятностях, уже пробираются в клуб через секретный вход, готовые к потасовке.

Искрой в пороховой бочке стал один из «гуннов», затеявший ссору с другим посетителем из-за девушки, которую оба пригласили на танец. Эта хостесса, Екатерина, русская белоэмигрантка, пользовалась спросом у завсегдатаев. Ее переманили из Парижа, где Нелли провела несколько месяцев, пытаясь открыть злополучный «Англетер». Ходили слухи, что Екатерина раньше танцевала в «Фоли-Бержер», что, естественно, придало ей популярность в «Аметисте», поскольку все постоянно ждали, что она возьмет да скинет с себя одежду. Впрочем, ждали напрасно.

Первый Пьеро нанес удар кулаком. Это послужило сигналом, и его дружки ринулись в бой, колотя куда придется, направо и налево. Парочки из пригорода попрятались под столами — такое «веселье» для них было уже слишком. Однако закаленные завсегдатаи приготовились к интересному представлению, тем более что хулиганы Фраццини уже прибыли и тоже бросились в битву. Вскоре свалка заняла уже половину танцпола; воздушные шарики и серпантин, свисающие с

потолка, придавали действу неуместно карнавальный дух.

И тут другой Пьеро выхватил из удобного объемистого кармана белого костюма револьвер и принялся им размахивать. Те, кто стоял ближе всего, с завидной прытью нырнули под столы. Раздался выстрел, невероятно громкий даже среди шума в клубе.

Рамзи, конечно, не знал про датского короля, которого, как и подобает главе государства, сопровождала вооруженная свита, готовая защищать монарха от любых посягательств; телохранители короля вытащили оружие и теперь целились в гущу толпы пугающе неопределенным образом.

Этот первый выстрел сработал, как залп из стартового пистолета. После короткой ошеломленной тишины послышался грохот: видимо, каждый, у кого была пушка, начал палить по своему разумению. А вооружены были многие, не только бандиты, ведь, в конце концов, с войны прошло не так уж много времени. Остались не только многочисленные «сувениры», но и немало людей, умеющих ими пользоваться.

Оркестр, сохранявший хладнокровие при любых перипетиях в клубе, заиграл «Убегу от тебя» в тревожно-бешеном темпе, который лишь уси-

лил сумятицу. Возможно, это был сознательный выбор. Нелли платила оркестру триста пятьдесят фунтов в неделю, что считала возмутительным, но выхода не было: «Аметист» обладал массой достоинств, но без танцев был как ноль без палочки. Музыканты подобрались стойкие, из тех, что бодро пойдут на дно вместе с кораблем. Позже обнаружилось, что пуля пропахала борозду в пианино, стоящем на эстраде, но пианист не покинул свой пост.

У Рамзи перед глазами уже стоял заголовок: «КРОВАВАЯ БОЙНЯ В НОЧНОМ КЛУБЕ В СОХО». Это определенно будет конец клуба, если не всей семьи. Где полиция, когда она нужна? Зато, когда не нужна, она всегда рядом. Вот вам и инспектор Мэддокс с его «защитой».

И тут вдруг из ниоткуда возникла Нелли, словно *deus ex machina*[75], спрятанной на эстраде. «Где она была все это время?» — гадал Рамзи. Она размахивала новой тростью, как укротитель хлыстом. Несколько музыкантов пригнулись, уворачиваясь. Просто поразительно, какой силой обладала эта женщина. Крохотного росточка, и все же через несколько минут в клубе стало

[75] Сноски: 75
Бог из машины *(лат.)*.

тихо, неразбериха улеглась, пистолеты исчезли, а несколько пристыженных урок понурили головы. Оркестр заиграл что-то, подозрительно напоминающее Моцарта. Позже Нелли скажет им все, что думает по этому поводу. По ее мнению, даже малейший намек на классическую музыку мог погубить клуб.

Кто-то из свиты короля Дании держал визжащего Пьеро в удушающем захвате. Это мог быть любой из «Хакнейских гуннов», поскольку все они были в похожих костюмах, но не важно, один «гунн» представлял всех — трофей. Легчайшим кивком головы в сторону участников Нелли дала понять, что Пьеро следует передать головорезам Фраццини в качестве символической жертвы. Банда Фраццини направилась к секретному выходу из клуба вместе с приговоренным пленником, который так вопил о своей невиновности, будто его вели на виселицу.

Каким-то чудом пули миновали абсолютно всех гостей клуба и застряли в полу, стенах и вышеупомянутом пианино, а также пробили почти все воздушные шары, которые теперь уныло свисали тряпочками с потолка. Несмотря на отсутствие раненых, происшествие все равно сулило подмочить репутацию клуба. («Это еще

мягко сказано», — заметила Эдит.) Хорошо, что Вивиан Куинн уже отбыл в «Гаргулью» и описание инцидента в его колонке будет в лучшем случае из третьих рук.

Чтобы умиротворить гостей, Нелли хлопнула в ладоши и произнесла слова, которые никогда прежде не звучали ни в одном из ее клубов: «Напитки для всех бесплатно!» — объявление, встреченное радостными криками толпы. Люди выбрались из-под столов, и танцпол вновь заполнился гуляками. Какую историю будет рассказывать парочка из Пиннера, вернувшись в аккуратненькие псевдотюдоровские домики!

Однако ночные приключения на этом не закончились. Из ближайшего к Рамзи угла зала вдруг раздался одинокий гортанный вопль, похожий на крик лисы в период гона. Не такой громкий, чтобы остановить танцоров, но достаточный, чтобы Рамзи двинулся выяснять, проталкиваясь сквозь снова дружелюбную толпу, какой новый ужас его ждет.

На полу распростерся один из людей Фраццини; из раны в груди толчками хлестала кровь.

Вокруг упавшего быстро собралось несколько человек, в том числе Нелли и сам Фраццини. Рамзи заметил, что они переглянулись, явно со

значением, но слишком неуловимым, чтобы он мог его истолковать.

К месту, где лежал раненый, быстро подтянулись остальные Кокеры. Их по натуре тянуло к неприятностям.

— Нужен врач, — сказал Рамзи, удивленный, что, кажется, никто больше не высказал эту нужду. Фраццини прошипел себе под нос что-то вроде «никакой полиции», и Рамзи увидел, что Нелли кусает губу и как в трансе смотрит на раненого. Эта бездеятельность удивила Рамзи — неужели мать, не шевельнув пальцем, позволит человеку просто умереть тут, на полу?

В толпу, окружившую раненого, протиснулся кто-то новый — женщина. Похоже, мгновенно оценив ситуацию, она опустилась на колени рядом с недвижным телом жертвы и решительно зажала рукой кровавый фонтан, не заботясь о том, что сама испачкается кровью.

— Ради бога, — сказала она, ни к кому конкретно не обращаясь. — Не стойте столбом, вы все. Сходите на кухню, — приказала она Ширли, — и попросите чистых тряпок. Да живо!

Ширли послушно убежала.

— Как его зовут? — спросила женщина, и, когда Фраццини не ответил, она нетерпеливо повто-

рила: — Скажите мне его имя! — как строгая учительница, приструнивающая непослушного ученика.

— Альдо, — неохотно признался Фраццини.

— Альдо, — сказала молодая женщина спокойным голосом, обращаясь к раненому. — Альдо, вы меня слышите? В вас стреляли, но не волнуйтесь, с вами все будет в порядке.

С бескровных губ Альдо сорвался слабый стон.

Ширли вернулась из кухни со стопкой полотенец, и женщина прижала одно к груди раненого. Оно почти сразу пропиталось кровью и было заменено другим. Женщина тоже вскоре покрылась кровью. Казалось, это ее не волновало.

— Мне нужны горячая вода и йод или, на худой конец, карболка, — сказала она. — У вас есть аптечка? — Это уже к Рамзи, который понятия не имел, есть ли. Очевидно, должна быть.

— Господи, — сказала женщина, сочтя его совершенно бесполезным. — У кого-нибудь есть ножницы… или нож?

Бетти молча, несколько неохотно достала перочинный ножик из серебряной сетчатой вечерней сумочки.

— Его нужно простерилизовать в кипятке, сможете? — спросила женщина. Она подняла взгляд

и заметила Китти, теперь изрядно позеленевшую. Цвет дня, подумал Рамзи, не в силах отключить в себе писателя, как бы ни хотелось. Его собственная тошнота, что неудивительно, вернулась.

— Вас сейчас вырвет? — спросила женщина у Китти. — Если да, будьте добры отодвинуться.

Оторопевшая Китти подчинилась. Она ожидала сочувствия, а не изгнания.

Обращаясь к Нелли, женщина сказала:

— Нужно убрать его подальше от всей этой какофонии. Есть какое-нибудь уединенное место?

Нелли, шокированная тем, что повелительным тоном разговаривают с ней, а не она сама с кем-то другим, почтительно кивнула, указывая на дверь отдельного кабинета.

Появился Нивен. Он нахмурился, глядя на драматичную сцену. Когда он уходил, в клубе царило веселье. Что произошло?

Завидев Нивена, женщина сказала:

— Вы не поможете его перенести? И осторожно: похоже, пуля задела артерию.

Нивен, казалось, на миг онемел, и она сказала настойчивей:

— Мистер Нивен? Вы мне поможете?

— Да, мисс Келлинг, — сказал Нивен. — Конечно.

Ночь на квадратной миле порока

Возвещая ужин в «Уоррендере», миссис Бодли била в бронзовый гонг на стойке регистрации, что требовало значительного напряжения сил. Это становилось сигналом для начала шествия Бедствующих, разодетых в пух и прах, — пестрое собрание ветхих потертых вечерних нарядов, пропахших нафталином. Гвендолен решила надеть на ужин старое бархатное платье, опасаясь, что, если она явится в новом туалете, это может вызвать невысказанную критику со стороны миссис Бодли и безудержное возбуждение со стороны Бедствующих.

На ужин подавали суп муллигатони, затем пирог с мясом и почками, а на десерт бисквитный пудинг с вареньем и заварным кремом. Гвендолен задумалась, сможет ли после такой плотной трапезы станцевать хоть один танец и, если уж на то пошло, влезет ли вообще хоть в одно из своих новых платьев.

Фробишер выдал инструкции. В восемь часов за ней должен заехать констебль Кобб. Кобб «надежный», сказал Фробишер. «Рассудительный

малый».

— У вас есть вечернее платье, мисс Келлинг?

«Теперь есть», — подумала Гвендолен, выбирая одно из них — голубой шелк с серебряной филигранной вышивкой. Оно вполне подойдет для выхода на сцену притворства и маскарада. Она, как змея, сбросила старую библиотечную твидово-шерстяную шкурку и облачилась в новую шелковую.

Она замаскировала синяки на лице пудрой — если про них не знать, то и не заметишь. Макияж, пробормотала она зеркалу, *maquillage*, такое чудесное слово, означающее «сокрытие». Только волосы не захотели преображаться. Но все равно мистер Нивен удивился бы, если бы увидел ее сейчас, подумала она, оглядывая себя в зеркале.

Она оптимистически надеялась избежать встречи с миссис Бодли, но, когда уходила в «Аметист», та все еще стояла на страже.

— Вас снаружи ждет кэб, — сказала она.

— И мужчина тоже ждет? — спросила Гвендолен, просто чтобы подразнить ее.

— Да, ждет. Похоже, у вас целая когорта поклонников, мисс Келлинг.

— Ну надо же, как мне повезло!

* * *

— Гвендолен, — представилась она, протягивая руку констеблю Коббу, который вяло пожал ее и робко повторил: «Гвендолен», словно сами эти звуки подвергали его риску неуместной близости. У него нет сестер, подумала она. Ей припомнился Нивен. Было видно, что он знает женщин. Она подозревала, что у него-то сестры есть.

— А ваше имя? — подбодрила она. — Я же не могу называть вас констеблем. Боюсь, это грозит разоблачением. В конце концов, мы изображаем парочку.

— Уильям, — неохотно признался он. Он был мрачноват, словно участвовал в этой шпионской эскападе по принуждению.

При входе в «Аметист» Гвендолен продела руку в сгиб локтя Кобба.

— Оставь надежду всяк сюда входящий, Уильям, — пробормотала она, когда они проходили между двумя дюжими вышибалами.

— Виноват?

— Данте.

— К сожалению, я с ним незнаком. — Констебль нервно сглотнул, и адамово яблоко дернулось вверх-вниз. Оно было слишком велико для тон-

кого стебля шеи.

— Он не местный, — успокоила Гвендолен.

Волнуется ли констебль оттого, что рядом с ним женщина, или из-за предстоящего задания? Наверное, и то и другое.

— Идем, Уильям, — твердо сказала она, — вперед. *Carpe noctem!*

«Аметист» оказался вовсе не таким, как ожидала Гвендолен. Он совсем не тянул на пошлый «притон разврата», каким заклеймил его Фробишер. Все были разодеты в пух и прах, в драгоценности и шелка, многие мужчины — при полном параде, во фраках. Гардероб ломился от мехов. Повсюду слышались четкие акценты привилегированных классов, разнообразные тягучие американские интонации, виднелись лица разных оттенков. Похоже, в «Аметисте» люди просто наслаждаются жизнью. Впрочем, возможно, в глазах Фробишера именно это и есть разврат.

Вечер начался достаточно чинно. Миновав вышибал, нужно было пройти мимо кассы, где несла вахту Нелли Кокер. Гвендолен припомнила миссис Бодли и ее стойку портье. У миссис Бодли и миссис Кокер был одинаковый стальной командирский взгляд. Гвендолен узнала хозяйку клуба со вчерашнего утра, хотя сейчас та была одета в

целую партию галантерейных товаров.

Она едва взглянула на Гвендолен и ее поддельного кавалера, но Гвендолен все равно чувствовала себя под наблюдением. («У нее глаза повсюду», — сказал Фробишер.) Матриарх приняла деньги Кобба и махнула в сторону бамбуковой занавески, за которой уходила в глубину темная лестница. На дне пропасти ухмыляющийся лакей приветствовал гостей, отодвинув еще одну занавеску со словами: «Добро пожаловать в „Аметист“». Казалось, он ждал чаевых, но Кобб (довольно грубо, подумала Гвендолен) протолкнулся мимо. Возможно, бюджет, выделенный Фробишером на вечер, не предусматривал чаевых. Призрак корнетиста поднял скорбную голову, запустив цепочку мыслей и воскресив в памяти Гвендолен сначала падение, затем ограбление и, наконец, спасение. Нивен. Что она почувствовала бы, будь это его рука, а не рука менее утонченного констебля Кобба?

— Мисс Келлинг? — сказал Кобб, пуская под откос этот поезд мыслей.

* * *

Их провели к столику, и вскоре подошел официант. Гвендолен опасалась, что Кобб может

оказаться трезвенником — у него определенно вид человека воздержанного.

— Нужно заказать напитки, — шепнула она. — Что-нибудь алкогольное. Иначе мы будем бросаться в глаза.

Гвендолен подумала, что, возможно, лучше справляется с этой шпионской мутью, чем Кобб. Но для нее это что-то вроде развлечения, а для него — работа. И еще, возможно, испытание. Которое устроил Фробишер.

— Да, нужно, — сказал он, к ее облегчению. Гвендолен обычно не пила, но подозревала, что вечер с Уильямом Коббом может потребовать определенной смазки.

Им подали коктейльное меню. Оно было объемным, как Библия, и ни Гвендолен, ни ее спутник не имели ни малейшего представления ни об одном из напитков. Мы как дети в лесу, подумала Гвендолен. Она принялась читать меню вслух. По одним только названиям было невозможно понять, из чего состоят коктейли. Должно быть, их придумывает специальный человек на жалованье у клуба, причем целый день только этим и занимается.

— Как вы думаете, что такое «Разбойник с большой дороги»? — спросила она Кобба. — Или вот

еще: «Солнечный луч», «Микадо», «Король Британии» — ума не приложу, что там может быть, как вы думаете?

— Апельсин, коньяк, итальянский вермут и хинин, — без колебаний выдал зависший над ними официант.

— Божечки. Что скажете, Уильям, — «Бладхаунд»? «Медовый месяц»? «Великая страсть»?

Он покраснел. Его было легко поддразнивать.

— Прекратите, — пробормотал он, теряя терпение. — Что бы вы посоветовали? — спросил он официанта. — Иначе мы тут всю ночь просидим.

В конце концов официант предложил коктейли «Бастер Браун» и исчез, чтобы принести их. Кобб закурил и не сразу вспомнил о Гвендолен.

— Желаете?

— Нет, спасибо.

Приняв боевое крещение первой порцией «Бастер Браунов», Кобб удивил Гвендолен, быстро заказав вторую. Возможно, для храбрости. Гвендолен понятия не имела, из чего состоят эти коктейли, но на вкус они были безобидны, как настойка бузины.

Размявшись коктейлями, Кобб согласился на тустеп. Серебряные босоножки Гвендолен так и рвались на танцпол. Она не танцевала с войны, и,

хотя была не в форме из-за отсутствия практики, а Кобб, похоже, учился танцевать по учебнику, после нескольких кругов по залу они начали входить в ритм. Кобб, преодолев свое нежелание вступать в физический контакт с ней (или с любой женщиной, как она подозревала), вроде бы начал немного наслаждаться процессом.

Клуб был битком набит. С некоторым чувством вины (почти забыла!) она вспомнила, что, собственно, пришла сюда искать заблудших овец. Как она и ожидала, ни Фреды, ни Флоренс тут не было — только хорошенькие улыбчивые девушки, исполняющие свои обязанности, а именно — танцующие со всеми, кто заплатил нужную цену. Определенно: если и не девицы, то уж точно веселые.

* * *

Похоже, «Бастер Брауны» были не такими невинными, какими казались на вкус. У Гвендолен зашумело в голове, и она уже собиралась предложить Коббу вернуться за столик, когда послышался страшный шум, за которым тут же последовал звук, который ни с чем не спутать, — звук выстрела. Выстрел оказал удивительный эффект, тут же погрузив шумный зал в полную

тишину.

Гвендолен увидела, как еще несколько мужчин достают пистолеты, и, встревоженная этим зрелищем, схватила окаменевшего Кобба за руку, оттащила к стене и заставила пригнуться. Когда стреляют, не стоит специально изображать мишень. И впрямь, тут же началась беспорядочная пальба. Словно мы вдруг очутились в романе Зейна Грея, подумала Гвендолен (дискуссию о нем мистер Поллок тоже проиграл). Или на войне, конечно.

Стычка закончилась так быстро, что Гвендолен чуть не сочла ее галлюцинацией от коктейлей. Оркестр даже не прекратил играть; вроде бы никто не пострадал, и в считаные секунды люди вылезли из окопов и снова принялись танцевать. Гвендолен оглянулась в поисках Кобба. Возможно, сейчас подходящее время, чтобы уйти. Она не нашла своих заблудших овечек, но, по крайней мере, у нее будет что рассказать Фробишеру. Она не хотела разочаровать его, придя с пустыми руками на Боу-стрит в понедельник утром. К ее удивлению, оказалось, что Кобб, по-видимому, пришел к тому же выводу — и бросил ее! Не успела Гвендолен переварить этот поразительный факт, как услышала вой боли. Похоже, кого-то

все-таки ранили. Она решила, что надо попытаться помочь. В конце концов, если она в чем-то и разбирается, так это в огнестрельных ранениях.

* * *

— Что, в «Аметисте» всегда так оживленно? — спросила Гвендолен Нивена, когда он вез ее обратно в Найтсбридж ранним воскресным утром.

Он рассмеялся:

— Нет, сегодня выдалась аномалия.

Ученое слово, однако, подумала Гвендолен. Не то чтобы она записала Нивена в невежды, но он Кокер, а Кокеров весь свет так клеймил со всех сторон, что она представляла их себе какими-то дикарями. Она упрекнула себя за снобизм.

Клуб был местом благодушия, обычно люди приходили сюда развлечься, потратить деньги.

— Повеселиться. — Он покосился на нее, пытаясь понять, как она воспримет это слово. Он что, принимает ее за стереотипную старую деву?

— В этом нет ничего плохого, — сказала она. В конце концов, и она ненадолго стала счастливей среди толпы, поглощающей море алкоголя и танцами вгоняющей себя в экстаз, подобно дервишам. Гвендолен не могла не признать, что

ей понравилось танцевать, пить коктейли, дразнить констебля Кобба. Она даже (и это, пожалуй, лучше всего оставить при себе) получила удовлетворение оттого, что помогла человеку на грани смерти. Она давно не чувствовала себя в такой степени собой, как сегодня.

«Что Нивен считает весельем?» — задумалась она.

— Веселье переоценивают, — пренебрежительно сказал он, словно она спросила вслух. — Хотя те гангстеры, подозреваю, где-то так его себе и представляют. Моя мать не терпит насилия в клубе, — добавил он. — Это плохо для бизнеса, а бизнес для моей матери — всё.

Гвендолен не сразу сообразила, что «моя мать» — это Нелли Кокер. Нелли выглядела так, словно она ничья не мать. А Нивен — так, словно он ничей не сын. Иные люди самодостаточны, будто рождены от земли или океана, как некоторые из богов. Это отнюдь не комплимент. Боги безжалостно равнодушны к человечеству.

Открытие, что Нивен — Кокер, было, мягко говоря, неожиданным. Нивен — его имя, а не фамилия, вот что сбило ее с толку, конечно. Какое странное совпадение, что человек, подобравший ее с тротуара на Риджент-стрит позавчера, — тот

же, который бесстрашно пытался спасти чужую жизнь сегодня вечером.

Когда Альдо унесли на крышке старого складного стола, реквизированной откуда-то, Нивен накинул на Гвендолен собственное пальто и сказал: «Я отвезу вас домой».

— Я вся в крови, вы испортите свое пальто, — сказала Гвендолен; оно было явно дорогое.

— Другое куплю, — ответил Нивен.

— А машину тоже поменяете? — спросила она, осторожно усаживаясь на сливочную кожу сидений роскошного автомобиля. Нивен рассмеялся и сказал:

— Лучше бы без этого. Кровищи-то натекло, а? До хрена просто.

Он не извинялся за свой лексикон, и Гвендолен это нравилось. Пока они занимались раненым, между ними установилось товарищество. Они оба видывали вещи и похуже.

Они мчались по Пикадилли в сторону Гайд-парк-корнер. Было почти три часа ночи, улицы пустовали. Гвендолен подозревала, что Кокеры — ночные существа, им не в диковинку встречать рассвет. Лондон казался посвежевшим от ночной прохлады, и она ощущала странный душевный подъем. Она взглянула на Нивена. В профиль он

был подозрительно красив.

— Вы на меня глазеете, — сказал он, не оборачиваясь.

— Нет, не глазею. — Она поспешно сменила тему. — Как все началось? Что привело к драке? Я не видела.

— Какой-то пустяк. Эти бандиты заводятся с пол-оборота. Ваш партнер, похоже, бросил вас, как только запахло жареным, не очень-то по-джентльменски с его стороны. С кем вы танцевали?

— С мужчиной, — сказала Гвендолен. — Я танцевала с мужчиной. Не знаю, как его зовут.

Это позабавило Нивена.

— Значит, вы пришли в «Аметист» одна? И танцевали с незнакомцем? Обычно в ночные клубы приходят в одиночестве и танцуют с незнакомцами только женщины определенной репутации. Вы не производите такого впечатления. Мне помнится, вы говорили на днях, что работаете в библиотеке.

— Я приехала в Лондон ради подруги, — сказала она. — Чтобы найти ее сестру и подругу сестры.

— Значит, с миссией? — спросил он.

Он язвит? Трудно сказать наверняка.

— А этот мужчина, незнакомец, с которым вы

танцевали, он помогает вам в вашей миссии?

Гвендолен поежилась под этим упорным допросом. Как объяснить Кобба, и его появление, и исчезновение? Хорошо, что они как раз в этот момент подъехали к «Уоррендеру». Нивен остановил машину у пансиона и заглушил мотор.

— Вам влетит от матушки настоятельницы за то, что возвращаетесь после отбоя, — сказал он.

— Вы упорно считаете наш пансион монастырем.

— Я могу завезти вас в «Савой», это недалеко. Меня там знают. Мы, конечно, оплатим счет. Мы причинили вам неудобства.

«Уоррендер» и правда выглядел не очень приветливо. Здание полностью погрузилось во тьму, даже фонарь на крыльце не горел.

— Меня вполне устроит пансион, — твердо сказала она.

Он пожал плечами, будто ему все равно. Как это бесит. Он вышел и открыл для нее дверь машины.

— Это вы вернули мою сумочку? Больше некому, — добавила она, не дожидаясь подтверждения. — Как вы ее нашли?

— Скажем так, я знаю нужных людей.

— Воров?

— Разве не каждый человек — в каком-то смысле вор?

— Нет!

— Какую же добродетельную жизнь вы, должно быть, вели.

— Вы так говорите, будто это что-то плохое. — Она скинула пальто и вернула ему со словами: — Что ж, спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Она уже поднялась по ступенькам «Уоррендера», когда поняла, что у нее нет ключа от входной двери. И ночного портье в пансионе нет, миссис Бодли специально это подчеркнула. (Миссис Бодли вообще многое подчеркивала.) Придется поднять хозяйку с постели. О боже, какая мысль. Что подумает миссис Бодли, увидев постоялицу — растрепанную, забрызганную кровью? Она, должно быть, выглядит так, будто кого-то убила. Ее могут не впустить, оставить на улице, как бродяжку. Она беспомощно пожала плечами, глядя на Нивена, все еще стоящего на тротуаре. Он рассмеялся, видя ее затруднительное положение, и распахнул дверцу машины.

— Значит, в «Савой», мисс Келлинг? — сказал он.

* * *

И слава небесам, если честно. В «Уоррендере» ванная комната была в конце коридора, и Гвендолен пришлось бы до зари оттирать ванну от смытой с себя крови. Не говоря уже о том, что сказала бы миссис Бодли, если бы жиличке вздумалось наполнять ванну посреди ночи. Сантехника в «Уоррендере» работала пугающе шумно и, вероятно, разбудила бы Бедствующих, которые, по словам миссис Бодли, спали очень чутко. А единственной альтернативой были малопривлекательные обтирания холодной водой у себя комнате при помощи кувшина и таза.

А вот при номере в «Савое», напротив, была собственная теплая ванная комната с бесконечным запасом горячей воды, и, если бы Гвендолен и оставила там следы крови лондонского бандита, горничная, вероятно, и бровью бы не повела. Без сомнения, большие лондонские отели, в отличие от «Уоррендера», допускают некоторые вольности. В конце концов, разве не за это люди платят?

Гвендолен оглядела себя в напольном зеркале в спальне номера. Ну и зрелище! Троянки после разграбления Трои, должно быть, выглядели

опрятнее. Прекрасное новое платье, которое она проносила всего несколько часов (но каких часов!), безнадежно испорчено. Нежный голубой шелк — когда-то цвета летнего неба — стал мокрой алой тряпкой; нижняя юбка тоже, поскольку Гвендолен промокла до нитки в крови того бедняги. Прелестные серебряные босоножки, которые подошли бы аркадской принцессе, теперь годились только для мусорной корзины. Гвендолен сняла испачканную одежду и обувь и положила в плетеную корзину для белья в ванной. Возможно, стоит оставить горничной побольше чаевых. *С кем вы танцевали?*

А и правда, куда делся констебль Кобб? *Ваш партнер, похоже, бросил вас, как только запахло жареным.* Нивен прав, это не по-джентльменски. Гвендолен могла только предположить, что Кобб испугался до полусмерти или — более великодушное объяснение — что он счел за лучшее не разрушать свою «легенду» и поспешил доложиться Фробишеру. Или, возможно, просто увильнул от оплаты счета в конце вечера.

Мужчина — Альдо — слава богу, не умер, во всяком случае, в ее дежурство: его увезли в машине товарищи. Они подчинялись невысокому хорошо одетому человеку, у которого судьба Аль-

до, кажется, вызывала двойственные чувства. Гвендолен слышала, как Нелли Кокер назвала его «Лука». Фробишер говорил, что «Аметист» кишит уголовниками, и Фрацини со своими людьми определенно подходил под эту категорию, хоть они и вели себя достойно по отношению к Гвендолен. Она выудила у них обещание отвезти раненого в больницу, в крайнем случае хотя бы просто посадить его у дверей и уехать. Большинство из этих людей, похоже, побывали на фронте, и один-два явно видывали полевой госпиталь изнутри. Они признали в ней медсестру, которой она когда-то была, как и она узнала в них бывших солдат. Оставалось надеяться, что Альдо не бросят в какой-нибудь канаве. *(Простите, сестра… Простите, сестра… Простите, сестра…)* Конечно, никогда нельзя предугадать, чем закончится дело.

После ванны (восхитительной) Гвендолен утонула в кровати, застеленной чудесным мягким бельем — несравнимо приятнее, чем в «Уоррендере». Она впервые в жизни спала обнаженной. Это ощущалось как бунт против заведенного порядка. Но что же надеть утром? Она предположила, что «Савой» относится к тем заведениям, где для постояльца могут купить нужные вещи. Персона-

лу отеля наверняка случалось выполнять и много более странные просьбы. Иначе останется только идти голой от Стрэнда до Найтсбриджа, как леди Годива, только без лошади. И без длинных волос, которыми можно было бы прикрыться, тоже. Вот это точно было бы нарушением заведенного порядка. И более того, вероятно, привело бы к аресту. Фробишеру пришлось бы прийти и освободить ее. Гвендолен представила себя обнаженной перед Фробишером и устыдилась. Хорошо, что он не умеет читать мысли.

Гвендолен закрыла глаза, опасаясь, что после треволнений вечера заснет не сразу, но, не успев полностью додумать эту мысль, погрузилась в умиротворяющее забытье.

Чти день субботний

— Не вижу ничего о драке, — сказала Бетти. Она, зевая, листала воскресные газеты, большую стопу которых еженедельно доставляли на Ганновер-террас. Бетти высматривала в колонках сплетен все, что могло касаться стычки в «Аметисте» в субботу вечером.

Воскресенья в доме Кокеров были неторопливы — день, когда все слезали с бешено кружащейся карусели, ведь даже ночным клубам нужно отдыхать.

— Не понимаю почему, — ворчала Нелли. — Если Британский музей может быть открыт по воскресеньям, почему нам нельзя?

— Мама, это все-таки разные вещи, — сказала Ширли.

— Нет, если уж открыто, так открыто, — сказала Нелли, — а закрыто, так закрыто.

Замечание, которое вообще не имело смысла.

— Не могу поверить, что это не попало в новости, — сказала Бетти.

Она отложила газеты в сторону и начала выскабливать ложечкой одинокое яйцо. Его при-

шлось варить самой, так как кухарка настаивала на выходных по воскресеньям. Кокеры редко утруждали себя тонкостями воскресного обеда, в отличие от других семей («*ле ростбиф*», как пренебрежительно называла это Нелли). Ростбиф был для пригородов, для парочек из Пиннера, а не для Кокеров. Кто хочет ростбифа, говорила Нелли, может пойти в ресторан. Конечно, посещение церкви в программу воскресенья тоже не входило. Кокеры все были язычники, хотя Нелли твердо намеревалась исповедоваться перед кончиной — в надежде, что это снимет с нее многочисленные грехи.

— Я думала, Вивиан Куинн был вчера вечером в «Аметисте», — сказала Ширли. — Неужели в его колонке совсем ничего нет?

— Нет, все о новой «Гаргулье», слава богу.

— Кто там был?

— Ноэль Кауард, Вирджиния Вулф, Гиннессы, Ротшильды — в общем, все. Наверняка новизна скоро приестся. Так всегда бывает. Столовая, кажется, по мотивам Альгамбры. Мама рассердится, она давно хотела сделать что-нибудь в арабском духе.

— Ароматы Аравии, — сказала Ширли.

— Не отобьют этого запаха у этой маленькой

ручки?[76]

— Как ты думаешь, у мамы на руках есть кровь? — задумчиво произнесла Ширли. Таким тоном она могла бы сказать: «Как ты думаешь, мама когда-нибудь была в Бродстэрсе?»

— В смысле, убийство?

— Убийство? — эхом отозвалась Китти с насеста у окна, где не спускала глаз с мужчины в саду. Он вернулся. Она прониклась чувством собственницы. Подумывала о том, чтобы спуститься и спросить, чего ему надо. Может, ее? Вероятнее всего, ему нужна Ширли, ее вечно осаждают поклонники.

— Не удивлюсь, если так, — сказала Бетти.

— Убийство? — повторила Китти.

— Когда речь о ней, я ничему не удивлюсь.

— Убийство? — снова сказала Китти и могла бы повторять это слово до бесконечности, но Бетти бросила в нее яичную ложку и попала точно в лоб.

Нелли и Эдит не было видно, но Рамзи наверху колотил по клавишам «ремингтона».

— Осваивает машинопись, — сказала Ширли.

— Хитро, — сказала Бетти. Она переключилась

---

[76] Сноски: 76

У. Шекспир. Макбет. Акт V, сц. 1. Перев. Б. Пастернака.

на яблоко, очищая его маленьким серебряным перочинным ножом. Она ела много фруктов, особенно если могла при этом использовать ножичек. Виноград ее не привлекал.

— Мы узнали еще что-нибудь об этой женщине? — спросила Ширли. — Той, что появилась из ниоткуда и спасла человека Фраццини? Она, вероятно, медсестра. Странно, что Нивен ее знает — он сказал «мисс Келлинг» и как-то странно себя повел. Она была вся в крови. Мне вспомнилась Медея.

— Правда?

— Ну или кто угодно из греков. Они всегда под конец по уши в крови.

Бетти не думала о греках, она думала о трагичной кончине прекрасного голубого платья. Из «Либерти». Она его узнала. Чуть не купила такое сама.

— Но спасла ли она его?

— Кажется, он был жив, когда его увозили.

— Ее зовут Гвендолен, — сказала Китти.

— Боже милостивый, — сказала Бетти, — у Китти новый идол.

— Откуда ты знаешь, что ее зовут Гвендолен? — удивилась Ширли.

— Спросила. — Китти пожала плечами.

Она обрела не идола, а героиню. Ведь, в конце концов, ей, возможно, снова понадобится спасение от похитителя. Возможно, от мужчины снаружи в «туфлях соответчика». Теперь он ей наскучил, и она оставила наблюдательный пост, чтобы намазать маслом еще порцию тостов.

— Как ты думаешь, — спросила Ширли у Бетти, — это была та женщина, которую ты видела в машине Нивена на светофоре, та, которую он катал?

— Она не такой типаж. Не из тех, кого катают, скорей из тех, кто возит каталку.

— Хитро.

Бетти беспокоилась не за раненого, а за ножик: она боялась, что его используют, чтобы выковырять пулю, и была рада, когда вместо этого им разрезали скатерть на бинты, а пуля осталась в груди раненого.

Длинная спираль яблочной кожуры змеилась в воздухе, не обрываясь. Бетти бросила ее через плечо, и они с Ширли вгляделись в нее, лежащую на ковре, словно древние гаруспики[77], что пытались извлечь смысл из потрохов.

— Думаю, это «С», — сказала Ширли.

---

[77] Сноски: 77

Гаруспики — жрецы в Древнем Риме, читавшие волю богов по внутренностям животных.

— Может быть, «П», — сказала Бетти. — Знаю ли я кого-нибудь на «П»? Пол — тот американец, нефтяной магнат.

— Или «Л». Леонард, наследник Бригхаусов.

Открылась и закрылась входная дверь. Нивен.

— Что вы за ерундой занимаетесь? — спросил он, опускаясь на колени, чтобы приветственно потрепать уши Сторожу. Пес млел.

— Хотим вычислить суженого Бетти. Узнать, на какую букву начинается его имя, — сказала Ширли.

— Какие рациональные создания, — сказал Нивен. Он скормил яблочную кожуру Сторожу, прежде чем личность потенциального жениха удалось окончательно установить.

— Где ты был? — спросила Ширли.

— И куда ты идешь? — потребовала ответа Бетти, но Нивен щелкнул пальцами, выходя из комнаты и зовя Сторожа за собой. Оба вопроса он проигнорировал.

— Может, сварить яйцо и отнести Эдит? Или тосты поджарить? Это на нее не похоже — так долго киснуть.

В доме был замысловатый электрический тостер. В кухне на Ганновер-террас имелись все новейшие приспособления, большинство из

которых, по-видимому, твердо намеревалось убить Нелли. Ее доверие к электричеству не шло дальше лампочек.

Бетти встала из-за стола и героически вызвалась:

— Я сделаю.

— Ты так добра, — сказала Ширли.

— Я такая.

* * *

Да, я заботливая сестра, подумала Бетти с тарелкой в руке, стуча в дверь больной. И продолжая стучать. Она осторожно открыла дверь — Эдит могла кусаться, если ее загнать в угол, — но сейчас та превратилась в жалкий ворох постельного белья.

— Уходи, — простонала она, когда Бетти подала приношение. — Засунь себе свои тосты сама знаешь куда.

— Она больна, — отрапортовала Бетти, вернувшись к Ширли. — А я-то столько сил положила на эти тосты.

Визит джентльмена

Нивен прогуливался вдоль набережной. Был мягкий весенний воскресный денек, когда человек просто обязан оставить машину и прогуляться с собакой.

В Нивене остальные члены семьи чувствовали стержень. Это странно привлекало их, возможно — из-за новизны. У Кокеров не было стержня, только упертость. Может, «стержень» — то же самое, что мужество? Во время войны Нивен побежал под шквальным пулеметным огнем, чтобы спасти раненого, перекинул его через плечо и вернулся в окоп. И еще раз повторил то же самое, хотя уже сам был ранен, но повторил, потому что они были мальчишки, едва вышедшие из детства, даже если один из них — командир Нивена, и Нивен считал, что они не заслуживают безвременной смерти из-за мерзких тупых ублюдков наверху, считающих войну хорошим и нужным делом. Более того, Нивен высказал все это подполковнику, который пытался приколоть ему медаль, и таким образом попал под статью за неподчинение. Возможно, это была глупость,

а не смелость.

И по глупости или по смелости он шел через город в тот прекрасный день, думая о женщине, размышляя, не лучше ли будет для всех — для нее и для него, — если он никогда больше ее не увидит, и не подозревая, что в этот самый миг она пьет чай с его матерью в пыльной тишине дня субботнего в «Хрустальной чаше».

Нивен гадал, понравилось ли Гвендолен Келлинг краткое пребывание в «Савое» за его счет. Он заплатил за роскошный номер с видом на Темзу и половину Лондона и щедро одарил персонал, чтобы о ней как следует заботились. Он предполагал, что йоркширские библиотекарши — нечастые гости в дорогих номерах «Савоя». Он воображал, что она чувствует себя обязанной ему. Он никогда не оказывал ни одной женщине столько услуг, сколько Гвендолен Келлинг за последние несколько дней.

Поначалу он счел ее робкой, нервной особой — возможно, введенный в заблуждение пансионом «только для дам», инцидентом на Риджент-стрит, убогой одеждой. Но вчера ночью он видел, как она поднялась под огнем, когда потребовал момент. В ней была сталь. Нивен не мог не восхищаться этим.

Ранее он нарвал полевых цветов на берегу канала, думая, что они уместнее тепличных букетов, какие непрерывно слали его сестрам. Нивен не имел такой привычки; на самом деле он не мог бы с ходу вспомнить, чтобы когда-либо дарил цветы женщине. Может быть, единственный раз, давным-давно, матери, когда был еще мальчиком. Ему смутно помнилось, что мать равнодушна к цветам. Нелли вырастила детей, лишенных сентиментальности. Она говорила, что это дар.

* * *

— Да? Чем могу помочь? — произнесла миссис Бодли, хотя помогать совершенно не желала. Нивен уже познакомился с ней, когда возвращал сумочку Гвендолен. Тогда мисс Бодли, видимо, приготовилась к военным действиям и теперь, похоже, намеревалась отразить любую интервенцию. Мужчин явно не привечали в «Уоррендере».

Нивен приподнял шляпу:

— Я ищу мисс Келлинг.

— К сожалению, мисс Келлинг ушла около получаса назад.

Конечно ушла, понял Нивен. С чего бы ей сидеть

взаперти в этой душной клетке в такую приятную погоду? Наверное, пошла прогуляться в один из парков. Возможно, с человеком, бросившим ее в клубе прошлой ночью.

— Понятия не имею, куда она пошла, это не мое дело. Мисс Келлинг постоянно порхает туда-сюда. Эти цветы для нее? — спросила миссис Бодли, скривившись при виде неказистого пучка в руке Нивена. Когда он срывал цветы, это казалось ему романтичным жестом, но теперь они выглядели как полумертвые сорняки. — Хотите, чтобы я поставила их в вазу?

— Нет. Спасибо.

— Как мне передать, кто ее искал?

— Никто, — сказал Нивен.

— Вижу, вы упорствуете в своей анонимности. Знаете, вы даже не первый джентльмен, который ее сегодня спрашивает.

— Неужели? — сказал Нивен, изображая безразличие. Вероятно, это слинявший кавалер приходил.

— Мисс Келлинг пользуется большой популярностью, — сказала миссис Бодли. Она явно пыталась задеть его, и у нее получилось.

— Забудьте, что я здесь был, — сказал Нивен, развернулся и сбежал по ступенькам. Ханжа и

старая стерва, подумал он, швыряя унизительные цветы в сырой мшистый колодец подвального окна соседнего дома. О чем он думал, черт возьми, когда решил приударить за Гвендолен Келлинг? Слава богу, что ее не оказалось дома. Это спасло его от собственного безумия.

* * *

По дороге обратно через город он подумал, что можно и заглянуть в «Савой», чтобы проверить, обо всем ли там позаботились. Возможно, подумал он, Гвендолен Келлинг все еще в номере, наслаждается роскошью, за которую заплатил он, Нивен. Он мог бы пригласить ее на поздний обед в ресторан-гриль. (Похоже, безумие вернулось.) Они могли бы поговорить о войне. Все чаще, по мере того как конфликт уходил в учебники истории, Нивен ловил себя на том, что не хочет забывать. Гвендолен Келлинг производила впечатление человека, способного понять, почему следует помнить.

Заметив Нивена, приближающегося по Савой-корт, швейцар у входа в отель выпрямился, отдал честь и почтительно пробормотал: «Мистер Кокер», как заведено у швейцаров.

Со швейцаром болтал какой-то человек, вроде

бы просто коротал воскресные часы праздными разговорами, но резко повернул голову, услышав фамилию Кокер. Из наглых — тощий, в дешевом костюме и явный иностранец. Нивен знавал таких забияк в армии. На незнакомце были двухцветные спортивные туфли, словно он прямо сейчас играет в гольф, хотя он больше походил на боя, таскающего клюшки, чем на игрока. Сам Нивен носил туфли ручной работы — броги из телячьей кожи — и терпеть не мог гольф. Сторож, хорошо разбирающийся в людях, тихо зарычал. Незнакомец приподнял шляпу перед Нивеном и не спеша удалился в сторону Стрэнда. Что-то в нем заставило Нивена ощетиниться.

Да, с оплатой счета мисс Келлинг все в полном порядке, сказал дежурный на стойке регистрации, когда Нивен поинтересовался. Точнее, мисс Келлинг настояла на том, чтобы оплатить счет самолично при выезде из отеля.

Значит, она слишком горда, чтобы принять благотворительность? Знай Нивен, что она заартачится, снял бы номер подешевле. Ну и дура. Он почувствовал некий холодок по отношению к ней, хотя только что был готов излить ей душу. Опять счастливое избавление, безумие побеждено.

На выходе швейцар снова отдал ему честь. Как зовут человека, который торчал тут, когда Нивен входил в отель? Нивен любил, чтобы у всех были имена. Достаточно тех безымянных, что лежат в земле Фландрии.

Начались обычные реверансы. Швейцар с нарочито невозмутимым лицом произнес: «О каком человеке идет речь, сэр?» — Нивен достал из кармана привычный шиллинг, и швейцар с большой театральностью внезапно вспомнил.

— О, вы, должно быть, имеете в виду мистера Ландора, сэр, — сказал он. — Джентльмен из Венгрии, насколько мне известно.

Сделка приостановилась, когда в другом конце переулка прошел полицейский сержант в форме — раздражающе медленным шагом, характерным для полицейских на обходе участка. Он уставился на Нивена, затем поднес указательный палец к шлему, приветствуя швейцара. Швейцар почти незаметно отсалютовал в ответ и подождал, пока сержант не удалился по Стрэнду, прежде чем возобновить дела с Нивеном.

— Этого типа прозвали Полицейский-Хохотунчик, — сказал швейцар. — Ну, знаете, песенка такая есть?

Нивен проигнорировал эту непрошеную ин-

формацию.

Еще один шиллинг обеспечил ответ на вопрос, что Ландор разнюхивал в отеле.

— Спрашивал кое о ком из постояльцев, — сказал швейцар. — Естественно, я не дал ему никакой информации. Конфиденциальность наших гостей священна.

«Насколько священна?» — задумался Нивен. Он нашарил еще одну монету.

— И о чем именно он спрашивал?

— Он хотел узнать имя.

У Нивена кончилась мелочь. Он неохотно достал банкноту в пять шиллингов.

— И как, узнал?

Швейцар принялся обиженно божиться. Еще одна банкнота смягчила его обиду. Десять шиллингов обеспечили имя гостя. При таких расценках Нивен обанкротится, а швейцар сможет выйти на пенсию.

— Мисс Келлинг, — наконец признался последний, обогатившись. — Он спрашивал о мисс Гвендолен Келлинг.

* * *

Очарование дня испарилось, и Нивен поймал такси. Он хмурился всю дорогу до Ганновер-тер-

рас. Зачем, черт возьми, этот Ландор шпионит за Гвендолен Келлинг? Может, «мисс Келлинг» на самом деле не провинциальная библиотекарша — что было бы отличным прикрытием, — а нанята кем-то, чтобы внедриться к Кокерам? Аццопарди, возможно? Или Мэддоксом? И в таком случае она, безусловно, преуспела, одурачив даже его проницательную мать. Но это все равно не объясняет, чем она интересна Ландору. Грозит ли Гвендолен Келлинг опасность? Нивен сам удивился тому, как сильно встревожило его это предположение.

Визит другого джентльмена

Воскресенье в Илинге выдалось особенно трудным, поскольку на него выпал день рождения дочери, которую Лотти потеряла во время войны. Фробишер забыл об этом, пока ему не напомнили. Он полагал, что это объясняло морфий.

– *Elle aurait eu douze ans*[78], — все твердила Лотти, блуждая из комнаты в комнату, будто ожидала в конце концов найти девочку в доме.

У Лотти не осталось ничего — ни пряди волос, ни фотографии, ни клочка крестильного платьица или одеяльца. Иногда Фробишер задавался вопросом, существовал ли ребенок на самом деле. Дочь, воображаемую или нет, звали Манон, и, по словам Лотти, она погибла вместе с деревней, где они жили во время войны.

Этим утром его разбудили звуки, издаваемые Лотти: она рассеянно бродила по дому и звала Манон по имени, почему-то убежденная, что ребенок прячется в шкафу или за мебелью.

— Неужели ты не слышишь, как она зовет ме-

---

[78] Сноски: 78
Ей бы исполнилось двенадцать лет *(фр.)*.

ня? *Maman, maman*[79]. Это разбивает мне сердце.

Галлюцинации жены — с ней такое уже бывало — пугали его. Что, если однажды они полностью завладеют ею?

В конце концов он уговорил Лотти вернуться в постель, принес люминал и влил ей в рот с ложечки. Было бы легко, пока она в таком состоянии, побудить ее выпить весь флакон. Уж точно лучше, чем медленная смерть, к которой она, похоже, стремится. Души, если не тела. И ее души, и его. Он снова заткнул флакон пробкой и поставил на высокую полку на кухне: будто жена — ребенок или собака и не дотянется туда, тогда как ей довольно всего лишь залезть на стул, чтобы обрести забвение.

Вскоре жену сморил сон, и Фробишер оставил ее спать, решив, что вполне может съездить в Найтсбридж и узнать, как мисс Келлинг провела время в «Аметисте», а не ждать до завтра «рапорта», как она это назвала. Он не ожидал, что мисс Келлинг найдет девушек, которых ищет, но, возможно, ей удалось заметить что-нибудь неладное в клубе, что-то такое, что может пригодиться. Поездка в «Уоррендер» — законное служебное дело,

---

[79] Сноски: 79
Мама, мама *(фр.)*.

убеждал себя инспектор. Он сам себя обманывал и прекрасно это знал. Он хотел увидеть мисс Келлинг, хотел отдохнуть душой рядом с ней.

* * *

Ее не оказалось в «Уоррендере», оттуда его прогнала фурия, а затем он час провел в Гайд-парке, надеясь каким-то образом наткнуться на мисс Келлинг среди толпы выходного дня, но единственным человеком, которого он узнал, был Нивен Кокер: тот прогуливался со своей собакой, будто не имея ни единой заботы на всем белом свете. Фробишер не мог представить себе, каково это — чувствовать себя столь не обремененным жизнью.

Однако мисс Келлинг неуловима, как лесная нимфа. Не нимфа, напомнил себе Фробишер. Нельзя предаваться фантазиям. Он должен оставить солнечный свет и вернуться к Лотти, чтобы страдать вместе с ней.

Некромантия

Гвендолен проснулась от яркого солнца, проникающего через щель в шторах. Она понятия не имела, где находится, но рядом с кроватью удобно стояли часы — почти десять!

Она поняла, что ее разбудил стук в дверь, но, прежде чем успела прохрипеть «войдите», дверь открылась и вошла горничная с большим подносом и жизнерадостным «Доброе утро, мисс. Хорошо почивали?».

Стыдливо прижимая к себе простыню, Гвендолен кое-как села.

— Кажется, я не заказывала завтрак, — сказала она.

Горничная присела в реверансе:

— За счет заведения, мисс, — и выскользнула за дверь, прежде чем Гвендолен успела спросить что-то еще.

Серебряный кофейник, кувшин сливок, теплые булочки с бледным маслом, блюдечко лаймового джема и — под внушительным серебряным куполом — идеальный омлет, воздушный, в крапинках копченой пикши. Всего неделю назад

Гвендолен завтракала тостами и вареньем из ежевики, собранной на Йоркском кладбище, выросшей на костях мертвых. Мать, столь недавно легшая в ту же землю, должно быть, уже питала ее своим телом. Без сомнения, мать разозлилась бы, что ее так используют.

Гвендолен задумалась, надолго ли хватит ее денег, если она переедет в отель и будет вести сибаритскую жизнь. Видимо, ненадолго. Разве не так дьявол ловит тебя? Ездишь в кремовой «испано-сюизе» и содрогаешься при мысли о возвращении в омнибус. Пробуешь фазана (или идеальный омлет «Арнольд Беннет»)[80] и падаешь духом при мысли о возвращении к вареной баранине. Гвендолен могла бы до бесконечности продолжать этот список из своего опыта последних нескольких лет. Она сварила немало баранины после войны.

Ей бы и в голову не пришло поехать в отель, если бы не Нивен. Как тогда сказал Фробишер? *Эти люди мастера соблазнять*ь.

---

[80] Сноски: 80

Арнольд Беннетт (1867–1931) — английский писатель, журналист и драматург, литературный критик. Омлет «Арнольд Беннетт» содержит, кроме яиц, копченую рыбу в сливочном соусе и тертый сыр. Это блюдо впервые разработал специально для Беннетта Жан-Батист Вирлогё, шеф-повар ресторана «Савой-гриль» при отеле «Савой».

* * *

Оказалось, что «Савой» действительно из тех заведений, где не только отправят кого-нибудь в магазин от вашего имени, но и магазин убедят нарушить законы о торговле по воскресеньям и открыться специально для вас. Гвендолен дала свои мерки очень приятной горничной в униформе, примерно ее возраста, и та отправилась в «Свон и Эдгар» и купила полный комплект одежды, от шляпы до туфель и все, что между ними. Горничная ничего не спросила, а Гвендолен ничего не стала объяснять. У богатых действительно другие правила, полагала она. Гвендолен начинала понимать, что людей в Лондоне, похоже, не волнует, что ты делаешь, особенно если у тебя есть деньги. «В Лондоне, — сказал Аццопарди, — закон существует для того, чтобы его нарушать».

— Во сколько это обошлось? — спросила она экономку, когда та принесла новую одежду.

— Опла́тите при выезде, мадам.

Было уже далеко за полдень, когда Гвендолен — довольно неохотно — выписалась из отеля, но, когда дело дошло до расчета, портье на стойке регистрации сказал:

— Счет уже оплачен, мадам, джентльмен все

записал на себя.

— А за вещи из «Свон и Эдгар»?

— Это тоже, мадам. Все оплачено.

Хочет ли она быть обязанной Нивену? Или кому-либо из Кокеров? С одной стороны, в конечном счете именно Кокеры и их клуб ответственны за порчу ее одежды и за то, что она не попала ночевать в «Уоррендер», — тогда, может, это и справедливо, что они оплатили ее пребывание здесь. И все же у нее было странное чувство, что ее каким-то образом покупают.

— Нет, — любезно сказала она. — Пожалуйста, аннулируйте чек мистера Кокера, я заплачу сама.

* * *

Швейцар «Савоя» поймал для Гвендолен кэб, чтобы вернуть ее к унылым пенатам «Уоррендера». С тем же успехом это могла быть тыква, запряженная шестеркой белых крыс.

Заметил ли зоркий глаз миссис Бодли отсутствие жилички? А может, горничная донесла хозяйке, что в постели Гвендолен этой ночью никто не спал? Гвендолен сталкивалась с горничной в коридоре раз или два — у той руки были нагружены стопками сложенных простыней и

полотенец. Горничная с Гвендолен обменивались улыбками.

Она обрадовалась, что у нее нет с собой ночной сумки, когда кэб высадил ее у «Уоррендера» в новом наряде из «Свон и Эдгар» — аккуратное платье с матросским воротником и юбкой с запáхом, а сверху льняной пыльник. И новая шляпа тоже, не зеленая: Гвендолен праздновала приход весны соломенной шляпкой.

При удачном раскладе она сможет сделать вид, будто выскользнула на утреннюю службу в храм Святой Троицы в Бромптоне, а не валялась все это время в двуспальной кровати в отеле, где перед тем спала обнаженной под одеялами. *Quelle horreur!*[81] Не говоря уже о драме накануне, с пальбой и кровью. Бедствующих ее приключения могли бы развлечь, но миссис Бодли привели бы в ужас.

Обойти миссис Бодли, дежурящую за стойкой вахтера, было никак нельзя. Она поприветствовала Гвендолен словами:

— Мисс Келлинг, пока вас не было, для вас доставили еще одну посылку.

Возможно, посылки будут появляться каждый

---

[81] Сноски: 81
Какой ужас! *(фр.)*

день, словно по волшебству или в сказке.

— Красавец-мужчина принес?

— Нет. Мальчик-курьер. В воскресенье, — добавила миссис Бодли с дрожью, будто подобный поступок ставил под сомнение всю христианскую религию. — Неслыханное дело.

Похоже, «Савой» был не единственной силой, способной преодолеть закон, поскольку миссис Бодли достала из-под прилавка большую коробку из «Либерти» и сказала:

— Хотите, чтобы ее отнесли в вашу комнату, мисс Келлинг?

— Нет, я сама захвачу.

Коробка была неудобной формы, длинная и плоская, и с ней Гвендолен едва влезла в кабину лифта. Он поднимался медленно, и Гвендолен выдохнула, наконец укрывшись от неодобрительного ока миссис Бодли.

* * *

Гвендолен развязала фиолетовую ленту и сняла с коробки крышку. И оно открылось во всем своем незапятнанном великолепии — шелковое платье небесно-голубого цвета с серебряной филигранной вышивкой. На безумный миг Гвендолен подумала, что это оригинал, очищенный

от крови, но такое, конечно, невозможно (или было бы чудом). Нивен, подумала она. Это, как и оплата ее счета в отеле, галантный (некоторые могли бы сказать, грандиозный) жест, но ведь можно было просто дать ей денег, чтобы покрыть расходы. К тому же откуда он знает ее размер? Она представила, как Нивен измеряет ее взглядом. Ей стало неприятно.

В коробке лежал конверт, надписанный «Мисс Келлинг». Значит, на этот раз есть записка. В конверте оказалась карточка с тисненой надписью «Миссис Эллен Кокер, владелица клуба „Аметист“» и номером телефона. Гвендолен перевернула карточку. На обороте очень мелким аккуратным почерком было написано: «Дорогая мисс Келлинг! Прошу принять прилагаемое в качестве компенсации за беспокойство. Не могли бы Вы позвонить мне? Я хотела бы кое-что обсудить с Вами». Подпись: «Миссис Нелли Кокер».

Значит, не Нивен, а его мать. Пресловутая Нелли Кокер желает ее видеть. Обсудить что-то. Что за интрига?

Гвендолен потянула время. Не столько от нерешительности, сколько чтобы не создавать впечатления, будто она бежит на первый свист Кокеров. В коридоре «Уоррендера» был телефон

в деревянной будке, — впрочем, Гвендолен сомневалась, что деревянные стенки защитят ее от любопытных ушей миссис Бодли. Выждав приличное время и дождавшись момента, когда миссис Бодли наблюдала за приготовлением воскресного обеда, Гвендолен села в будке, набрала оператора и попросила «Джерард 5875». Ее соединили сразу, будто Нелли Кокер ждала звонка.

* * *

Нелли Кокер раскладывала гадальные карты на одном из столиков в «Хрустальной чаше». На столе стоял чайник — Нелли заварила чай сама, так как по случаю воскресенья в клубе никого не было и заведение стояло закрытое, защищенное ставнями от царящей снаружи святости.

— А может быть, вы предпочитаете что-нибудь покрепче, мисс Келлинг? У меня есть отличная сливовица, подарок польского посла.

Пускает пыль в глаза, подумала Гвендолен. Но одним лишь дипломатическим алкоголем меня не охмурить.

— К сожалению, я почти не пью, — сказала она.

— Я тоже, — ответила Нелли. — На собственных пороках не наживешься, только на чужих.

Гвендолен подумала, что Нелли Кокер говорит как уличный проповедник.

— Ваша судьба ждет, — произнесла Нелли. Пожалуй, больше похоже на балаганного зазывалу, чем на шарлатанку.

Карты были загадкой для Гвендолен.

— Это Таро? — спросила она с недоумением.

— Нет, Ленорман, я их предпочитаю. Полагаю, вы считаете подобные вещи ерундой, мисс Келлинг. — Казалось, мнение Гвендолен ее не волновало, руки парили над картами, словно впитывая с них странные картинки — лиса на снегу, гора, змея, маленькая девочка в голубом платье, катящая обруч по дороге. Пара мышей. — Не важно, что вы думаете. Карты скажут правду, даже если вы не верите. Вы ходите в церковь, мисс Келлинг?

— В церковь? Нет, больше не хожу.

— Я тоже. Утратив религию, обретаешь великую свободу.

Наряд из перьев и блесток, в котором Нелли вчера была в «Аметисте», сегодня сменило строгое свободное платье, которое оказалось на виду, когда Нелли Кокер сняла накидку — меховую, несмотря на теплую погоду. Вчера Нелли была укротительницей диких зверей, а сегодня выгля-

дела на удивление почтенной матроной.

Гвендолен глотнула чаю, и вдруг ее посетила неприятная мысль. Что, если чай отравлен? Что, если ее сейчас куда-нибудь утащат и она исчезнет бесследно, как те девушки, о которых беспокоится Фробишер? Что, если Нелли Кокер — вот это действительно будет неприятно — что, если Нелли как-то узнала о сговоре Гвендолен с Фробишером?

— Это «Пи-Джи типз»[82], — успокоила Нелли, словно читая мысли Гвендолен. (Неужели она и правда умеет? Не может быть!)

— Вы вызвали меня, — напомнила Гвендолен.

— Попросила о встрече. Вызывают духов.

— Зачем?

— Как я уже сказала, у меня к вам предложение.

* * *

— Вот, смотрите, — сказала Нелли, водя руками над картами. — Ваша судьба, ваше предназначение лежит перед вами. — Нелли окинула

---

[82] Сноски: 82

Торговая марка «PG Tips» появилась в 1951 г., а прежде этот сорт чая компании «Брук Бонд», выпускавшийся с 1930 г., назывался «Pre-Gestee» и рекламировался как способствующий пищеварению.

Гвендолен оценивающим взглядом поверх очков. — Вам предстоит любить и быть любимой.

— Мужчина? — спросила Гвендолен, поскольку от нее явно ждали какой-то реакции, но не смогла побороть цинизм в голосе.

— И не один.

«Господи, сколько ж их будет?» — подумала Гвендолен.

Нелли Кокер хмурилась, глядя в карты, — несомненно, для эффекта, решила Гвендолен. Эта женщина ничем не отличалась от любой шарлатанки с курортной набережной. Или от многочисленных липовых спиритов, расплодившихся после войны: они дурачили скорбящих, уверяя, что мертвым хорошо там, где они сейчас. Мать Гвендолен, конечно, клюнула. «Гарри говорит, ему там хорошо, — сообщила она Гвендолен после одного такого сеанса, — и просит меня не волноваться о нем. Ах да, и следить за паршой на яблонях». Потому что, конечно же, состояние их сада не могло не волновать Гарри в загробной жизни.

Брови Нелли сошлись на переносице; теперь, похоже, она хмурилась искренне.

— Вам предстоит стать орудием чего-то.

— Чего?

Нелли вдруг побледнела. И перевела взгляд с карт на стену за спиной Гвендолен, пристально глядя туда, словно на киноэкран. Будто и впрямь вызвала духа. Гвендолен обернулась посмотреть, но там ничего не было.

— Миссис Кокер?

— Хм? — И вдруг, так внезапно, что Гвендолен удивилась, Нелли смела карты в кучку. Сеанс ясновидения, похоже, закончился. Как раз в этот миг зазвонили у Святого Иакова на Пикадилли, созывая паству к вечерне.

— Мне нужно идти, — сказала Нелли и с трудом поднялась со стула, тяжело опираясь на трость. — Кое-кому из моих детей нездоровится.

— О господи, мне очень жаль это слышать, миссис Кокер. (Которому из детей? Вероятно, не Нивену? Вчера вечером он был в полном порядке.)

— Одной из дочерей. — (Опять чтение мыслей.) — Машина ждет снаружи. Если проводите меня до двери, оплачу вам такси.

— Очень любезно с вашей стороны, миссис Кокер, но я предпочту пройтись пешком до «Уоррендера». Такой приятный солнечный день.

— Приятный? — переспросила Нелли. Казалось, она подвергает сомнению характер солнца,

а не его присутствие на лондонском небе. Она жила подземной жизнью, как крот, и Гвендолен подумала, что погода, вероятно, мало значит для Нелли Кокер.

* * *

Нелли с трудом забралась в машину с помощью шофера — Хоукера, как она его называла. Казалось, она как-то ослабела — может быть, больна? Хотя она только что отбыла тюремный срок, вряд ли заключение полезно для здоровья. Медсестра, с которой Гвендолен служила на фронте, до войны сидела в тюрьме за участие в движении суфражисток. Несмотря на ужасные рассказы о пережитых мучениях — в тюрьме ее кормили насильно через трубку, и она так и не оправилась полностью, — Гвендолен завидовала людям, которые преданы своему делу настолько сильно, что готовы ради этого на жертвы. А Нелли Кокер попала в тюрьму из-за разрешения на торговлю спиртным. Едва ли такое стоит жертв.

— Мисс Келлинг? — Нелли подалась вперед, обращаясь к ней через открытое окно машины.

— Да, миссис Кокер?

— Подумайте над моим предложением, мисс Келлинг. Надеюсь, ответ будет положительным.

И сделайте милость, дайте знать как можно скорее. У вас есть моя визитная карточка.

Шофер уже сидел за рулем, и Нелли постучала тростью по крыше автомобиля, словно это был старомодный наемный кэб с кучером. Гвендолен стояла на тротуаре и смотрела вслед удаляющейся машине, все еще ошеломленная неожиданным предложением Нелли Кокер. Соглашаясь на встречу в «Хрустальной чаше», Гвендолен думала, что в лучшем случае Нелли хочет поблагодарить ее за помощь раненому Альдо, а в худшем — попытаться купить ее молчание, если он умер. Умер ли он? Гвендолен упрекнула себя за то, что даже не спросила о его здоровье, но предложение Нелли совсем выбило ее из колеи.

* * *

— Мисс Келлинг, вас спрашивали два джентльмена, пока вас не было, — объявила миссис Бодли, едва Гвендолен переступила порог «Уоррендера».

Два? Ее это позабавило — неужто пророчества Нелли начали сбываться так скоро? И кто бы могли быть эти два джентльмена? Может, один из них Нивен? Неужели она пропустила его визит? Гвендолен пронизало разочарование. Она

чувствовала, что фитиль подожжен. Чем это закончится — взрывом или всхлипом? (Элиота библиотека закупила по ее настоянию[83].) Она не хотела доставлять миссис Бодли удовольствие расспросами.

— Один из них был тот джентльмен — впрочем, я использую это слово весьма расширительно, — который оставил вам сверток на днях. (Нивен. Сердце Гвендолен едва заметно подпрыгнуло. Как досадно!) — Хотя ни один из ваших гостей не назвал своего имени. Я считаю очень подозрительным, когда джентльмен скрывает свое имя.

Гвендолен расхохоталась. Эта женщина невозможна, в самом деле. Поджав губы, миссис Бодли сказала:

— Я забочусь о вашей репутации, не о своей, мисс Келлинг.

— Можете больше не беспокоиться ни о вашей, ни о моей. Я покидаю «Уоррендер».

— Уезжаете? Возвращаетесь домой пораньше?

— Я не еду домой. Я остаюсь в Лондоне. Мне предложили занятость.

— В библиотеке?

Гвендолен не собиралась доставлять миссис

---

[83] Сноски: 83

«Вот как кончится мир / Не взрыв но всхлип» — заключительные строки поэмы Т. С. Элиота «Полые люди» (1925), перев. А. Сергеева.

Бодли удовольствие ответом.

* * *

— Ваша последняя трапеза, — сказала миссис Бодли, когда Гвендолен села за стол в столовой в свой финальный вечер в «Уоррендере».

На ужин подали суп с почками, затем телячьи отбивные на подушке из картофельного пюре, а потом пудинг «Сассекский пруд». Гвендолен будет скучать по ужинам «Уоррендера». Она даже по Бедствующим будет скучать. (Она боялась, что, если задержится здесь подольше, сама станет одной из них.) Однако по миссис Бодли она скучать не будет. За последней трапезой приговоренного следует казнь, размышляла Гвендолен, — вот и Нелли Кокер вполне способна казнить ее, если узнает про обман. Во всяком случае, так считал Фробишер, который, казалось, был необычайно предубежден против Нелли Кокер.

— Я бы хотела, — сказала Нелли над гадальными картами в «Хрустальной чаше», — чтобы вы управляли этим клубом для меня.

— Но я совершенно ничего не знаю об управлении ночным клубом, — изумилась Гвендолен.

— Вы упорядоченно мыслите и, похоже, способны действовать в критических ситуациях, —

сказала Нелли. — И неплохо умеете заставлять людей выполнять ваши указания. Это все, что мне нужно от управляющей, мисс Келлинг. И вам будет удобно, сможете жить «над лавкой».

Жизнь, ожидающая по возвращении в Йорк, вдруг показалась Гвендолен ужасно пустой. К тому же, подумала она, я смогу тайно работать на Фробишера и продолжать поиски Фреды и Флоренс, — в конце концов, я за этим сюда приехала.

А то, что она снова увидит Нивена Кокера, тут совершенно ни при чем.

Воскресный наряд

А что же Фреда, где была она в этот день отдыха? Как ни странно это казалось самой Фреде, она присутствовала на вечерней мессе в церкви Тела Христова на Мейден-лейн, двигаясь за паствой в балете поклонов и коленопреклонений и шевеля губами в такт хоровым молитвам и возгласам. Она быстро, как всегда, усвоила общий ритм и отставала от остальных прихожан едва ли на вздох.

Она не собиралась разыгрывать эту комедию благочестия, просто зашла в церковь проверить, нет ли там случайно Флоренс, не зная, что идет служба. Какой-то мужчина загнал ее на заднюю скамью, прошипев: «Вы очень опоздали», и Фреда решила, что у нее нет выбора, кроме как подыграть действу.

Она собиралась незаметно ускользнуть, когда все начнут подходить к алтарю для причастия, но ее перехитрил тот же мужчина: он чуть ли не силком потащил ее вперед, будто она очень явно нуждалась в искуплении. И снова ей удалось сымитировать то, что делали остальные. В каче-

стве награды было бы неплохо получить облатку посущественней, поскольку Фреда два дня почти ничего не ела и была полностью готова в любой момент лишиться чувств от голода. Урчание в животе создавало смущающий аккомпанемент литургии. По случаю воскресенья Ковент-Гарден был закрыт, и Фреда не могла даже разжиться остатками фруктов и овощей, которые на рынке выставляли в баках в конце дня. Ни единой паршивой морковки. Ужин состоял исключительно из леденцов Флоренс.

Когда передавали тарелку для пожертвований, пальцы так и чесались стянуть монетку, но, поскольку душа Фреды, вероятно, и так уже балансировала на грани смертельной опасности, Фреда удержалась от того, чтобы окончательно ее погубить. Она ничего не взяла с тарелки, но и не положила ничего, за что удостоилась громкого укоризненного цоканья языком от женщины, сидевшей рядом на скамье.

У нее не было денег на пожертвование. Хуже того — у нее не было и Флоренс.

После встречи с Оуэном Вэрли Фреде казалось невозможным, что жизнь может стать еще хуже, но, очевидно, могла. И стала.

* * *

Прямо из «Лайонс» девочки пошли сообщать о происшествии — краже сумки — дежурному сержанту в полицейском участке на Грейт-Мальборо-стрит. Фреда не понимала, зачем они утруждались, поскольку полицию это ни капли не заинтересовало. Воровство в Лондоне было настолько распространено, что можно только удивляться, как у людей вообще еще осталось какое-то имущество.

— Что теперь? — спросила Флоренс у Фреды, когда они вышли из участка.

Фреда вздохнула. Почему именно она вечно должна принимать решения? Флоренс такая овечка, всегда следует за кем-нибудь, никогда не ведет за собой. Возможно, среди овец попадаются и лидеры, Фреда не знала, но наверняка даже самая распоследняя овца на свете не так бесполезна, как Флоренс.

Подходил срок платы за квартиру, и Фреда знала, что их домовладелица, миссис Дарлинг, не найдет в своем черством сердце сочувствия к их стесненным обстоятельствам. «К сожалению, я в стесненных обстоятельствах» — так говаривал Дункан нарочитым голосом, смеша и Фреду, и

Ванду. Фреде страшно хотелось, чтобы Ванда вдруг появилась из ниоткуда, как, по ее словам, делала на сцене у фокусника. Ванда знала бы, как поступить Фреде, а если бы и не знала, укутала бы ее в мягкий мех и утешила бы. И еще Ванда поняла бы, что случилось с Фредой в «Адельфи». Ванда нашла бы способ исцелить ее и сделать так, чтобы ей стало лучше. (Позже Фреда поняла, что погрешила против истины, записав Ванду в святые.)

«Что бы сделала Ванда?» — размышляла Фреда, пока девочки устало брели обратно к Ковент-Гардену. Она была бы практична, она не верила в моральные терзания. «Всегда найдется что продать, — говорила она, — хотя бы и себя самоё». («Тебя никто не купит», — смеялся Дункан.) Еще маленькой, наивной Фреде это казалось забавным. Она представляла себе Ванду в витрине магазина с табличкой «Продается» на лбу.

Пока они шли по Уордор-стрит, Флоренс внезапно остановилась посреди тротуара. Она драматично округлила глаза и рот от удивления и широко раскинула руки. Фреда испугалась, что у подруги очередной приступ видений.

— Ты прямо сейчас видишь каких-нибудь ангелов? — спросила она.

— Нет, — ответила Флоренс. — Но я знаю, что они вокруг нас.

Видение или нет, но Флоренс создавала изрядную преграду для других пешеходов. Фреда затащила ее в дверной проем магазина и довольно резко спросила: «Что такое?», все еще злясь из-за сумки.

Флоренс ткнула Фреду в грудь (довольно сильно):

— Брошь! На тебе брошка с синей птицей!

Конечно! Фреда совсем забыла. Все это время маленькая синяя птичка уютно гнездилась на ее вишнево-красном кардигане, в безопасности от воров.

Фреда неохотно согласилась, что заложить брошь придется, но от этой мысли не становилось легче. Она виновато вспоминала нежность на лице миссис Ингрэм, когда та разворачивала подарок от мистера Ингрэма.

* * *

Ломбардов в Лондоне много, и вскоре девочки нашли один на Мирд-стрит. Владелец изучил брошь через маленькую лупу, словно пытаясь найти в ней хоть какую-то ценность, и в конце концов выдал лишь жалкую мелочь, малую долю

того, что, должно быть, заплатил за брошь мистер Ингрэм. Ростовщик, вручая девочкам квитанцию, сказал, что у них есть месяц, прежде чем он продаст брошь. Фреда не представляла, как они смогут когда-либо выкупить залог, но им нужно было платить за квартиру и чем-то питаться, как уже несколько раз напомнила Флоренс. (С ее фигурой ей совсем не повредило бы немного поголодать.)

Фреда запихнула квитанцию и деньги в карман и всю обратную дорогу держала там руку, боясь воров.

Она пыталась объяснить Флоренс, что случилось с ней в ужасной комнате за кулисами «Адельфи», но встретила лишь тупое непонимание. Флоренс до сих пор верила, что детей находят в капусте, и объяснить ей грубую механику попадания в этот огород оказалось Фреде не по силам.

— Он хотел тебя поцеловать? — предположила Флоренс. — Мне мама всегда строго-настрого запрещает целоваться с мальчиками.

По правде говоря, Фреда сама не до конца понимала, что с ней произошло. Она просто знала, что раздавлена чем-то жестоким и что это ужасно несправедливо.

Когда они вернулись на Генриетта-стрит, Фреда

велела подруге сразу же спуститься к миссис Дарлинг и заплатить за квартиру, пока Флоренс не удосужилась как-нибудь растратить деньги.

Фреда легла на кровать. Она могла бы поклясться, что все еще чувствует во рту привкус крови Оуэна Вэрли. День выдался очень долгий.

* * *

Она собиралась отдохнуть всего несколько минут, но очнулась лишь от воскресного благовеста из церкви Святого Павла. Флоренс нигде не было видно. Она не лежала рядом в постели, где обычно крепко спала, когда просыпалась Фреда, и вообще ее половина кровати выглядела нетронутой. Встать и уйти рано — не похоже на Флоренс, но, может быть, она выскользнула купить им обеим завтрак? Фреда иногда выходила и приносила сонной Флоренс булочки с яйцом, но Флоренс никогда не отвечала тем же. («Все когда-нибудь бывает в первый раз», — говорила Ванда. «Даже у тебя, душечка, когда-то был первый раз, — ухмылялся в ответ Дункан. — Еще в каменном веке».) Но тут колокола напомнили Фреде, что сегодня воскресенье и кафешки в округе закрыты.

Пальто Флоренс, обычно висевшее на крючке на двери, исчезло, как и вязаный берет. Обе вещи

были не по сезону теплыми, но миссис Ингрэм вечно волновалась, что Флоренс простудится насмерть и умрет от пневмонии, если не будет носить как минимум четыре слоя одежды.

Одежда Флоренс оставалась в обветшалом шкафу, ее чтиво все еще захламляло комнату. Роясь в прикроватной тумбочке подруги, Фреда нашла бумажный пакет с леденцами, слипшимися в комок, и несколько пачек открыток «Достопримечательности Лондона». Какая нелепая трата денег. Фреда подумала, не попробовать ли их продать — встать у ворот Британского музея и громко расхваливать свой товар, как уличный торговец.

Одна из пачек была вскрыта, и в ней не хватало нескольких Достопримечательностей. Фреда подумала, не отправить ли открытку матери или, может быть, Сисси. Написать, что прекрасно проводит время, что ее успех растет с каждым днем, или, может быть, более разумный вариант — попросить выслать денег на обратный билет.

Она вытащила Биг-Бен из вощеной бумажной упаковки, и на кровать осыпалась поземка белого порошка, похожего на сахарную пудру или мелкий снег. Белого вещества, обнаружила Фреда, было больше в нераспечатанных пачках

— когда она их открывала, оттуда сеялась снежная пыль. Фреда облизнула палец, обмакнула в порошок и осторожно попробовала на вкус, не зная, чего ожидать — покалывания на языке, как от шербетных карамелек, или смертельного удара стрихнина. У порошка был странный вкус, одновременно сладкий и металлический. Может, это тальк? Но зачем класть тальк в «Достопримечательности Лондона»? Это был и не яд — Фреда не рухнула на пол в предсмертных муках, а, наоборот, ощутила легкий прилив бодрости. Она положила открытки обратно в ящик. Отколупнув леденец от неподатливого черно-белого комка, закинула в рот. Флоренс обожала леденцы. Где же она? Возможно, белый порошок оставлен как подсказка, наподобие хлебных крошек. Может, он приведет к Флоренс, сидящей в безопасности в пряничном домике, откуда можно прогрызть путь на свободу, съедая по черепице за раз? Флоренс бы такое понравилось. Правда, пряничных домиков в Лондоне не так уж много. И вообще, напомнила себе Фреда, пряничный домик — не убежище, а капкан. Там ведьма откармливает тебя, чтобы сунуть в печь и съесть, как рождественского гуся.

Фреда вздрогнула от громкого стука в дверь.

На пороге стояла миссис Дарлинг с протянутой рукой.

— Деньги за квартиру, пожалуйста, — сказала она.

— Но Флоренс заплатила вчера вечером, — запротестовала Фреда.

Миссис Дарлинг насмешливо фыркнула:

— Разве что в твоих мечтах, дорогуша.

Миссис Дарлинг, узнававшая каждого жильца по походке (из нее вышла бы превосходная шпионка), сказала, что Флоренс вышла вчера вечером «около десяти» и «прошла прямо мимо моей двери». Более того, миссис Дарлинг выглянула в окно и увидела, как Флоренс идет по улице в сторону Стрэнда, «вся разнаряженная».

У Фреды слегка сжалось сердце. Неужели другой Крысолов, более зловещий, чем она сама, пришел и околдовал Флоренс?

— А потом, — сказала миссис Дарлинг, — я видела, как она села в машину и уехала.

* * *

В конце концов Фреда после множества поклонов и бормотаний вырвалась из насыщенной святостью атмосферы церкви. («Фокусы-покусы», — вспомнились ей слова Дункана.) Вернув-

шись на Генриетта-стрит, Фреда обнаружила, что входная дверь заперта, а чемодан с ее вещами одиноко стоит на тротуаре. В ухмылке сатанинского дверного молотка сквозил неприкрытый дьявольский восторг.

Никогда за всю историю существования девушек, подумала Фреда, ни одна из них не чувствовала себя такой несчастной, как я сейчас.

Жертвоприношение

Фрацини прислал записку на Ганновер-террас, «испрашивая присутствия Нелли» в каком-то никому не известном месте в районе доков. Когда она выехала туда, была уже почти полночь. По дороге Нелли задремала на заднем сиденье «бентли», а потом вздрогнула, проснулась и не поняла, где находится.

— Где-то в доках, — сказал Хоукер.

Похоже, рядом с железнодорожными путями — Нелли различала звук товарного поезда, медленно ползущего через Лондон. Пахло патокой, так что они, вероятно, в Сильвертауне, рядом с сахарным заводом «Тейт энд Лайл».

Здесь не было почти никакого света и никакого жилья, только железнодорожный товарный двор, какие-то склады и сараи. Место, где днем кипит жизнь, а ночью становится тихо, как на кладбище.

Хоукер был в таком же замешательстве, как и Нелли. В руке он держал листок бумаги с кое-как набросанной картой и указаниями Луки Фрацини.

— Дай сюда, — нетерпеливо сказала Нелли. Хоукер включил свет, она вгляделась в бумагу и сказала: — Думаю, впереди нужно повернуть налево.

Она держала карту вверх ногами, но Хоукер не стал комментировать, и машина медленно поползла дальше по булыжной мостовой.

— Вот, — сказал он наконец. Они остановились возле большого, похожего на амбар дощатого сарая, на фасаде которого было написано «Б. А. Холт — Разборка и вывоз». Нелли подумала, не эвфемизм ли это.

— Я быстро, — сказала она Хоукеру, когда тот помог ей выйти из машины. Нелли постучала тростью в большую дверь, и невидимая рука впустила ее.

* * *

— А, Нелли, добро пожаловать, — сказал Фрацини, словно она прибыла на модную вечеринку на Пэлл-Мэлл, а не во что-то, на первый взгляд напоминающее дадаистскую пыточную. Впрочем, Нелли не слыхала о дадаизме. Для нее искусство закончилось на «Смеющемся кавалере» Франса Хальса.

— Мистер Фрацини, — кивнула она ему.

В огромном помещении посреди утрамбованного земляного пола стоял одинокий стул. К стулу веревками был привязан человек в окровавленном костюме Пьеро, непокрытая теперь голова поникла. Его явно только что пытали. Вокруг стояло несколько молодцев Фраццини с таким видом, словно их оторвали от дела.

— Выжали из него весь сок прямо с косточками, — с удовлетворением сказал Фраццини. Пьеро снова заскулил.

— Он раскололся насчет Мэддокса, — сказал Фраццини. — Наш гость сообщает, что «гуннам» заплатили, чтобы они пришли вчера в «Аметист» и устроили неприятности. По невезению или по неумению, но они в итоге подстрелили одного из моих парней. К сожалению, наш Альдо мертв, но на его месте мог легко оказаться один из ваших гостей.

Палачи благоговейно перекрестились при звуке имени Альдо.

Оказалось, что и «Фею» пытался поджечь тоже Мэддокс. Точнее сказать, признался Пьеро (хотя и не добровольно), это он сам по указанию Мэддокса и за вознаграждение в два фунта купил банку розового керосина «Аладдин», пропитал тряпку и швырнул на кухню «Феи».

— Что вы собираетесь с ним делать? — спросила Нелли, разглядывая жалкую фигуру Пьеро.

— Преподать урок. — Фраццини провел пальцем по горлу.

— Око за око, — невозмутимо сказала Нелли. Труп за труп.

* * *

Хоукер задремал, и его чуть не хватила кондрашка, когда Нелли резко постучала тростью по окну машины.

— Пожалуй, поеду впереди, — сказала она и забралась на сиденье рядом с Хоукером, еще больше напугав его. — Посмотрю немного на эту часть Лондона по дороге обратно.

— Особо не на что смотреть, — сказал Хоукер.

— Всегда есть на что посмотреть, — сказала Нелли, — хотя бы и на ничто.

Она усмехнулась чему-то своему. Хоукер понял, что ночью ему будут сниться кошмары.

Пристанище порока

Послевоенный Лондон был полон людей, готовых продать что угодно — наркотики, оружие, женщин. Продать вам обратно добро, украденное у вас же, и предложить свою душу за полноценный обед. Однако Нивен искал только информацию, и за небольшую сумму ему удалось узнать, где можно найти Ландора по вечерам, — тот пил и резался в карты с сомнительными приятелями в одном пристанище порока в Бейзуотере.

Здание выглядело заброшенным. Лишь полоска света из зашторенного подвального окна под магазином указывала, что там кто-то есть. Похоже, Нивен прибыл раньше, чем тот, кого он искал: он заметил Ландора, тот беззаботно шагал по улице, словно ему нечего было бояться.

Нивен возник перед Ландором, когда тот собирался спуститься по ступенькам в подвал и присоединиться к своим дружкам-подонкам.

— Добрый вечер, мистер Кокер, — сказал Ландор, ничуть не смутившись внезапным появлением Нивена.

Тот не стал утруждать себя любезностями.

Схватил Ландора за грудки́, поднял и подвесил, нацепив пиджаком на перила.

— Мой пес, если что, отгрызет тебе лицо, — сказал он.

Словно по команде, Сторож гортанно зарычал.

— Чего вам надо? — спросил Ландор, легкомысленно относясь к угрозе. Он привык к насилию в роли как дающей, так и принимающей стороны.

— Почему ты расспрашивал о Гвендолен Келлинг?

Ландор не ответил, и Нивен схватил его за горло и встряхнул.

— Отвечай. Почему ты следишь за ней? На кого работаешь — на Аццопарди? Что ему нужно от Гвендолен Келлинг?

— Аццопарди? — Ландор, казалось, искренне забавлялся. — Вы думаете, я слежу за ней для *Аццопарди*?

— А для кого?

— Вы правда не знаете? — Ландор снова рассмеялся. Нивен решил, что этот тип чрезмерно смешлив.

— Нет, я правда не знаю, — сказал Нивен, все больше раздражаясь от такого веселья. Он отвел кулак назад, готовясь врезать по ухмыляющемуся лицу. — На кого ты работаешь?

— На вашу мать, мистер Кокер, — рассмеялся Ландор. — Я работаю на вашу мать.

Нивен оставил его болтаться на перилах и пошел к машине, припаркованной за две улицы оттуда. Он мог поклясться, что, когда уезжал, все еще слышал смех Ландора.

* * *

— Ну и что ты об этом думаешь? — спросил он сидящего рядом Сторожа, мчась по Сент-Джонс-Вуд-роуд. Его мать использует этого Ландора, чтобы следить за Гвендолен Келлинг. Из этого следует, что Гвендолен работает на одного из врагов Нелли. Аццопарди или Мэддокса. Ей может грозить опасность от любого из них, но величайшая угроза ее безопасности, несомненно, исходит от матери Нивена.

Нивен вернулся в дом на Ганновер-террас, как раз когда из подъехавшего «бентли» возникла Нелли. Неужели она никогда не спит? Сейчас три часа ночи — где она была? Спрашивать ее не имеет смысла, она ни за что не скажет. Нет смысла спрашивать и о Гвендолен Келлинг. Мать гордится своим коварством.

Он только-только провалился в сон, когда Нелли тихо затрясла его и разбудила.

— Быстро вставай, — прошептала она. — У нас чрезвычайная ситуация.

Голубь

Фреда проснулась на скамейке в садах Друрилейн, где провела неудобную ночь, используя свой верный маленький чемоданчик как жесткую подушку. Сады когда-то были кладбищем при церкви, и у стены все еще стояли надгробия. Ночевка в компании мертвых не способствовала крепкому сну. Фреда насмехалась над Флоренс, когда та распространялась о проклятии Тутанхамона, но кое в какие минуты этой ночи была готова поверить в сверхъестественное.

Скоро Фреду прогнал со скамейки и из садов полицейский, словно бродяжку. Он обозвал ее какими-то ужасными словами. Инсинуации на мою добродетель, подумала она, — так говаривал Дункан, шепелявя и делая забавный жест рукой. Фреда не смогла бы правильно написать слово «инсинуация» даже под страхом смерти. («Это из латыни, — говорил Дункан. — *Insinuatio*, проникать куда-либо узким или кривым путем». Он учился в «хорошей» школе. «Несколько жизней назад», — говорил он.) «Тут шлюхам нечего делать, — сказал полицейский, — так что прова-

ливай, или отправлю тебя в кутузку на Боу-стрит за бродяжничество».

Фреда задумалась, есть ли у полицейского дочь и что бы он сказал, если бы так обращались с ней, но промолчала. При общении с бобби нужно «соглашаться, а не нарываться», предостерегал Дункан.

Она чувствовала себя «сироткой бури»[84]. Так однажды назвала ее Ванда, хотя Фреда, строго говоря, не сирота, да и погода в кои-то веки выдалась отличная.

А сейчас Фреда осталась без крова и без гроша, да еще и без Флоренс. Она никогда не предполагала, что окажется в таком тупике. Она ожидала как минимум аплодисментов. «Я в безвыходном положении!» — воскликнула она про себя, поскольку мелодрама — все, что ей оставалось. К тому же она была так голодна, что казалось — все внутренности ссохлись и кожа обтянула кости.

Сколько времени понадобится, чтобы умереть от голода? Заметит ли кто-нибудь, если это случится? Неужели в конце концов Темза унесет ее мутными водами отлива вместе с утренним мусором?

---

[84] Сноски: 84

«Сиротки бури» (1921) — фильм Д. У. Гриффита с Дороти и Лилиан Гиш в главных ролях, историческая драма времен Французской революции.

Все это ужасно подорвало ее веру в себя. Фреда решила, что девушка послабее на ее месте уже сдалась бы. Фреда не была слабой. Девушка послабее могла бы подумать о том, чтобы пойти на панель, раз уж другого выхода не осталось. Фреда не была и такой. Пока нет.

* * *

По счастливой случайности, выходя из садов, она заметила шестипенсовик, блестящий в трещине тротуара. Она чуть не расплакалась от счастья. Правда, Ванда всегда говорила: «Найдешь монетку — отдай другому, или придет несчастье», но Фреда не представляла, как ее положение может стать еще хуже, и опустила монету в карман.

В кафе на Нил-стрит, которое рано открывалось для грузчиков с рынка, на шестипенсовик удалось купить утешение в виде сэндвича с колбасой и чашки чая, а поскольку сахар был бесплатный, Фреда плюхнула в чай несколько ложек подряд. Она ела сэндвич как можно медленнее, чтобы растянуть подольше, но в итоге, как и ожидала, из кафе ее выгнали. «Эй, барышня, — сказал хозяин, — тут вам не библиотека. Нельзя сидеть весь день, ничего не заказывая».

Фреда неохотно ушла, волоча чемодан, вдоль Молла к парку Сент-Джеймс и там опустилась на другую скамейку. Опасаясь смотрителей парка, она старалась делать вид, будто просто глазеет на уток. У нее не было хлеба, чтобы их покормить. Будь у нее хлеб, она съела бы его сама.

По дорожке к ней вперевалочку шагал пеликан. Какая странная птица. Фреда была уверена, что в Йорке такие не водятся. Может, и во всей Британии не водятся.

Когда пеликан приблизился, Фреда с ужасом увидела, что у него в клюве голубь. Пеликан остановился перед ней и, словно устраивая представление, шумно заглотил жертву в мешкообразный клюв, где голубь, заметно для Фреды, все еще бился, пытаясь как-то спастись. Пытаясь выжить. Пеликан посмотрел на Фреду холодным глазом, словно говоря: «Попробуй помешай мне». Отвратительное создание! Фреда вскочила со скамейки и поспешила прочь, чувствуя невольное сродство с бедным голубем, ведь ее тоже поймал и проглотил хищный зверь.

Часы посещений

— Тебе сделали маленькую операцию, но скоро ты будешь как новенькая, — сказала Нелли фальшиво-бодрым голосом. Эдит была без сознания и ничего не ответила. Возможно, она знала в глубинах анестезии, что операция была совсем не маленькая. («Я все хозяйство убрал», — с неуместным смаком сообщил хирург.)

Эдит положили в небольшую частную больницу в ранние утренние часы, тихо, но срочно — «бентли» прокрался через ворота сильно за полночь. Нелли была скрытна по натуре и не любила, когда кто-нибудь узнавал о слабостях в семье.

Теперь они все пришли подбодрить больную. Все, кроме Нивена, который уже сменился с поста. Эдит не в безопасности, еще все неясно, кризис далеко не миновал, и хирург намекнул Нелли, что сейчас, возможно, семье следует попрощаться с больной, но Нелли решила не передавать эту информацию.

У Эдит, объяснила Нелли, «женские проблемы» — диагноз, покрывающий широкий набор

сценариев, многие из которых, как считала Нелли, носят скорее метафорический, чем медицинский характер, хотя в данном случае это было не так.

— Серьезная инфекция, — добавила Нелли, допуская возможность беды, но не накликая ее.

— Она умерла? — прошептала Китти.

— Нет, ей дали наркоз, — сказала Нелли. — Думаю, скоро начнет приходить в себя.

— И ей станет лучше?

— Да, — твердо сказала Нелли.

Бетти и Ширли с сомнением смотрели на бледную Эдит на больничной койке. По виду не похоже было, что сестра намерена поправиться. Они ожидали увидеть трубки, капельницы и другие неприятные вещи, но Эдит не была оборудована ничем медицинским и выглядела так, словно ждала бальзамировщика.

Китти потянулась и осторожно погладила тыльную сторону ладони, безжизненно лежащей на бледно-зелёном жаккардовом покрывале. Китти впервые в жизни осознала, что судьба Эдит ей небезразлична. От этой мысли ее слегка замутило.

Они сидели вокруг кровати уже какое-то время. Привыкнув к виду похожей на труп Эдит, они пе-

решли на нормальный голос вместо похоронного шепота, которым говорили до сих пор. Новизна больничной обстановки медленно сменялась усталостью от больничной обстановки.

Эдит, вероятно, была бы уже мертва, если бы материнское чутье не привело Нелли в ванную комнату по возвращении из доков глубокой ночью. На полу ванной обнаружилась Эдит без признаков жизни, с бескровными губами и блеском холодного пота на коже. Нелли разбудила Нивена, зная его фронтовое умение мгновенно переходить из глубокого сна в полную боевую готовность.

Он героически отнес Эдит вниз — ее тело было странно неухватистым, словно он тащил маленького верблюда или жирафа. По указанию Нелли он пронес сестру через двор в гараж, где жил «бентли» (и Хоукер тоже). Заспанного шофера пробудили, и он помог устроить Эдит на заднем сиденье «бентли» — машину Нивена Нелли сочла неподходящей, чему он был рад, поскольку Эдит начало обильно тошнить. Нелли отпустила сына и сама поехала с Эдит в одну больницу в Кенсингтоне. Она знала, что там за хорошие деньги предлагают не только умение хранить тайну, но и мастерство врачей.

* * *

Ширли принесла больной коробку рахат-лукума, но, поскольку Эдит явно не собиралась есть рахат-лукум прямо сейчас (если вообще когда-нибудь собиралась), Ширли положила нарядную коробку на покрывало поверх неподвижных ног Эдит, и угостились все.

Нелли, более практичная, принесла кашемировую шаль и коробку французского лавандового мыла.

— Надо было взять с собой вязание, — сказала Ширли.

— Ты не умеешь вязать.

— Был бы случай научиться.

— Так что, мам, — сказала Бетти, — эта женщина…

— Гвендолен, — сказала Китти.

— Да, — сказала Нелли. — Мисс Гвендолен Келлинг. Она будет помогать мне.

— Помогать тебе? — удивленно спросила Бетти. — Как помогать?

— Она будет управлять для меня «Хрустальной чашей».

— Что?

Бетти и Ширли разразились протестами; да-

же недвижная Эдит, кажется, тихо простонала, возражая.

— Ну, я думаю, это хорошая идея, — сказала Китти.

— Заткнись, — огрызнулась Бетти. — Ты ничего не понимаешь.

— Нам не нужен никто другой, — сказала Ширли матери. — У тебя есть мы. Мы с Бетти можем управлять «Чашей».

— Она не родня, — добавила Бетти. — На самом деле она для нас совершенно чужой человек. Почем мы знаем, может, она темная лошадка.

— Это что такое? — спросила Китти.

Она собиралась когда-нибудь держать конюшню арабских скакунов. Как Ага-хан[85]. Китти познакомилась с ним, когда он приходил в «Аметист». Он угостил ее лакричной конфетой и тем самым навсегда завоевал ее расположение. Не ожидаешь, что важная персона вроде Ага-хана носит в кармане лакричные конфеты.

— Ты такая невежда, Китти, — сказала Бетти.

— Ничего подобного! — запротестовала Китти, ошибочно полагая, что ее упрекнули в отсутствии

---

[85] Сноски: 85

Ага-хан III (султан Мухаммад-шах, 1877–1957) — наследственный имам шиитов-исмаилитов-низаритов, в 1906–1913 гг. первый президент Индийской мусульманской лиги.

хороших манер.

— Это обман, — сказала Ширли. — Она желает проникнуть в стан врага под ложным предлогом, чтобы потом уничтожить все внутри. Почем мы знаем, может, Гвендолен Келлинг работает на полицию. Шпионка.

— Фробишер, — сказала Бетти и слегка вздрогнула. — Он холодный, как дохлая треска. Может, она его приспешница, посланная уничтожить нас всех.

— Падение дома Кокеров, — сказала Ширли.

— Что? Не драматизируйте, вы все, — резко сказала Нелли. — Она библиотекарша.

– *Кто?*

Нелли решительно игнорировала этот хор недоумения.

В коридоре кто-то начал ходить взад и вперед, звоня в колокольчик, — это возвещало конец часов посещения.

— Не спрашивай, по ком звонит колокол, — сказала Ширли. Иногда в ней проблескивало полученное образование.

Эдит дернулась во сне и пробормотала что-то неразборчивое.

— О, смотрите, Эдит воскресла, — сказала Китти.

Пастораль

Фробишер пришел на Боу-стрит рано, чтобы оценить обстановку на предстоящую неделю. Настолько рано, что ночная смена еще дежурила и приветливый сержант за стойкой заканчивал ночные дела.

— Тут кое-что для вас, господин старший инспектор, — сказал он, едва удерживаясь от смеха.

— И что же это, сержант?

— Из того, что сегодня за ночь выловили, — Пьеро!

— Что? — Фробишеру послышалось «перо» (у сержанта был легкий дефект речи). Это слово напомнило ему о незаконченных попугаях на гобелене Лотти.

— Пьеро, — сказал сержант более отчетливо. — Ну, знаете, клоуны, какие на набережной выступают.

— Да, я знаю, кто такие Пьеро, спасибо, сержант. Где он? Здесь?

— Нет, все еще в Дыре Мертвеца.

(«Боже, только не это опять», — подумал Фробишер.)

— Правда, он не утонул, сэр.

— Вы только что сказали, что утонул.

— Не утонул, вытащили из воды под утро. Полоснули — вот здесь. — Сержант на миг замолчал, чтобы чиркнуть себя пальцем по шее. — Большая улыбка поперек горла, сэр.

– *Пьеро?*

— Ну да, странно, правда? Я думаю, вот что вышло — он пошел на вечеринку в маскарадном костюме, конечно, потом ввязался в драку с кем-то, а они его ножичком — раз! И *вуаля*!

Дежурный сержант когда-то воевал под Верденом и теперь с огромным удовольствием пускал в ход немногие известные ему французские слова.

— Спасибо за анализ, сержант. Вам бы в полиции работать.

— Очень смешно, сэр. Там внизу еще кое-кто для вас.

— Для меня? Пьеро? — Фробишер подумал о том, что впервые в жизни использует это слово так часто; точнее, вообще впервые в жизни его использует.

Дежурный сержант рассмеялся:

— Нет, сэр. Девушка. Утопленница.

* * *

— Еще одна русалочка в вашу флотилию, — сказал полицейский врач Уэбб. — Или про русалок надо говорить «стая»?

— Не думаю, что существует собирательное существительное для русалок, Уэбб, не говоря уже о том, что их самих не существует.

Какой отвратительный тип. Интересно, есть ли собирательное существительное для Пьеро, подумал инспектор какой-то другой частью мозга. Возможно, труппа.

— Ватага, — сказал Уэбб.

— Скорее, косяк, — поправил Фробишер, хотя был не в настроении спорить с Уэббом о словах. Он боялся, что утопленница окажется той девушкой, которую он видел в субботу вечером возле «Аметиста». Но это оказалась не кудрявая блондинка в серебристом платье. Утопленница была высокого роста и полноватая, ее явно хорошо кормили в не столь давнем детстве. Такая молодая — и уже мертвая. Уэбб проявил деликатность, накрыв ее простыней, и инспектор был этому рад.

— Никакой одежды, только распятие на шее. — Уэбб снял с девушки крест, и теперь тот лежал в чашке Петри. — Она ушла с Богом, — добавил

он цинично. Человек науки, неверующий. Как и Фробишер, собственно.

Как было бы полезно, если бы родители девушки выгравировали ее имя на крестике. Надо послать полицейского с этим распятием по католическим церквам, — может быть, кто-нибудь его узнает.

— И еще эта — не девственница, — сказал Уэбб.

— «Эта»? — Фробишер предположил, что бездушие Уэбба — профессиональная черта.

— Даже, я бы сказал, далеко не девственница, — беззаботно продолжал Уэбб. — Следы аборта, к сожалению. Совсем недавнего, очень неумелого. Какой-то мясник работал, массивная кровопотеря. Хотя в легких вода, так что, видимо, кто-то решил от нее избавиться. Она бы все равно умерла.

— Но она была жива, когда попала в воду?

— Возможно.

— Господи, — сказал Фробишер. Он обычно не поминал Господа всуе, но ужас от мысли о пережитых девушкой мучениях оказался сильней.

— О, я почти забыл, — сказал Уэбб. Он достал очки — одно стекло в паутине трещин, другого и вовсе нет. — Они все еще были на ней. Чудом уцелели.

Очки отправились в карман Фробишера, в компанию к распятию и медальону с прошлой недели. Странная коллекция сувениров у него собирается. Его тревожили девушки, исчезающие в никуда. Но еще больше тревожило, когда они появлялись оттуда.

* * *

Он вернулся к себе в кабинет и вызвал Кобба. Рассказ констебля о вечере в «Аметисте», по мнению Фробишера, содержал некоторые пробелы. Вышла драка с участием членов банд, повздоривших друг с другом из-за какой-то ерунды. Стреляли, но никто не пострадал, сказал Кобб. Мисс Келлинг исчезла в хаосе, и он предположил, что она убежала из «Аметиста». Он не смог найти ее снаружи, а когда попытался вернуться в клуб, чтобы поискать ее там, вышибалы преградили ему путь.

— Я предположил, что она в безопасности, — добавил он неубедительно.

— У вас было одно задание — защищать ее, — резко сказал Фробишер.

Кобб явно рассердился и угрюмо сказал:

— Ну, если бы она держалась при мне, с ней бы ничего и не случилось.

Он говорил грубо, что Фробишеру не нравилось в полицейском, да и в других людях тоже. Фробишер был разочарован в Коббе, разочарован в себе за то, что неверно оценил этого человека.

— А она дала о себе знать? — спросил Кобб.

— Мисс Келлинг? — неуважительное «она» Кобба не нравилось инспектору так же, как «эта» Уэбба. Принижение девушки, женщины. — Нет, пока нет, но меня достоверно информировали, что мисс Келлинг под утро вернулась к себе в пансион.

Это было не совсем правдой. Мегера, управлявшая «Уоррендером», не знала точно, в какое время Гвендолен Келлинг вернулась после посещения «Аметиста», — знала только, что ее не было, когда пансион запирали в половине одиннадцатого. Куда могла пойти Гвендолен? Он поморщился, вспомнив свой визит в «Уоррендер» днем ранее. Он вел себя как пошлый воскресный ухажер, навещающий свою милую, когда у него дома жена… скорбящая жена.

— Сэр? — сказал Кобб, беспокойно переминаясь с ноги на ногу. — Что-то еще, сэр?

— Нет, — отрезал Фробишер. Но потом достал из кармана распятие. — Да, погодите, вот… Обойдите все католические церкви и посмотрите, не

узнает ли кто-нибудь эту штуку.

— Все? — угрюмо переспросил Кобб.

— Да, Кобб. Все.

— Я бы подумал, что одно распятие мало чем отличается от любого другого, сэр.

— Вам платят не за то, чтобы вы думали, Кобб. Идите и займитесь делом.

* * *

Где же мисс Келлинг? Фробишера начинало беспокоить, что она не явилась на Боу-стрит. Ей пора бы уже быть здесь, а она производит впечатление пунктуального человека. Он не мог отрицать, что при мысли о ней его сердце едва заметно подпрыгивает. Можно было бы пригласить ее на ланч куда-нибудь. Например, можно пройтись пешком до ресторана Симпсона, но она может счесть это расточительностью. Нужно что-то поскромнее — может быть, какой-нибудь итальянский ресторан. Например, «Изола Белла» на Фрит-стрит, где подают нечто под названием *равиоли аль сугo*[86], Фробишеру понравилось это блюдо, с которым познакомила его Лотти в дни, когда они ели вне дома и ходили в театр или

[86] Сноски: 86

Ravioli al sugo *(ит.)* — равиоли с томатным соусом.

гуляли в парках. Медовый месяц, как он думал о тех временах теперь. Короткий, но инспектор полагал, что так и должно быть. Они вступили в брак, как ступают на борт хрупкой лодочки, и она давно вошла в область мертвой зыби и затонула в пучине. Мисс Келлинг, с другой стороны, выглядела как человек, способный держать твердый курс. Инспектор ужасно запутался в мореплавательных метафорах, и казалось, не было другого выхода, кроме как оставить корабль.

Он задумался, совпадет ли ее рассказ о вечере с версией Кобба.

И тут она внезапно появилась — словно сгустившись из воздуха, в идеально подходящей раме — дверном проеме его кабинета.

— Явилась для несения службы, сэр, — сказала она, улыбаясь и четко салютуя.

Фробишер вскочил из-за стола, чтобы поприветствовать ее, и попытался как-нибудь пошутить в ответ, но ничего не пришло в голову, ни шуточного, ни серьезного, поэтому он пожал ей руку, отметив, какая она прохладная на ощупь. Должно быть, охладила немало пылающих лбов во время войны. Несмотря на (многочисленные) свидетельства об обратном, Фробишер сохранял романтическое представление о работе сани-

тарок.

— Инспектор? — сказала она, тревожно глядя на него. — Вы хорошо себя чувствуете? Вы очень бледны.

— Вполне, спасибо, мисс Келлинг. Благодарю за беспокойство.

Вопрос о ланче снова поднял голову. Не подумает ли мисс Келлинг, что Фробишер пытается ухаживать за ней? (А он пытается?) И конечно, он предположил, что, раз у него сердце подпрыгивает при виде ее, у нее сердце, вполне возможно, падает куда-то при виде него. Следовало держать себя в руках, и поэтому, вместо того чтобы предложить равиоли, инспектор сказал:

— Пожалуйста, присаживайтесь, мисс Келлинг. Я рад, что вы пережили излишества «Аметиста».

Она рассмеялась:

— Пережила весьма успешно, инспектор. Теперь приступим сразу к делу, — во-первых, мой отчет.

— Пожалуйста, начинайте.

— Мой рассказ, по памяти, о ночи в роли внедренного агента в ночном клубе «Аметист». Мы с констеблем Коббом пили коктейли — конкретно «Бастер Браун» — убийственные штуки, потом некоторое время танцевали — он удивитель-

но легок на ногу, для полицейского, во всяком случае. Но, к сожалению, когда начались неприятности, он оказался бесполезен, фактически дезертировал со своего поста. Меня бросили на произвол судьбы!

Она снова рассмеялась, видимо забавляясь этой мыслью.

Фробишер ощутил свежую неприязнь к Коббу.

— Простите, мисс Келлинг, он проявил значительную безответственность, — виновато признал инспектор.

— Видите ли, в клубе оказались соперничающие банды, — беззаботно продолжила она, — и они устроили небольшую перестрелку.

— Перестрелку? — Фробишер, конечно, знал о происшедшем от Кобба, но его удивило, как легко это слово слетело с ее губ. Она закалена боями: возможно, и не только войной.

— Я не совсем уверена, что произошло, но там были замешаны Пьеро.

— Пьеро? — эхом отозвался Фробишер. Боже милостивый, неужели этим проклятым тварям конца не будет?

— Да, там была банда в маскарадных костюмах, — очевидно, пришли прямо с дела. Какие-то «гунны».

— Хакнейские. — Он вынужденно деградировал до односложных ответов, но теперь хотя бы знал, как объяснить Пьеро, выловленного из Темзы этим утром.

— Да, точно, «Хакнейские гунны». Одного из них подстрелили…

— Подстрелили? Пьеро? Вы уверены? — У сегодняшнего утреннего Пьеро было перерезано горло. Сколько же убитых Пьеро может быть, ради всего святого?

— Нет, одного из других. Фрацциннелли — так, кажется?

— Фрацциии.

— Хотя, кажется, конфликт начал один из Пьеро. Раненый человек Фрацциии — его зовут Альдо — был совсем плох. Не знаю, выжил ли он. Я помогла его перевязать. Одного из Пьеро увели, он очень громко протестовал — нечто вроде искупительной жертвы, я думаю. Банды, похоже, обожают месть. Око за око, знаете? Понятия не имею, что с ним случилось, но я бы не делала ставок на его шансы. В общем, если коротко, инспектор, — (ради всего святого, зови меня Джон, подумал Фробишер), — матушка Кокер предложила мне должность управляющего — точнее, управляющей — в одном из ее клубов,

«Хрустальной чаше».

Он был поражен.

— Простите, мисс Келлинг, не могли бы вы повторить?

— Всё?

— Нет, только последнюю часть.

— Я буду работать на Нелли Кокер. Разве это не прекрасно? Я смогу докладывать вам изнутри. Тайный агент!

Ее глаза сияли от возбуждения. Он не осознавал, насколько она упряма. Он опасался за нее. Что же он затеял? Он чувствовал, что начатое уже не остановить.

* * *

— О господи, я почти забыла, — сказала она, уже собираясь уходить.

«Что еще?» — подумал Фробишер с тревогой.

— Утренней почтой доставили фотографии Фреды и Флоренс, которые вы просили. От моей подруги Сисси.

— Да, это тетя Фреды.

— Вообще-то сестра, но это мало что меняет. — Она передала конверт через стол. — К сожалению, фотография Фреды — из ее «профессиональных», в сценическом костюме и гриме. Кажется, других

у нее и нет. На них она выглядит намного старше, чем на самом деле. Честно говоря, инспектор, я не видела ее пару лет. Весьма сомневаюсь, что смогла бы узнать ее сейчас.

Фробишер вытащил фотографии из конверта и изучил их. Гвендолен была права, Фреда, одетая в полупрозрачный сценический костюм, довольно рискованный на взгляд инспектора, выглядела скорее женщиной, чем ребенком.

Гвендолен снова рассмеялась:

— Любительская постановка «Сна в летнюю ночь», кажется. Фреда была в свите фей Титании. Я никогда не любила Титанию — такая властная и к тому же капризная. Вы не находите?

Фробишер, которому никогда не приходилось иметь мнение о характере Титании, довольно глупо уставился на Гвендолен, прежде чем отважиться:

— Ну, полагаю, она все-таки королева.

— А королевы по природе своей властны. Да, конечно, вы правы, инспектор.

(«Я прав?» — подумал он.)

Казалось, Гвендолен полностью игнорировала его беспокойство по поводу невероятного плана — работать на Кокеров. Она страшно бесила инспектора. Она относится к этому как к забаве,

упрекнул он, когда это на самом деле очень опасное предприятие.

— Кокеры не то, чем кажутся, мисс Келлинг. Мне кажется, вы не понимаете, во что ввязываетесь.

— Тогда всего несколько дней, инспектор, — уговаривала она. — Конечно, такую возможность нельзя упускать. Я узнаю все, что смогу, о предприятии Кокеров, и не успеете вы оглянуться, как я уже сяду в поезд и поеду домой в Йорк.

— В Йорк? — эхом отозвался Фробишер, пытаясь скрыть разочарование в голосе. — В библиотеку? Ну конечно, вы должны.

У нее своя жизнь в другом месте, напомнил он себе, жизнь, о которой он не знает ничего, кроме наличия библиотеки. Возможно, ее возвращения ждет поклонник (или несколько) или любящая семья. По правде говоря, он вообще ничего не знает о ней — только то, что она обладает спокойным величием, которым он одновременно восхищается и которого боится, и от мысли о том, что она уедет так скоро, у него становится пусто в груди. Неужели цена за то, чтобы она не покидала Лондон, — ее работа на Мамашу Кокер?

— Нелли Кокер проницательна, — сказал он. — Она раскусит обман, и, когда обнаружит, что вы

гадюка, заползшая в ее гнездо, я даже думать не хочу о том, что она может сделать.

— Вырвет у меня сердце, полагаю, — весело сказала Гвендолен.

Он со вздохом сдался и вернулся к фотографиям. В отличие от Фреды, Флоренс выглядела все еще ребенком. Ее фотография была школьной — фартучек и косички. И очки. Не разглядеть, есть ли крестик под блузкой и туго завязанным галстуком. Возможно, это та девушка в морге, но в утопленнице, истекшей кровью, трудно разглядеть упитанную школьницу.

— Католичка? — пробормотал он, скорее себе под нос.

— Вы можете определить, просто взглянув? Какой необычайный дар, инспектор! Я полагаю, инквизиция нашла бы вам прекрасное применение.

Почему обязательно все время его дразнить?

— Кажется, вы говорили, что она училась в монастырской школе.

— Правда? Не помню. — Она помолчала и уже серьезно сказала: — Вы в записке спрашивали меня про медальон. Это подразумевает наличие тела, инспектор.

Фробишер внутренне вздрогнул от ее прямоты.

Казалось, у нее отсутствуют обычные границы. Это у нее тоже с войны, предположил он. Он теперь жалел, что не пошел на фронт и остался в тылу, — он хотел пойти, но ему приказали остаться. Из-за этого он чувствовал себя отчасти ущербным. Зато он живой. Этим тоже бросаться не приходится.

— Тело? — сказал он. — Нет, вовсе нет. Это просто один из вопросов, которые мы обязаны задать.

— Что ж, хорошая новость состоит в том, что Ингрэмы говорят — нет, Флоренс не носила медальона. Уже есть чему радоваться, верно?

— Да.

— Но, конечно же, носила крестик с распятием.

* * *

После того как Гвендолен ушла, он несколько минут сидел за столом и собирался с мыслями. Он пожалел, что не курит. Впрочем, ничто не мешает начать.

Поскольку ланч с мисс Келлинг теперь был снят с повестки дня, инспектор прибег к табльдоту в отеле «Чаринг-Кросс» — тарелка печенки с луком легла на желудок камнем, так что мысли

инспектора снова непрошено вернулись в Шропшир и почему-то к рассыпчатому белому сыру, который производила фермерская сыроварня. В пятнадцать лет он был очень увлечен одной из работниц сыроварни. От нее исходил тот же чистый, кислый запах, что и от сыра, который она делала. Гвендолен Келлинг немного напоминала ему ту девушку — не то чтобы от нее пахло сыром: он уловил намек на ландыш, когда она склонилась через стол, чтобы передать фотографии беглянок. Но в девушке с сыроварни была та же сила, та же… он искал слово. «Открытость» — наконец пришло ему в голову. Нет, прозрачность. Она такая, какая есть, без притворства. По опыту Фробишера, это мало о ком можно сказать.

Он не мог припомнить имя девушки с сыроварни. Странно, как что-то, когда-то такое важное, может просто унести река памяти, воды которой замутнены временем. Инспектор мог бы громоздить метафоры и дальше (утонуть в воспоминаниях и так далее), но, к счастью, его мысли прервал официант из «Чаринг-Кросса», догнавший его на середине Стрэнда. Фробишер так закружился в водовороте воспоминаний, что забыл заплатить за печенку с луком.

— Я собирался вызвать полицию, — задыхаясь,

сказал официант, когда догнал его.

— Это вряд ли помогло бы, — сказал Фробишер и вручил официанту шиллинг за спортивные успехи. Он наконец достиг остроумия, но не с тем, с кем надо.

По возвращении на Боу-стрит он понес фотографии Фреды и Флоренс в морг для сравнения, но девушку уже увезли.

— В Саутуорк, — сказал Уэбб, раскуривая трубку.

Фробишер вздохнул. Похоже, никуда не укрыться от этой бесконечной погони.

* * *

Он снова двинулся в путь с Боу-стрит. Жизнь состоит из приходов и уходов, ведь правда? И в конце концов уходишь уже бесповоротно.

У входа в участок торчал Оукс, курил сигарету, притворяясь, что не курит. В форме курить запрещалось, Фробишер настаивал на соблюдении этого правила, и вот Оукс, человек, которому он доверял, подводит всех.

С Оуксом разговаривала девушка, молодая и тощая, — Оукс объяснил, что она «шлюха», пришла предложить свой товар. Фробишер дал девушке полкроны и велел купить горячей еды.

Она немного напомнила ему беглянку, Фреду. Если убрать тяжелую маску сценического грима, который Фреда носила на фотографии, они могли бы выглядеть как сестры.

* * *

«Элайза!» — вспомнил он, добравшись до Саутуорка. Девушку с сыроварни звали Элайзой.

Перемена обстановки

Когда Гвендолен прибыла на Боу-стрит, дежурный сержант сообщил ей, что старший инспектор-детектив Фробишер «в данный момент занят» и примет ее вскоре. Назначена ли у нее встреча?

— Вообще-то, нет, но думаю, он меня ждет.

А по какому делу?

— Я бы предпочла не говорить, — сказала она. Такое загадочное заявление, исходящее от женщины, кажется, возбудило любопытство. Видимо, не часто у женщин бывали назначены встречи с Фробишером.

Ей указали на место напротив конторки дежурного — неудобную деревянную скамью вдоль стены. Гвендолен почувствовала себя необъяснимо виноватой.

Интересно, увидит ли она здесь констебля Кобба? Если увидит, можно будет отчитать его за побег из «Аметиста» в субботу вечером. Утро быстро двигалось к обеду — что, если спросить Фробишера, не хочет ли он пообедать с ней? В этой части Лондона ресторанчики на каждом

шагу.

На скамью рядом с Гвендолен тяжело опустилась какая-то девица и спросила:

— Сигаретки не найдется?

— Простите, я не курю, — сказала Гвендолен, стараясь не звучать благочестиво. Она сочла участок на Боу-стрит неподходящим местом для благочестия. Девушка закинула ногу на ногу, ступня нервно подрагивала. Одно веко постоянно дергалось.

— Ты откудова будешь? — спросила она. Ее кокни-акцент был настолько сильным, что Гвендолен пришлось мысленно переводить. — Явно не местная, по говору.

— Нет, — согласилась Гвендолен, не местная. — Из Йоркшира.

— Осподи, — сказала девушка с легкой дрожью. Можно подумать, что Гвендолен сказала «из монгольских степей» или «из арктической тундры». — Далеконько ты забралась от дома.

— Да, — согласилась Гвендолен.

— Герти, — сказала собеседница, протягивая руку в неожиданном приступе хороших манер. — Герти Бриджес.

— Гвендолен Келлинг.

Гвендолен пожала протянутую руку. Та была

грязная, но теплая, и Гвендолен вдруг прониклась симпатией к девушке. Под несвежим, грубым макияжем та была хорошенькая и моложе, чем Гвендолен сначала подумала. Девушка немного напоминала Фреду (или Фреду, какой та могла бы выглядеть сейчас). Любопытная малютка с искрой интереса в глазах. Грязные светлые кудри — такие локоны получаются, если старательно накручивать волосы на тряпочки на ночь. У Фреды были такие же.

— За что ты здесь? — спросила Герти.

Гвендолен немного подумала, прежде чем сказать:

— За обман.

— Типа аферистка?

— Что-то в этом роде. — Тут Гвендолен осенило, и она сказала: — Вообще-то, я ищу кое-кого — точнее, двоих, двух девушек. Их зовут Фреда Мёргатройд и Флоренс Ингрэм.

— Сбежали из дома, да?

— Да.

— А ты что, ихняя мамка? — Герти вдруг прониклась подозрением. — Не всегда хорошо, когда заставляют вернуться домой, знаешь ли.

Снова нервный стук ногой.

— Меня однажды вернули. Стало хуже, чем

раньше.

— Сочувствую. Они хотели стать артистками.

Герти рассмеялась:

— А кто не хочет?

— Но куда бы ты пошла, если бы приехала в Лондон? — не отставала Гвендолен.

— Лондон большой, знаешь ли. Тут всякие места есть, скажешь — нет? За девушками в Лондоне не уследить. Мелькнут на минутку и — пуф! — уже нету.

— Нету? Куда же они деваются?

Герти начала что-то говорить, но ее внезапно выдернул со скамьи полицейский констебль с возгласом «Эй!», достойным Элизы Дулиттл, и подтолкнул к конторке, где сказал дежурному сержанту:

— Проституция, наркотики, воровство.

— Уведите и предъявите обвинение.

Герти повели прочь. Она оглянулась на Гвендолен и сказала:

— Удачи. — И Гвендолен ответила:

— Тебе тоже.

«Неужели это ждет и Фреду»? — подумала Гвендолен. *Проституция, наркотики, воровство*. Как легко пасть в Лондоне. И как низко можно пасть.

Гвендолен посмотрела на большие настенные

часы. Она подозревала, что ее заставляют ждать намеренно, — может, даже не Фробишер, а дежурный сержант, поскольку, не консультируясь ни с Фробишером, ни с часами, он поднял глаза от того, чем занимался, и сказал:

— Детектив — старший инспектор сейчас вас примет, мисс.

Несмотря на раздражение из-за сержанта, сердце Гвендолен слегка подпрыгнуло при мысли о встрече с Фробишером. Она этого не ожидала.

* * *

Надежды на обед с инспектором потерпели крах, и, к сожалению, он расстался с Гвендолен довольно холодно. Он был раздражителен с ней, а она все больше сердилась на него. Она даже не была до конца уверена, в чем предмет спора. Возможно, в ее независимости от него.

* * *

Нелли послала своего шофера, Хоукера, забрать Гвендолен и отвезти в «Хрустальную чашу». Он загрузил ее вещи в багажник под неодобрительным взглядом миссис Бодли, для которой автомобили с шоферами, похоже, служили при-

знаком распущенных нравов. Возможно, она была права.

По прибытии в «Хрустальную чашу» Хоукер отнес багаж Гвендолен наверх и вручил ей связку ключей от квартиры и клуба.

— Что-нибудь еще, мисс? — спросил он, сложив сумки в прихожей.

Гвендолен отказалась от дальнейшей помощи и попыталась дать ему три пенса, но он попятился, подняв руки и ухмыляясь:

— Нет-нет, мисс, хозяйка пустит мои кишки на подвязки, если подумает, что я беру у вас чаевые. Вы теперь наша.

(«Что бы Фробишер сказал на *это*?» — подумала она.)

Нелли не встретила ее на новой квартире, но на столе стояла корзина с фруктами и очень красивая ваза с гвоздиками. Розовые, подумала Гвендолен, — очень подходяще, поскольку вся обстановка в квартире была розовая, хотя Гвендолен ожидала увидеть обычные унылые зеленые и коричневые тона. К вазе с цветами была прислонена карточка. Открытка, одна из вездесущих «Достопримечательностей Лондона», что казалось совсем не в стиле Нелли. Гвендолен перевернула изображение Тауэрского моста.

Добро пожаловать в ваш новый дом. С уважением, Нелли Кокер. Видимо, девиз дня был «ждите дальнейших указаний».

Вид открытки побудил Гвендолен к исполнению собственных обязанностей по переписке. Она быстро отправила «Здания Парламента» Сисси, а «Тауэр» — барышням Тейт, Роджерсон и Шоу. «В Лондоне очень интересно. Думаю, останусь чуть дольше, чтобы увидеть побольше достопримечательностей». Мистер Дженкинсон, ее поверенный в Йорке, получил изображение собора Святого Павла и извещение о смене адреса. «Я еще побуду здесь; пожалуйста, присылайте всю корреспонденцию по этому адресу. Можете ли Вы порекомендовать какой-нибудь лондонский банк?»

* * *

«Над лавкой» в «Хрустальной чаше» оказалась на удивление хорошо обставленная квартира. Входили сюда через неприметную дверь с маленькой улочки за ночным клубом. Если не знать, ни за что не догадаешься, что квартира и клуб находятся в одном здании.

За дверью поднималась крутая, освещенная газовыми рожками лестница, ведущая к соб-

ственно квартире. Гвендолен не питала особых надежд относительно этого жилья, когда, не глядя, согласилась на него.

— Примите это в качестве любезности и жеста доброй воли, — уговаривала Нелли. — Сбережете немало денег, жилье в Лондоне дорогое.

Гвендолен в полезном камуфляже скромной библиотекарши, очарованной яркими огнями столицы, поблагодарила Нелли за такую возможность сэкономить.

Учитывая неприметный внешний вид здания, интерьер оказался сюрпризом — даже потрясением. Ни один большой грязный сапог, похоже, никогда не осквернял этот розовый ковер. Ни одна неуклюжая мужская рука не касалась толстого розового бархата штор. Здесь были глубокие диваны, приглушенный свет ламп под розовыми абажурами, венецианские зеркала с фацетом. Хромированная фурнитура в новой ванной комнате и в безупречной маленькой кухоньке, где явно никогда ничего не готовили. В спальне плиссированные розовые шифоновые абажуры на прикроватных лампах, кровать уже застелена, простыни и одеяла увенчаны пышным стеганым атласным пуховым одеялом. Розовым, конечно.

Был тут и коктейльный шкаф — штуковина

из орехового капа в углу, замаскированная под радиолу: Гвендолен обнаружила это, когда пошла искать вечерний концерт оркестра «Савойских орфейцев» и за створками открылось стеклянное зеркальное нутро, полностью укомплектованное сверкающими графинами и бутылками. «Что сказал бы Фробишер обо всем этом?» — подумала она. (И почему она так много времени тратит на мысли о его мнениях?) Она задумалась, нет ли тут где-нибудь радиолы, притворяющейся коктейльным шкафом. Может, и была, но найти ее не удалось.

У Гвендолен создалось впечатление, что в этой квартире никто никогда не жил. Может, ее занимал недавно уволившийся управляющий?

— Этот предатель? — сказала Нелли, неожиданно появившись вечером проверить, как устроилась Гвендолен. — Нет, мисс Келлинг, здесь никто никогда не жил. Я люблю приходить сюда и просто сидеть.

— Сидеть?

— Да, сидеть. Здесь все нетронуто. *Незапятнанно*. Здесь никогда ничего не происходит. Я нахожу это большим облегчением.

— А я разве не запятнаю, если буду тут жить?

— Не думаю, мисс Келлинг. — Это прозвучало

как необычный комплимент.

И вдруг миссис Кокер стала воплощенной деловитостью:

— Мисс Келлинг, мой младший сын, Рамзи, заберет вас завтра вечером и проведет экскурсию по всем клубам — по нашему маленькому королевству. И по «Хрустальной чаше», конечно, Рамзи все объяснит.

Неужели одного вечера обучения будет достаточно?

— О, на самом деле тут ничего особенного знать и не нужно, — сказала Нелли. (Очень небрежно!) — Что ж, мне пора, мисс Келлинг. Приятного вечера.

Она ушла так же стремительно и неожиданно, как появилась.

Итак, подумала Гвендолен, начинается.

Неожиданный визит Нелли нес в себе что-то тревожное, и после ее ухода Гвендолен открыла маскирующийся коктейльный шкаф и налила себе небольшую лечебную порцию бренди для храбрости, а потом устроилась на розовом бархатном диване. В качестве утешительного противоядия от окружающей обстановки она достала старый экземпляр «Крэнфорда», привезенный с собой. Последний раз она перечитывала

«Крэнфорд» еще в школе, и миссис Гаскелл[87] показалась ей очень неуместной в модернистской квартире. Айрис Шторм из бестселлера Майкла Арлена пришлась бы здесь более ко двору, чем бедная старая мисс Мэтти.

* * *

Она вздрогнула и проснулась. Похоже, задремала над «Крэнфордом». День выдался долгий. Если бы она подошла к окну и выглянула сквозь шторы, то могла бы заметить мужчину, который прятался в тени дверного проема лавки на улице внизу. По тому, как он смотрел на освещенное окно Гвендолен, его можно было бы принять за тоскующего Ромео, которого почему-то сопровождает зоркая немецкая овчарка.

* * *

Нивен стоял на страже на случай, если Гвендолен Келлинг сделает что-нибудь интересное. Поначалу она казалась самой прямолинейной женщиной на свете; а теперь стала загадкой.

Он удивился, увидев «бентли», остановив-

---

[87] Сноски: 87
«Крэнфорд» (1853) — роман Элизабет Гаскелл.

шийся на другой стороне улицы, и еще глубже вжался в темноту. Хоукер помог Нелли выйти из машины. После тюрьмы она казалась немощной, но возможно, это был спектакль, уловка, призванная обмануть ее врагов ложным чувством безопасности. (Миссис Кокер могла бы дать фору Макиавелли: у нее все было не тем, чем казалось.) Возможно, именно этой логикой она руководствовалась при найме Гвендолен Келлинг, зная с самого начала, что та работает на Аццопарди. Или Мэддокса. Нивен не мог решить, что вероятнее. В какую опасную игру играет Гвендолен!

Нелли вошла в квартиру, через полчаса вышла, и ее увезли. Нивен наблюдал, как розовые лампы в квартире гаснут одна за другой, пока не осталась только одна, бросающая полоску света сквозь шторы.

Рядом что-то зашуршало — крыса, подумал он, но увидел светящийся кончик сигареты, и Ландор вышел из темноты и ухмыльнулся Нивену, приподняв шляпу, словно они братья по оружию с одной миссией. Сторож зарычал ему вслед.

Последняя полоска света погасла. Гвендолен Келлинг легла спать. Нивен представил себе фланелевую ночную сорочку и шерстяные носки. Он поспешно убрался, пока фантазии не зашли

дальше, и Сторож последовал за ним.

Пьеро

Освобожденный от оков Фробишер снова сбежал из участка на обход дешевых ювелирных лавок Сохо. Чем дольше медальон лежал в кармане, тем больше инспектор чувствовал ответственность за погибшую девушку, носившую его при жизни.

Витрины полны дешевых побрякушек, здесь вам явно не Бонд-стрит. Большинство этих лавок — еще и ломбарды. Многие выполняют и третью роль — скупщиков краденого у лондонских воров. Никто не узнал медальон. А если бы и узнали, сказали бы инспектору? Продавцы робели еще до того, как он показывал удостоверение. Они распознавали представителя закона с первого взгляда. Инспектор знал, что в этих лавках ловить нечего, но обход был конкретным действием, позволяющим поставить галочку в списке. Девушки, выловленные из реки, приносили с собой мало вещественных доказательств.

Он вошел в очередную ювелирную лавку, на Мирд-стрит. У входа стоял прилавок с разными безделушками под стеклом. Крестильный брас-

летик, наводящий на мысли о судьбе носившего его ребенка. Мужской перстень-печатка с выгравированными инициалами. Он мог пригодиться только человеку с такими же инициалами. (То есть не Фробишеру.) И маленькая брошка, птичка из золота и синей эмали.

– *Bleu de France*[88], — сказал ювелир. — Так называют этот цвет. Она французская, *fin de siècle*[89]. Только что поступила, продали мне пару дней назад. Я дал хорошую цену.

— Она продается?

— Это лавка, — сказал ювелир, бросив на Фробишера жалостливый взгляд, — здесь все продается.

Наверняка ведь Лотти понравится такая миленькая вещица? Лотти француженка, она восприимчива к красоте. Что-то было в этой маленькой брошке — может быть, галльское происхождение или просто шарм, и Фробишер подумал, что жена оценит ее. А может, его просто грызло чувство вины за холостяцкие мысли о Гвендолен Келлинг. Он одолжил у ювелира лупу, чтобы проверить, нет ли гравировки на обратной

---

[88] Сноски: 88
Французский синий *(фр.)*.

[89] Сноски: 89
Конец века *(фр.)*, стык XIX и XX вв.

стороне.

— Прекрасный заделанный реверс, — сказал ювелир. — Признак качественной работы, так-то вот.

На броши была гравировка, не чье-то женское имя, а надпись крошечными буквами: «Моей любимой». Больше ни для чего не хватило места. Безразмерное признание — удобно, подумал Фробишер и спросил:

— Сколько?

— Для вас пять фунтов, сэр.

— Пять?!

— Глаз — настоящий бриллиант.

— Очень маленький.

— Так и птичка маленькая. Три.

— Как насчет двух?

— Вы меня убиваете.

— И коробочку.

Конечно, этот человек еще и ростовщик. Лишь позже, уже вручив подарок жене, Фробишер осознал, что слишком легко принял на веру слова ювелира о законном происхождении броши.

Затем он обошел оптиков, но купить очки не соблазнился. Не тот подарок, который оценила бы Лотти. У нее отличное зрение.

Никто не узнал очки мертвой девушки, но Фро-

бишер и не ожидал этого.

Он успел в автосалон «Остин» на Оксфорд-стрит как раз перед закрытием.

— Карета подана, — сказал продавец.

* * *

Фробишер ехал со скоростью улитки: не хотелось сбить пешехода в первую же поездку, да и в любую другую тоже. До этого он водил машину только однажды — полицейский водитель преподал ему основы пару недель назад.

Свобода открытой дороги манила. Можно было бы пригласить Гвендолен Келлинг покататься с ним, совершить небольшую поездку. Они могли бы доехать до «Орла» в Амершеме и пообедать в садике при пивной, если погода будет хорошая. И дальше тоже — вместе исследовать южное побережье. Гастингс, Бродстерс, Рай, или, дальше вглубь страны, Кукэм или Райгит. Понадобится дорожный атлас и, возможно, какой-нибудь справочник шофера.

Фробишер внезапно осознал, что это нелепое мечтание загнало его в ловушку Пикадилли-Серкус. Тут шли строительные работы — расширяли станцию метро, — и он проехал по кругу несколько раз, не в силах найти выход. Эрос уже сбежал

от этого хаоса на время работ. Хотя, конечно (Фробишер порадовался, что у него нет детей, которых можно пичкать ненужными фактами), это был вовсе не Эрос, а его брат Антэрос, олицетворяющий совсем другой вид любви, любовь милосердную и бескорыстную, а не страсть и вожделение Эроса. От мысли об эротической любви Фробишеру стало неловко и полегчало лишь тогда, когда он наконец вырвался из объятий площади и смог надавить на педаль газа. (Все предшествующие дни он усердно зубрил названия частей машины.)

На перекрестке Суоллоу-стрит он заметил на тротуаре шарманщика. Похоже, тот заодно торговал животными — вокруг стояли коробки и клетки. Фробишер заметил канареек, волнистых попугайчиков и выводок полосатых котят. Может, Лотти обрадуется котенку? Все женщины любят котят, правда же? Он вспомнил те тюльпаны. Может, лучше не делать выводы про всех женщин. И вообще Лотти не похожа на других.

Он подъехал к бордюру — это оказалось более сложным маневром, чем он предполагал. Шарманка наигрывала довоенную мелодию «Хочу я встретить девушку, похожую на мамочку, на

мамочку мою»[90]. Собственная мать Фробишера была доброй душой и бесконечно прощала миру его изъяны. Как бы Фробишеру жилось с такой женой? Но теперь уже поздно.

На шарманке сверху вместо обычной обезьянки сидела собачка, маленькая, вроде терьера, в неуместном костюме Пьеро, включая маленькую коническую шляпу, залихватски заломленную набок, — она удерживалась на голове резинкой. Фробишер вылез из машины. Собака бесстрастно смотрела на него. Невозможно было прочитать, что творится у нее в голове — в основном скука, подозревал Фробишер. Собаки редко обладают свободной волей, они постоянно во власти чужой прихоти. Не так уж отличаются от людей, если подумать.

Он начал день с Пьеро и, похоже закончит тоже с Пьеро. Судьба смеется над ним.

— Сколько за собаку? — спросил он у шарманщика.

— Она не продается.

— Все продается, — сказал Фробишер.

---

[90] Сноски: 90

«I Want a Girl, Just Like the Girl That Married Dear Old Dad» (1911) — песня Гарри фон Тильцера и Уильяма Диллона.

* * *

Когда он наконец добрался домой, Лотти удивила его солнечным настроением и *bouillabaisse*[91] на ужин. Фробишер совсем не любил рыбный суп, но очистил тарелку и попросил добавки, чтобы отблагодарить за перемену погоды в доме. Лотти уже приколола брошь к воротнику блузки.

– *Un oiseau bleu*[92], — сказала она, вжавшись лицом в его шею. Как хорошо на время освободиться от мыслей о Гвендолен Келлинг.

[91] Сноски: 91

Буйабес, сложный рыбный суп с морепродуктами и жареными овощами, — традиционное блюдо французской кухни.

[92] Сноски: 92

Синяя птица *(фр.)*.

Фрезии

Именно запах цветов вытянул Эдит из глубин, ошарашив сильно и неприятно, как нашатырный спирт. Эдит разделяла мнение матери о цветах, но сочла необходимым отблагодарить за приношение, слабо приподняв бровь. Фрезии лежали на подушке рядом с ее головой — неужели нельзя было придумать места получше. Найди вазу, ради всего святого, подумала она.

— Это ты? — прохрипела она.

(Разумеется, это был он.) Он сел на край койки Эдит, придавив ей ногу. Эдит попыталась поднять голову и не смогла. Она была ужасно слаба, словно из нее выкачали все соки. Губы потрескались и пересохли, жирные волосы, она знала, прилипли к черепу. Было унизительно, что ее выставляют напоказ в таком виде. Вот что плохо в больницах — любой может войти в палату и глазеть на тебя, когда ты в унизительном положении, выглядишь хуже некуда. Она неловко повернула голову, пытаясь уйти от тошнотворной приторной сладости фрезий, и тихо вскрикнула от боли — раскаленные иглы запульсировали в животе.

— Милая, тебе уже лучше?

Он очень давно не говорил ей ласковых слов. Должно быть, испугался, когда она постучалась в двери смерти. Что случилось бы, если бы они открылись и она переступила порог? Несомненно, она была бы осуждена за свои грехи. Не нашлась бы что сказать в свое оправдание.

— Я в порядке, спасибо, — пробормотала она. — Тебе необязательно было приходить.

— Конечно, я не мог не прийти. Ты мне очень дорога.

Дорога? Какое неправдоподобное слово для него. Просто нелепое.

Который час? Не слышно обычного фонового гула, сопровождающего часы посещений. Что, если ее родные застанут его здесь? Они сделают выводы. И будут правы. Он держал ее за руку, едва касаясь. Это было неприятно, и ей приходилось сдерживаться, чтобы не отдернуть руку, но он редко бывал нежен, поэтому она терпела. Она представила, как входит Нелли и видит их. Эта мысль вызвала у нее глубокое беспокойство. Она во многом призналась Нелли, пока они ехали в машине, но есть вещи, о которых ее мать никогда не должна узнать. Именно Эдит, а не Гвендолен Келлинг — причина падения дома Кокеров. Те-

перь Эдит может искупить свою вину, только предотвратив крах.

Лампы были зажжены, неприятные зеленые шторы на окнах — задернуты. Но занавески, отгородившие остальную часть палаты, раздвинуты. Любой может заглянуть. Эдит боялась, что снова появится Нелли. Да который же час? (И какой сегодня день?)

— Сейчас время посещений? — тревожно спросила она.

Нелли уже заглядывала, не придет ли она снова? Эдит надеялась, что нет.

— Нет, я заскочил по пути со службы домой. — У него есть дом и все, что с тем связано, но он редко упоминает об этом. Эдит знала, что у него недавно появился еще один ребенок. Плодовитая семья. Эдит однажды видела его жену на улице, под руку с ним, у входа в ресторан. Жена оказалась более привлекательной и менее затюканной, чем Эдит хотелось бы думать.

Как он прошел мимо старшей медсестры? Будь ты хоть самим королем, но если сейчас не время посещения больных, с трех до четырех, тебе укажут на дверь. Если только ты не Нелли, конечно.

Он рассмеялся:

— Сказал, что по служебному делу. Все равно

меня тут знают. Ты была без сознания какое-то время, врачи сказали, что ты тяжело перенесла наркоз. Заражение крови. Как же это случилось?

Вот, значит, что ему сказали? Нелли, должно быть, щедро одарила персонал.

— Неизвестно, — ответила Эдит. — Может, на ржавый гвоздь наступила.

Она никогда не расскажет ему правды.

Он заметно вздохнул, она видела, как он собирается с мыслями, — это была прелюдия к вранью. Она знала его.

— Ты ведь ничего не сказала? — спросил он как бы между прочим. — Пока приходила в себя? Люди, бывает, болтают при выходе из наркоза.

Она уставилась на него. Так вот почему он здесь? Не из заботы о ней, а чтобы убедиться, что она случайно не проболталась. Ей вдруг стало холодно. От запаха цветов ее затошнило, и она махала рукой, пока мужчина не схватил эмалированный тазик и не помог ей сесть. Ее вывернуло наизнанку.

— Ну ничего, ничего, — приговаривал он, растирая ей спину.

У него уже есть дети, напомнила она себе.

Что, если бы она и впрямь его заложила? Или сказала ему, что собирается? Сказала бы, что с нее

хватит его игр и она собирается его сдать? Что бы он тогда сделал? Ее мозг лихорадило. Она знала, что этот человек беспощаден, тем он ей и нравился, но что, если он обратит эту беспощадность против нее? Придется быть начеку. Эта мысль придала ей немного сил, и она сказала:

— Тебе лучше уйти.

— Скоро увидимся, Эдит. — Он клюнул ее в липкий лоб.

После его ухода ей стало легче. Вошла медсестра:

— Какие прекрасные цветы, мисс Кокер, я поставлю их в вазу.

Эдит все еще видела его в коридоре. Видела, как на него выскочила из засады одна из ночных медсестер, видела, как он включил шарм. Он не смог бы достичь своего нынешнего положения без шарма. Послышалась трель глупого смеха медсестры. Та сказала:

— А вы-то что здесь делаете? Неужели пришли нас всех арестовать, а, господин инспектор Мэддокс?

* * *

Мэддокс! Нелли так изумилась — а с ней это редко бывало, — что охнула вслух, отчего про-

ходящая мимо медсестра спросила, всё ли в порядке.

— Вполне, спасибо, — сказала Нелли.

— Вы кого-то ищете? — настаивала медсестра.

— Уже нашла, спасибо, — сказала Нелли, глядя в конец коридора, где находилась палата Эдит. Занавески были раздернуты (надо будет поговорить об этом с кем-нибудь), и Нелли все видела совершенно отчетливо. Медсестра задержалась — время посещений давно прошло, и ее смущало присутствие Нелли, но Мэддокс не единственный, кто умеет обойти правила. По опыту Нелли, новенькая фунтовая банкнота служит билетом на вход куда угодно (и на выход тоже). У нее в кармане шубки (соболиной) лежал целый ворох таких. Несмотря на все искусство портнихи с Чандос-плейс, даже она не могла скроить шубу так, чтобы Нелли не выглядела неким гигантским млекопитающим. («Бобр или очень крупная выдра, — сказала Бетти сестре. — Когда она умрет, эти соболя будут мои». — «*Если* она умрет», — ответила Ширли.)

Нелли жестом отпустила медсестру. Та обнаружила, что послушно удаляется, очарованная таинственной силой Нелли.

Эдит призналась матери, когда была при смер-

ти, на заднем сиденье «бентли».

— В грязном переулке? — сказала озадаченная Нелли. — Баба со спицей и ложкой?

А ведь на Харли-стрит прекрасные клиники, и можно было бы отвести Эдит туда. Чем она вообще думала?

Однако Эдит не призналась, кто отец.

— Кто он? — настаивала Нелли. — Он женат?

Но Эдит хранила молчание, а затем лишилась чувств, и Нелли осталась в неведении, а это было положение, в котором она не любила находиться. Мужчины никогда не увивались за Эдит. Она казалась маловероятной кандидатурой для страсти.

А вот теперь Нелли крадется на цыпочках, шпионя за собственной дочерью в надежде, что таинственный любовник покажет свое лицо. Это определенно задача не для наемного сыщика. Слишком личное.

Вот он, сидит на краю ее кровати у всех на виду. Мэддокс — Мэддокс, подумать только! — держит Эдит за руку, как обычный ухажер. Он встал, собираясь уходить, и Нелли скользнула из виду за ширму, хоть и успела увидеть, как Мэддокс наклонился и поцеловал Эдит на прощание.

Все время, пока Нелли была в Холлоуэй, Мэддокс

соблазнял Эдит. Эдит была ключом к империи Кокеров — поверни ее как надо, и откроется вход. Книги, деньги, связи, все устройство. Беременность была бы для него вишенкой на торте. Он завладел бы не только их тайнами, но и ее кровью, хотя это, по сути, одно и то же.

* * *

Мэддокс соблазнил Эдит. Эдит, самую надежную из ее детей. Эдит нужно вернуть в лоно семьи и защитить от Мэддокса, который, несомненно, использует ее в своих целях. Он уже причинил ей вред, сколько еще разрушений он может принести? Эдит, им всем.

Пускай Нелли разуверилась во всем — Бог, терпение, цветы, все это уже давно выброшено на обочину, — она еще верила в верность. Она всегда знала, что Мэддокс однажды предаст ее, в нем не было ни одной надежной косточки, но того, что он сделает именно такой ход, Нелли не ожидала.

Убедившись, что он ушел, Нелли направилась к «бентли», припаркованному в переулке, подальше от любопытных глаз.

— Домой? — с надеждой спросил Хоукер. Он рассчитывал сегодня закончить работу пораньше.

— Нет, высади меня у «Аметиста», — сказала

Нелли. Она стала бы бабушкой, если бы не вмешалась спица. От этой мысли ее замутило.

* * *

Прежде чем покинуть больницу, Нелли поймала молодую санитарку из ночной смены и велела ей задернуть занавески, отгораживающие Эдит.

— И фрезии эти уберите. Выбросите в мусор.

Санитарка не выполнила указания, а вместо этого в конце смены забрала цветы домой и отдала матери.

— Фрезии, — сказала та. — Какая прелесть.

И хоть мала, неистова она[93]

Утомленная и голодная, Фреда устало брела по негостеприимным улицам и в конце концов нашла убежище в неожиданном месте — в публичной библиотеке в Вестминстере. Должно быть, эту идею ей в голову заронил владелец кафе на Нил-стрит. («Эй, барышня, тут вам не библиотека».)

Сисси, конечно, когда-то предлагала Фреде устроить ее на работу в Йоркскую библиотеку через подругу, Гвендолен. Тогда Фреду передернуло от этой идеи, но теперь дело другое. Она с радостью весь день расставляла бы книги по полкам, если бы это означало, что в конце дня у нее будет еда и постель. Это не может быть хуже того, что случилось с ней в «Адельфи».

Фреда решила, что отдел справочников будет наилучшим убежищем, наугад взяла книгу с полок и села за отдельный стол, подсунув чемодан под ноги, чтобы не бросался в глаза. Пока ей удавалось избегать орлиного взгляда библиотекарей.

---

[93] Сноски: 93

У. Шекспир. Сон в летнюю ночь. Акт III, сц. 2. Перев. М. Тумповской (под заглавием «Сон в Иванову ночь»).

Она представила, как кто-то из них говорит: «Эй, барышня, тут вам не кафе» — хотя библиотекарь, вероятно, не сказал бы «эй». Гвендолен точно не сказала бы.

Вскоре к ней подошел пожилой джентльмен, и Фреда подумала: «Ох, ну вот» — либо ее сейчас выгонят, либо начнут приставать. Но старик наклонился к ней и тихо сказал, что заметил: у нее нет письменных принадлежностей, и не позволит ли она одолжить ей бумагу и карандаш, чтобы она могла делать выписки из книги?

Таким образом Фреда провела изрядную часть дня, вынужденно царапая по бумаге какую-то бессмыслицу — притворяясь, что делает выписки из книги под названием «Джейн. Справочник боевых кораблей»[94]. «Что еще за Джейн такая?» — думала она. Женщины обычно не интересуются кораблями вообще, а тем паче — боевыми. Что люди находят в книгах? Они такие скучные, хотя для греческих мифов она готова сделать исключение. Будь книги съедобными, насколько полезней они были бы!

Наконец на Фреду надвинулся мрачный библиотекарь, и она поняла, что ее время истекло,

---

[94] Сноски: 94

Справочник «Jane's Fighting Ships» ежегодно издается с 1898 г.; издание было основано Джоном Томасом Фредериком Джейном.

вздохнула и собрала пожитки. Добрый джентльмен все еще делал выписки из тяжелого и скучного на вид тома, и Фреда, проходя мимо, отблагодарила его маленьким реверансом. Он, вероятно, дал бы ей шиллинг, если бы она попросила, но тогда она почувствовала бы себя дешевкой. («Мы все дешевки в глазах богов», — сказал Дункан. «Это он про войну», — пояснила Ванда.)

Добрый джентльмен ответил на реверанс улыбкой и легким кивком, а затем протянул к Фреде руку, и она подумала, что, может быть, все-таки получит шиллинг, но нет, он полез ей под юбку костлявой старческой рукой. Не такой уж и добрый, оказывается! Фреда с отвращением стряхнула руку. Жаль, что она уже поставила на место «Боевые корабли», а то получил бы старикан по голове.

Иногда Фреде казалось, будто весь мир алчет откусить от нее кусочек.

* * *

Фреда двинулась обратно в знакомые окрестности Ковент-Гардена в надежде выпросить яблоко у какого-нибудь торговца.

Сама того не осознавая, она оказалась на Фрит-

стрит, у «Академии танцев Вэнбру». Рядом с танцевальной школой у Фреды задрожали ноги и заколотилось сердце. Мысль о случайной встрече с мисс Шербурн была невыносима. Мисс Шербурн действовала вовсе не в ее интересах. Скольких еще девушек она отправила на «прослушивание» в «Адельфи» или какой-нибудь другой театр? Фреда развернулась и убежала.

На Боу-стрит она прошла мимо огромного полицейского участка, занимавшего половину улицы напротив Королевского оперного театра. Надо бы сообщить об исчезновении Флоренс. У входа болтался полицейский в форме, довольно подозрительно, словно бы тайком, куря сигарету. Это придавало ему преступный вид. Фреда раньше не разговаривала с представителями власти и не была уверена, как к ним обращаться. Наконец она подошла, сильно робея, и сказала:

— Простите, сэр?

— Да? — огрызнулся он.

Она продолжила, несмотря на его грубость:

— Моя подруга пропала, и я подумала, не стоит ли кому-нибудь сказать. На случай, если с ней что-то случилось.

— Случилось?

— Ну, позавчера, кажется, она села в машину.

— Люди все время садятся в машины.

— Но она никого не знает в Лондоне.

— Откуда ты знаешь?.. — Но тут он отвлекся на человека, вышедшего из участка: одной рукой поспешно прикрыл сигарету, а другой слегка отсалютовал и сказал: «Сэр».

— Оукс, — буркнул тот в знак приветствия, спеша мимо. Но вдруг оглянулся и, приостановившись, посмотрел на Фреду. Она почувствовала, что подвергается инспекции.

— Все в порядке, сержант?

— Да, сэр, просто шлюха предлагает свой товар, — ответил тот.

— Полицейскому в форме возле полицейского участка на Боу-стрит?

Оукс рассмеялся:

— Они наглые, господин старший инспектор.

Тот человек, старший инспектор, снова двинулся в путь, снова поколебался, вернулся и, порывшись в кармане, достал полкроны. Протянул Фреде и сказал:

— Купи себе горячей еды.

И ушел так быстро, что она не успела даже поблагодарить.

Настроение Фреды поднялось от щедрого подарка, и она уже мечтала об отбивной или

пироге, когда сержант выхватил монету у нее из пальцев.

— Об этом можешь забыть.

Не думая, она бросилась за монетой, но он достал наручники и, снова смеясь, сказал:

— Арестовать тебя?

Фреда покачала головой («Соглашаться, а не нарываться», — напомнила она себе), и полицейский продолжал:

— Но если ты хочешь заработать, то я знаю способ. Ну, хочешь? Заработать?

Фреда всегда знала, что имеет цену, которую рано или поздно назначат, но не ожидала, что эту цену придется заплатить так скоро.

* * *

Флоренс! Это точно она! Фреда бродила по Грин-парку безо всякой цели, кроме как найти питьевой фонтанчик, — неизвестно, что убьет ее первым, жажда или голод, — когда заметила Флоренс. Только со спины, но Фреда была уверена, что это она — широкие, заметно сутулые плечи, тяжелая походка, вязаный берет.

— Флоренс! — заорала она. («Направляй голос!» — зазвучали в голове наставления режиссера «Сна в летнюю ночь».)

Снова: «Флоренс!» И снова. Прохожие оборачивались на Фреду, но ей было все равно. Ее было бы слышно в последних рядах партера и в райке тоже, но все напрасно. Плотная фигура продолжала двигаться вперед. Еще раз «Флоренс!» во все горло напоследок. Фреда охрипла, она ничего не пила с сегодняшнего утра, после того чая в кафе на Нил-стрит.

Она побежала, чемодан колотил ее по ногам, но все было тщетно. Казалось, она чуточку нагоняет, но рядом оказалась стайка дурачащихся мальчишек, и они побежали рядом, толкая Фреду, насмехаясь; она старалась не обращать на них внимания, но один из них подставил ей ножку, и она упала. Мальчишки, гогоча, убежали, а Фреда осталась сидеть с сильно ушибленным коленом. Она прикусила губу, чтобы сдержать слезы. Она не расплачется.

Когда она поднималась на ноги, рядом с ней появился еще один пожилой джентльмен — похоже, Лондон полон ими — и предложил помощь, но Фреда сбежала от него. Мало ли чего ему надо?

Флоренс и след простыл. Фреда теперь сомневалась, что это вообще была она. Должно быть, от голода разыгралось воображение. Неужели нет дна у пропасти, в которую падаешь духом?

* * *

После ухода из Грин-парка Фреда еще несколько часов бесцельно бродила по Сохо, уклоняясь от нежелательного внимания. Наконец, слава богу, большие часы над ювелирным магазином сказали ей, что время пришло. В общественном туалете на Пикадилли она поставила чемодан на крышку унитаза, сбросила дневную одежду и достала танцевальные туфли и любимое платье. Она уже начала вырастать из него, даже несмотря на то что в последнее время сильно похудела из-за вынужденной нищенской диеты. Это было, строго говоря, не платье, а костюм Душистого Горошка из «Сна в летнюю ночь». Фреде так полюбился блестящий зеленый наряд, что она тихонько сунула его в сумку после последнего представления. Без крыльев. Они не поместились бы в сумку. Она до сих пор жалела о них. Не совсем воровство — несмотря на бумажник мистера Птицесвиста и вишнево-красный кардиган из «Вязки», Фреда не была склонна к воровству. Нет, это тяга к красоте, а потому простительно.

«Привет тебе, смертный!»[95] Фреда сама доба-

[95] Сноски: 95

У. Шекспир. Сон в летнюю ночь. Акт III, сц. 1. Перев. М. Лозинского.

вила восклицательный знак и произнесла свою единственную реплику так звучно, что ее было слышно и в самом последнем ряду партера в театре Джозефа Раунтри, — во всяком случае, так утверждала Флоренс. Фреда дала ей две контрамарки, и она привела мать.

— Очень мило, — сказала миссис Ингрэм после. «Так хвалят, что лучше б ругали», по выражению Дункана.

Но в самом деле, где же Флоренс? Она исчезла так же таинственно, как возникла на пороге монастыря младенцем. Каким бы абсурдом это ни казалось, Фреда не могла отделаться от странного чувства, что Флоренс вернулась туда, откуда пришла. Следовало быть смелее, следовало пробиться в полицейский участок на Боу-стрит и рассказать им про Флоренс. Если она увидит того доброго полицейского, который дал ей полкроны (потеря этих денег все еще болезненно отзывалась в сердце), можно будет попросить его о помощи.

Когда девочки только приехали в Лондон, они проводили вечера в компании друг друга, бродя по экзотическим улицам Сохо, изумляясь разнообразию людей, магазинов и ресторанов. Подруги будто очутились не просто в чужой стране, а в сотне чужих стран одновременно. Они с удивле-

нием обнаружили, что в столице люди, кажется, только и делают, что пьют и танцуют, словно одержимые. Словно единый огромный безумный бал начинался, только стемнеет, под мостовыми столицы — лишь для того, чтобы рассеяться с рассветом.

«Как в стране фей», — сказала Флоренс. Флоренс хорошо разбиралась в феях, у нее была прекрасная иллюстрированная книга сказок братьев Гримм, которую Фреда часто листала ради картинок. Флоренс, склонная к полету фантазии, однажды утверждала, что видела фей у себя в саду, они прятались в кустах лавра. Возможно, ей стоит проверить зрение, предположила Фреда.

Флоренс просветила Фреду об этикете страны фей, которая, судя по всему, была очень пугающим местом, совсем непохожим на «Сон в летнюю ночь». Флоренс наставляла: «Когда ты в стране фей, там ни в коем случае нельзя ни есть, ни пить» (как будто Фреда планировала туда ехать). «Всегда будь вежлива и помни: все не то, чем кажется. Тебе подадут вино в хрустальных кубках и персики на золотых тарелках, но на самом деле вино — гнилая вода из болота, а персики — слизняки. И все золото и драгоценности — просто камни и пепел». Когда дело касалось

страны фей, Флоренс бывала весьма поэтична.

Девочки много размышляли о том, что происходит внутри ночных клубов Сохо. У Флоренс была своя версия, почерпнутая из познаний о стране фей, но Фреде клубная жизнь представлялась больше похожей на картинки горы Олимп в «Мифах Древней Греции для детей» — люди возлежат на кушетках, едят амброзию и пьют нектар, и кто-то играет на арфе.

* * *

Фреде нужно есть. Чтобы есть, нужны деньги. «Но если ты хочешь заработать, я знаю способ. Хочешь? Заработать?» — спросил противный полицейский сержант, отнявший у нее полкроны. Он достал блокнот и что-то написал, а затем оторвал страницу, сложил во много раз, так что она стала совсем маленькой, и сунул Фреде в руку, словно они играли в «Чепуху». «Это адрес, — сказал он. — Там есть люди, которые дадут тебе работу».

* * *

Фреда надела танцевальные туфли и накрасила губы, щурясь на свое отражение в маленьком,

покрытом пятнами зеркале над раковиной общественного туалета. Она вздохнула. Придется довольствоваться этим.

Стемнело, и после теплого дня быстро похолодало, но Фреда решила не надевать старое пальто, чтобы не портить впечатление. Прежде чем сложить пальто и запихнуть его в свой многострадальный чемодан, она выудила из кармана бумажку, врученную полицейским. Развернула и прочитала адрес. Тисбери-корт. «Номер 26, — написал он корявым почерком, — третий этаж, спросить матушку Уиберн».

Тисбери-корт был мрачный переулок между Уордор-стрит и Берик-стрит. Фреде несколько раз случалось срезать путь через него. «Матушка?» — размышляла Фреда. Этот титул приводил ей на ум Вдовушку Тванки[96] и Матушку Гусыню. Казалось маловероятным, что почтенная женщина станет жить в таком месте. В постановке «Дети в лесу», где Фреде случалось играть, Матушка Тротт была няня детей. «Полностью выдуманная, — сказал режиссер, — ее нет в оригинале, но нужно было впихнуть этого типа куда-нибудь».

---

[96] Сноски: 96

Вдовушка Тванки — традиционный персонаж британской рождественской пантомимы; обычно для дополнительного комического эффекта эту роль играет немолодой мужчина.

Ее — или его, Фреда никогда не была уверена, как именовать Матушку Тротт — играл крупный крепкий мужчина, который «подрабатывал» актерством, помимо бокса.

Последняя проверка в зеркале. Фреда скомкала бумажку, которую дал ей полицейский, и смыла в унитаз. Она утратила наивность и уже знала, что случится в доме на Тисбери-корт. Девушки в столице были разменной монетой, и Фреду будут покупать и продавать, обменивать снова и снова, пока она не утратит всякую ценность. Она выпрямила спину и задрала подбородок. Она не станет такой. Она препоясала чресла.

Страна фей

Рамзи, пройдя через еженощный сервис в кладовой у Геррита, двинулся проторенной тропой из «Сфинкса» в «Аметист». Он шел медленно, осторожно, чтобы не рассыпаться на части, пробираясь сквозь обычный строй уличных проституток и пьяниц.

Улицы скользили вокруг него. Нужно взять себя в руки, прежде чем он достигнет «Аметиста» и окажется под привычным материнским допросом. Позже Куинн обещал повести его в «катран» в Белгравии, там понадобится ясная голова.

С реки дул морской ветер, и Рамзи чудился запах соли с эссекских болот (возможно, и канализации тоже). Он заметил, что на него надвигается пара проституток, словно львицы, нацелившиеся на антилопу. Он попытался и не смог мысленно зафиксировать этот образ.

Обе уже далеко не первой свежести. У одной черные волосы, выглядящие так, будто она покрасила их гуталином. Другая — столь же неестественно рыжая.

— Привет, мой сладенький, — проскрипела

первая. — Что такой милый мальчик делает на улице в такую поздноту?

На рыжей был потрепанный мех, когда-то белый, а теперь пожелтевший и облезлый. Она рассмеялась и положила руку на локоть Рамзи.

— Не желаешь развлечься, котик?

— Чудесно провести время! — прокаркала другая, хватая его за свободную руку. — Бери нас обеих за пять шиллингов, если хочешь.

Женщина с гуталиновыми волосами стояла очень близко, и даже в тусклом уличном свете он видел серую кожу под глазами. Отвислые красные губы шевелились, как у трески, намереваясь поглотить его. Другая вцепилась в него, как особенно упрямая устрица. Наконец Рамзи вырвался из хватки гарпий и быстро пошел дальше не оглядываясь.

Уличные проститутки пугали его, они такие грубые создания, во всяком случае лондонские. Восток, конечно, другое дело — там одни соблазнительные гурии и одалиски. Однажды — как раз перед их отъездом из Эдинбурга в Лондон — в семью явился «брат» Нелли, Джеймс, морской капитан, очевидно («Так вот, значит, Эллен, я тебя нашел»), и весь вечер развлекал Рамзи похабными байками о своем пребывании в Шанхае,

пока Нелли укладывала девочек спать.

Она вернулась со второго этажа, когда капитан, в полнейшем ударе, описывал весьма подробно акробатические способности китайских «ночных бабочек». Нелли выгнала его и велела не возвращаться.

— Но кто-то же должен научить его быть мужчиной, — проворчал он, направляясь к выходу.

— У меня научится, — сказала Нелли.

— Что ж, похоже, ты не очень хорошо справляешься, — пробормотал он.

Больше они его не видели. Эдит сказала, что на самом деле он им никакой не дядя.

* * *

— Приветик.

О боже, только не это. Еще одна. Пять минут нельзя постоять без того, чтобы к тебе не подкатили. Эта была молодая, одетая в крайне странный наряд: полупрозрачное зеленое платье, покрытое блестками, оно смотрелось бы уместно в цирке. Зеленая фея, подумал он. *La fée verte*. Это напомнило Рамзи, как он любит абсент. Ох, сейчас бы абсента.

— Мужчина, угостите покурить, — попросила зеленая фея, приняв чрезвычайно неестествен-

ную позу и указывая на портсигар в его руке.

Она слишком молода, чтобы жизнь ее настолько потрепала, подумал Рамзи. Он подозревал, что девица прикидывается. При ней был чемодан. Она только что сошла с поезда и уже торгует собой?

— Волшебное слово, — сказал он.

— Угостите покурить, *пожалуйста*.

Он неохотно выдал сигарету и поднес огонек. Девица немедленно закашлялась.

— Турецкий табак, — сказал Рамзи. — Совершенно неподходящий для малолеток. До него нужно дойти постепенно, начинать с чего-то более мягкого.

Она сделала еще одну, менее амбициозную, затяжку и, подавляя кашель, сказала:

— Я не малолетка.

Протянула ему руку:

— Позвольте представиться: Фэй ле Монт. Это мое сценическое имя, — добавила она, как бы оправдываясь, при виде недоверчивого лица Рамзи.

Он с опаской пожал протянутую руку и сказал:

— Рамзи Кокер. Не сценическое имя, — добавил он.

— Вы из тех самых Кокеров? — спросила она с

энтузиазмом.

— Ну… — замялся он. Неужели ему суждено по гроб жизни быть замазанным дурной славой? Никогда не иметь собственной личности? Но — сценическое имя! Почему он не подумал об этом? Не столько сценическое, сколько псевдоним. Личность, никак не связанная с бизнесом его матери. Имя Кокер — синоним бесчестья, он никогда не сможет стряхнуть его и приобрести уважение в мире литературы. Что бы выбрать? Что-нибудь мужественное, например Джон Бьюкен. Что-нибудь загадочное. Рикар де Сен-Пьер, Жан Де Фламм. Так звали его учителя французского в школе. Они…

— Я все еще здесь, — сказала зеленая фея, затушив недокуренную сигарету каблуком серебряной танцевальной туфли. На вид точно такой же, как та, что он нашел в кладовой «Сфинкса».

Рамзи вздохнул:

— Чего тебе надо?

— Работу.

— Работу?

— Да, работу. Танцевать. Там, — сказала она, указывая на «Аметист». — Ну пожалуйста.

Нелли ни за что не возьмет ее. Она тощая, как беспризорник, полуголодная бродяжка.

— Когда ты в последний раз ела? — спросил он и, не дожидаясь ответа, снова вздохнул и, затушив сигарету, сказал: — Пошли.

* * *

В кабинете за будкой Нелли он увидел Китти: она развалилась на стоящем там диване и лениво листала журнал «Пикчер плэй». Рамзи ужасно хотелось присоединиться к сестре, но он уже был под игом Нелли, раз переступил порог клуба.

Мать была одета в странную конструкцию из перьев и бахромы. Ее портниха брала последние моды и приспосабливала их для фигуры Нелли.

— Королева пудингов, — говорила Бетти.

И у Бетти, и у Ширли были вечерние платья от всех лучших кутюрье Парижа. У Эдит тоже, кстати, хотя она никогда не умела их носить. Платья были «деловыми расходами», по словам Нелли, которая говорила, что девочки должны «выглядеть соответствующе», как если бы выступали на сцене.

— Потому что так оно и есть, — говорила Нелли.

* * *

Нелли подняла бровь, глядя на Рамзи:

— Кто это?

— Девушка, — сказал Рамзи.

— Я вижу.

— Она хочет работать хостессой.

— Вот как?

Нелли посмотрела на Фреду поверх очков и спросила у Рамзи:

— Сколько ей лет?

— Не знаю. — Он обратился к Фреде: — Сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

— Шестнадцать, — доложил он Нелли.

Нелли рассмеялась и продолжила накалывать счета на спицу. Фреда покосилась на Рамзи, глазами прося разъяснений. Он пожал плечами.

Наконец Нелли снова подняла взгляд и сказала Фреде:

— Как тебя зовут?

— Фэй. Фэй ле Монт.

Нелли презрительно расхохоталась:

— Тогда я королева фей. Как тебя на самом деле, дорогуша? Говори правду.

Рамзи знал по опыту всей жизни (буквально),

что невозможно солгать Нелли, когда на тебя направлен прожектор ее внимания, и Фреда сломалась, как многие до нее, и призналась:

— Фреда. Фреда Мёргатройд.

— Рамзи, отведи мисс *Мёргатройд* вниз, к Бетти. Посмотрим, что она скажет.

— Правда? — удивился Рамзи. Он ожидал, что мать отвергнет ее. Девчонка станет игрушкой там внизу, пойдет нарасхват, как те диковинные сувениры, что продаются в клубе.

— Да, правда, — сказала Нелли. — Нам не хватает хостесс.

— Как скажешь, мам.

— Именно. Кстати, твой друг пришел.

— Он мне не друг.

— Добро пожаловать в страну фей, — сказал Рамзи, отодвинув бамбуковый занавес и подталкивая девушку туда.

Она помедлила мгновение, но потом сказала «спасибо» и вошла в дверной проем, и «Аметист» поглотил ее.

* * *

— Куда ты собрался? — спросила Нелли, когда Рамзи вернулся, оставив Фреду в клубе.

— Выйти, — сказал он.

— Куда выйти?

— Никуда.

— Никуда? — повторила Нелли. — Должно быть, очень приятное место. Ты все время туда ходишь.

Рамзи вздохнул. «Неужели я обязан отчитываться перед матерью за каждое движение? Я вас умоляю, мне двадцать один год».

— Я встречаюсь с Памелой Бероун, — соврал он. — Веду ее на ужин.

— Куда?

— К Кеттнеру. — Он ел там на прошлой неделе и надеялся, что сможет вспомнить меню, так как мать наверняка допросит его позже. Из нее вышел бы детектив не хуже Мэддокса.

— Тогда шевелись, — сказала Нелли.

* * *

В назначенное время Рамзи взял кэб до Итон-сквера. Куинн уже ждал на ступеньках перед домом, яростно куря.

— Думал, ты не придешь, — сказал он.

— Я же не опоздал, — запротестовал Рамзи.

Куинн заметно и странно нервничал, дергая шнур звонка сбоку от парадной двери. Латунная дверная фурнитура была безупречно надраена,

черная краска блестела, как зеркало. На звонок открыл обычный невозмутимый мажордом. Неясно было, служит он дворецким в этом доме или его наняли на вечер. Он выслушал их имена, почти не реагируя, и потом не объявил об их приходе, а просто пошире открыл дверь, так что им пришлось самим пробираться вверх по лестнице в гостиную.

Дом был роскошный. Свернутые ковры на этот раз оказались персидскими, светильники на потолке — сияющими люстрами, а «карточный столик» — массивным обеденным столом из палисандра. В стороне стоял буфетный стол, щедро уставленный устрицами, фаршированными яйцами, икрой и муссом из лосося. По концам торчали большие серебряные ведерки с шампанским во льду.

Куинн все так же нервничал, — возможно, потому, что, похоже, не был знаком ни с кем из собравшихся вокруг буфета мужчин в вечерних костюмах. В предыдущих «катранах», где бывал Рамзи, присутствовали и женщины, придавая происходящему приятное оживление, но здесь компания была исключительно мужской. Не то чтобы негостеприимной, наоборот, все были чрезвычайно учтивы и умело вовлекали Рамзи

в ни к чему не обязывающую светскую беседу. В бокал ему постоянно подливал шампанского человек, который мог быть или не быть дворецким, так что к тому времени, когда наконец сели играть, Рамзи определенно захмелел.

Поверх полированной поверхности стола набросили сукно, и словно из ниоткуда появился профессионально выглядящий крупье и занял свое место. Рамзи впечатлился. «Интересные люди, довольно изысканная компания» — так Куинн заманил его, и Рамзи надеялся, что гламур игорного дома в Белгравии окажется как раз подходящим материалом для главы романа. Рамзи представлял себе, как Джонс, его детектив, проводит облаву в борьбе за добродетель именно в таком месте, по-валлийски неодобрительно глядя на показную роскошь. Рамзи почти наяву слышал, как на запястьях богатых бездельников со смачным звуком защелкиваются наручники.

Он занял место и огляделся в поисках Куинна, но тот куда-то подевался.

— Играем в *chemin de fer*[97], господа, — объявил крупье.

Рамзи впервые играл в «железку», как назы-

---

[97] Сноски: 97
Железная дорога *(фр.)*, также название карточной игры.

вали это окружающие, но суть игры оказалось удивительно легко усвоить, и он выигрывал значительно больше, чем проигрывал. Однако вскоре расклад изменился, и Рамзи начал проигрывать больше, чем выигрывал, хотя к тому времени уже настолько опьянел, что не всегда мог заметить разницу. Его, конечно, подставили, заманили, внушив, что он такой же хороший игрок, как остальные, если не лучше. Потом он задумался, не подмешали ли ему в напитки наркотик. Опьянение от шампанского было ему знакомо, но сейчас с ним творилось что-то другое. Словно его лишили свободы воли, словно он был марионеткой и кто-то другой вселился к нему в голову, дергая за ниточки, заставляя продолжать игру.

Вечер перестал быть томным, и Рамзи понял, что оказался среди стаи гиен, которые прикрылись вечерними костюмами и охотятся исключительно на него. (Где же Куинн?) Вскоре гиены сбросили цивилизованные маски, и атмосфера в комнате все сильнее походила на дикие джунгли по мере того, как росли долги Рамзи, — он подписывал векселя и долговые обязательства направо и налево. Он проиграл даже гравированный золотой портсигар, подарок матери на день

рождения.

И продолжал проигрывать, а кукловод в мозгу твердил: единственное, что остается делать, — безрассудно упорствовать, пока не придет нужная карта и он не отыграет все за один заход. Проклятие игрока.

В конце концов он задолжал огромную сумму — почти тысячу фунтов в общей сложности, выкуп за короля. Рамзи за всю жизнь неоткуда будет взять такие деньги. Цифр было так много, что они даже не казались всамделишными.

Он подумал, а нельзя ли просто встать из-за палисандрового стола и уйти — набросятся ли на него гиены? Но способен ли он даже ходить? Комната невыносимо вращалась, хотя он сидел. И даже если он уйдет, гиены выследят его, ведь правда?

Время двигалось вперед странными рывками, и вдруг комната опустела, гиены ушли. Почему они не потребовали с него долги перед тем, как разойтись? Причина открылась. Не гиена вовсе, а змея, гладкая жирная королевская кобра поднялась, раскручивая кольца, из кресла в темном углу комнаты. Змей. Неужели он там был с самого начала?

Змей заговорил.

— Ты знаешь, кто я? — Казалось, его забавляло невежество Рамзи. — Меня зовут Аццопарди.

Змей представился театрально, почти как фокусник на сцене. Он походил на разжиревшего Рудольфа Валентино.

— Ты довольно безрассудный игрок, Рамзи. — Незнакомец говорил с сильным акцентом, но очень правильным для иностранца языком. — Ты будешь рад узнать, — продолжал он, — что я взял на себя твои долги.

Взял на себя его долги? Что это значит?

— Это значит, — сказал Аццопарди, — что теперь все, что ты должен, ты должен мне и только мне. И я с сожалением обязан предупредить, что, если выплата не будет своевременной, начнут набегать проценты. Я свяжусь с тобой по этому поводу.

Он достал из кармана золотой портсигар Рамзи и вернул ему.

— Обращайся с этим поосторожнее, — сказал он. — Твоя мать была бы очень разочарована, если бы узнала, что ты проиграл его в карты.

Динь-динь!

Эдит провела неделю в больнице, прежде чем вернуться в лоно семьи. Со вчерашнего дня она лежала у себя постели, на верхнем этаже дома на Ганновер-террас, и раздражительно выздоравливала. Нелли плотно укутала ее простынями, пытаясь обездвижить, — точно так же, как пеленала во младенчестве, превращая в маленькую забинтованную мумию. В Эдит с рождения была какая-то неуемность, будто ничто не приносило ей полного довольства. Теперь ей дали колокольчик, чтобы звоном вызывать помощь, и дом уже устал от этого шума.

— Не страдалица, а скандалица, — проворчала Бетти.

— Хитро, — сказала Ширли.

Вопреки всему (скарлатина, корь, легкие, как мехи у гармошки, война, рыбьи кости), Нелли еще не потеряла ни одного ребенка и не собиралась начинать сейчас. Эдит следовало починить, снова сделать целой, во всяком случае насколько возможно. Для этого наверх бесконечно таскали говяжий бульон, теплую тюрю из молока с

хлебом и холодные молочные кисели. Дешевле вышло бы купить корову, сказала кухарка.

Когда случилась беда с Эдит, Нелли первым делом решила, что это Мод пытается отомстить. Теперь, когда Эдит пошла на поправку, Нелли опасалась, что покойница предпримет дальнейшие попытки, потому что она проявлялась теперь почти каждый день. Иногда казалось, что ее что-то рассмешило, иногда — что рассердило, но обычно у нее на губах играла загадочная улыбка: она трудно поддавалась расшифровке, но словно указывала на секрет, который Мод еще не была готова раскрыть. Нелли подумывала провести сеанс экзорцизма. Она предвидела, что это будет весьма истощительно как в смысле усилий, так и в смысле кошелька.

— Иду гулять в парк, — сказала она кухарке, хотя ту передвижения Нелли совершенно не касались.

— Никогда не видела, чтобы она так много гуляла, — сказала кухарка, обращаясь к Филлис. — Должно быть, что-то неладно с ней, раз ей на месте не сидится.

— Тюрьма такое творит с человеком, — со знанием дела сказала Филлис.

* * *

Динь-динь.

Прекратит ли Эдит когда-нибудь трезвонить? Рамзи поднимался и спускался, принося и унося для нее всякое, уже столько раз, что сбился со счету. Нелли ушла и поручила ему «приглядывать» за больной, но сколько же можно ей прислуживать. Бетти и Ширли тоже ушли — увиливая от своего долга перед сестрой, — а Китти нельзя подпускать к больным. Рамзи подозревал, что Эдит гоняет его просто так. Из всех них обычно именно Эдит начинала скучать первой. Что о многом говорило, учитывая высокую конкуренцию в семье по этому признаку.

Первый раз Эдит позвала его, чтобы попросить «маленькую чашечку чая», которая и была должным образом доставлена. Через полчаса она попросила еще одну «маленькую чашечку чая». Почему нельзя было попросить большую с первого раза?

Он пытался писать, но шансов не было, так как приходилось все время таскать туда-сюда то-сё для капризной Эдит. В порыве щедрости Рамзи предложил почитать ей, но она отмахнулась, словно он предлагал что-то предосудительное.

Вместо этого она решила донимать его, заставляя приносить бесконечный поток еды, с которым даже ресторан с трудом бы справился. Две *слегка* поджаренные и *густо* намазанные маслом сдобные лепешки. Кусок ветчины. Есть ли холодная курица? Маринованная луковица, маринованное яйцо. Книга, журнал, «Радио Таймс», пазл. Хлеб с соком от жареного мяса! Кухарка уже начинала бунтовать. («Вот предупрежу об уходе, и ничто мне не помешает, знаете ли».)

Конечно, Эдит ничего нельзя было есть, кроме жидкой каши и размоченного хлеба, Нелли запретила, и Рамзи отчасти сочувствовал сестре за то, что ей хотелось вкусненького. Он помнил швейцарский санаторий, где кормили превосходно — бесконечные кружки какао, миски жирного супа, тарелки местного сыра и ветчины. Обильная еда помогла ему, а значит, и Эдит пойдет на пользу. А чем скорее она поправится, тем скорее перестанет нуждаться в обслуживании.

Старший инспектор-детектив Джонс двигался по улицам Сохо. Крадучись? В самом слове «крадучись» звучит что-то преступное, верно? Может быть, он полицейский и одновременно преступник.

Это возможно – взять хоть Мэддокса.

Динь-динь.

Рамзи всего десять дней как начал работать над своим *magnum opus*[98], но чувствовал, как творческий порыв угасает, приходя приступами и рывками с бесконечными паузами между. Его мучила тоска. Неужели люди действительно занимаются этим всю жизнь? Каждый день?

Клавиши пишущей машинки злобно смотрели на него. Напирай, не сдавайся.

«Эпоха блесток» быстро стала неуправляема. Да, она задумывалась как детективный роман, но одновременно и «острый как бритва взгляд, вскрывающий нравы различных слоев общества, по которому прокатились разрушения войны». (Рамзи был не лишен амбиций.)

— Хм, — сказала Ширли. Как неприятно: Ширли, обычно горячая сторонница брата, нашла что покритиковать. — Неужели это обязательно, пытаться впихнуть туда *все сразу*? Может, просто развивать дальше идею трупа на тротуаре? Мне она довольно-таки понравилась. А ты эту часть еще даже не написал.

---

[98] Сноски: 98
Большой труд, главное произведение *(лат.).*

— А может, добавить еще и любовную линию? — сказала Китти, хватаясь за сердце и притворяясь, что падает в обморок. — У тебя кто-нибудь должен в кого-нибудь влюбиться.

— Нет, не должен, — сказал Рамзи. — Хуже этого ничего не может быть.

Но потом задумался: возможно, стоит ввести романтический элемент? Он привлечет к роману совершенно новую читательскую аудиторию (женщин). Как бы подойти к этому? У него нет опыта ни в любви, ни в романтике. Женский пол кажется ему непривлекательным, но, если вдуматься, это из-за жизни с прохиндейками-сестрами. Такое отпугнет кого угодно, не говоря уже о человеке с «душой художника», по лестному выражению Ширли.

Динь! Динь!

Великим писателям не приходится работать в таких условиях. У великих писателей есть жены, ограждающие их от мирских забот. Может, то же самое нужно и Рамзи, но на ком он мог бы жениться? Большинство знакомых ему девушек похожи на Памелу Бероун, — ужасные создания, они станут только мешать, а не помогать.

Конечно, у брака с Памелой Бероун есть большой плюс — она неприлично богата, так что это

решило бы его финансовые трудности и он мог бы выплатить Аццопарди ни с чем не сообразную сумму долга. Всплыло нежеланное воспоминание о «катране» в Белгравии и было тут же подавлено. Прошла неделя с того кошмарного вечера, а Аццопарди все еще не явился за долгом. Рамзи надеялся, что, если продолжит игнорировать проблему, та просто исчезнет.

Если (когда) он прославится, люди будут толпиться в книжном магазине Хатчарда, чтобы купить его последний бестселлер *(У вас есть новый Рамзи Кокер? Я слышал, это просто гениальная вещь)*, он будет независим, у него появятся собственные деньги, приличный доход, а не еженедельная милостыня, выдаваемая Нелли из прибыли клубов. Достаточно денег, чтобы оторваться от завязок материнского фартука. Впрочем, он не мог припомнить, чтобы мать когда-нибудь носила фартук. («В Холлоуэй, — сказала она, — каждый чертов день».)

К раздражению Рамзи, оказалось, что у него осталась последняя сигарета. Он потребил целую пачку с завтрака — курение, как он обнаружил, действительно помогает творить.

В столовой стояла большая алебастровая шкатулка с сигаретами, и, вернувшись в тысячный

раз из кухни, куда передавал последние требования больной («яичницу-глазунью, чтобы желток был все еще жидкий»), Рамзи остановился пополнить запасы.

Он не мог не заметить разнообразные бумаги, разложенные на обеденном столе. Поверенный Нелли приходил сегодня и провел с ней больше часа наедине. Поверенные стояли едва ли не первыми в списке (очень длинном) вещей, наводящих на Рамзи скуку, но, проходя мимо, он рассеянно взглянул на стол. *Последняя воля и завещание Эллен Макдональд Кокер*. О, это совершенно не скучно, даже наоборот.

Они все знали, что мать составляет новое завещание почти каждую неделю, под настроение — добавляет приписки, вычеркивает наследников, придумывает новые дары, сводит старые счеты, — но на деле никто никогда не видел ни одного из этих документов. Правду сказать, дети иногда задавались вопросом, не придумала ли мать завещание, чтобы держать их под каблуком. Китти, например, она регулярно обещала лишить наследства.

И вот теперь тут лежит одно из тех мифических завещаний, напоказ, без охраны. Не ловушка ли это? Рамзи слышал, как Нелли ушла, но вдруг

она специально оставила завещание здесь, чтобы искусить сына? И стоит ему туда заглянуть, она тут же выскочит из укрытия и поймает его с поличным.

«Черновик» — гласила титульная страница, так что, предположительно, документ принесли сегодня на Ганновер-террас для окончательного одобрения. Очень осторожно Рамзи поднял и перевернул страницу.

Клубы предстояло разделить между Нивеном и Эдит, в то время как Бетти и Ширли должны были получить по десять тысяч каждая, а Рамзи и Китти — жалкую тысячу. (Его поставили вместе с Китти? Как будто они равны в глазах матери?) Такая несправедливость подкосила его. Неужели мать действительно так сортирует своих детей? Требует от них абсолютной верности, но не дает ничего взамен! Он схватил горсть сигарет из алебастровой шкатулки и сердито вышел из комнаты.

— Яичница холодная, — сказала Эдит.

Все еще кипя, он вернулся к «ремингтону» и сделал большой глоток хлородиновой микстуры

доктора Коллиса-Брауна[99] из бутылки, которую держал под рукой.

Была ночь, и газовые фонари мерцали. Угроза зла лежала на улицах, как темная вуаль. (Вообще-то, это действительно довольно-таки неплохо.) **Внезапно**

Динь-динь-динь!

О боже милостивый! Он был готов задушить Эдит. Интересно узнать, каково это — убить человека, но Рамзи боялся гнева матери, не говоря уже о том, чтобы «поцеловаться с петлей» — как выразился бы Джонс, — если бы его за это осудили.

Он закрыл дверь в свою комнату. Уши тоже закрыл. А больная пускай провалится к черту.

Джонс понял, что должен вернуться

---

[99] Сноски: 99

Микстура Коллиса-Брауна — хлородин, самое знаменитое патентованное лекарство в Британии. Хлородин был изобретен как средство от холеры доктором Джоном Коллисом-Брауном (1819–1884), британским армейским врачом, служившим в то время в Индии. Позднее широко использовался для лечения поноса, бессонницы, невралгии, мигрени и проч. Был весьма сильным средством, так как представлял собой смесь лауданума (спиртовой настойки опия), каннабиса и хлороформа. В XX в. каннабис постепенно исчез из рецепта, а количество опиатов было снижено. Современный вариант продается под названием «Микстура Дж. Коллиса-Брауна» и содержит морфин и мятное масло.

в Тонтон, если хочет узнать больше. Он сверился с настенными часами. Если он поторопится и по пути не будет пробок, он сможет успеть на поезд четыре пятнадцать. Это будет

Боже, какая скука. Имеет ли значение, что он не проверил расписание поездов? Сколько народу знает, есть ли поезд в четыре пятнадцать до Тонтона? Только жители Тонтона, а их наверняка слишком мало, чтобы беспокоиться по этому поводу. Когда «Эпоху блесток» опубликуют, думал Рамзи, автора завалят письмами от «Обеспокоенного из Тонтона», с обличениями неточностей, но их, вероятно, можно будет безопасно игнорировать. Его издатель, кто бы он ни был, вероятно, разберется с любыми жалобами.

Рамзи достал портсигар и наполнил его новыми сигаретами. Вид дорогого золотого портсигара снова напомнил об игорном притоне. Это воспоминание вызывало постоянный фоновый гул тревоги в мозгу.

Джонс охотился за одним из подручных Реджи Данна, беспородной дворнягой по имени Греш. Путь к Данну лежал через Греша, а путь к Грешу, рассудил

Джонс, лежал через его возлюбленную, даму несколько облегченного поведения, известную под именем Лили Бенсон и обычно находившуюся дома, в квартире над пабом «Карета и лошади» на Олд-Комптон-стрит.

Он сделал Греша мальтийцем. Раз уж подвернулся Аццопарди, почему бы его не использовать.

Китти ворвалась в комнату и затанцевала кругом, хихикая, как злобный дух.

— Тебе нечем больше заняться?

— Нет. — Она читала через его плечо: — «Старший инспектор Джонс не был устойчив к чарам красивой женщины». В отличие от тебя, Рамзи, ты устойчив…

— Заткнись, Китти. — Рамзи бросил в нее карандаш. Промахнулся, конечно, и она вытанцевала из комнаты.

Джонсу пришлось позвонить в дверь несколько раз, прежде чем Лили наконец открыла. Она притворилась удивленной: «Батюшки-светы, да это мистер Джонс, давненько не виделись, аж с утра». Лили была блондинка с ми-

лым детским личиком, которое портил жесткий взгляд. Она вся состояла из изгибов и одевалась так, чтобы подчеркнуть каждый из этих изгибов. Однако голос у нее был хриплый. (Это хорошо!)

– Чем могу служить, инспектор?

– Для вас я старший инспектор-детектив, Лили.

– Тогда для вас я мисс Бенсон. Чего надо?

– Видели своего дружка Греша в последнее время?

– Сто лет не видела, инспектор. Мы не ладим.

– А как насчет того вашего клуба, Лили? Того, где вы хостесса?

– Вы имеете в виду «Изумруд»? Я думала, что…

– Мы…

Дверь в комнату Рамзи распахнулась. Господи боже, ну что еще?

В комнату, задыхаясь, влетела маленькая судомойка Филлис и выкрикнула:

— Скорей вниз… там мисс Эдит!

— Что с ней?
— Она мертвая, мистер Кокер.

Фробишер раскованный

Фробишер стоял перед дилеммой с тех пор, как Гвендолен Келлинг переехала в квартиру над «Хрустальной чашей». «Над лавкой», — говорила она; эта фраза, как и многое другое, казалось, забавляла ее. Как теперь встречаться с Гвендолен, когда она уже не в «Уоррендере»? Она, конечно, больше не может навещать Фробишера на Боустрит, кто-нибудь обязательно заметит — там все-таки полно преступников (по обе стороны решетки). Вести о ее визитах тут же дошли бы до лагеря Кокеров. Он также не может заглядывать к ней в новое жилище, ведь его, несомненно, увидит кто-нибудь из Кокеров или их подручных.

Они договорились общаться письменно. В квартире над «Хрустальной чашей» был телефон, но Фробишер ему не доверял — что, если это спаренная линия? И кто знает, может, Кокеры прослушивают? Такое случалось. Буфет на вокзале Паддингтон предложила Гвендолен.

— Там мы должны быть в безопасности, — сказала она. — Не думаю, что Кокеры вообще ездят на поезде, и еще они довольно территориальны. За

исключением своего дома, они почти не бывают за пределами Сохо. У них дом на Ганновер-террас, у Риджентс-парка, — вы знаете?

Он знал. (Конечно знал! Она что, думает, он совсем растяпа?)

— Я попытаюсь добиться приглашения, — сказала она беспечно.

— Пожалуйста, не надо, — сказал он. Дом на Ганновер-террас был самым сердцем улья. — Это слишком опасно.

— Не думаю, что Нелли убьет меня за послеполуденным чаем.

— Я бы не был так уверен. Вы называете ее Нелли? — спросил он удивленно.

Это обращение казалось очень фамильярным для такого недолгого знакомства. Может, ее уже охмурили? Фробишер боялся за Гвендолен не столько из-за самих Кокеров, сколько из-за того, что она может поддаться их уговорам. Ему вспомнился «Потерянный рай» — в школе их заставляли зубрить большие куски. Сатана в образе змея, ищущий Адама и Еву, или, возможно, только Еву: «Наметив их добычею себе, / Искал во всех полях он и беседках…»[100] Фробишер не

---

[100] Сноски: 100

Джон Мильтон. Потерянный рай. Перев. Н. Холодковского.

любил Мильтона как поэта и подозревал, что тот был бы неприятен ему и как человек, но восхищался упорством, которого требовал такой грандиозный замысел.

Она рассмеялась:

— Боже мой, нет, только про себя. Всегда «миссис Кокер». Она любит формальности. На самом деле очень строго к ним относится.

Он заметил, что она взглянула на «Миррор», лежащую на столе перед ним, — он нелепо рано явился на утреннюю встречу и праздно просматривал газету, чтобы скоротать время. Заодно он хотел посмотреть, нет ли чего-нибудь о пропавших девушках, но они редко попадали даже на внутренние страницы, не говоря уже о первой полосе. Он смутился и сказал:

— Я обычно не читаю этот бульварный листок.

— Конечно нет, инспектор, — поддразнила она. — Я уверена, вы любитель «Таймс».

От прилавка принесли чай с невзрачной булочкой «Челси». Булочку инспектор взял для Гвендолен, но она заставила его разрезать угощение пополам и половину вручила ему. Он не привык делить еду, это занятие казалось ему пугающе интимным. Фробишер был единственным ребенком; он полагал, что это объясняет многое

в его характере.

Буфетные комнаты оказались необычайно шумным местом для тайного рандеву. Фробишер представлял, что у них будет тихий *tête-à-tête*[101], но против них сговорились лязг посуды и столовых приборов, шипение и визг перегруженного титана с кипятком и прибытие и отправление поездов с соседней платформы, и вся эта какофония время от времени прерывалась оглушительным свистом паровоза, выпускающего пар. Приходилось повышать голос.

— Это потрясающе увлекательно, — сказала она без видимой иронии.

— Правда? — с сомнением отозвался он. — Что именно?

— Тайная встреча. Как шпионы. Знаете, «Загадка песков» или «Тридцать девять ступеней»[102]. — Она откусила большой кусок от своей половины булочки. Она все делает с таким энтузиазмом, неужели ищет развлечения во всем?

---

[101] Сноски: 101

Букв. голова к голове *(фр.)*; разговор с глазу на глаз.

[102] Сноски: 102

«Загадка песков» (1903) — шпионский роман Эрскина Чайлдерса, экранизирован уже в 1979 году. «39 ступеней» (1915) — шпионский роман Джона Бакена, первый из цикла о Ричарде Ханнее, неоднократно экранизированный; самая известная экранизация — Альфреда Хичкока (1935).

Фробишер задумался, каково это — так легко ступать по жизни. Неужели ее, в отличие от столь многих, не охладили утраты и лишения? Но, конечно, он ничего о ней не знает. Она библиотекарша, вот и всё.

— Вы кого-нибудь потеряли на войне? — вдруг неожиданно для себя выпалил инспектор. Вот что бывает, когда ты плохо обучен искусству светской беседы, с сожалением осознал он.

Она одарила его долгим, тревожно прямым взглядом, и на мгновение он подумал, что она не собирается отвечать, но тут она сказала очень буднично:

— Всех, инспектор, — и вернулась к булочке. Закончив, стряхнула крошки с рук. — Вы не спросили о моем новом жилье.

«Более безопасная тема для разговора, чем война (или нет?)», — подумал он и послушно спросил:

— Как ваше новое жилье?

— Оно розовое! — объявила она, смеясь. — Все розовое, даже ковер.

— Розовый ковер?

— Да, представьте себе. И даже не ковер, а ковролин, такая новинка. Нелли сама оформила интерьер и очень им гордится. Сомневаюсь, что

такая обстановка пришлась бы вам по вкусу.

— Вы беретесь судить о моем вкусе, — сказал Фробишер.

— Мне кажется, я знаю, что вам по вкусу, — сказала она весело. — И очень сомневаюсь, что вы склоняетесь к розовому.

* * *

Гвендолен собиралась работать на Нелли Кокер всего неделю, но неделя уже прошла, и Фробишера беспокоило, что Гвендолен вроде бы не намерена возвращаться домой. Но она запротестовала, что еще не выполнила свою миссию.

— Фреда и Флоренс, — добавила она, словно он нуждался в напоминаниях.

— Я не забыл о них, — сказал он чопорно, обиженный тем, что она могла подумать, будто он забыл.

Она убедила его дальше расследовать дом на Генриетта-стрит, где, по ее словам, Фреда и Флоренс жили до исчезновения. (Она была очень довольна своей детективной работой. Чрезмерно довольна, по мнению Фробишера.) Он добросовестно откомандировал Кобба в пансион расспросить о девушках.

Кобб сообщил, что эта линия ничего не дала. Он

«немного осмотрелся», но не нашел ничего подозрительного в помещениях на Генриетта-стрит, а хозяйка — некая миссис Дарлинг — решительно отрицала, что девушки когда-либо жили под ее крышей.

— Вы ведь не возвращались туда? — спросил он.

— Конечно нет.

— Потому что вам не положено ходить и допрашивать невинных людей.

— Я не уверена насчет «невинных», и с этим домом что-то не так. — Гвендолен вернула чашку на блюдце с несколько излишней силой. — Вы должны пойти туда сами, — настаивала она. — У вас наверняка лучше нюх на злодеяния.

— Вы пытаетесь лестью побудить меня к действию, мисс Келлинг?

— Нет! Я никогда не льщу, если могу этого избежать, — сказала она со смехом и после паузы добавила: — Знаете, я бы хотела, чтобы вы называли меня Гвендолен.

— И тогда вы стали бы называть меня Джон?

— Нет, — твердо сказала она, качая головой. — Вам это не подходит. Думаю, я стала бы называть вас Фробишер. Я и без того вас так называю, в мыслях.

— Правда? — Она думает о нем, когда его нет рядом? В мыслях? Это волновало.

— Хотя…

— Хотя?

— Мне в целом нравится «инспектор». Выпьем еще чаю, и я расскажу вам, что выведала о клубах Нелли.

Проводником в подземном мире Кокеров для нее служил Рамзи Кокер, младший сын, пояснила она. Как Вергилий для Данте. «Хрусталька», сказала она (снова раздражающая фамильярность, отметил он), похоже, самый элитарный из всех клубов Нелли, с большим отрывом. Загибая пальцы, Гвендолен сказала, что встретила как минимум двух судей, двух кабинет-министров, трех членов парламента, четырех пэров и англиканского архидиакона — и всё за одну неделю!

— Только мужчины? — спросил Фробишер.

— Нет, конечно, многие были с женами.

— Но многие другие — нет?

— Как в любом лондонском клубе, — сказала она. Она защищается, подумал Фробишер. Или противится, он не был уверен.

— Должно быть, вас не удивит, если я скажу, что не любитель клубов, — сказал он.

— Действительно не удивит, инспектор.

Что касается других клубов — «Сфинкс», сказала она, «странный», в «Фее» «довольно мило — очень хорошие сэндвичи», а в «Лисьей норе» — «энергичная атмосфера». Рамзи, второй сын, — «мечтатель, кажется младше своего возраста». Бетти и Ширли она встречала только мельком (похоже, они всюду ходят парой) и пока не смогла составить о них мнение. Еще одна сестра, Эдит, «побывала при смерти», по словам Нелли, и все еще прикована к постели. Самая младшая из всех, Китти, ужасно страдает от недостатка внимания.

— А старший сын, Нивен? Что он собой представляет?

— О, я с ним едва знакома, — небрежно сказала она и добавила, обмахиваясь рукой: — Ужасно жарко тут, правда?

— Правда? Боюсь, я мерзляк, — сказал он без иронии. — А что же «Аметист», мотор, приводящий в движение машину империи?

«Аметист» не поддается описанию, сказала Гвендолен, или, во всяком случае, его нельзя описать одним словом. «Бурлящий», если уж нужно ровно одно. Фробишер усомнился в пригодности этого слова, оно казалось слишком лестным. «Аметист» — единственный клуб, в котором

Гвендолен побывала как гость («по вашей просьбе, напомню»), и это позволило ей увидеть его совершенно под другим углом.

— Там весело, понимаете? — сказала она. (Инспектор, по ее мнению, явно не понимал.)

— Там застрелили человека, — напомнил Фробишер. — Для него не очень-то весело.

— Ну хорошо, весело до этого момента, — уступила она. — Вы спрашивали в больницах? Нашли его? Альдо?

— Нет, но у этих банд часто бывает врач на жалованье. Обычно из лишенных лицензии. А что насчет Нелли Кокер? Есть ли у вас хоть намек на что-нибудь, что позволит водворить ее в Холлоуэй, где ей самое место?

— Простите, ничего. Но я буду настойчива. А вы, в свою очередь, должны дальше искать Фреду и Флоренс. — Таково было соглашение, сказала она. Фробишер возразил, что не помнит никакого такого соглашения, и она ответила: «Похоже, у вас очень плохая память». Значит, не лесть, а принуждение.

— Вы не съели свою половину булочки, — сказала она. — Можно мне ее?

* * *

— А что насчет девушек? — спросил он.

— Танцевальных хостесс? Они, кажется, довольны жизнью, во всяком случае, те, кто работает в «Хрустальной чаше», — определенно. Милые девушки, никаких подозрительных дел я не видела. Им хорошо платят, но на самом деле они работают за чаевые, весьма существенные.

— А как насчет вас, мисс Келлинг, вы работаете за чаевые? — спросил Фробишер, наблюдая, как она доедает булочку «Челси».

— Нет, — сказала она. — Я работаю на вас. Помните?

— Опять же меня, кажется, подводит память. Я готов был поклясться, что вы работаете исключительно сами на себя.

* * *

Фробишер не мог не сравнить энергию Гвендолен с вялостью Лотти. Как обычно, сегодня утром, пока он вставал и собирался, жена лежала в постели. Что она делает после того, как он уходит на работу? Остается в этой позиции весь день, поднимаясь только вечером, перед тем как

муж возвращается домой? Раз или два, когда он приходил, она все еще была в ночной рубашке. Он не комментировал. Он обыскал дом в поисках шприцев и наркотиков, но ничего не нашел. Конечно, это не значит, что их нет. Лотти, как он узнал за годы, более чем способна на хитрость.

Он вздохнул, и Гвендолен спросила:

— Инспектор? Что-то не так?

— Вовсе нет, мисс Келлинг.

— Гвендолен, — напомнила она ему.

— Гвендолен, — эхом отозвался Фробишер с некоторым колебанием.

Имя неловко задержалось на языке, но она, казалось, не заметила. Хватит уже ходить вокруг да около, подумал он. Как там у Шекспира? «Натяни арбалет решимостью, подкрути колки да хорошенько прицельсяя»[103]. Но это ведь леди Макбет говорит, верно? А она вряд ли тот персонаж, у которого можно искать советов по обращению с женщинами.

Он снова вздохнул, набрался духу и сказал:

— Гвендолен?

— Да, инспектор?

Он выдавил из себя:

---

[103] Сноски: 103

У. Шекспир. Макбет. Акт I, сц. 7. Перев. А. Чернова.

— Хочу кое-что спросить у вас.

— Спрашивайте, инспектор. Я вся внимание.

— Я хотел бы сделать вам приглашение.

— Приглашайте, — сказала она.

Он рассказал ей о недавно купленном автомобиле и спросил, не хочет ли она поехать с ним на прогулку.

— Безусловно, — сказала она.

— Правда?

— Конечно. Вы ожидали, что я откажусь?

— Видимо, да. Когда вам будет удобно?

— Ну, сегодня у меня выходной день или, возможно, лучше сказать, выходная ночь. Следующий только через неделю. Но конечно, вы вряд ли сможете прогулять работу без предупреждения.

Он помедлил, прежде чем сказать:

— Мой прогул не будет проблемой. — А затем: — *Carpe diem*, мисс Келлинг!

— Гвендолен.

— Гвендолен!

Наконец-то он заискрился.

* * *

Когда они покидали вокзальный буфет, инспектор велел ей идти первой и сказал, что последует

отдельно.

— Плащ и кинжал, — сказала она. Слишком радостно.

— Вряд ли, — сказал он. — Просто здравый смысл.

Наверно, я самый скучный человек в мире, подумал он. И решил, что это не исключено.

С безопасного расстояния он наблюдал, как она садится в такси, болтая с водителем, словно они старые друзья, и снова позавидовал ее непринужденности.

Инспектор подождал, пока такси отъехало от тротуара, и лишь тогда вышел из здания вокзала на площадь. Он приехал не на машине, так как слегка робел из-за оживленного движения вокруг Паддингтона. Ему нужна открытая дорога, чтобы полностью освоиться с «остином». И она у него будет. Он был в эйфории — Гвендолен приняла его приглашение. Он заметил трамвай, приближающийся по другой стороне дороги, и пустился в погоню, воодушевленный успехом и слишком счастливый, чтобы заметить, что за ним наблюдают.

В парке

Нелли невозмутимо сидела на скамейке у лодочного пруда в Риджентс-парке со свежей неразвернутой газетой «Экспресс» на коленях. Нелли не делала попыток раскрыть ее и прочитать, а просто тихо сидела, словно созерцая пруд. Никакой наблюдатель не смог бы проникнуть во внутреннюю работу ее мозга. Впрочем, никто на нее и не смотрел. Женщина пятидесяти с лишним лет, в повседневной унылой одежде еще более невидима, чем библиотекарша.

Через некоторое время на скамейку рядом с ней сел мужчина, но ее спокойствие не поколебалось. Этот человек тоже, казалось, не находил ничего интереснее, чем следить за движением весельных лодочек по воде. Нелли бросила на него кратчайший взгляд. Без формы он был незначителен: птица, лишенная оперения.

Нелли пробормотала в его сторону, как искусный чревовещатель:

— Ну что, сержант, у вас доклад для меня?

Каким подарком был сержант Оукс. Когда Нелли выпустили из тюрьмы Холлоуэй, он упал к

ее ногам, как спелая слива с дерева, предлагая быть ее информатором. За регулярное вознаграждение он будет «присматривать» за новым старшим инспектором. Фробишер — угроза для Боу-стрит, сказал сержант, — намерен нарушить счастливый баланс, существующий между правоохранителями и правонарушителями. Ночные клубы Сохо, сказал он, не одиноки в своей настороженности по поводу Фробишера, его сослуживцы испытывают тот же трепет. Конечно, Нелли точно знала, что задумал Оукс. Его послал Мэддокс — шпионить за ней, а не для нее. Они оба, должно быть, думают, что она выжила из ума. Этот человек — идиот, и Нелли была уверена, что сможет использовать его в своих интересах против Мэддокса. Вдобавок Оукс регулярно докладывал ей о действиях Фробишера. Какие же дураки Мэддокс и его прихвостень.

— Вы должны гарантировать, что никто не узнает о нашей маленькой… — Она подыскивала правильное слово.

— Договоренности? — подсказал Оукс.

— Да, нашей договоренности. — На удивление подходящее слово, подумала Нелли. Именно этим она всю жизнь и занимается. Договаривается.

* * *

Няни совершали обход парка. Маленькие мальчики пускали парусные кораблики в воды пруда, гребцы на лодках гребли, а Нелли оставалась столь же безмятежно неподвижной, как великие статуи Будды в восточных храмах. (Она когда-то хотела открыть клуб в этом стиле.)

— У меня для вас наводка, — сказал Оукс. — Сегодня вечером будет облава на «Лисью нору». Вам нужно будет задраить люки пораньше.

— Спасибо, сержант Оукс. Я ценю, что вы мне это сообщили, — сказала Нелли. — Вы определенно стоите своих денег.

Он ведется на лесть. Мэддокс, должно быть, организовал облаву нарочно, поняла Нелли, просто чтобы Оукс мог предупредить ее об этом и доказать свою надежность. Неужели он действительно думает, что может запудрить ей глаза?

Она положила «Экспресс» рядом с собой на скамейку.

Они посидели, глядя на воду. Ни малейший ветерок не волновал гладкую поверхность. Нелли знала, что в прошлом веке здесь случилась катастрофа. Озеро замерзло на зиму, а потом лед треснул и сотни конькобежцев провалились в

воду. Многие утонули. Отсюда можно извлечь мораль, не так ли? Насчет скольжения по тонкому льду. Нелли, будь осторожна!

На другой стороне лодочного пруда показался Ландор. Этот человек возникает повсюду. Нелли нахмурилась, глядя на него. Он действительно ни уха ни рыла не смыслит в маскировке. Она взглянула на Оукса, но тот, казалось, ничего не заметил.

Нелли, опираясь на трость, поднялась на ноги. Пора двигаться, у нее много дел. Она ушла, не попрощавшись с Оуксом. Ландор слегка кивнул ей через пруд, приветствуя. Она проигнорировала и его тоже.

Она регулярно встречалась с Ландором, обычно в маленьком садике, отделяющем Ганновер-террас от конюшен на задах, где стоял «бентли». Здесь Нелли была в безопасности от всех любопытных глаз, кроме Хоукера. Хоукеру было приказано игнорировать эти встречи, несмотря на то что он мог наблюдать их совершенно ясно из своего окна, когда мыл немногочисленные кастрюли и сковородки после ужина.

Ландор — еще одна спелая слива. Наемник, готовый следовать за тем, кто больше платит. Наемники в Лондоне попадаются на каждом углу,

они — отбросы, оставленные войной, но Ландор — особенный. В нем нету страха.

Нелли сделала его своим сторожевым псом, поручив защищать семью, сторожить, рыскать по крысиным норам Сохо, выискивать любые крупицы разведданных, какие удастся найти. И (может быть, главное) — информировать саму Нелли о действиях мисс Гвендолен Келлинг.

Нелли знала: мисс Келлинг нанял Фробишер, чтобы втереться в их жизнь. Знала с самого начала. Одна из «Сорокá воровок» заметила Гвендолен на заднем сиденье машины вместе с Фробишером у Холлоуэй утром освобождения Нелли. Воровка рассказала Агнес, а та оповестила Нелли из тюрьмы через свою племянницу, Филлис, маленькую судомойку.

Нелли предполагала, что именно Фробишер велел Гвендолен Келлинг прийти в «Аметист» шпионить за ними. Как повезло Фробишеру, что Гвендолен смогла помочь с раненым человеком Фраццини, Альдо. Это обеспечило ей отличную визитную карточку. Если бы Пьеро не выдал под пытками причастность Мэддокса, почти можно было бы подумать, что всю эту заварушку как-то сорганизовал Фробишер, чтобы ввести Гвендолен в их сферу.

Ландор знает, с какой стороны его хлеб намазан маслом, в отличие от Оукса, который желает, чтобы ему намазали с обеих сторон и еще варенья сверху положили. Не то чтобы Нелли полностью доверяла Ландору, но она вообще никому полностью не доверяет. Зачем?

Ландор и Оукс обходятся ей в целое состояние — при таком темпе, если кому-то и удастся ее свергнуть, в казне империи мало что найдется.

Направляясь обратно к Ганновер-террас, Нелли обнаружила, что весь этот обман ее весьма воодушевляет. Она предвкушала то, что ждет впереди.

Аццопарди ошибался, думая, что Нелли недостаточно голодна.

Она собралась пировать.

* * *

Эдит, конечно, не умерла. Было бы обидно, подумала Нелли, так упорно бороться за спасение старшей дочери, только чтобы потерять ее из-за обжорства. Маринованный лук — чего же она ожидала? Нелли кипела. Эдит много недель почти ничего не ела из-за своего состояния и потом из-за операции, а теперь при первой возможности начала жрать все, что не приколочено, при пособничестве этого идиота Рамзи.

По-видимому, Эдит спустилась на кухню, чтобы объесться еще сильней, и в этот момент, сообщил доктор, у нее упало давление («нагрузка на желудок»), и она потеряла сознание у подножия кухонной лестницы, создав полное впечатление, что упала с лестницы и сломала шею. Когда Нелли услышала диагноз «обжорство», у нее отлегло от сердца. Это точно не могла подстроить Мод. За Эдит нужно внимательно следить, и не только за ее диетой. Она не будет в безопасности, пока рядом Мэддокс. Он запустил в нее когти на всю длину и все еще держит. Нелли хотела бы посадить дочь под замок. Вместо этого Эдит отругали и вернули в спальню, выдав коробку жевательных мясных кубиков Бранда, чтобы заткнуть рот.

* * *

Слова «однодневная поездка» внезапно всплыли в голове Нелли. Она не могла вспомнить, когда в последний раз ездила куда-нибудь на день. Ее вдруг потянуло в Брайтон — пирс, павильон, послеполуденный чай в «Гранд-отеле». Можно было бы прогуляться по набережной, выйти на пирс и столкнуть Мод с самого конца, вернуть ее в воду.

— Я бы поехала в Брайтон, — сказала Нелли Хоукеру, неуклюже забираясь в «бентли».

— Правда? — заметно удивился шофер.

— Да, правда.

— Сейчас?

— Нет, не сейчас. Ты садишься в машину или нет?

— Простите, миссис Кокер, — сказал Хоукер, удивленный неоправданной резкостью ее тона. Он счел необходимым указать, что, вообще-то, он уже в машине.

«Она не в своей тарелке с тех пор, как вышла из Холлоуэй», — сообщил он позже своей дочери, а та ответила, что *ее* он никогда не возил в Брайтон. Она была ворчунья, но отец любил ее. Она сказала, что отец, когда перестанет работать, может переехать к ней в Клеркенвелл.

— Я не к вам обращаюсь, — сказала Нелли Хоукеру. Она смотрела, как Мод подбирает мокрые шелка и залезает в машину рядом с ней.

«Она испортит кожаные сиденья „бентли“», — подумала Нелли.

* * *

— Ну что, Нелл, у тебя, значит, есть план? — спросила Агнес.

— Может быть.

— Я удивлена, что ты так скоро сюда верну-

лась. Очень мило с твоей стороны — зайти меня проведать.

Нелли не побаловала себя однодневной поездкой в Брайтон — совсем наоборот, она отправилась в Холлоуэй. Брайтон может подождать, когда под угрозой все ее существование.

— Ну, мы же кореши, скажешь — нет? Как же тебя не навестить.

Нелли поразила мысль, что старая сокамерница и впрямь самое близкое подобие друга, какое у нее есть. Кое-кто мог бы впасть в уныние от такого факта, но Нелли стало легче. Ей хватало обязательств перед детьми, чтобы еще взваливать на себя дополнительное бремя дружбы.

— Принесла тебе коробку конфет, лакричное ассорти, — сказала она. — Отдала надзирательнице, той, с лицом уродливого мопса.

— Эдна. Мне их теперь не видать.

— Еще как видать, — сказала Нелли с похвальной уверенностью. Фунт на лапу и знание, где живет мать Эдны, — достаточно, чтобы конфеты попали по адресу. Кнут и пряник — краеугольные камни, на которых Нелли построила и бизнес, и семью.

— Подмазать меня хочешь, а? — рассмеялась Агнес. — Все равно спасибо, Нелл. Как там наша

Филлис?

— Хорошо, — сказала Нелли. — Маленькое сокровище.

Филлис, племянница Агнес, выразила странное желание жить праведной жизнью, и теперь Агнес была в долгу у Нелли, пристроившей девочку на Ганновер-террас. Конечно, Нелли вряд ли соответствует общепринятому определению праведности, но все относительно. Родная мать Филлис, сестра Агнес, виртуозно ворует в магазинах. Все ее родные — умелые воры.

— Ну, ты же знаешь, мы благодарны тебе за то, что взяла Филлис, — сказала Агнес. — Бог знает, что бы с ней иначе случилось. Могла и ссучиться, с нее сталось бы.

— Итак, — сказала Нелли, когда с любезностями было покончено, — наверняка ты слышала кое-что по тюремному телеграфу.

— Ты ведешь двойную игру с Мэддоксом и его шестеркой.

— С сержантом Оуксом, — подтвердила Нелли.

— Полицейский-Хохотунчик. Мерзкий тип.

— Это точно. Я надеюсь подставить ножку Мэддоксу, когда он сделает свой ход. — Нелли поерзала на стуле. — Агнес, кто такой Аццопарди?

— А, да, старый Джо Спитери. Я слыхала, что он

вернулся. Сначала не усекла, что это он, погонялото он сменил, — конечно, это было еще до тебя.

— Да, но кто он?

— Если бодягу не разводить, то вор, во всяком случае, был до войны. Он, Спитери, в свое время прославился — лазил по водосточным трубам, по крышам, в таком духе. Форточник.

— Ну, сейчас он уже в форточку не пролезет.

— Любил брать у богатых, но не отдавать бедным. Подламывал шикарные хаты в Мэйфере, в Белгравии. Отели тоже. «Риц». Кажется, еще «Браунс» и другой — «Горинг».

— «Горинг»?

— Там у Спитери — Аццопарди, или как там его теперь — и вышел прокол. Он положил глаз на цацки бабы американского нефтяного миллионера. У одного из шестерок миллионера была пушка, он и засмолил Аццопарди, только в руку, а потом цирики отеля его повинтили. Он собирался на последнее дело сходить, а потом завязать. Никогда не называй дело последним, Нелл. Накличешь беду. В общем, его взяли, судили, дали срок. Я удивилась, когда он снова всплыл. Совсем про него забыла. Ходил звон, что он весь хабар зажучил где-то, но так и не смог забрать. В основном сверкальцы, с большого дела в «Ритце».

— Драгоценности?

— Да, драгоценности. Бриллианты, рубины, изумруды.

— Аметисты, — едва слышно пробормотала Нелли.

— Да, они тоже. А чего тебе до него, а, Нелл?

* * *

Время посещения закончилось внезапно, как обычно, и Нелли тяжело поднялась с неудобного стула для посетителей.

— Ну, приятно было повидаться, Агнес. Ты скоро выйдешь. Приходи в «Аметист» отпраздновать. Шампанское за мой счет.

Она помедлила.

— Что-то нужно, Нелл?

— Ищу подкрепление.

— Людей Фрацини тебе мало? — рассмеялась Агнес. — Тебе нужно, чтобы половина Лондона была на твоей стороне?

— Нужна армия, — сказала Нелли.

— Погляжу, чо как, — сказала Агнес.

* * *

— В «Аметист»? — спросил Хоукер, когда Нелли

устроилась на заднем сиденье «бентли».

— Нет, сначала в «Лисью нору». Надо предупредить их, что сегодня вечером будет облава.

— Хорошо.

По дороге Нелли размышляла. Ей не нравилось, когда ее заставали врасплох. Аццопарди охотится не за ее клубами, теперь она это понимала. Он ищет мести.

Пирог со свининой

Как только Нелли ушла, сержант Оукс подобрал со скамейки оставленную газету, развернул и, похоже, очень заинтересовался сегодняшними новостями. Чуть погодя он ловко извлек из газеты небольшой конвертик и переложил в карман пиджака. Можно не смотреть, он и так знал, что там лежат две пятифунтовые купюры. Десять фунтов. Каждую неделю, обещала Нелли Кокер. Скоро он сможет купить дом. Да что там, целую улицу.

Теперь он служит двум господам. Он был очень доволен собой. Забавно, что на Боу-стрит никто не подозревает. Старый добрый сержант Оукс, Полицейский-Хохотунчик, всегда готовый протянуть руку помощи, взять на себя самую тяжелую работу: «Да, сэр, нет, сэр, слушаюсь, сэр». Хо-хо-хо, хи-хи-хи. Они увидят его в совершенно ином свете, когда он и Мэддокс вышвырнут Нелли Кокер из ее так называемого королевства.

Он смеялся всю дорогу до дома. И там оставался в превосходном настроении, осушив подряд четыре бутылки пива. На закуску он двинул кулаком в лицо жену, когда она спросила, где он был.

Разбил ей губу. И обещал добавить, если ужин не будет на столе сию же минуту.

* * *

После ужина Оукс снова вышел. У него была назначена еще одна встреча, на этот раз в пабе в Фицровии. Там он подсел к стойке бара рядом с мужчиной, перед которым стояли пирог со свининой и пинта темного пива.

Мэддокс завербовал Оукса в свой план несколько месяцев назад. Чтобы отжать клубы Нелли, нужен будет надежный адъютант. Со всем, что он задумал, в одиночку не управиться.

Оукс звезд с неба не хватал. Он показал себя чрезвычайно полезным — не было пределов глубинам, до которых он был готов пасть, — но Мэддокс уже начал подозревать, что Оукс может стать и колоссальным источником головной боли. Однако покамест Оукс находился в идеальной позиции: он может сообщать о делишках Нелли, а взамен скармливать ей безвредную дезинформацию, чтобы она не путалась у них под ногами, пока они под нее подкапываются. Капитан взял Оуксу виски.

— Очень вам благодарен, сэр.

— И ты зуб даешь — она ни ухом ни рылом, что

мы ей горбатого лепим? — спросил Мэддокс.

— Старая курица свихнулась на этом непонятном Аццопарди, больше ничего не рюхает.

— Ты сказал ей про сегодняшнюю облаву в «Лисьей норе»?

— Ага. Она была очень благодарна за предупреждение, сказала, что я «стою своих денег».

— Хорошо. Что-нибудь еще?

— Фробишер послал Кобба на Генриетта-стрит, принюхаться. Он сказал, что ищет двух мочалок. Миссис Д. его отфутболила. «Ничего подозрительного не заметил», — сказал Кобб. Я спросил его — вскользь, так сказать. У парня в голове пердеж вместо мозгов. А потом…

— Что за две мочалки?

Оукс снова заглянул в свой блокнот:

— Флоренс Ингрэм и Фреда Мёргатройд. Ингрэм пропала. Не только Фробишер наводит справки, маленькая Фреда тоже про нее спрашивала.

— Эта Фреда, — задумчиво произнес Мэддокс, — она мешает?

— Если начнет — мы это порешаем, сэр. — Оукс хихикнул. — Эту девку найти проще простого. Она хостесса в «Сфинксе». О, а можно мне снова одолжить вашу машину, сэр?

Оукс мысленно пнул себя за постоянное «сэр».

Вне полицейского участка он предпочитал видеть себя и Мэддокса как равных, партнеров по грандиозному плану — обставить Нелли Кокер.

— У меня груз, который нужно доставить на запад. А потом забрать.

— Пора тебе завести собственную машину, Оукс.

— Ну, я скоро смогу себе позволить целый автопарк, ведь правда, сэр?

(Еще один пинок.)

— Возможно, если бы ты не играл так много, Оукс, она у тебя уже была бы.

— Ничего плохого нету в том, чтобы поставить денежку на кон, сэр.

(Пинок, пинок, пинок.)

Мэддокс допил пиво.

— Домой к жене, сэр? — спросил Оукс. — К старой сатане.

По мнению Мэддокса, Оукс становился слишком фамильярен. Мэддокс побаивался, что сержант начинает самовольничать, вместо того чтобы просто выполнять приказы.

Капитан бросил горсть монет на стойку бара и встал, собираясь уйти, но Оукс сказал:

— Погодите, сэр. Кое-что еще. Лакомый кусочек от миссис Дарлинг. Одна из дочерей Нелли,

старшая…

— Эдит?

— Да, она самая. Она тоже навестила нашу миссис Дарлинг.

Мэддокс нахмурился:

— Навестила? В каком смысле?

— Ну, вы поняли. Нуждалась в услугах старой вороны. Сучка Кокер избавилась от своего щенка, так сказать. После, видать, чуть не откинула копыта. Даже миссис Д. забеспокоилась. Вам нехорошо, сэр? Вы что-то побледнели.

Когда Мэддокс ушел, Оукс наложил лапу на пирог со свининой.

— Не пропадать же добру, — весело сказал он, подмигнув барменше, и откусил огромный кусок.

Pour le sport[104]

Гвендолен на удивление быстро освоилась в новой роли. Нелли оказалась права — чтобы управлять ночным клубом, на самом деле нужно лишь умение упорядоченно мыслить и справляться с кризисными ситуациями. Кризисы были мелкими («Нет пудры в дамской комнате!»), но частыми («Шампанское кончается!» — посетители клуба выпивали невероятное количество шампанского) и не шли ни в какое сравнение с тем, чтобы, например, удержать в живых умирающего. Правда, у Гвендолен возникала куча вопросов к Рамзи: «Неужели у нас действительно такая наценка на пиво?» (да), «Можно заказать мыло получше для дамской комнаты?» (нет, Нелли покупает его оптом) — и так далее. Казалось, Рамзи смешит то, что Гвендолен всерьез вознамерилась установить в клубе порядок, как на флоте.

Единственной неприятностью до сих пор был вывих лодыжки у одной из танцовщиц из-за неуклюжего партнера. Гвендолен наложила ей

---

[104] Сноски: 104
Забавы ради *(фр.)*.

повязку и прописала стакан виски. В остальном она была довольна своей новой работой. Она могла только гадать, что бы подумали об этом мисс Тейт, мисс Роджерсон и мисс Шоу. А что касается мистера Поллока, если бы он увидел Гвендолен в роли хозяйки ночного разгула, у него, вероятно, взорвался бы мозг.

Танцовщицы были приятные девушки, легко и непринужденно управлялись с клиентами и в конце вечера, кажется, стремились в собственные постели, а не в постели мужчин, которые платили им за танцы. Гвендолен подозревала, что в других клубах, особенно в «Сфинксе» с его стигийской аурой, дела могли обстоять иначе. «Не греческий, а египетский», — сказал Рамзи, когда показывал ей клуб. Рамзи много распространялся о проклятии Тутанхамона — неужели он верит в эту чушь?

Вчера Гвендолен получила свое первое жалованье за неделю. Рамзи принес ей толстый конверт с наличными — в десять раз больше, чем ей платили в библиотеке. («Вы удивлены? — спросил Рамзи. — А почему, вы думаете, люди работают на мою мать?»)

Гвендолен почему-то казалось, что нехорошо оставлять себе эти неправедно нажитые богат-

ства, она не нуждалась и потому вчера впервые после «инцидента с сумочкой», как она теперь думала о том происшествии, вернулась на Риджент-стрит и тихо передала деньги слепому корнетисту. Его репертуар за все это время не стал ни капли веселее.

Она помогла ему спрятать деньги во внутренний карман пальто — оставить их в футляре для инструмента значило открыто пригласить воров. Он был ужасно благодарен, почти потрясен. В конце концов она помогла ему упаковать корнет, и они вместе пошли в ближайшее кафе пить чай, и она узнала, что его зовут Герберт, но он любит, чтобы его называли Берт, и что до войны он играл в танцевальных оркестрах на больших океанских лайнерах, закончив на «Мавритании». Гвендолен подумала, не привести ли его на борт своего собственного корабля, «Хрустальной чаши». Она предположила, что такие решения нужно согласовывать с Нелли. И возможно, его меланхоличный настрой будет неуместен в танцевальном оркестре «Хрустальки». Тамошние музыканты были веселой компанией, не склонной к рефлексии (и правильно).

Учитывая новые часы работы Гвендолен (как не похоже на расписание библиотеки!), у нее

появилось время на поиски своих потерянных овечек, но пока ей не удалось ничего найти. Она соврала Фробишеру: на самом деле она снова ходила на Генриетта-стрит, но попытки поговорить с жильцом ни к чему не привели. Почти против воли она пошла посмотреть «Зеленую шляпку». Она не спрашивала Фробишера, а пошла одна, надеясь, что, вопреки всему, Фреда каким-то образом появится на сцене. Но ее там не было.

Овечки упорно оставались потерянными, и, исходя из принципа, что отсутствие новостей — хорошая новость, Гвендолен не сообщала о своих безрезультатных поисках в Йорк.

После того первого светского визита (или, точнее, инспекции) хозяйка больше не появлялась на квартире Гвендолен. Задачу обучить Гвендолен клубному протоколу переложили на Рамзи. Однако он относился к поручению с удивительным безразличием. Он с некоторой гордостью признался, что пишет роман. Младший Кокер был зеленый, почти наивный, но Гвендолен невольно прониклась к нему симпатией: в ней пробудилась старшая сестра.

Обо всем этом она должным образом докладывала Фробишеру в чайных комнатах Паддингтонского вокзала.

Она вернулась с Паддингтона еще до полудня и успела обдумать наряд для дневной прогулки. Ее приятно удивило приглашение Фробишера: очень славно будет вырваться из копоти лондонских улиц, а еще лучше — вырваться из нее с Фробишером. Хотя, конечно, приятнее всего — в превосходной степени — было бы поехать с Нивеном. От него не было ни слуху ни духу с тех пор, как она приступила к работе в «Хрустальной чаше». («Шляется, как блудливый кот», — сказала Нелли.) Гвендолен была разочарована, но в то же время испытывала облегчение. У нее стальной хребет, но у Нивена — магнит. С таким мужчиной у нее не могло выйти ничего хорошего. Одни разрушения.

Платье с матросским воротником, решила она, хоть они и не собирались на воду. Французской сини с ослепительно-белой отделкой. И новая соломенная шляпа.

* * *

— Надеюсь, вы не в самоволке, инспектор, — сказала Гвендолен, забираясь на пассажирское сиденье.

— Совсем наоборот, — ответил он. — Я сказал в участке, что буду отсутствовать до конца дня по

полицейским делам.

— Значит, я — полицейское дело?

— Именно так. Вы информатор, мисс Келлинг.

Гвендолен почувствовала, что ее коробит от этого слова. Оно наводит на мысли о доносах. Даже о наветах. И все же ничего не поделаешь, инспектор прав.

— Во имя высшего блага, — успокоил он ее, хотя и довольно напыщенно, по мнению Гвендолен. Казалось, его постоянно беспокоила мысль, что Кокеры каким-то образом совратят ее на откровенный грех. Возможно, он религиозен? Может, в этом все дело? Или он — Робеспьер, сражающийся за чистоту революции?

Нелли Кокер была для Фробишера *bête noire*[105], а может, белым китом, которого он решил преследовать до самой смерти. Стоит ли она и впрямь того, чтобы ее гарпунить? Она развратила полицейский участок на Боу-стрит, сказал он. Она развращает всех, кого касается. «Только не меня», — весело заверила его Гвендолен.

На этот раз они встретились на Кингз-Кросс, — возможно, в конце концов они переберут все основные лондонские вокзалы. Фробишер подъ-

---

[105] Сноски: 105

Букв. черный зверь *(фр.)*; заклятый враг.

ехал на стоянку для такси, не глуша мотор, и Гвендолен запрыгнула на пассажирское сиденье.

— О боже, у вас собака! — Гвендолен не сразу заметила пса — тот притаился на заднем сиденье, ожидая, когда его заметят. Теперь он сел и с надеждой посмотрел на Гвендолен. Та наклонилась и почесала его за ухом. — Какой милый малыш. Что за порода? Фокстерьер?

Фробишер оглянулся через плечо и вопросительно посмотрел на пса. Пес вроде бы ответил таким же взглядом.

— Я не думаю, что он какой-то определенной породы, скорее дворняга, — сказал инспектор.

То, что у Фробишера есть собака, добавило ему глубины в глазах Гвендолен. Он не производил впечатления собаковладельца. Она вспомнила немецкую овчарку, которая была с Нивеном в день их первой встречи. Казалось, та отражала характер своего хозяина, как это часто бывает у собак. Она решила, что Фробишер совсем не похож на маленького милого терьера.

— Как его зовут?

Фробишер ответил не сразу. Неужели он не знает имени собственной собаки?

— Пьеро, — сказал он наконец, словно придумав это на ходу.

— Пьеро? — удивилась Гвендолен. — Он не похож на Пьеро. Мне кажется, он скорее Гвоздик, Клякса или Огурчик.

— Не я его так назвал, — сказал Фробишер и, прежде чем она успела спросить, кто же тогда, продолжил: — Надо ехать. На нас надвигается разгневанный таксист. Кажется, мы заняли его место.

* * *

Фробишер составил список мест, куда можно было бы поехать на его новом автомобиле, но, забравшись в машину, Гвендолен сказала:

— Инспектор, я подумала — может, съездим в Оксфорд? Это не слишком далеко для вас?

— Оксфорд? — Он удивился. — Нисколько. Город дремлющих шпилей[106]. Оксфорд так Оксфорд.

Он все еще искрится, отметила она. (Продолжай в том же духе, Фробишер!)

Путь на запад от города в равной степени захватывал и пугал. Фробишер оказался склонен к лихачеству, но при этом, похоже, никогда не обучался водить и имел весьма смутное представ-

---

[106] Сноски: 106
Цитата из стихотворения Мэтью Арнольда «Тирсис» (1865).

ление о том, как устроен автомобиль. Почти все время, пока они ехали через Чилтернские холмы, Гвендолен мрачно цеплялась за сиденье автомобильчика. («Максимальная скорость сорок миль в час, мисс Келлинг!») Трудно было не сравнивать водительские навыки Фробишера и Нивена, который управлял прекрасным, экстравагантным автомобилем с такой непринужденной легкостью. Нивен явно вошел в эпоху автомобилей и освоился, а Фробишер — нет.

Гвендолен также не могла не сравнивать свои чувства с тем, что испытывала бы, сидя рядом с Нивеном в «испано-сюизе» и пролетая через милые тихие деревушки. А что ждало бы в конце пути? С Фробишером это будет чай и экскурсия по колледжам; с Нивеном, подозревала она, было бы нечто совершенно иное.

Фробишер довольно робко назначил ее штурманом, вручив карту автомобильных дорог Великобритании, составленную Ассоциацией автомобилистов (и опубликованную, как заметила Гвендолен, ее старым знакомым Бартоломью).

— Когда-то я была гёрл-гайдом, — успокоила она инспектора. — Может, у меня и нет чувства направления, но карту я читать умею.

Они остановились пообедать в Амершеме —

приличные мясные пироги и пинтовые кружки сидра в саду, под открытым небом. Собака сидела у их ног и была вознаграждена сосиской с кухни паба.

После обеда они отправились на прогулку по полям, любуясь деревьями в юной листве и упитанными ягнятами. Собаку держали на веревке, чтобы она не пугала ягнят. Когда опасность миновала, пса отвязали, и он ринулся, как выпущенный на свободу узник. Он не просто бегал, но безостановочно катался по траве в приступе возбуждения.

— Он городской пес, — сказал Фробишер. — Как и я теперь.

— Я думаю, из меня вышла бы очень хорошая деревенская жительница, — сказала Гвендолен.

Может быть, подумала она, ее будущая жизнь должна протекать не в Йорке и даже не в Лондоне, а где-нибудь в густой зелени сельской местности. Соломенная крыша набекрень, куры пасутся на обочине проселочной дороги. Шест для фасоли, увитый вьюнком с алыми цветами, и пьянящий аромат желтофиолей на клумбах. Колышущиеся поля, рощи, тенистые леса, и через них бегут журчащие ручьи с чистой сладкой водой. Гвендолен совсем увлеклась этой буколической идиллией.

При некотором напряжении ей почти удалось представить Фробишера в хижине с ветхой соломенной крышей, но Нивен решительно не желал туда. Даже в садовую калитку не проходил. Хватит уже сравнивать их, упрекнула она себя. Фробишер никогда не выигрывал в этом сравнении, хотя на самом деле должен был бы.

Он удивил ее, признавшись, что и впрямь когда-то жил в деревне — сын шропширского фермера, — и Гвендолен процитировала: «Блеснули упряжью на повороте», а он сказал: «Эдвард Томас»[107], и она подумала: «О, как хорошо, он знает Эдварда Томаса». Ни он, ни она не стали цитировать следующую строчку, в которой говорилось о влюбленных, исчезающих в лесу, да и стихотворение было не о влюбленных, а о войне и ее потерях, поэтому они поговорили о Томасе, о том, каким прекрасным поэтом он был («Элегическим, — сказал Фробишер, — что неудивительно») и каким еще более прекрасным поэтом мог бы стать, если бы его не убили под Аррасом.

К машине оба возвращались мрачные, но это

---

[107] Сноски: 107

Эдвард Томас (1878–1917) — английский поэт; к поэзии обратился поздно, уже будучи состоявшимся литератором и по совету своего друга Роберта Фроста.

настроение забылось в усилиях, необходимых, чтобы завести «остин» после того, как он постоял. Казалось, это необычайно сложный процесс.

— Я еще не навострился, — извинился Фробишер, передавая ей руководство по эксплуатации автомобиля («моя Библия на данный момент»).

«В ваших интересах — изучить это пособие очень внимательно», — строго предупреждало руководство. Фробишер уже крутил ручки и рычаги внутри машины, а Гвендолен начала читать инструкции вслух:

— «Если машина простояла некоторое время» — как раз наш случай, — «запуск следует облегчить, используя рычаг ручной подкачки на топливном насосе, чтобы обеспечить карбюратор полным запасом топлива».

— Да, я как раз этим занимаюсь, мисс Келлинг, — крикнул Фробишер откуда-то из-под капота. Собака сидела рядом на обочине, как бы желая помочь.

— А дальше «проверьте, свободен ли коленчатый вал, нажав на рукоятку, чтобы полностью зацепиться со стартовой собачкой…». Это еще что такое? — (Собака с интересом посмотрела на нее.) — «…прежде чем повернуть ее. Ключ зажигания поворачивается вправо…»

— Вы не могли бы сделать это для меня, мисс Келлинг?

— Есть, сэр!

* * *

Наконец они снова двинулись в путь — с такой скоростью, что из-за грохота разговаривать было невозможно, — и меланхоличное настроение вскоре рассеялось.

— Почему Оксфорд? — спросил он, когда они приехали. — Почему именно эта цель для нашей небольшой поездки?

— Здесь учился мой брат — старший из двух. Он даже не закончил первый семестр, но мне захотелось посмотреть, где он был. Увидеть то, что видел он.

— Он ушел на фронт? И не вернулся? И у вас был другой брат, еще моложе?

— Да.

— Мне очень жаль.

— Давайте не будем останавливаться на непрожитых жизнях, это ни к чему. Уже половина пятого. Я полагаю, что Оксфорд — место, где можно найти очень хороший пятичасовой чай.

Так оно и оказалось.

Потом они бродили по дворам колледжей и в

мягком предвечернем свете случайно наткнулись на группу студентов, устроивших вроде бы импровизированную постановку «Сна в летнюю ночь» на лугу колледжа Церкви Христовой. Костюмы, казалось, выкопали из ящика с маскарадными нарядами, и многие актеры читали по бумажке, но это не уменьшало волшебства, а, наоборот, как-то усиливало его. Скоро ведь, кажется, время экзаменов? Возможно, это была передышка.

— Как мило, — прошептала Гвендолен Фробишеру. — Это моя любимая пьеса.

Фробишер ничего не сказал. Пьеса была не мужская, и было не лето, и Гвендолен ожидала, что он начнет возражать по обоим фронтам, но потом напомнила себе, что этот человек находит Эдварда Томаса «элегическим» и назвал свою собаку Пьеро, так что, возможно, он не такой сухарь, каким она его все это время считала.

Фробишер нашел место на траве, чтобы сесть, и расстелил для Гвендолен свой пиджак. Вокруг лужайки горели фонари, обозначающие сцену. Постановка была очень красивой и без лишней суеты передавала суть пьесы. К сожалению, они пришли под самый конец. Ипполита как раз заявила, что пьеса про Пирама и Фисбу — «неле-

пейший вздор, какой когда-либо я слышала»[108], и Гвендолен подумала, что сейчас, триста лет спустя, эта формулировка очень много к чему подходит.

Импровизированная аудитория, рассредоточенная на траве, казалось, в основном состояла из однокурсников и друзей актеров. Все они были полны сил и молодости, точно как когда-то их обреченные предшественники. Война — мерзкая штука. Ее следует отправить обратно в ад, откуда она пришла, и никогда больше не выпускать. Гвендолен слегка тряхнула головой, прогоняя ненужные мысли.

— Мисс Келлинг?

— Оса, кажется. Уже улетела.

Пес улегся спать, положив голову ей на колено.

Девушки, игравшие фей, мило скакали и кружились на траве, и Гвендолен подумала о Фреде. Она ведь играла одну из этих фей, кажется? Гвендолен хотелось бы увидеть ее на сцене. Возможно, она недооценила Фреду, возможно, у нее настоящий талант. Где она? Есть у нее талант или нету, надо продолжать поиски, подумала Гвендолен.

Они добрались до целительного финала.

---

[108] Сноски: 108

У. Шекспир. Сон в летнюю ночь (Сон в Иванову ночь). Акт V, сц. 1. Перев. М. Тумповской.

«…лучше все пойдет потом. Давайте руку мне на том! — продекламировал Пэк, сильно загримированный, с маленькими бумажными рожками на голове. — Коль мы расстанемся друзьями, в долгу не буду перед вами»[109]. Тут актеры взялись за руки, и зрители в едином порыве сдвинулись ближе и последовали их примеру.

Девушка, сидевшая ближе всех к Гвендолен, в венке из маргариток, какой сплел бы ребенок, робко протянула ей руку. Гвендолен, непонятно почему, вспомнила квакерское собрание — она несколько раз посещала их в Йорке по возвращении с войны, пытаясь найти утешение или смысл, но не нашла ни того ни другого. Она взглянула на Фробишера, сидящего по другую сторону от нее. Она ожидала, что он смутится, и, возможно, так оно и было, однако он все же протянул руку и крепко, но кратко сжал ладонь Гвендолен.

А потом все закончилось. Пес проснулся. Все разошлись в сумерках, и Фробишер помог Гвендолен подняться.

— Пора домой, — сказал он. Похоже, эта мысль его сильно удручала.

---

[109] Сноски: 109

Последние строки «Сна в летнюю ночь», перев. Т. Щепкиной-Куперник.

Привет тебе, смертный!

Прошло чуть больше недели с тех пор, как Рамзи Кокер пригласил Фреду перешагнуть порог «Аметиста» и оказаться в «стране фей». Фреда очень быстро избавилась от прежнего заблуждения, что ночной клуб — волшебная страна.

Хотя Фреда, естественно, об этом помалкивала, она еще никогда не танцевала с мужчиной. В танцевальной школе, куда она ходила в Йорке, ученицы осваивали все новейшие танцы в субботу днем после уроков чечетки, но практиковались друг с другом, по очереди ведя и следуя. А теперь партнерами Фреды стали представители противоположного пола, что было непривычно и не особенно приятно.

«Аметист» оказался шумным местом, ужасно жарким, безо всякого притока воздуха. Фреда удивлялась, как гости не умирают от удушья. Мужчины, затянутые в вечерние костюмы, потели, казалось, всеми порами, отчего окружающее их облако перегара и табачной вони становилось еще плотнее. И все они выглядели огромными по сравнению с Фредой — и все время наступали на

ее бедные ноги. И все же она, кажется, пользовалась успехом, если успех измерять количеством мужчин, которые искали ее общества.

— Малышка — популярная штучка, — сказала Бетти Кокер матери. — Настоящая конфетка.

— Новинка, — добавила Ширли.

«Я не то, не другое и не третье, — подумала Фреда. — Я девушка».

Теперь у нее накопился кое-какой опыт общения с мужчинами постарше. Оуэн Вэрли не шел из головы, но на этот раз Фреда, по крайней мере, была готова к любому натиску, хотя самое худшее, что ей пришлось пережить, — к концу первого вечера большой палец ноги превратился в сплошной синяк.

— На войне как на войне, — сказала миссис Кокер.

Ерунда какая-то, но Фреда не возражала, потому что, когда клуб закрылся, хозяйка выгребла из жестянки десять шиллингов мелочью и все отдала Фреде. Десять шиллингов! Миссис Кокер сказала, что это от доброты ее сердца, так как обычно она платит девушкам в конце недели, но еще не решила, брать ли Фреду на работу. Она, очевидно, была «на условном сроке». Фреда думала, что такое бывает только с преступниками.

— Что ж, можешь прийти завтра, — сказала Нелли Кокер, — посмотрим, как ты справишься.

Удивительно было то, что на чаевых Фреда заработала еще больше. Она и знать не знала, что девушкам дают чаевые, пока первый неуклюжий партнер по квикстепу не сунул ей в ладонь шиллинг, задержав влажную лапу чуть дольше, чем хотелось бы Фреде. А потом ей дал на чай другой мужчина, и еще, и еще. Не то чтобы несметное богатство, но достаточно, чтобы не умереть с голоду, хотя на самом деле ей больше никогда не придется голодать, если она будет работать в «Аметисте», потому что там есть боковая комнатка, куда танцовщицы ходят, когда в зале затишье (чего никогда не бывает) или когда уже падают с ног от изнеможения. На столе лежат ветчина, сыр, сливочные крекеры, стоят кувшины с водой и большой чайник. «Лошадок надо поить», — говорит Нелли. (Я не лошадь, я девушка!) Еще два вида варенья. И печенье. Флоренс была бы счастлива в клубе — конечно, за исключением танцев. Где же она? Вдруг застряла где-то без еды? Даже без леденцов.

В первую ночь Фреде негде было спать, но благодаря умелой игре в прятки (она вспомнила Ванду, исчезающую в ящике фокусника) ей уда-

лось остаться в клубе, когда его закрыли, и свить себе гнездышко в теплом уголке кухни. Спать среди больших кастрюль и сковородок и запахов прогорклого жира было гораздо менее тревожно, чем коротать ночь среди старых надгробий в садах Друри-Лейн.

Наутро она выскользнула раньше, чем в клуб пришли первые работники, и позавтракала в кафе на Дин-стрит, прямо за углом от «Аметиста». На заработанные деньги она могла позволить себе сколько угодно сосисок и потому в конце трапезы едва встала из-за стола.

Разумнее всего было бы начать поиски жилья, но вместо этого Фреда решила вернуться в ломбард на Мирд-стрит с намерением выкупить брошку в виде синей птички. Фреде казалось, что это необходимо, будто сама Флоренс должна была вернуться, если предъявить бережно хранимый ломбардный билет.

Флоренс в ломбарде, конечно, не оказалось, но и броши-птички тоже. Мало того, человек за прилавком клялся, что никогда никакой брошки на комиссию не брал. «Но у меня квитанция», — сказала Фреда, помахивая мятым клочком бумаги. Несмотря на вещественное доказательство, ростовщик заявил, что она ошиблась. Фреда хотела

завизжать от досады, что и сделала, но ростовщик достал из-за прилавка крикетную биту и пригрозил «вышибить из нее дух», если она не покинет заведение. «Недовольна — иди в полицию», — язвительно сказал он. Нет, спасибо, подумала Фреда, вспомнив мерзкого полицейского, который отнял у нее полкроны и отправил на Тисбери-Корт.

Ростовщик, конечно, продал брошь. Он должен был хранить ее месяц, но продал при первой же возможности. Какой подлый поступок! Теперь какая-то другая женщина, не миссис Ингрэм, щеголяет маленькой птичкой. Фреда представила себе, как огорчится миссис Ингрэм из-за потери. Конечно, это не так страшно, как потеря Флоренс, но подруга и брошка неразрывно слились в голове у Фреды, пока она уныло брела по Уордор-стрит.

И все же, почем она знает, вдруг Флоренс уже вернулась домой, взяла и села на поезд и уехала обратно в Йорк, потеряв интерес к Лондону и Фреде. Эта мысль обрадовала Фреду. Ингрэмы простят все, даже потерю жемчуга и маленькой синей птички, а Флоренс продолжит жить с того же места, где остановилась. Может, когда-нибудь станет рассказывать своим детям, как однажды

сбежала в Лондон.

Потому что, конечно, Флоренс выйдет замуж и заведет детей (Фреда представляла их себе аденоидными, с большими ступнями), и никогда не будет нуждаться в деньгах, еде и крыше над головой, потому что все нужное ей всегда обеспечит кто-нибудь другой. И к сцене она будет иметь какое-то отношение, лишь когда поведет этих самых детей на рождественскую пантомиму в Йоркский королевский театр. Вспомнит ли она Фреду, глядя, как деревенские дети танцуют и поют вокруг Аладдина с лампой или Джека с волшебными бобами в кармане?

Фреда совсем убедила себя в таком будущем Флоренс и уже начала злиться на нее за то, что та не удосужилась сообщить о своем благополучном возвращении в лоно семьи. Могла бы хоть черкнуть одну из своих треклятых открыток с достопримечательностями Лондона. Но открытку доставили бы на Генриетта-стрит, и миссис Дарлинг, вероятно, бросила бы ее в огонь.

Однако теперь, когда у Фреды есть деньги, она может позвонить Ингрэмам, правда ведь? Позвать к телефону Флоренс и успокоиться. Чем больше она представляла себе эту картину, тем больше проникалась уверенностью, что Флоренс

вернулась домой и сидит на плюшевом мокетовом диване Ингрэмов, запуская руку в маленькую серебряную вазочку с засахаренным миндалем. «Филигрань», — подумала Фреда.

Она пошла на Брод-стрит, к новым телефонным будкам, установленным на тротуаре, и опустила два пенни в глотку висящего внутри аппарата. Она вздрогнула, когда мистер Ингрэм ответил сразу, будто стоял рядом с телефоном в прихожей, обитой дубовыми панелями.

— Кто это? — крикнул он, не успела Фреда и слово сказать. — Флорри, это ты? — В голосе слышалось отчаяние. А потом он еще больше напугал ее, выкрикнув: — Это ты, Фреда? (Он ведь не видит ее по телефонным проводам, правда?) — Ты знаешь, где Флорри? Фреда! Фреда?

Она не нажала «кнопку Б», чтобы поговорить с ним, а только бросила трубку. Даже не потрудилась забрать свои два пенса.

* * *

Ей было слишком грустно ходить по улицам в поисках жилья на съем, и оставшуюся часть дня она сидела то в одном, то в другом «Лайонсе», поскольку там было вероятнее всего встретить блудную Флоренс, хотя в глубине души Фреда

знала, что та, как и брошь-птичка, упорхнула.

На Пикадилли, бредя из одного «Корнер-хауса» в другой, она прошла мимо автосалона рядом с «Рицем». Салон, как и отель, сиял лакированным богатством. Фреда праздно размышляла, как удалось запихать машину за стеклянные витрины, и вдруг ахнула при виде одной из них. В точно такой же автомобиль села Флоренс на Стрэнде в день рокового прослушивания Фреды.

Увидев автомобиль, она не могла не зайти в салон. Она подошла и встала, словно загипнотизированная. Невозможно было не протянуть руку и не погладить сияющий капот, и, лишь когда подошел высокомерный продавец и чрезвычайно саркастически спросил: «Простите, мисс, я могу вам чем-нибудь помочь?» — Фреда очнулась от транса, в который ее ввела машина.

* * *

В назначенный час она явилась в «Аметист», и Бетти сказала ей идти в «Сфинкс», потому что там не хватало одной-двух танцовщиц. Фреда узнала, что Нелли Кокер владеет пятью клубами, и спросила себя, будут ли ее бесконечно перебрасывать между ними.

— Ах да, и вот, возьми это, — сказала Нелли,

протягивая сверток в коричневой бумаге. — Новое платье, ты же не можешь все время носить этот нелепый наряд.

— Новое? — переспросила взволнованная Фреда.

— Не новое, — уточнила Нелли. — Новое для тебя.

Фреда все еще радовалась, думая, что это может быть что-то с плеча Бетти или Ширли, но платье оказалось старым: его сносила до дыр одна из танцовщиц и бросила в клубе, когда «ушла», хотя, когда и куда именно, не уточнялось.

— Ее сожрут в «Сфинксе», — сказала Бетти.

— Как ягненка в стае волков, — добавила Ширли. (Я не ягненок, а девушка!)

Оказалось, что «Сфинксом» заведует Рамзи Кокер. Фреда считала его отменным болваном. Он вечно витал в облаках. «Я пишу роман», — сказал он ей, словно этим стоило хвастаться. Как будто в мире недостаточно романов. Рамзи даже розыгрыш призов не смог бы организовать, не говоря уже — руководить ночным клубом. В «Сфинксе» прекрасно справлялись и без него. Бармен Геррит и управляющий-шотландец вечно что-то замышляли между собой, каждый со своим никому не понятным акцентом. Они обирали Кокеров, сни-

мали сливки, но Рамзи, казалось, не замечал, что происходит прямо у него под носом.

За первую ночь в «Сфинксе» Фреда получила только чаевые, потому что, очевидно, ее испытательный срок закончился и ей должны были выдать жалованье в конце недели, как и всем остальным танцовщицам. Но это было не страшно — у нее еще оставались деньги, заработанные в «Аметисте». В «Сфинкс» заходили очень странные типы, только успевай поворачиваться (во всех смыслах этого слова). В дамской уборной она то и дело находила брошенные картонные коробочки из-под пилюль. В них были следы белого порошка, точно такого же, как в пачке открыток Флоренс. И на вкус тоже. «Это дурь», — сказала ей одна из танцовщиц, а затем объяснила, что такое дурь. Фреда похолодела. У нее не укладывалось в голове, что Флоренс наркоманка. Но точно так же она когда-то не могла бы себе представить, что Флоренс исчезнет без следа.

Когда наступило время закрытия, Фреда применила ту же тактику маскировки, что и в «Аметисте», и нашла место для сна в одной из кладовых. «Сфинкс» в нерабочее время ощущался совсем иначе, чем «Аметист». Всю ночь слышались странные скрипы, постукивания и щелчки,

словно Фреда была замурована в египетской гробнице. На барной стойке сидела мумифицированная кошка — по сути, дохлая, — испуская миазмы злобы. Фреда не могла не думать обо всех древнеегипетских мышах, которых эта кошка, должно быть, убила.

* * *

А потом случилось чудо. Настоящее чудо. Не воскрешение Флоренс, но нечто почти столь же удивительное.

На следующий день Фреда шла по Полэнд-стрит, где, по словам одной из танцовщиц «Сфинкса», находился приличный пансион с достойными комнатами. Она считала в уме номера домов, когда услышала за спиной хриплый крик: «Фреда! Фреда!» — обернулась и увидела женщину, которая изумленно глядела на нее. Женщина протянула руку и коснулась щеки Фреды, словно желая убедиться, что она реальна.

— Фреда, это правда ты, детка? Подумать только, изо всех людей на свете надо же было встретить тут тебя. — И Фреда вдруг утонула в волнах облезлого меха, знакомых духов «Хабанита» и сигарет «Сарони». Значит, Ванда больше не в Грэнтеме.

* * *

Ванда жила неподалеку, в темном проулке на задах ряда харчевен. Чтобы попасть в квартиру, нужно было пробираться через полосу препятствий из оцинкованных мусорных баков, источавших запахи рыбы, потрохов и чего-то более мрачного и отвратительного. «Крыс травят», — сказала Ванда. Запах преследовал и в здании («Они сдохли в стенах»), но, слава богу, в основном рассеялся к тому времени, когда они добрались до входной двери Ванды на третьем этаже. «Подъем не из легких, — сказала она. — Один джентльмен у меня свалился на лестничной площадке второго этажа. Сердце. Мертвый, как дверной гвоздь. Жаль».

— Дом, милый дом. — И Ванда торжественно распахнула дверь.

* * *

Теперь и Фреда жила здесь же. Теперь ей было куда прийти после работы. Она могла отмачивать гудящие ноги в эмалированном тазике с горячей водой благодаря маленькому газовому водонагревателю, приделанному к стене рядом с

кухонной раковиной. В квартире было две комнаты — кухня и спальня. Фреда спала на кухне — ее постель была в нише, похожей на чулан, но с занавеской на веревке, которую можно задернуть. Чтобы залечь в нишу, Фреде приходилось пробираться через лес чулок и трусиков («труликов», как таинственно звала их Ванда), развешанных повсюду для просушки.

Ванда и ее подруга Джоан, жившая в соседней квартире, цокали вверх и вниз по лестнице всю ночь, приводя с собой «друзей-джентльменов», о чем Фреда узнала только в свой выходной, потому что в будни, когда она возвращалась из «Сфинкса», друзья-джентльмены уже уходили, а Джоан и Ванда сидели в сырой, теплой маленькой кухне, курили сигареты и уговаривали на двоих бутылку джина. «Мамочкина погибель», — бодро говорила Джоан. Она рассказала, что у нее был сын во флоте. Фреда не решалась спросить, что случилось с грэнтемским ребенком Ванды.

У Джоан было грубое лицо и странные волосы неестественно черного цвета, которые она приклеивала к голове, чтобы скрыть лысину, зато она приносила Фреде глазурованное печенье и варила ей какао. «Друзья-джентльмены» Джоан были не те же самые, что у Ванды, поскольку она,

по ее выражению, обслуживала «фантазии».

— Это как французские специалитеты? — спросила Фреда, вспомнив мистера Птицесвиста и его сласти.

— Да, детка, что-то в этом роде, — сказала Ванда, все так же охраняя невинность Фреды — не зная, что та уже уничтожена. Фреда решила придержать историю с Оуэном Вэрли: теперь было уже поздно жаловаться, ища сочувствия и понимания.

Иногда они втроем играли в карты, и Ванда вспоминала о времени, проведенном с «Вязкой» на гастролях, и о том, как плутовал в карты Дункан. Когда Фреда сказала, что слышала, будто Дункан в тюрьме, Ванда спросила: «Ты разве не знаешь?»

Чего она не знает? «Повесился», — сказала Ванда, а Джоан отозвалась: «Боже», хотя никогда не знала Дункана, и они помянули его джином, какао и глазурованным печеньем.

* * *

«Сфинкс» сегодня закрылся позже обычного. Рамзи куда-то пропал, и голландский бармен с шотландским управляющим решили подзаработать еще немного для себя.

Фреда не любила возвращаться домой в этот час по тускло освещенным улицам. Вечно приходилось уворачиваться от неожиданностей — людей, возникающих из ниоткуда, как чертики из табакерки. Некоторые хотели денег или что-нибудь продать ей, но многие хотели просто *ее*. Сегодня у нее бегали мурашки от ощущения, что кто-то смотрит в спину, но сколько бы она ни оглядывалась, никого не видела.

Где-то выли коты и слышался финал пьяной драки. Много пели и орали — конечно, поддатые, и Фреда пробиралась по переулкам, пытаясь избежать встречи с этими людьми, кто бы они ни были.

За ней и впрямь кто-то следовал — в медленно ползущей машине. Танцовщицы в клубе рассказывали истории о том, как девушек хватают на улице. К счастью, тут Фреда наткнулась на группу пьяных мужчин, и машина уехала. Фреда не очень хорошо разбиралась в автомобилях, но могла поклясться, что это та же машина, которая, как она решила, увезла Флоренс. «Вулзли-оупн-турер», — сказал продавец в автосалоне.

Кажется, Фреде не так уж и повезло — один из пьяниц схватил ее за талию и поднял, словно собираясь унести. Остальные не вмешивались,

только стояли вокруг и смеялись.

«Неужели это никогда не кончится?» — подумала Фреда. Куда ни пойди, оказываешься просто какой-то безделушкой, игрушкой для кого ни попадя. Завтра же она раздобудет себе нож.

Ей удалось вывернуться из хватки пьяного и убежать. Мгновение она боялась, что стая погонится за ней и затравит, но, оглянувшись, увидела, что все пьяницы исчезли.

* * *

— Детка, все хорошо? — спросила Ванда, когда Фреда вошла. — Я не ложилась, дожидалась тебя. Сегодня на улицах какая-то дичь творится. Всякие странные типы шатаются. Заварю-ка я чаю, а?

«Мишура»

Рамзи надеялся, что хотя бы дурацкий «Детский праздник» даст ему свежий материал. Золотая молодежь — тупые лотофаги[110], но их бессмысленные излишества могут послужить источником едко циничной главы в «Эпохе блесток». Не говоря уже о возможности устроить кучу трупов, потому что кто-то же должен убить этих ужасных людей, пускай только на страницах книги.

Мимо Рамзи проехал женственный юноша, неуклюже втиснутый в большую детскую коляску, которую толкала нянька повышенной волосатости, смахивающая на пароходного кочегара. Юноша в ползунках, явно сшитых на заказ, сосал детскую бутылочку. Неподалеку девушка, которую Рамзи знал как дочь видного кабинет-министра, ползала по траве с соской во рту. Время от времени она вынимала ее, чтобы завопить «Уа-уа-уа!», словно зовя на помощь.

---

[110] Сноски: 110

Лотофаги («пожиратели лотоса») — в древнегреческой мифологии народ, питавшийся плодами лотоса, которые давали забвение («Одиссея», песнь IX).

В конце концов ее «спасла» другая нянька, на самом деле мужчина из Гвардейской бригады — Рамзи встречал его в «Сфинксе», — облаченный в форму няньки, очевидно реквизированную из Норлендского колледжа[111].

Нянька, которой эта форма принадлежала изначально, должна быть просто огромной, подумал Рамзи. Но среди нянек и впрямь попадаются великанши. У самих Кокеров в далеком шотландском детстве, задолго до рождения Китти, одно время была такая. Эту женщину-гиганта позже осудили за попытку убить кого-то из своих подопечных. На месте несчастной крошки легко мог бы оказаться один из детей Кокеров. «Удачно пронесло», — невозмутимо сказала Нелли.

«Детский праздник» проходил в огороженном частном саду перед одним из самых роскошных домов Лондона на Лаундс-сквер. Сад ярко освещали гирлянды лампочек, озаряя причудливый парад гостей, которые всё прибывали — в колясках, на самокатах и трехколесных велосипедах, в ползунках и слюнявчиках, с сосками во рту,

[111] Сноски: 111

Норлендский колледж — престижное британское учреждение высшего образования, находится в городе Бате (графство Сомерсет). Специализируется на подготовке специалистов для работы с детьми — нянь, воспитательниц и других работников этой сферы.

размахивая погремушками, сжимая в руках разнообразных кукол, плюшевых мишек, игрушечные лодки и прочее, словно только что после налета на магазин «Хэмли». Очутившись в саду, гости катались на деревянных лошадках-качалках и самокатах, играли в серсо или по очереди ездили на жалких замученных осликах, словно пригнанных откуда-то из курортного города. Гости при этом вопили от восторга.

Рамзи держался в стороне от этого откровенного идиотизма. В широко разрекламированном (самим автором) романе Вивиана Куинна «Мишура» (от повторений название не становилось менее дурацким) речь идет о том, как «золотая молодежь тускнеет», что-то в этом роде, правда ведь? Если у Куинна получилось, то и у Рамзи тоже получится. А если он поторопится, то успеет первым, и все будут думать, что роман Куинна — просто подражание, ну или оммаж, что на самом деле было бы еще лучше.

Громко заревел осел (а может, один из гостей вечеринки — разница была малозаметной). Эти люди — эгоистичные болваны. Эдит однажды наткнулась на группу женщин того же круга — они ползали на коленях по грязному тротуару на перекрестке Севен-Дайалс. Тогда золотая

молодежь увлекалась квестами с охотой за сокровищами. «Послушайте, — спросила одна из девушек, — вы, случайно, не видели чучело вомбата?» Хитрая Эдит мигом сориентировалась и сказала, что, по ее мнению, одно такое хранится в кладовой Тауэра. Получив эту наводку, девы с визгом помчались к набережной, как безумные фракийские менады в погоне за Орфеем.

«А в Тауэре правда есть чучело вомбата?» — спросила Китти. Она понятия не имела, что такое вомбат, и представила себе что-то вроде ром-бабы с лапками.

Наутро газеты сообщили, что группа представителей золотой молодежи едва избежала ареста, когда пыталась проникнуть в Тауэр, — очевидно, пранкеры, желающие похитить драгоценности британской короны. Их отругали и отпустили.

«А надо было отрубить им головы», — вынесла приговор Нелли.

Когда квесты приелись, омерзительная золотая молодежь перешла к устройству вечеринок — чем нелепей и вычурней, тем лучше. Вот как этот детский крик на лужайке с дресс-кодом из слюнявчиков, распашонок и чепчиков. Рамзи скорее умер бы, чем предстал бы в таком виде.

Конечно, не только золотая молодежь была

одержима легкомысленными развлечениями. Вечеринки были повсюду, все время — «снежок» в Мэйфере, поездки целых толп любителей опиума на пароме из Вест-Энда в Лаймхаус, оргии в Сохо, коктейльные вечера в Найтсбридже и вакханалии всех видов за закрытыми дверями частных домов, как, например, костюмированное сборище на Пикадилли, куда Ролло водил Ширли накануне. Фишка этой конкретной вечеринки, по ее словам, заключалась в том, чтобы тебя как можно дольше не узнали, и для этого гости приносили с собой несколько смен костюмов.

Ширли, которая благодаря знакомству с Ролло вращалась в более изысканных кругах, чем остальные Кокеры, неделю назад посетила другую вечеринку на Пикадилли, где принц Уэльский начал вечер в образе «Красавчика принца Чарли», потом облачился в белый балахон куклукс-клановца, а закончил китайским кули. Три слепые мыши, пара белых страусов, лорд Блэндфорд в образе пловчихи, пересекшей Ла-Манш, лорд Берн в роли «обезьяны-невесты» под фатой, Уинстон Черчилль в виде Нерона.

— Декаданс на декаданс лезет и декадансом погоняет, — радостно сказала Ширли. — О, и, конечно же, там был твой друг Вивиан Куинн.

— Он мне не друг, — буркнул Рамзи.

* * *

Когда Рамзи прибыл, на «Детском празднике» все уже были сильно пьяны. Спиртное подавали в кружечках с миленькими картинками, а бар был оформлен как манежик. Рецепт коктейля для этого мероприятия был якобы специально разработан барменом «Рица». Коктейль назывался «Материнское молоко» — крем-де-какао, джин, сахар и сливки, — и от одного названия Рамзи затошнило, особенно при мысли о собственной матери; хотя на самом деле только Нивен сосал грудь Нелли, остальные выживали как могли на «Кау энд гейт»[112] и детской смеси «Нестле»: Нелли решила, что и так достаточно обременена в жизни, чтобы на ней еще постоянно висел ребенок, вроде устрицы на скале.

Вопреки названию, напиток легко скользнул в горло Рамзи, коварно маскируя свое алкогольное содержание. В детскую кружечку много не нальешь, и он уже осушил «Маленькую мисс Маффет» и «Матушку Хаббард» и цеплялся за Мэ-

[112] Сноски: 112

«Cow and Gate» («Корова и ворота») — британский бренд продуктов для детей, в том числе молока.

ри с ее барашком, как за спасательный плот. Пока ему — слава богу — удавалось избегать встречи с Памелой Бероун, хозяйкой праздника.

Как же отвратительно было бы это безумие его брату, подумал Рамзи, когда вокруг завели энергичную игру в салочки. Рамзи завидовал уверенности Нивена — у того за спиной был Пашендаль, придающий вес его клокочущему гневу, тогда как у Рамзи — только швейцарский санаторий и жгучее желание быть признанным на более широкой сцене. Или хоть на какой-нибудь.

Он укрылся в уединенном уголке живой изгороди, собираясь делать заметки. Теперь он повсюду носил с собой блокнот, хотя в этот момент был слишком пьян, чтобы написать что-нибудь связное, и заметки состояли в основном из многократно повторяющегося слова «ИДИОТЫ!» заглавными буквами. Проходивший мимо официант с подносом обнаружил Рамзи и невозмутимо спросил: «Еще „Материнского молока“, сэр?» Рамзи снял с подноса кружку «Джек и Джилл». «Как бы я организовал здесь убийство?» — подумал он. Вымышленное убийство, но тем не менее нужно как-то разложить его в голове, правда? Удушение в кустах, бомба на расчерченной сетке для игры в классики? Самый

простой вариант — яд в «Материнском молоке».

Яд достать легко, нужно только пойти в аптеку или скобяную лавку и сказать, что у тебя крысы. Рядом с «Аметистом» как раз была скобяная лавка, часть тайного запасного пути на волю, и Рамзи решил завтра купить немного яда. Стрихнин, подумал он. Или мышьяк. Возможно, цианистый калий. Все эти слова звучали очень заманчиво. Он хотел знать, каково это — покупать то, что, по сути, является орудием убийства. Почувствует ли он укол вины? Но в покупке яда нет ничего незаконного, — в конце концов, у них действительно водятся крысы, и нельзя ожидать от Филлис, чтобы она и дальше продолжала забивать их до смерти сковородками, хотя, похоже, ей нравится это занятие, что самую малость пугало Рамзи.

До Рамзи очень медленно доходило, насколько он пьян. Он уже успел выпить почти все оглавление «Матушки-Гусыни», а также употребил пакетик дури за пять шиллингов, которым разжился перед приходом сюда. Он больше не был в безопасности в живой изгороди, поскольку на него вдруг напали люди с дурацкими именами вроде Банни, Бинго, Пинго и Понго, приняв за участника игры в прятки. Они вытащили его на открытое место, и потребовался короткий, но

яростный раунд кулачного боя. Рамзи дрался не так хорошо, как Нивен, но в «Феттесе» занимался боксом, не всегда проигрывая, и, натренированный братом, не боялся встретить врага лицом к лицу, если не было другого выхода.

Праздник тянулся, и сад все больше напоминал бедлам. Когда Рамзи обнаружил, что помогает младшему дворецкому «большого дома» выдворять упрямого осла из библиотеки (нелегкий подвиг), он решил, что этот фарс ему больше не по силам. Он уже собирался смыться, но тут заметил приближение врага — его брали в клещи, причем Памела Бероун скакала к нему с левого фланга, а Вивиан Куинн приближался медленнее с правого, с обычной самодовольной усмешкой на лице. Куинн, как заметил Рамзи, был в костюме испанского матадора.

Требовались маневры для уклонения. Рамзи помчался через сад, и Памела, заливисто лая, погналась за ним. Ему пришлось преодолевать полосу препятствий из случайных предметов — бессердечно брошенных пупсов, полозьев от лошадки-качалки, коляски, сломанной во время гонок на тачках, — и он только что перепрыгнул через серию живых изгородей, как ловкий стипльчезер, и почти добрался до железной внешней

решетки сада, когда запнулся на полном ходу о валяющийся игрушечный самокат и распластался на траве.

— Мой, я думаю, — сказал торжествующий Куинн Памеле Бероун, ставя ногу на растянувшегося Рамзи, как торжествующий охотник на крупную дичь. Или (да, действительно) матадор на побежденного быка.

Памела сдалась и потопала прочь. Рамзи казалось, что она слишком легко признала поражение. Он был рад, что избежал ее ухаживаний, но ему хотелось бы думать, что, будь он неравнодушен к кому-нибудь, он бы не сдался без борьбы.

— Ничего я не твой. И не твой тоже, — раздраженно сказал Рамзи, пока Куинн помогал ему подняться на ноги.

— Нет, ты прав, Кокер, ты не мой и не ее, — сказал Куинн. — Ты собственность Аццопарди.

* * *

— Как безумен род людской[113], а, Кокер? — сказал Куинн, когда они закуривали на краю площади.

---

[113] Сноски: 113

У. Шекспир. Сон в летнюю ночь. Акт III, сц. 2. Перев. Т. Щепкиной-Куперник.

— Почему ты одет матадором? Дресс-код был «младенец».

— Я потом иду в другое место, где будут взрослые.

— Кстати, о взрослых, Куинн, скажи, пожалуйста, почему ты бросил меня в «катране» на прошлой неделе? Мне любопытно, как это ты работаешь на побегушках у Аццопарди. Как лакей. Или комнатная собачка. Что это было — мальтиец заплатил тебе, чтобы ты притащил меня в Белгравию?

Куинн сохранял невозмутимость. Его было трудно оскорбить: он, казалось, воспринимал все слова Рамзи как комплимент.

— Я думаю, вся эта тема со злодейским преступным миром довольно заманчива, тебе не кажется? Аж до мурашек! — Он притворно задрожал, как бездарный актер. — Особенно если использовать это в романе.

Он сделал паузу, чтобы гарантированно произвести впечатление на Рамзи.

— Как я и сделал, знаешь ли.

«Нет!!!» — беззвучно взвыл Рамзи. У Куинна не было никаких прав на преступный мир, никакого понимания его, тогда как Рамзи жил в этом мире еженощно. Владел им. Но Рамзи ничего не ска-

зал. Он не доставит Куинну удовольствия своим возмущением.

— Или для разоблачительной статьи, — беспечно продолжал Куинн. — «Таймс» заказала мне большую статью — у меня в редакции связи. «Злодеи, правящие лондонским преступным миром» — что-то в этом роде. Серьезная журналистика.

— Ты — серьезный журналист?

— Каждый из нас к чему-нибудь да стремится. Некоторые цели более достижимы, чем другие. Посмотри на себя, ты вот надеешься стать модным писателем. Удачи, что я могу сказать. — Куинн расхохотался и приобнял Рамзи за плечи. Рамзи раздраженно стряхнул его руку.

— Так твой роман приняло издательство? — Рамзи решительно отказывался произносить дурацкое название.

— Нет, его никто не видел, ни единая душа. Я ни за что не сдам недоработанный текст. Он лежит на моем столе, ожидая финальной шлифовки. Это не проблема, он гениален, хоть себя хвалить не принято. Ты не сказал, нравится тебе мой костюм? Он называется *traje de luces* — «костюм огней». Ты бывал в Испании, Кокер? Ведь не бывал, да? Кстати, когда я был в Париже, у меня

вышел интересный разговор о корриде с одним американским чуваком, фамилия Хемингуэй, он журналист и пишет рассказы. У него в этом году выходит роман, весь про *los toros*[114], к нему стоит приглядеться, он прославится…

— Иди в задницу!

— Вообще-то, я должен передать тебе сообщение от Аццопарди, — невозмутимо сказал Куинн. — Он тебя ищет.

— Небось денег хочет, — уныло сказал Рамзи.

— Это было бы слишком банально.

— Что тогда?

— Не знаю. Какой-то фант.

— Фант? Что это значит?

— Тебя, я полагаю, Кокер. Он, вероятно, хочет тебя. Ну, знаешь — старая королева желает пощупать молодого принца. Наверное, просто провести с тобой ночь в качестве оплаты.

Циничная маска Куинна соскользнула на миг, и открылось страдальческое лицо. Неужели Аццопарди имеет власть и над ним тоже? У Куинна странные вкусы, — возможно, Аццопарди помогает ему их утолить. Или шантажирует. Такой человек, как Куинн, прямо-таки напрашивается

---

[114] Сноски: 114
Быки *(исп.)*.

на шантаж.

— В любом случае мне пора, — сказал Куинн, возвращая на лицо маску озорного эльфа. — У меня колонка, ее нужно чем-то заполнить. *Золотая молодежь сегодня превзошла себя в причудливых забавах. В детском крике на лужайке среди участников веселых игр был замечен Рамзи, младший сын известной владелицы ночных клубов Нелли Кокер*. Как тебе?

— Не смей обо мне писать! — Рамзи наконец взорвался и ударил, но мимо, поскольку накачался «Материнским молоком». Удар пришелся в пустоту, а Куинн, на удивление легкий на ногу, ловко увернулся.

— Тебе лучше уйти, Кокер, пока ты себе чего-нибудь не повредил, — рассмеялся он. — В любом случае я возвращаюсь на праздник. Пинго обещал поиграть со мной в мяч. Или это был Бинго? Все равно, думаю. Я уверен, что матч выйдет просто *огонь*. Спокойной ночи, Кокер.

Он по-дурацки подпрыгнул и двинулся в направлении садов, которые они только что покинули.

Рамзи подумал, что мог бы убить Куинна. Ударить ножом в сердце и смотреть, как до Куинна доходит весь масштаб собственной глупости,

пока жизнь вытекает из него по капле.

* * *

Как только Рамзи расстался с Куинном, начался дождь, и, как назло, ни одного такси не оказалось рядом.

Рамзи завернул за угол и заметил машину, припаркованную под фонарем, в свете которого блестел желтый кузов. Рамзи прекрасно знал, чья это машина. Он запаниковал и развернулся, готовый бежать, но, как в кошмаре, сам Аццопарди преградил ему путь.

— Куда-то собрались, мистер Кокер? — Он ухмыльнулся и погрозил Рамзи пальцем.

Этот жест каким-то образом был одновременно ужасно смешным и очень страшным. Расплата настигла меня, подумал Рамзи, его желудок взмыл ввысь, а затем рухнул в бездну. Аццопарди открыл дверь машины и сказал:

— Давайте прокатимся, мистер Кокер? У меня для вас радостная новость: я придумал, как вы сможете со мной расплатиться.

* * *

Аццопарди высадил Рамзи на том же месте,

где подобрал, и уехал. Рамзи так ослабел, что ему пришлось сесть на бордюр, чтобы прийти в себя. Он пообещал Аццопарди выплатить всю сумму, сказал, что пойдет к Нелли и попросит у нее. (Даст ли она? Вполне возможно, нет.) Или к Нивену, у Нивена есть деньги, брат вытащит его из этой ямы. Ведь правда? Но нет, для всего этого уже слишком поздно, сказал Аццопарди.

Куинн ошибался — Аццопарди не вожделел Рамзи в качестве фанта. (Согласился бы Рамзи, если бы взамен ему простили долги? Этот вопрос остался без ответа.) Но в одном Куинн был прав — Аццопарди не хотел денег. Ему нужно было нечто гораздо более ценное. Ему нужны были бумаги.

Рамзи закурил, и, когда поднял взгляд от пламени спички, его внимание привлекло кое-что на другой стороне улицы. Снова та проклятая египетская мумия, с которой он столкнулся десять дней назад. Только она не ковыляла комично, как в прошлый раз, а шагала вполне целеустремленно в сторону Лаундс-сквер, будто опаздывала куда-то. На «Детский праздник», надо полагать, хоть и с нарушением дресс-кода. Кто бы ни был внутри всех этих бинтов, он, должно быть, очень любит свой ужасный костюм.

Фигура больше не внушала Рамзи сверхъесте-

ственной жути — разве можно бояться такого глупого костюма, подумал он. Но тут, словно услышав его мысли, мумия остановилась как вкопанная, повернулась и уставилась на него. Ее глаза были почти полностью скрыты бинтами, но все равно Рамзи чувствовал злобу во взгляде. А затем — о ужас! — мумия сошла с бордюра и двинулась через дорогу, приближаясь к Рамзи. Он не стал дожидаться, чтобы выяснить ее намерения, а кое-как поднялся на ноги и побежал.

* * *

Куинн медленно обходил Лаундс-сквер. Он тоже хотел проветрить мозги. Он употребил изрядно дури, и теперь ему становилось совсем нехорошо. Кто-то говорил, что сейчас попадается паленая дурь, и он подумал, не в этом ли дело.

А может, дело в том, что он чувствовал вину, — раскаяние было для него непривычным. Он добыл голову Иоанна Крестителя.

Он привез Рамзи в тот картежный притон в Белгравии по просьбе Аццопарди. Аццопарди, конечно, имел власть над ним. Тайно сделанные фото и всякое такое. Попади они в руки его коллег из прессы, и ему крышка. Он закончит свои дни в грязной мансарде в Сохо, живя на подачки

какой-нибудь старой «королевы», или, что еще хуже, в родной глуши, в Кеттеринге, живя на подачки своих стареющих, пришибленных жизнью родителей.

Подошел кто-то в маскарадном костюме. Человек-невидимка. Или, скорее, египетская мумия, ведь сейчас все сходят с ума по Египту. Куинн предположил, что это мужчина — из-за высокого роста.

— Хороший костюм, — вежливо сказал Куинн, когда тот приблизился.

Он чего-то хочет от Куинна? Незажженная сигарета свисала у незнакомца изо рта, вернее, из дыры в бинтах, где, как предполагал Куинн, находился рот.

— Огоньку? — спросил Куинн. Мумия не ответила, но Куинн чувствовал, что нужно продолжить разговор. — Ты на «Детский праздник» идешь? — спросил он, кивнув на сады. — Они все там одеты как малыши. И ведут себя так же. Самая большая куча болванов в Лондоне.

Мумия заговорила, слегка приглушенно из-за бинтов.

— Прошу прощения, я не совсем расслышал. О, ты спрашиваешь, я ли Вивиан Куинн? Да, да, конечно это я, единственный и неповторимый. —

Он слегка разволновался — ему льстило, когда его узнавали. — Мы знакомы? Ты…

Вопрос остался незаконченным. Куинн недоверчиво смотрел на большой нож, торчащий у него из живота. Удар милосердия. На сей раз проткнули не быка, а матадора.

Adieu, Adieu, Adieu[115]

Когда они вернулись к машине, почти стемнело. При свете фонарика Гвендолен зачитывала инструкции из руководства, пока Фробишер орудовал заводной рукояткой, а затем, конечно, обнаружилось целое новое дело — включить фары. К тому моменту, когда дорога снова побежала назад под колесами, на землю опустилась глубокая темнота, какая бывает только в сельской местности, и водитель с пассажиркой полностью зависели от слабого света фар. Гвендолен подозревала, что ее кошмарные сны теперь обогатятся новыми терминами, такими как «дроссельная заслонка», «впуск» и «двойной выжим сцепления», но все же ночная езда захватила ее, и они с инспектором некоторое время уютно молчали, когда вдруг те же слабые фары осветили дорогу, где кишели…

— Кролики! О боже, инспектор, кролики повсюду!

---

[115] Сноски: 115

Прощай, прощай, прощай *(фр.)*. Цитируются последние обращенные к Гамлету слова призрака его отца (акт I, сц. 5). В перев. М. Лозинского: «Прощай, прощай! И помни обо мне».

Словно на асфальт вывалили целую крольчатню. Фробишер резко затормозил, и обоих бросило вперед. Гвендолен не была уверена, не попал ли кто-нибудь под колеса, ей чудился хруст маленьких косточек, но кроликов, кажется, не волновала надвигающаяся колесница джаггернаута. Пес, который уже было уснул, проснулся и возбужденно вздрогнул при слове «кролики». Возможно, не такая уж и городская эта собака.

Кролики не двигались. Гвендолен предположила, что они еще не приспособили свою жизнь к ужасу современного двигателя внутреннего сгорания. Возможно, никогда и не приспособят. Тут были и крольчата — очаровательные малыши, невинно резвящиеся, — хотя Фробишер, казалось, остался равнодушен к их чарам. Он деревенский житель, напомнила она себе, он вырос, считая кроликов дичью, едой или и тем и другим.

Кролики сохраняли безмятежность и не желали уступать дорогу, и в конце концов Гвендолен пришлось выйти из машины и отогнать их, пока Фробишер держал мотор включенным — не дай бог пришлось бы заводить его снова. В конце концов, поскольку отгонять кроликов оказалось бесполезным делом, она решила, что лучше всего идти впереди машины, как делали

в первые дни автомобилестроения, чтобы предупреждать лошадей и пешеходов, а не кроликов, о приближающемся чудовище. Еще есть такая сказка, Гвендолен ее когда-то читала, о пастушке, которая пасла кроликов — или то были зайцы? Скорее, зайцы. Это считалось одной из тех невыполнимых задач, которые герой сказки должен был выполнить, чтобы избавиться от заклятия.

Она со смехом забралась обратно на пассажирское сиденье и сказала:

— Боже, какая нелепость.

Ее вдруг накрыл прилив непонятной нежности к Фробишеру, и, не будь он за рулем, она могла бы потянуться к нему и коснуться его руки или даже щеки. Она позволит ему поцеловать себя, когда они вернутся в Лондон. Возможно, конечно, что он не захочет.

Они ехали осторожно, но кролики больше не попадались.

— Можно ожидать, что я доставлю вас домой к полуночи, — сказал он.

— Прежде чем машина превратится в тыкву?

— Вот именно.

Ее подтолкнуло спросить:

— А где вы живете, инспектор?

— В Илинге, — ответил он после небольшой

паузы. Гвендолен впервые видела, чтобы человек так неохотно рассказывал о себе.

— В Илинге? В доме? — Она-то представляла его в холостяцкой квартирке в Марилебоне или Кентиш-Тауне.

— Да, в доме. Вы находите это странным?

Она задумалась на мгновение.

— С кем-то?

— Простите?

— Вы делите дом с кем-то, с другим человеком?

Последовало долгое молчание. Возможно, он надеялся, что появятся еще кролики или вообще что угодно, лишь бы отвлечься и отсрочить ответ, но дикая природа не собиралась его выручать, и в конце концов он сказал:

— Только с женой.

— С женой? — Чары развеялись.

* * *

— Мисс Келлинг… Гвендолен…

— Да, инспектор? — холодно сказала она.

Они едва обменялись и словом с момента, когда открылось существование жены. Что тут скажешь? Гвендолен ошибочно полагала, что за ней ухаживают (это она-то, яростно не желающая, чтобы за ней ухаживали!), что он, собственно

говоря, имеет возможность ухаживать за ней, но оказалось, что это совсем не так. У него есть жена! Да он ничем не лучше обычного ловеласа.

— Мне жаль, если я каким-то образом ввел вас в заблуждение, — сказал он.

«Смотри на дорогу», — подумала она. Он ее жалеет? Она ему покажет жалость. Он нахмурился, как бы от нестерпимой боли, и сказал:

— Грех бездействия, а не действия.

— Пф. Это все казуистика.

— Моя жена… мой брак… — произнес он, запинаясь, и наконец вовсе умолк.

— Инспектор, я не желаю знать подробности ваших супружеских отношений. Вам нечего объяснять, поскольку между нами ничего не прозвучало. Как вы ранее выразились, я «полицейское дело». Если и были неправильно истолкованные намеки, они уже забыты. Давайте больше не будем об этом говорить.

— Гвендолен…

— Нет.

Она закрыла от него свое сердце. Воистину, свет не видывал такой дуры.

После мучительно долгого молчания он сказал:

— Полагаю, вы скоро вернетесь в Йорк. Библио-

тека, должно быть, скучает по вам.

— О, ради всего святого, — огрызнулась она, — я не библиотекарша.

— Не библиотекарша? — озадачился он. — Кто же вы тогда?

«Женщина», — сердито подумала она.

— Я была библиотекаршей до самого недавнего времени, — признала она. — Но получила наследство.

Он собрался что-то сказать, но она жестом остановила его:

— На этом тема закрыта. И если вы не возражаете, я предпочла бы, чтобы вы больше не заговаривали со мной до конца поездки.

* * *

Фробишер и впрямь доставил ее домой к полуночи и ради конспирации высадил за два квартала: в «Хрустальной чаше» было людно в этот час, и, если бы Гвендолен заметили в обществе инспектора, это стало бы неприятным завершением неприятной поездки.

— Не открывайте мне дверцу, — сказала она, — вас может кто-нибудь увидеть.

Через несколько шагов она оглянулась. Собака тоскливо смотрела на нее из заднего окна маши-

ны. Это собака его жены, подумала Гвендолен.

По пути в квартиру она поздоровалась с привратниками «Хрустальной чаши», как будто ничего не случилось.

— Много сегодня народу? — поинтересовалась она.

— Очень, — заверили они.

— Хорошо провели выходной, мисс Келлинг? — спросил один из них.

Он имел брутальный вид и, кажется, был неравнодушен к ней. Она с удовольствием представила себе его на ринге с Фробишером. Фробишер не блеснул бы в этом бою.

— Очень хорошо, спасибо, — сказала она.

* * *

Войдя в квартиру, Гвендолен сразу скинула шляпу, туфли и пальто. Она вся пыльная с дороги, надо принять ванну. Она пачкала доселе незапятнанный розовый цвет не только грязью, но и всей унизительной историей с Фробишером. Он в своем праве, конечно, отчего она еще больше злилась на саму себя, — он не сказал ничего, не сделал ничего, что можно было бы истолковать как ухаживание. Они неправильно поняли друг друга.

Она открыла коктейльный шкафчик, теперь довольная, что это не радио, и налила себе бренди, обычное лекарство от горестей жизни.

В дверь квартиры постучали. Гвендолен была уверена, что заперла дверь с улицы. Каким образом кто-то проник на лестницу? И уже за полночь — черт возьми, кто это может быть в такой час? Наверняка Фробишер, кто же еще? Пришел вымаливать прощение, объясняться. Объяснять свою *жену*.

Не то чтобы у нее не было сочувствия к людям — обоих полов, — застрявшим в браках без любви. Развод практически невозможен, и измены неизбежны иногда, и не всегда их стоит осуждать. Она иногда думала, что сама была бы готова стать любовницей мужчины, но не его женой, только в таких вещах нужно быть открытым и честным, а не заметать бедную жену под ковер, как будто ее не существует. Возможно, она больна? Или безумна. Как жена Рочестера в «Джейн Эйр». Но это все равно не причина, чтобы отказывать ей в существовании. Нет, подумала Гвендолен, я не буду искать решение в романтических романах. Они дают советы, хуже которых не придумаешь (любовь). Она плеснула себе еще бренди (щедро) и сделала большой глоток.

Стук повторился. Почему он не может оставить меня в покое, вскипела она и рывком открыла дверь, готовая к битве.

Там стоял удивленный Нивен. Он приподнял шляпу, рассмеялся и сказал:

— У вас такой вид, словно вы убить готовы.

— Так оно и есть.

— Надеюсь, не меня, — сказал он.

— Нет, не вас. Не желаете ли зайти?

Он снял шляпу и последовал за ней по узкому коридору. Ей казалось, что она впускает к себе в дом тигра.

Когда они дошли до гостиной, он скорчил гримасу и сказал:

— Я вижу, моя мать не преувеличивала, когда говорила, что здесь все розовое.

— Я к этому привыкаю. У меня был довольно долгий и утомительный день. Я выпивала, а потом собиралась принять горячую ванну. Составите мне компанию?

— В чем? В выпивке или горячей ванне?

Гвендолен налила виски и подала ему, а затем налила и себе. Нивен производил впечатление человека, любящего хороший односолодовый виски. Ее отец любил такой.

— В том и другом, если хотите.

— Вы неизменно полны сюрпризов, мисс Келлинг.

— Но я должна предупредить — я не девственница.

— Как я уже сказал, вы полны сюрпризов.

— Я и не библиотекарша тоже.

Сюрприз!

Гвендолен не сразу осознала, что ее разбудил настойчивый звонок в дверь. Она открыла глаза навстречу дневному свету, раскалывающейся от боли голове и несвежим испарениям из желудка. Похоже, накануне вечером она напилась до беспамятства и, вероятно, рухнула на кровать, забыв о правилах хорошего тона. До приезда в Лондон она так мало пила, что с тем же успехом могла бы подписать обет трезвости. Интересно, что сказали бы мисс Тейт, мисс Роджерсон и мисс Шоу о таком алкогольном разгуле. Их представление о головокружительном излишестве ограничивалось «глоточком хереса», который в библиотеке выпивали после закрытия в канун Рождества.

Разгул! Ее память неприятно освежил снова раздавшийся звонок. Нивен, боже милостивый! Где он? Его не было в постели, из которой она только что выпрыгнула. Вообще никаких следов его присутствия. Никто не спал в ее кровати, никто не остался, чтобы заварить ей чай или принести завтрак на подносе. Никто не осквернял розовое царство уже в силу своей половой при-

надлежности. Самое Гвендолен тоже, кажется, никто не тронул.

Она потянулась за халатом, не свалявшимся шерстяным, прошедшим с ней войну и все, что случилось потом, а прелестным шелковым пеньюаром от «Либерти». Он составлял комплект с ночной рубашкой. Этот шелковый гарнитур подошел бы для приданого и первой брачной ночи. Гвендолен не собиралась проводить медовый месяц, но не видела причин, почему у нее не может быть приданого.

По пути к двери она остановилась и задумалась об этой ночной рубашке. Она не помнила, как надевала ее прошлой ночью. Не помнила и как снимала синее платье-матроску, в которой ездила на прогулку с Фробишером. Она оглядела спальню — платье аккуратно висело на спинке стула. Гвендолен была почти уверена, что в состоянии крайнего опьянения не стала бы утруждать себя развешиванием одежды. Что произошло между ней и Нивеном? Что она рассказала ему, когда виски развязало ей язык, *in vino veritas*?[116] Лишь бы не сболтнула о Фробишере.

В дверь снова настойчиво позвонили.

---

[116] Сноски: 116
Истина в вине *(лат.)*.

Она ожидала в худшем случае Китти, а в лучшем — Нивена (хотя, возможно, прилагательные следует поменять местами), но это не были ни та ни другой: это оказалась их мать.

— Я разбудила вас? — сказала Нелли. — Простите, я не хотела заставать вас врасплох. Просто нужно обсудить всякие мелкие дела, связанные с клубом. Вам нехорошо, мисс Келлинг? Вы как будто очень разволновались.

* * *

Нелли вернулась к «бентли», припаркованному у «Хрустальной чаши», и тихо размышляла на заднем сиденье, пока Хоукер терпеливо ждал указаний. Бывали дни, когда торопить хозяйку без толку.

Гвендолен Келлинг, *en déshabillé*[117] (Нелли нравился этот французский термин, хоть она и выучила его отнюдь не в монастырской школе). Благодаря Ландору она знала, что Нивен заявился в квартиру Гвендолен Келлинг в полночь и не уходил до трех утра. Можно не гадать, что там происходило. Но Нивен, ладно бы кто другой, что же он затеял? Сначала Мэддокс и Эдит составили

---

[117] Сноски: 117
В дезабилье *(фр.)*.

маловероятную пару, а теперь Гвендолен Келлинг и Нивен. Неужели все дети, один за другим, предают Нелли?

Ей было приятно думать, что благодаря Ландору она знает каждое движение, каждый шаг Гвендолен Келлинг. Вчера, по словам Ландора, она встречалась с Фробишером на Паддингтонском вокзале.

— В кафе, — доложил он.

— В буфете? — Нелли сама однажды встречалась там с мужчиной. Думаешь, что на вокзале тебя не узнают, но на кого-нибудь обязательно наскочишь.

Они планировали небольшую поездку в его машине, сказал Ландор.

— У мисс Келлинг был выходной, — невозмутимо сказала Нелли. — Полагаю, ей захотелось подышать свежим воздухом.

— Они держались очень по-дружески, — сказал Ландор. — Словно хорошо знакомы, ну, вы понимаете…

— Понимаю.

— Конечно, я не знаю, куда Келлинг и Фробишер отправились на свою маленькую прогулку. Для этого мне понадобилось бы купить собственную машину. Или одолжить ваш «бентли».

— Мечтать не вредно, — заметила Нелли.

— А потом она возвращается и проводит ночь с вашим мальчиком.

— С каким мальчиком? — озадачилась Нелли.

— У вас их только два, — сказал Ландор, — если, конечно, у вас нет тайного внебрачного ребенка.

— Ну…

— Он меня избил, знаете ли, ваш мальчик.

— Кто-то должен был это сделать, — сказала Нелли.

* * *

Хоукер поглядел на Нелли в зеркало заднего вида. Можно почти увидеть, как работает ее мозг, подумал он. Это ужасало.

Он терпеливо ждал, и наконец она сказала: «Домой, — и добавила: — Ганновер-террас», будто он мог не знать, где она живет.

Тайное свидание

Скамейки вокруг лодочного озера в Риджентс-парке словно спорили за право сыграть роль второго плана в драме семейства Кокер. На одной из них сейчас сидела бледная, все еще слабая Эдит.

— Выйду подышать свежим воздухом и размять ноги, — сказала она кухарке, которая тщетно пыталась удержать ее. Нелли по-прежнему настаивала на постельном режиме для дочери, и в отсутствие Нелли этим утром кухарке была поручена невыполнимая задача удержать Эдит дома.

— От нее только тень осталась, того и гляди ветром сдует, — сказала кухарка, обращаясь к Филлис. — Иди-ка лучше проследи за ней. Если что неладное выйдет, нам всем достанется.

«Тебе достанется», — подумала Филлис, но вслух произнесла:

— Схожу за пальто.

* * *

Филлис была неприметна. Такой дар — и напрасно пропадает, говорили ее мать и тетка,

думая о своем ремесле. Ей не нужно было прятаться за деревьями или ползать под живыми изгородями — она могла попросту стоять на виду и оставаться незамеченной. «Как будто на воду смотришь», — говорила тетя Агнес.

Невидимая Филлис наблюдала, как ослабевшая Эдит, пошатываясь, брела по дорожке, а потом опустилась на первую же скамейку. «Заражение крови» — вот что ее подкосило, как говорили, и мать Филлис произнесла: «Теперь это так называется?» — так что Филлис прекрасно понимала, что случилось с Эдит.

Хоть Филлис и жила в довольно спартанской мансарде дома на Ганновер-террас, она регулярно ходила в Уайтчепел проведать родных. «Как маленький связной», — с нежностью говорила ее мать. Семья всегда с радостью слушала новости о Нелли. А кто бы не слушал?

Вскоре к Эдит на скамейку подсел мужчина. С ним была собачка на поводке, она уселась посередине и поглядывала то на мужчину, то на Эдит, словно следя за разговором. А говорили они долго, очень серьезно. Он часто хмурился, Эдит сидела поникшая, они не обменялись ни единой улыбкой, а потом он помог ей подняться и проводил до ворот парка. Перевел через дорогу, остановив

движение вытянутой вперед рукой, как полицейский, и успел доставить ослабевшую Эдит на другую сторону так, чтобы никто из них не попал под колеса. Попрощались они очень вежливо, и он дождался, пока она вошла в дом, словно беспокоился, чтобы с ней не случилось что-нибудь на последних нескольких ярдах между палисадником и дверью. Настоящий джентльмен, подумала Филлис. Но точно полицейский. С ее-то наследственным нюхом она их распознавала за милю.

Филлис еще помешкала на свежем воздухе. В доме на Ганновер-террас было столько работы, что она уже начинала сомневаться: так ли уж хорош путь праведный, когда можно стянуть кошелек из кармана и жить на добычу целую неделю.

* * *

Несмотря на возражения кухарки, Филлис твердо намеревалась рассказать Нелли, когда та вернется, о маленькой эскападе Эдит. Ей нравилось быть у хозяйки на хорошем счету.

— Кстати, — сказала Филлис вместо приветствия, — у вас крысы завелись.

— Можно подумать, я не знаю, — ответила Нелли.

* * *

— Так кто это был? С кем она встречалась? — спросила Нелли, когда ей доложили о вылазке Эдит в парк. — Мэддокс?

— Нет, — сказала Филлис. — Не он. У того черное сердце пирата с Варварского побережья.

Девчонка читает книжки. Нелли вздохнула.

— Так кто же это был, если не Мэддокс?

— Ни за что не догадаетесь.

— Очевидно, не догадаюсь. Так скажи мне.

Бесплодная земля

Фробишер шел пешком к Тауэрскому мосту. Вчерашняя поездка в Оксфорд настолько отбила у него желание садиться за руль, словно сам «остин» был каким-то образом виноват в катастрофическом исходе дня с Гвендолен Келлинг. Фробишер содрогался от воспоминаний. «Жена?» Это слово отдавалось эхом в мозгу. Из памяти не шло ошеломленное, недоверчивое лицо Гвендолен. На нем читалось и отвращение тоже, будто он пошлый ловелас. Что ж, возможно, так оно и есть. Его поступки, может, и не соответствовали поведению ухажера, но намерения — вполне.

Гвендолен на миг подарила ему проблеск иной жизни, легкости, невозможной в нынешних обстоятельствах. Он вспомнил Оксфорд, угасающий день, вспомнил, как держал ее за руку в конце пьесы. То была мечта, а теперь она закончилась, и нужно сосредоточиться на настоящей жизни, на работе, а не искать способ как-то искупить свою вину перед Гвендолен.

Пока инспектор шел вдоль реки, собака весело бежала рядом по тротуару. Пьеро — глупая

кличка, но собака оставалась безымянной до того момента, когда Гвендолен спросила, как ее зовут, и это было первое, что пришло Фробишеру в голову. До тех пор собака была просто Собака, и он до сих пор мысленно звал пса именно так.

Собаку приняли не так, как надеялся инспектор. У Лотти развилась необъяснимая антипатия к ней прямо со дня ее появления, чуть больше недели назад: видимо, жена решила, что он пытается заместить Манон в ее сердце. Он хотел дать ей кого-нибудь, кого она могла бы любить, так что, наверное, она права. Теперь собаке был запрещен вход в илингский дом в отсутствие Фробишера.

Фробишер не знал, что еще делать с собакой, и, похоже, не существовало правила, запрещающего приводить собаку на работу на Боу-стрит, — вероятно, просто никому и в голову не приходило, что такое правило может понадобиться. «Собака?» — мягко поинтересовался дежурный сержант, когда Фробишер пришел этим утром, держа пса под мышкой, чтобы тот не слишком возбудился в непривычной обстановке.

— Да, сержант, собака, — сказал Фробишер, не вдаваясь в детали.

В доках на севере железнодорожная полиция

тренировала овчарок для охраны. Фробишеру нравилась идея патрулировать улицы Лондона с собакой у ноги. Конечно, не с такой. С этой давно сняли костюм Пьеро, но она все равно оставалась маленькой собачкой, склонной без предупреждения показывать фокусы.

Еще одно тело выловили из Темзы, сообщили ему, и оно ожидает в Дыре Мертвеца. Других подробностей не было, и Фробишер, боясь, что это очередная русалка, решил проверить сам.

Когда он добрался до Тауэрского моста, служитель морга стоял на небольшой каменной платформе, куда выкладывали утопленников. Фробишер начал спускаться по мокрым, скользким ступеням: был особенно высокий прилив, и разбухшая река вышла из берегов.

— Еле успели его поймать, — засмеялся служитель морга, затягиваясь сигаретой, которая, казалось, навечно приклеилась к его нижней губе. — Летел мимо, как клипер. Я его еще не перенес в морг.

В руке он все еще держал длинный багор, словно готовый подцепить следующего несчастного, проплывающего мимо.

— Его? Значит, это не девушка?

— Девушка? Нет, какой-то тип в маскарадном

костюме.

«О боже, только не еще один чертов Пьеро», — подумал Фробишер.

— Пьеро? — спросил он, все еще спускаясь по ступеням.

Собака навострила уши. Неужели успела выучить свое имя?

— Пьеро? — переспросил служитель, когда Фробишер добрался до него вслед за собакой. — Нет, шеф, сами посмотрите.

Собака принюхалась, возбужденная вонью речной воды и смерти. Фробишер удержал ее, не пустил обнюхивать тело, лежащее на камне безвольно, как дохлая рыба.

Не рыба и не русалка. И не девушка. Не Пьеро. Матадор.

— Вот такого мы еще не видали, — сказал Фробишер.

* * *

По возвращении на Боу-стрит ему сообщили, что его ждет женщина.

— Я ее проводил в ваш кабинет, сэр, — сказал дежурный сержант. — На нее вроде родимчик нашел.

— Ее как-нибудь зовут?

— Миссис Тейлор.

Фробишер оставил собаку на попечение дежурного сержанта. Тот сказал, что любит собак. Фробишер подумал, не согласится ли сержант взять собаку насовсем, и удивился легкому уколу в сердце при мысли о расставании с ней.

Открыв дверь кабинета, Фробишер осторожно заглянул внутрь — «родимчик» можно было трактовать по-разному. В данном случае это означало измученную женщину, которая, намертво вцепившись в носовой платок, промокала беззвучные слезы.

Он снова выглянул и сказал дежурному сержанту:

— Сержант, будьте добры, сделайте миссис Тейлор чашку чая.

Сержант, недовольный ролью чайной барышни, вздохнул.

— Да поживей, — добавил Фробишер безо всякого сочувствия. — Мэддокс на месте?

— Нет, сэр.

* * *

Чайник чаю был доставлен в свой срок, и Фробишер заметил, что для него чашку не принесли.

Миссис Тейлор рассказала, что она из Колче-

стера и что ее дочь Минни — Вильгельмина — сбежала из дома три недели назад. Миссис Тейлор недавно снова вышла замуж, и «мой Гарольд» с Минни не ладили. Фробишеру вспомнилась Манон. Интересно, ладили бы они, если бы она выжила? Миссис Тейлор была уверена, что Минни соблазнили яркие огни Лондона. В следующем месяце Минни исполнится пятнадцать, и она хотела стать «актрисой».

Фробишер мысленно вздохнул. Почему всех этих девчонок тянет к славе? Достичь ее практически невозможно. Почему бы не поставить себе цель более достойную (хоть и столь же труднодостижимую) — стать, например, врачом или юристом? Фробишер вовсе не был против того, чтобы женщины занимали мужские должности, и подозревал, что они справлялись бы неплохо. В конце концов, во время войны они прекрасно себя показали. Он подумал о Гвендолен. Он вполне мог представить себе, как она работает в полиции, отдает четкие приказы всем подряд. Она бы навела порядок на Боу-стрит лучше, чем пока что выходит у него. А взять Нелли Кокер — она, пожалуй, могла бы управлять страной, хоть и необязательно во благо.

Он записал «Вильгельмина Тейлор, известная

как Минни», но миссис Тейлор, следившая за его записями, поправила его.

— Тейлор — моя новая фамилия, по мужу, — сказала она. — У Минни фамилия отца — Картер, он погиб при Амьене. Хороший был человек. И Гарольд тоже хороший, — поспешно добавила она, словно то, что ее второй муж не погиб на войне, бросало тень на его характер.

— Не сомневаюсь, миссис Тейлор, — сказал Фробишер, зачеркнул «Тейлор» и вписал «Картер».

— Просто Минни слишком привыкла к свободе, а Гарольд считает, что это неправильно.

— Конечно, — успокоил ее Фробишер. — Скажите, миссис Тейлор, Минни носит какие-нибудь украшения? Например, крестик или медальон?

Он с облегчением отметил, что миссис Тейлор не уловила подтекста вопроса.

— У нее есть медальон, серебряный. Подарок крестной, моей сестры.

— А что-нибудь есть в медальоне? — спросил Фробишер. Он на секунду смежил веки. Он не хотел знать ответ. Женщина заплакала громче.

— Моя фотография, — сказала она. — Мы с ней близки. То, что она сбежала, не значит, что она меня не любит.

— Конечно не значит. И… только вы, миссис

Тейлор, никаких других фотографий в медальоне?

Смешок, за которым последовали новые слезы.

— Наш старый пес, Сэмми. Умер несколько месяцев назад. Минни так его любила.

— Терьер? — спросил Фробишер едва слышно. Он был рад, что оставил собаку с дежурным сержантом. Он понял, что она удивительно похожа на собаку с фотографии в медальоне.

— Да, Сэмми был терьер, — сказала миссис Тейлор. — А что такое?

* * *

Медальон, крестик, очки и одинокая серебряная туфелька теперь лежали в картонных коробках в шкафу комнаты вещественных доказательств. Шкаф быстро превращался в реликварий. Фробишер достал коробку с медальоном. Ожидая взрыва материнского горя, он открыл ее.

— Это медальон Минни? — мягко спросил он, показывая содержимое коробки миссис Тейлор.

Она удивила его, жадно выхватив медальон из коробки и баюкая на ладони.

— О, вы ее нашли! — воскликнула она. — Спасибо, спасибо. Где она? Она здесь? Ох, как она обрадуется, когда меня увидит.

Минни, вероятно, уже похоронили в безымянной могиле для бедных, подумал Фробишер, но не стал говорить об этом матери: ей слишком тяжело было бы узнать все в один день. Он сказал, что наведет справки. Фробишер пожалел, что медальон не похоронили вместе с девочкой. Минни. Теперь у нее было имя. От этого становилось только хуже. Лучше бы она так и осталась пропавшей, застывшей где-то между двумя мирами, а не погрузилась в бесконечную ночь безо всякой надежды на возвращение.

— Что с ней случилось? — спросила миссис Тейлор, которую тошнило слезами.

Фробишер помедлил, прежде чем ответить:

— Река забрала ее.

Это была не совсем ложь. Он налил женщине еще чаю. Заметил, что у него самого рука слегка дрожит.

* * *

Он проводил миссис Тейлор на улицу. Не смог найти слов утешения на прощание. Вернулся внутрь с чувством опустошенности. Мир, по которому он проходил каждый день, был бесплодной пустыней.

С дежурным сержантом разговаривала женщи-

на. Респектабельная, хорошо одетая, неуместная в этом логове.

— Кто это был? — спросил он после ее ухода.

— Некая миссис Эймс, сэр. Приходила на прошлой неделе заявить о пропаже дочери, Черри.

— И вы мне не сказали? — Боже праведный, как добиться, чтобы они поняли: пропажа — это что-то плохое, с этим нужно что-то делать?

— Вы хотите, чтобы вам сообщали обо *всех* пропавших без вести? — озадачился сержант. — Их довольно много, сэр.

— Нет, конечно, не обо всех. Только о девушках.

— Ну, тогда не о чем беспокоиться, сэр. Миссис Эймс пришла сказать, что ее дочка нашлась.

— Живая?

Сержант посмотрел на него как на сумасшедшего.

— Да, сэр, живая. Она выступает в представлении в «Паласе». Это такой театр, — добавил он на случай, если Фробишер неправильно поймет и решит, что речь о ковре. Сержанта это не удивило бы.

Он передал Фробишеру конверт со словами:

— Вам принесли, пока вы были в кабинете с той женщиной.

— У «той женщины» есть имя, — раздраженно сказал Фробишер.

Он вернулся в кабинет, чтобы прочитать содержимое конверта. Даже самое незначительное действие в стенах участка требовало секретности с его стороны.

Хорошо, подумал он, что не прочел это при дежурном сержанте, так как вряд ли смог бы скрыть удивление на лице. Впрочем, его совсем не удивило бы, если бы оказалось, что послание уже прочли и его содержание разошлось по всему участку.

* * *

— Опять уходите, сэр? — спросил дежурный сержант, когда Фробишер пришел забирать собаку.

— Да, — ответил тот.

— У него спрашивать чего — все равно что зубы дергать, — сказал дежурный сержант Оуксу, только что спустившемуся из женских камер.

— Небось опять пошел к бабе своей, этой самой Келлинг, — сказал Оукс.

И вразвалочку вышел из участка, оставив после себя фыркающий смех, словно эхо. Дежурному сержанту вспомнился Чеширский Кот. Когда-то давно он читал «Алису в Стране чудес» своей

дочери. Он не понял, почему эту книгу все так любят. Сплошная чепуха.

* * *

— Если честно, я больше люблю кошек, — сказала Эдит Кокер, разглядывая собаку. Та сидела перед ней, умоляюще подняв лапу. Явно переоценивала свою привлекательность. — Вам разрешают?

— Брать ее на работу? Наверное, нет.

— А-а.

Фробишер думал, что сможет спустить собаку с поводка в Риджентс-парке, но она слишком возбудилась при виде уток. Теперь собака сидела совершенно спокойно, созерцая Эдит Кокер на парковой скамейке.

— Очень послушная, — сказал Фробишер. — Возможно, она из цирка.

Собака повернула голову и посмотрела на него. Фробишер не знал, почему это сказал, — у него не было никаких доказательств циркового прошлого собаки. Наверное, пытался придать ей интереса в равнодушных глазах Эдит Кокер.

Эдит недавно болела — по ее словам, «побывала на пороге смерти», и действительно выглядела пугающе хрупкой: лицо без кровинки, голос

дрожит. Такая слабость Эдит потрясла инспектора — он слыхал, она сделана из той же литой стали, что и ее мать. Он гадал, чем она болела, но спросить было бы неуместно. Вместо этого он произнес:

— Надеюсь, вам уже лучше?

— Самую малость, — без прикрас ответила она. Сделала долгий, медленный вдох и добавила: — Мне открылось многое. И теперь я хочу открыть это вам.

«О господи, — подумал он. — Мало того что Кокер, так еще с религиозной манией. Сейчас начнет проповедовать».

Она действительно собралась исповедоваться, но не так, как он опасался.

— Я должна рассказать вам об инспекторе Артуре Мэддоксе, — сказала она.

— Продолжайте, мисс Кокер, — тихо произнес он, боясь ее спугнуть. Пес был менее скрытен — он вилял хвостом, жадно ожидая историю, которую собирались поведать бледные губы Эдит.

* * *

— Мэддокс был моим любовником, — сказала она.

Фробишер захлопал глазами, пораженный ее

откровенностью. Он не ожидал откровений о тайном возлюбленном. Он ожидал гроссбухов, документов, счетов, разнообразных методов, которыми Мэддокс снимал сливки с крышуемых клубов и компаний. Инспектор не сомневался, что Мэддокс также закрывал глаза на торговлю наркотиками и мелкое воровство. Однако оказалось, что его продажность намного хуже, намного ужаснее, чем Фробишер когда-либо подозревал. (Каким же наивным дураком он был.) Когда Эдит только начала рассказ — тихо, едва громче шепота, — Фробишер ощутил холодное недоверие к ее словам. Чего и ждать от брошенной женщины, отвергнутой возлюбленной, жаждущей мести. Но чем больше она говорила — все так же ровно, решительно, — тем сильней он понимал сердцем, что она говорит правду.

Она соткала для него гобелен, где все нити складывались в узор, который, как внезапно понял инспектор, существовал все это время, существовал уже много месяцев назад, когда сам он еще был в Скотленд-Ярде, задолго до его прихода на Боу-стрит. Но он не смог разглядеть этого узора — ему застила глаза одержимость семьей Кокеров. Не клубы пожирали девушек, а Мэддокс и его приспешник, сержант Оукс.

— Оукс? — Вероломство Оукса разочаровало Фробишера больше, чем предательство Мэддокса. Он доверял Оуксу. Считал его «надежным человеком».

Мэддокс оказался лесничим, переметнувшимся на сторону браконьеров. Он забирал девушек, «которых наверняка никто не хватится», сказала Эдит Кокер. «Спрос и предложение, старший инспектор, древнейшая профессия». Девушки, сбежавшие из дома, девушки-сироты из приютов, девушки с улицы, девушки из танцевальных школ, девушки, привлеченные обещаниями чистой постели и сытной еды или перемены в судьбе. Иногда Оукс отвозил девушек в машине Мэддокса в другие части города, побогаче, сказала Эдит.

— И потом привозил домой? — спросил Фробишер. Его медленно охватывал ужас.

— Не всегда.

— И вы знали? — Она знала, что мужчина, с которым она делит постель, торгует живым товаром по всему Лондону? Была причастна к этим гнусным делишкам?

— Я не *знала*. — Она тщательно выбирала слова. — Но, наверное, никогда и не спрашивала. *Mea culpa*, господин старший инспектор, я была

дурой. Грех бездействия, — добавила она, — а не действия.

То же самое он сказал Гвендолен, когда признался ей в существовании Лотти. *(«Пф. Казуистика».)* Гвендолен права: это оправдание в лучшем случае жалкое, хотя на самом деле вообще никакое не оправдание.

— Меня одурачили. Я думала, что люблю его. Поверьте, господин старший инспектор, я дорого заплатила за свою глупость.

— Этих девушек хватились, — сказал Фробишер. (Миссис Тейлор, мистер и миссис Ингрэм. Они не забыли своих девочек. Они хотели вернуть их.)

И конечно, это было еще не все. Тисбери-корт и Матушка Уиберн — имя будто принадлежит комическому персонажу из пантомимы, но эта женщина — сводня самого омерзительного пошиба. И некая миссис Дарлинг с Генриетта-стрит — он послал туда растяпу Кобба, чтобы отделаться от Гвендолен. Она твердила, что он должен пойти сам, но он со смехом отмахнулся от ее беспокойства. *Mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa*[118].

Миссис Дарлинг, по словам Эдит, была не толь-

---

[118] Сноски: 118
Моя вина, моя вина, моя огромная вина *(лат.)*.

ко сводней, но и, помилуй нас Господь, еще хуже того — подпольной абортмахершей. Он вспомнил изуродованное тело девушки с крестиком, которую *еще живой бросили в воду*. Есть ли у Эдит доказательства против этой женщины? Эдит рассмеялась — пустым, безрадостным смехом — и сказала:

— Только то, что перед вами, инспектор.

А-а, подумал Фробишер, *вот* почему она так болела.

Он думал, что Эдит предоставит веские доказательства, возможно, даже выступит в суде и разоблачит Мэддокса, и его посадят за злодеяния, но она резко отказалась. Она не будет давать показания в суде.

— Ни за что на свете.

— Тогда зачем вы открылись мне?

— Чтобы вы всё знали, конечно. Вы сыщик, вам и искать доказательства. Мэддокс собирается захватить наши клубы, старший инспектор. Больше власти, больше денег, больше девушек.

«Может, *это* ею движет? — подумал Фробишер. — Не стремление искупить грехи, а защита семейного бизнеса?»

— Можете трактовать как угодно, старший инспектор. — Она беспомощно пожала плечами. Ее

позицию можно было принять за бессердечие, но Фробишер знал это выражение глаз. Ей было уже все равно — он видал такой же взгляд у Лотти.

Он проводил ее из парка, беспокоясь, что она слишком слаба, чтобы идти самой. Пес давно утомился от бесконечной литании мерзостей в описании Эдит, и его пришлось будить.

* * *

— Нечестивым же нет покоя, — весело сказал дежурный сержант, когда Фробишер вернулся. — Еще одно тело, сэр. Кто-то позвонил, пока вас не было. Анонимно.

Последнее слово он выговорил с трудом.

— У Тауэрского моста? — рискнул предположить Фробишер. Похоже, такова его судьба. Он ощущал духовное родство с Сизифом.

— Нет. Убийство. Ни за что не угадаете где. Вам понравится, инспектор.

«Очень сомневаюсь», — мрачно подумал Фробишер.

Загадка «Сфинкса»

Фреда ложилась очень поздно и все равно вставала задолго до Ванды. Проснувшись, она первым делом наполняла чайник и ставила его на единственную газовую конфорку — опасное приспособление, шатко примостившееся на деревянной сушилке для посуды у раковины. Затем Фреда отрезала толстый ломоть хлеба, намазывала маслом и ела, ожидая, пока закипит чайник. В квартире Ванды всегда были хлеб и масло, но, к сожалению, только они. Ванда не покупала еду и не готовила — что, видимо, поспособствовало ее поспешному отъезду из Грэнтема.

«А куда делся ребенок?» — рискнула спросить Фреда однажды, и Ванда ответила:

«Пришлось оставить. Поверь мне, Фреда, для него так лучше. У Уолтера целая армия сестер и кузин, которые жаждали наложить на него лапы. Я старалась как могла, но… никаких сожалений», — бодро добавила она.

Фреда энергично жевала хлеб; он был черствый. Из соседней комнаты доносился храп Ванды. Та, кажется, была на удивление довольна своей

новой жизнью.

Фреда решила, что сегодня отыщет бакалейную лавку и купит варенья, кусок сыра и, может быть, ветчины, чтобы Ванда не тратила деньги, постоянно питаясь в кафе. Рыбные консервы тоже пригодятся, и, возможно, солонина. Еще Ванда приносила тарелки с едой из ресторанов и никогда не возвращала посуду. И столовые приборы тоже — все это захламляло квартиру. Фреда подумала, что могла бы вернуть их, если сегодня будет время.

Когда чай был готов, она отнесла его Ванде, которая по утрам всегда выглядела ужасно. Размазанный макияж, склеенные веки, сбежавшие из прически пряди волос. Повсюду была развешана одежда, и в комнате стоял запах — смесь несвежего тела, соли и парфюма. Время от времени легкий душок погребенной в стене дохлой крысы добавлял неприятную верхнюю нотку.

Ванда проснулась с фырканьем и, все еще в полусне, пробормотала: «Ты ангел, миленькая», когда чашка с блюдцем оказались на ее прикроватном столике. Она выпуталась из простыней и потянулась за сигаретами. Фреде не разрешалось открывать шторы. Ванда вела себя так, будто глоток свежего воздуха и дневного света в этот

час могли ее убить. Вместо завтрака и обеда у нее были чай и сигареты.

Джоан в соседней квартире следовала такому же расслабленному распорядку, как Ванда. Если у нее заканчивался чай или сигареты, она заходила (у нее был ключ) в потрепанном халате и стреляла нужное у Ванды. Ванда отвечала тем же. «Хорошо, когда есть подруга», — говорила Ванда. Это правда. Фреда могла подтвердить. Главное — не потерять ее.

Подав Ванде чай и выпив свою чашку, Фреда начинала встречать день: умывалась, одевалась и принималась за приятную работу — мыть, чистить и убирать квартиру. Грязь, казалось, появлялась заново каждый день — тарелки и чашки громоздились в раковине, повсюду валялись окурки, не говоря уже о «труликах» и огромных розовых атласных бюстгальтерах, гирляндами развешанных на кухне. Фреда не помнила, чтобы Ванда была такой неряшливой, когда они работали в «Вязке», но, наверное, тогда их держала в порядке Адель. «Вот стерва», — вздыхала Ванда с тоской о прошлом.

Фреда часто находила в квартире странные предметы — хлыстики, как для верховой езды, резиновые маски и бельевую веревку. «Джо-

анины особые штучки», — говорила Ванда. В собственной квартире Джоан не хватало места для всех нужных ей «аксессуаров». Раньше Фреда думала, что это слово обозначает такие вещи, как перчатки и чулки. «Мм, и их тоже», — туманно отвечала Ванда.

Ванда и Джоан бесконечно болтали о том, чтобы вместе снять что-нибудь побольше, где можно было бы устроить «комнату ожидания». «Как на вокзале?» — спросила Фреда, и Ванда ответила: «Точно, миленькая».

Дополнительная площадь определенно не помешала бы. На прошлой неделе Фреда вернулась днем и обнаружила на кухне мужчину, привязанного к стулу возле раковины. Рот у него был заткнут большим носовым платком. Фреда подумала, не вытащить ли платок, но, когда приблизилась, пленник в ужасе выпучил глаза и энергично замотал головой. Тут появилась Ванда и попросила: «Миленькая, поставь чайник, а?», словно маневрировать вокруг связанного мужчины с кляпом во рту, чтобы добраться до чайницы, — совершенно обычное дело. Фреда спросила, не налить ли и ему чашку, но строгая Ванда сказала, что категорически нет, он не заслуживает ничего, кроме хорошей оплеухи.

Он принадлежит Джоан, сказала она, один из ее особенных клиентов. «А я за ним приглядываю для нее», — пояснила она.

Сегодня утром, слава богу, в квартире не обнаружилось никого лишнего, и, закончив уборку, Фреда крикнула:

— Ну я пошла!

Ванда прохрипела в ответ утренним голосом:

— До встречи, миленькая. Не делай ничего такого, чего бы я не стала делать! — что открывало довольно широкий спектр возможностей.

* * *

— Черри! Черри!

Это была несомненно Черри Эймс. Взволнованная Фреда побежала за ней по Сент-Мартинс-лейн, окликая по имени.

Можно подумать, Черри Эймс оглохла с тех пор, как Фреда видела ее в последний раз, но наконец она обернулась и остановилась.

— Фреда! Фреда Мёргатройд, — сказала она (очень хладнокровно, заметила Фреда). — Надо же, какая встреча. Как дела?

А вот Фреда совсем не сохраняла хладнокровия: наоборот, она немножко сошла с ума от радости при виде знакомого лица.

— У меня все хорошо, спасибо, — сказала она. (Во всяком случае, «лучше», подумала она.) — Как ты?

Черри определенно выглядела хорошо. Она всегда одевалась со вкусом, но теперь была очень элегантна, такие наряды можно купить только в магазинах Вест-Энда. Фреда предложила пойти выпить где-нибудь чаю, за углом есть «Лайонс», и Черри вздохнула и протянула:

— За углом всегда есть «Лайонс», — словно все эти рестораны ей безумно надоели. «А, понятно, — подумала Фреда, — играет пресыщенную столичную штучку. Что ж, все мы через это прошли». Она сама играла эту роль для Оуэна Вэрли, и для Рамзи Кокера тоже.

Черри наконец согласилась пойти в «Лайонс», хотя там едва притронулась к чаю, предпочитая курить.

— Помогает сохранять фигуру, знаешь ли. Впрочем, тебе это не нужно.

Фреда рискнула спросить, как дела в «Вэнбру».

— О, эта дыра, — пренебрежительно сказала Черри, — понятия не имею, я ушла оттуда давным-давно.

«Ну, не так уж давно, — подумала Фреда, — я сама только пару недель как ушла оттуда». Черри

сказала, что играет на сцене. У нее было прослушивание в «Ко-оптимисты» в «Паласе».

— И я получила роль!

— Молодец, — сказала Фреда. От слова «прослушивание» она дернулась.

— Конечно, роль крошечная, но обо мне уже написали рецензию — «Дебютантка блистает» и так далее. А ты как?

— Я? Танцую. В ночном клубе.

— Ой, бедняжка. Это, наверное, совершенно ужасный кошмар?

«Да кто же эта особа? — подумала Фреда. — Неужели настоящая Черри Эймс — милая, добрая и совершенно нормальная — заперта внутри этой нервной самозванки?» Фреда собиралась спросить, не слышала ли Черри что-нибудь о Флоренс, но Черри резко встала и сказала:

— Ужасно извиняюсь, Фреда, но мне нужно идти. — Она затушила сигарету в пепельнице. — Я безумно занята. Мы репетируем целый день, они постоянно добавляют что-то новое в шоу. Чудовищная скука.

— Наверное.

— А потом у меня ужин в «Кафе Ройял» с одним из инвесторов шоу. Я буду *совершенно без сил*.

Если присмотреться внимательно, под толстым

слоем макияжа и за напряженным взглядом усталых глаз, должно быть, все еще таилась настоящая Черри, пытаясь защитить себя. Интересно, подумала Фреда, какой ценой Черри получила роль в «Ко-оптимистах». Хотя что тут гадать, она знала доподлинно.

— Что ж, приятно было повидаться, — сказала она с деланой жизнерадостностью.

Они поцеловались на прощание, Черри потянулась ко второй щеке, это поцелуй на континентальный манер, как Фреда узнала в «Сфинксе». Иногда целуются трижды. Ужасно глупо. Чем их не устраивает обычное рукопожатие?

— О, — сказала Черри, роясь в сумочке, — вот… — Она достала два билета и протянула их Фреде. — Возьми, это контрамарки на наш спектакль. Можешь прийти на любое представление. Хорошие места, — добавила она. И вдруг погрустнела и, закусив губу, сказала: — Честно, приятно было с тобой повидаться. — И добавила, уже собираясь уходить: — Я чуть не забыла, кто-то приходил в «Вэнбру», искал тебя и Флоренс.

— Искал нас? Моя мать? — Почему-то Фреде в это не верилось.

— Нет, не мать. Не знаю, что за женщина. Кажется, она не назвалась. Кстати, как там Фло-

ренс? О боже, — сказала она, заметив часы на стене, — мне правда пора бежать. Еще увидимся. Ты знаешь, где меня найти.

И она исчезла.

«Кто же меня ищет?» — размышляла Фреда. Возможно, миссис Ингрэм, хотя миссис Ингрэм, конечно, слишком робка для Лондона. Хочет ли Фреда, чтобы ее нашла миссис Ингрэм? Что она сможет ей сказать? «Мне ужасно жаль, но Флоренс растворилась в воздухе». Фреду нашла Ванда. Найдет ли кто-нибудь Флоренс?

* * *

— А, вот ты где, — сказал Рамзи, когда Фреда пришла в «Сфинкс». — Я уже заждался.

— Встретила подругу.

— Ну тогда приступим.

Он попросил Фреду сегодня прийти пораньше, чтобы помочь кое с чем. «С планом». Он проиграл невообразимую сумму (тысячу фунтов!) в какой-то «катран», она так поняла, что это вроде карточной игры, и был в ужасе от последствий. И зачем только он играл по таким высоким ставкам, если ему нечем отдавать? Сумасшедший какой-то.

— Думаю, меня одурманили, — сказал он, явно

жалея себя. — Они все время подливали шампанское.

— Ты что-нибудь ел? — спросила Фреда.

— Не знаю — икру, устрицы? Там был фуршет.

— Хм, — сказала Фреда. — А на следующий день все превратилось в камни и пепел?

— Ну, метафорически выражаясь.

Фреда не знала, что такое «метафорически», но суть уловила.

Поначалу Фреда думала, что Рамзи попросил ее прийти пораньше, чтобы научить его получше играть в карты, а если это не выйдет, то научить его плутовать, и тогда у него будет шанс отыграться. (Однажды вечером она нечаянно проболталась о своих талантах.) Но тысяча фунтов! Это был бы тот еще трюк, а Рамзи, если честно, далеко не туз в колоде.

Оказалось, дело не в картах. Пока она вешала пальто, он спросил:

— Ты хорошо подделываешь почерк?

— Не знаю, никогда не пробовала.

— Все когда-нибудь бывает в первый раз, — сказал он. Конечно, именно это всегда говорил и Дункан.

* * *

Рамзи объяснил свой план. Фреда сочла, что как-то незаконно подделывать письмо от его матери в банк, чтобы облапошить ее, но Рамзи сказал, что Фреда сама спокойно соврала о своем возрасте и опыте, чтобы получить работу (но ведь это совсем другое!), и вообще он не собирается облапошивать Нелли, не будет забирать ее деньги из банка, ему просто нужно посмотреть кое-какие бумаги, которые она там хранит.

Все равно Фреде это казалось надувательством:

— Что мне мешает пойти прямо к миссис Кокер и выпустить кота из мешка?

— То, что ты мой друг.

— Нет, не друг.

От этой мысли ей стало неприятно. У нее только подруга, и, пока она ее не найдет, другие ей не нужны. Даже притом что она проводит много времени в обществе Рамзи, они вовсе не друзья. Они, в сущности, ровесники, хотя он на несколько лет старше.

— Послушай, Фреда, — неловко сказал он, — я боюсь красивых слов, но это вопрос жизни и смерти.

— Это «метафорически»?

— Нет, по правде. Этот Аццопарди говорит, что убьет меня, если я не сделаю того, что он просит.

— Тогда заплати мне, — сказала Фреда. Она очень осмелела с тех пор, как начала работать в «Сфинксе». Стала понимать себе цену.

— Пять фунтов? — предложил Рамзи.

— Пятнадцать.

— Десять.

— Ладно, — сказала Фреда. — Пойду поставлю чайник.

* * *

Фреда пошла на кухоньку «Сфинкса», обнаружила, что чай закончился, и крикнула Рамзи, чтобы принес еще пачку из подсобки. Рамзи, похоже, не услышал, поэтому она отправилась туда сама и увидела его: он застыл как статуя в дверях подсобки. Красный бархатный занавес был отодвинут в сторону, и Рамзи смотрел на что-то словно загипнотизированный.

— Что-то случилось? — спросила она. Он повернулся к ней, но молчал, побелев как мел.

Ей пришлось оттолкнуть его, чтобы заглянуть в дверь и посмотреть, что его так поразило.

На полу среди швабр и ящиков неподвижно лежала девушка.

— Она мертвая? — прошептал Рамзи.

— Думаю, да. — Фреда опустилась на колени рядом с девушкой и взяла ее за руку. Та была миниатюрная, такого же роста и комплекции, как Фреда. Фреда держала руку девушки и нежно гладила ее лоб. Девушка не шевелилась и не дышала.

— Мертвая, — шепнула Фреда, хотя подумала, что это не имеет значения, — мертвые не услышат, хоть кричи во весь голос.

— Я позвоню матери, — сказал Рамзи. Нелли всегда была первым и последним прибежищем в чрезвычайных ситуациях для любого из Кокеров.

Фреда подумала, не нужно ли накрыть лицо девушки, ведь так положено, правда? Когда умер их пожилой сосед в Рощах, все ходили смотреть на него, лежащего в постели, словно это было развлечение. Кто-то положил медные монетки ему на глаза. У Фреды не было монеток, но она сняла кардиган и накрыла им лицо девушки.

Фреда чуть не выпрыгнула из собственной шкуры, когда девушка сбросила кардиган и стала кашлять и задыхаться. Рамзи, разговаривавший по телефону за стойкой, издал немужественный вопль ужаса.

Держась одной рукой за горло, девушка с трудом села.

— Он ушел? — прохрипела она.

— Кто ушел? — Фреда встревоженно огляделась.

— Ублюдок, который пытался меня задушить, — хрипло сказала девушка. — Герти Бриджес, — представилась она, протягивая маленькую, только что безжизненную ручку. — Приятно познакомиться. Чаю хочется до смерти прямо.

* * *

Приехала Нелли, и за чаем, в который она плеснула бренди, они выслушали историю девушки. Герти рассказала, что рано утром была неподалеку от клуба, «работала, если вы понимаете, о чем я», и какой-то мужчина затащил ее в «Сфинкс».

— У него был ключ.

Ключ от черного хода хранился в щели над притолокой. Многие знают, где он лежит, признался Рамзи. Нелли убийственно зыркнула на него.

Герти продолжала рассказ: мужчина связал ее, а потом ушел.

— А потом вернулся, недавно, и задушил меня. — Она задрала подбородок, чтобы им было видно. — Наверное, синяки?

— Ужасные. — Фреда содрогнулась.

— И он думал, что ему это сошло с рук, потому что я потеряла сознание, но потом я очнулась и притворилась мертвой — мне и раньше, бывало, приходилось так делать, — а он не понял, потому что тупой как пробка, да еще и мерзавец, а потом…

Она отхлебнула чаю, и все воспользовались случаем и перевели дух, о чем до сих пор как-то забывали, так захватила их история Герти.

— А потом я услышала, как он звонит по телефону, просит соединить с полицией и говорит, что хочет заявить об убийстве, и я подумала — странно как-то, сам на себя докладывает. Он вернулся, и я чувствовала, как он смотрит на меня, а я даже не дышала — мне бы на сцене выступать. Вы с ним едва-едва разминулись.

— А ты знаешь, кто он? — спросила Нелли.

— Не знаю ни имени, ничего, — сказала Герти, — но видела его раньше. Он полицейский, *это* меня не удивляет. Знаете, что было хуже всего?

Фреда не могла представить, что может быть еще хуже только что услышанного, но Герти объяснила:

— Хуже всего было то, что он все время смеялся, будто, когда душишь кого, это смешно, прямо

обхохотаться можно.

* * *

— Черт возьми, я прям как королева, — сказала Герти, нежась на кожаном сиденье «бентли».

Нелли решила, что лучше убраться из «Сфинкса» до приезда полиции.

— Истинная правда, — сказала Герти.

— Куда едем, дамы? — спросил шофер.

— О, просто покатайте нас, любезный, — напыщенно произнесла Герти, изображая глупый великосветский акцент.

Они с Фредой расхохотались так, что попáдали на сиденья. Словно смешинку проглотили. На волосок разминуться со смертью — это очень бодрит. Хоукер снисходительно улыбался, вспомнив свою дочь в таком возрасте.

— Кингли-корт, пожалуйста, — сказала Фреда, когда они немного успокоились.

Герти уже начала клевать носом. Фреда с удовольствием жила бы в этой машине постоянно. В зеркале заднего вида она заметила, как Хоукер приподнял бровь, услышав адрес.

— Вы уверены? — спросил он.

Ванда не спала, когда они приехали, и сказала:

— Господи, Фреда, я думала, у меня двоится в

глазах — вы как две капли воды.

Фреда кратко пересказала утренние события, и Ванда сказала: «Етить-колотить» — это тоже была любимая присказка Дункана, а Ванда в ответ обычно смеялась и отвечала: «Было б чем, милый».

Герти забралась на постельку Фреды в чулане и погрузилась в такой глубокий сон, что Фреде пришлось проверять, не умерла ли она снова.

* * *

Прячущийся за углом сержант Оукс выругался, наблюдая, как уезжает «бентли». Фреда Мёргатройд была проблемой. Оукс думал сделать ее проблемой Нелли Кокер. Труп в «Сфинксе» должен был помешать Нелли открыть новое заведение после того, как они с Мэддоксом заберут ее клубы. Оукс был доволен проявленной инициативой. Мэддокс наверняка тоже будет доволен? Но теперь выходило, что вместо решения проблемы с Фредой он только все ухудшил.

Он мог поклясться, что девчонка была мертва, когда он бросил ее в той кладовке, но вот она — ходит, разговаривает и сидит в «бентли» Нелли Кокер. И ладно бы только это — теперь их стало две, словно она размножилась там. Они были так

похожи, что он не знал, которая настоящая Фреда Мёргатройд. Теперь у Оукса стало две проблемы.

* * *

— Сядь и возьми себя в руки, пока полиция не приехала, — приказала Нелли сыну. — На, хлебни еще чаю.

Она подлила ему в чашку бренди.

— Когда спросят — ничего не было, понял?

— Понял.

— Запомни, никакого убийства не было.

— Так ведь никакого убийства и не было.

— Вот именно, — сказала Нелли.

* * *

Фробишер прибыл в «Сфинкс» с констеблем в форме. Не Коббом. Почем Фробишер знает, может, Кобб тоже приспешник Мэддокса. У входа был припаркован «бентли» Мамаши Кокер, но уехал, когда Фробишер подошел поближе. «Преступник покидает место преступления», — подумал он.

«Сфинкс» был не заперт, и они беспрепятственно вошли, пройдя под дешевой копией маски Тутанхамона, а затем вниз по наклонному коридору. Здесь была неизведанная территория, и

Фробишера это слегка нервировало.

— Будьте осторожны, — сказал он констеблю. — Если это действительно убийство, убийца может быть все еще тут.

Ночной клуб не был предназначен для света дня. Безжалостное электричество высвечивало каждый убогий угол. Несколько одиноких шаров болтались в воздухе без привязи, а пол был усыпан бумажным серпантином. Уборщица явно еще не приходила. За одним столиком сидели двое — Нелли Кокер и ее сын Рамзи. Нелли, сама безмятежность, пила чай. Рамзи, напротив, был бледен и взволнован.

Фробишер нахмурился, глядя на эту картину, и сказал:

— Мне сообщили об убийстве.

— Убийство? Боже мой! — воскликнула Нелли, грузно поднимаясь со стула и надвигаясь на инспектора с протянутой рукой, словно маленький танк. — Позвольте представиться? — сказала она, как радушная светская хозяйка. — Миссис Нелли Кокер. А вы, должно быть, детектив — старший инспектор Фробишер. Мы так много о вас слышали.

Фробишер не поддался на ее обаяние.

— Звонивший сказал, что здесь убили девуш-

ку, — буркнул он.

— Боюсь, вас неверно информировали, старший инспектор. Я полагаю, что, возможно, вы стали жертвой дурной шутки. Как видите, здесь нет никаких девушек, только мой сын и я, и мы вполне живы.

Рамзи кивнул, подтверждая слова матери.

— Но вы можете осмотреть все заведение, — добавила Нелли и обвела рукой клуб, словно предлагая его в подарок.

Фробишер отправил констебля обыскать каждый уголок «Сфинкса». Он был уверен, что найдутся какие-то улики преступления, если не сам труп. Но все было кристально чисто.

— Нашел вот это, сэр, — сказал констебль, — за стойкой.

Он держал серебряную туфельку. Фробишер взял ее.

— Должно быть, кто-то из танцовщиц потерял, — непринужденно сказала Нелли. — Девушки вечно теряют туфли.

От входа послышались шаги, и все повернулись туда, чтобы увидеть, кто пришел.

— О, глядите-ка, — сказала Нелли, — это мисс Келлинг. Вы знакомы с мисс Келлинг, господин старший инспектор?

* * *

Герти проснулась уже ближе к вечеру, и, поскольку в буфете было по-прежнему хоть шаром покати, Фреда сделала бутерброды с сахаром, которые «умирающая с голоду» Герти проглотила в один миг. Фреда подумала, что смерть и возвращение к жизни, наверное, пробуждают аппетит. Иисус, вероятно, чувствовал то же самое, когда вышел из гробницы. Она вспомнила большое распятие, висящее над алтарем в церкви Флоренс. Она регулярно заходила туда поставить свечу. Их ставят за других, не за себя, говорила Флоренс. Фреда ставила их за Флоренс.

— Ты в порядке? — спросила Герти.

— Да.

Ванда, уходя, сказала Герти:

— Ну, ты уже не такая бледная, миленькая.

Дала ей старый шелковый шарф, прикрыть синяки на шее, и великодушно добавила:

— Оставь себе, это не настоящий шелк.

Герти вздохнула:

— Ну, наверное, мне пора.

Обе несколько сдулись после стольких треволнений, и Фреда сказала:

— Слушай, а не хочешь сходить на представ-

ление? У меня есть контрамарки на «Ко-оптимистов» в «Паласе».

Ящик

Рамзи рассчитывал на помощь Фреды не только с подделкой письма в банк, но и с репетицией его «выступления» (в конце концов, она постоянно твердит, что ее место на сцене). Он даже надеялся, что она пойдет с ним в банк и поделится своей смелостью, но Фреда ушла с Герти, так что теперь ему предстояло действовать без ее поддержки.

На фирменном бланке «Аметиста» Рамзи написал: «Уважаемые господа! Всем заинтересованным лицам. К сожалению, в настоящее время я нездорова и посылаю вместо себя моего сына Рамзи. Прошу предоставить ему доступ к моей банковской ячейке. С уважением, миссис Эллен Кокер».

Ему пришлось сделать несколько мучительно медленных попыток, прежде чем получилось что-то хотя бы мало-мальски убедительное. Словно вернулся в школу, где в наказание заставляют переписывать строчки. В школе «Феттес» и вне ее Рамзи считали «необучаемым», хоть его и приняли в Оксфорд, и он тешился, воображая лица своих бывших учителей, когда они, проходя ми-

мо книжного магазина Хэтчарда, увидят «Эпоху блесток» на видном месте в витрине.

* * *

— Мистер Кокер? Чем могу помочь?

Он направился прямиком к одному из кассиров в надежде миновать управляющего, Снеддона, которого всегда побаивался, даже когда приходил сдавать выручку «Сфинкса». Не прокатило — прочитав письмо, кассир сказал:

— Я только покажу мистеру Снеддону, мистер Кокер.

— Это обязательно?

— Стандартная банковская процедура, к сожалению, — успокоил тот.

После мучительно долгого ожидания наконец появился сам Снеддон и, нахмурившись, сказал:

— Молодой мистер Кокер, доброе утро — я слышал, вы хотите получить доступ к личной ячейке вашей матушки?

Снеддон держал письмо в руке и изучал его, казалось, целую вечность, прежде чем вернуть Рамзи со словами:

— Разумеется, мистер Кокер, прошу сюда. О, и у вас ведь есть ключ, конечно же?

Да, вообще-то, ключ у него есть, большое спаси-

бо. Взят из-под матраса Нелли вчера днем, пока ее не было, скопирован слесарем в Брайдл-мьюс и возвращен под матрас в пределах часа. Узнай Нелли, что сделал Рамзи, она, вероятно, превратила бы его в козла или ящерицу. Узнай она, что он делает сейчас, он исчез бы в клубах дыма, и больше его не видели бы. Он собирался предать мать по указке Аццопарди и все же чувствовал себя почти праведником. Ей плевать на него, она доказала это своим завещанием, так почему он должен за нее переживать?

Вся эта затея страшно пугала Рамзи, но вместе с тем приводила в неизъяснимый восторг. Он не просто писал криминальный роман — он проживал его. Художественная литература и близко не передавала ощущения человека, который после целой жизни в бездействии наконец что-то *делает*.

В ячейке Нелли оказался только один несгораемый ящик, но большой и тяжелый, и кассир, сопровождавший Рамзи в хранилище, с трудом достал ящик и поставил на стол. Снеддон использовал свой ключ, затем Рамзи — свой, и наконец его оставили одного открывать ящик.

Он вспомнил историю Пандоры.

Он поднял крышку.

* * *

— Чем ты, черт возьми, думал? — рычал Нивен. Он держал Рамзи за воротник, словно школьника, и подталкивал к «испано-сюизе», которая с работающим двигателем стояла у банка. — Садись, — рявкнул Нивен, открыл пассажирскую дверь и впихнул Рамзи в машину, после чего рванул по Олдичу с такой скоростью, словно они только что ограбили банк. — И не скули.

— Я не скулю! — запротестовал Рамзи. — Как ты узнал, что я в банке?

— Снеддон позвонил, — сказал Нивен.

Снеддон знал, что Нелли никогда не послала бы Рамзи копаться в ее личной ячейке, и к тому же сразу понял, что письмо — убогая подделка. Однако пожалел Рамзи, сочтя его поступок дурацкой выходкой, «юношеской глупостью», как он выразился, а не преступлением и не желая навлекать на него всю ярость Нелли.

— Он позвонил мне, а не ей, — сказал Нивен. — Ты должен ему спасибо сказать. И зачем тебе так срочно понадобились деньги, что ты устроил этот фарс? Наркотики? Карты?

— Я не брал *денег*, там были только бумаги и всякое такое.

— Что это значит? «Бумаги и всякое такое»?

Рамзи с виноватым видом достал из-за пазухи пачку бумаг. Нивен свернул на Тэвисток-стрит и припарковал машину, чтобы изучить их.

— Документы на право собственности, договоры аренды клубов? Документы фригольда? — недоумевал Нивен. — Зачем они тебе?

У Рамзи задрожала губа и на глаза навернулись слезы. Не от страха, стыда или раскаяния, а от облегчения, что наконец можно признаться. Теперь можно не бояться, Нивен все уладит. Рамзи выложил свою печальную историю.

— Аццопарди? Ты связался с Аццопарди? — Нивен был в ярости. — Ты еще больший идиот, чем я думал. Ты понимаешь, что это значит? С этим «всяким таким», как ты выразился, он завладеет всеми клубами. Всем имуществом Нелли.

— Но они записаны на ее имя.

— Он перепишет на свое. В Лондоне полно фальсификаторов получше тебя. Или, может быть, станет шантажировать ее, чтобы она сама переписала. Угрожать чему-то такому, что ей дорого.

— Ну, не волнуйся, это буду не я, — сказал Рамзи. — Наша мать с радостью пожертвует мной, если это поможет сохранить ее драгоценную империю. Я видел ее завещание, знаешь ли. Ты

будешь в шоколаде, а меня она практически лишила наследства.

— Ее можно было бы понять после этой твоей выходки.

* * *

— Миссис Кокер, — поприветствовал Нелли кассир, когда она решительно прихромала к стойке. — Надеюсь, вам лучше?

Она проигнорировала вопрос.

— Я хотела бы получить доступ к своей банковской ячейке, пожалуйста. — Она приподняла бровь, и кассир побежал искать мистера Снеддона.

Десять минут спустя она уже была в «бентли». На коленях у нее покоился извлеченный из банковского сейфа ржавый железный ящичек. «Сундук с боеприпасами», — подумал Хоукер.

* * *

— Думаю, пора нам обоим выложить карты на стол, не находишь? — сказал Нивен.

— Мои уже выложены, — сказала Нелли, с некоторым удовлетворением кивая на лежащую перед ней раскладку карт Ленорман.

Нивен посмотрел на карты с отвращением. Он часто задавался вопросом, действительно ли его мать верит в оккультизм или просто хочет создать видимость тайной силы, которую может использовать как оружие, если ей перейдут дорогу. Она была театральна до мозга костей.

Рядом на стуле стоял ржавый железный ящичек. Нивен не мог представить себе, что там, хотя ящичек был как раз такого размера, чтобы вместить большую отрубленную голову. Он бы не удивился.

— Что в этом ящичке?

Нелли проигнорировала вопрос. После некоторых поисков Нивен нашел ее в «Хрустальной чаше». Следовало догадаться, что она окажется здесь, это ее любимое укрытие. Для Гвендолен было слишком рано, она обычно приходила позже, и Нивен гадал, в квартире ли она еще и помнит ли что-нибудь о прошедшей ночи.

* * *

Она крепко спала, когда он ушел под утро, — отключилась из-за бренди и односолодового виски, которые безрассудно пила стакан за стаканом. Нивен не понял в точности, что спровоцировало внезапный вакхический разгул, но в этом каким-

то образом был замешан Оксфорд.

В ходе вакханалии Гвендолен совершенно добровольно и по собственной инициативе поведала историю своей жизни, закончив приездом в Лондон.

— И теперь, — весело заключила она, — я шпионка.

— Я так и подозревал, — сказал он. От спиртного у нее развязался язык. — На кого ты работаешь, на Мэддокса?

— Нет!

— На Аццопарди?

— А это кто?

— Тогда на кого?

— На Фробишера, конечно. Он поручил мне искать доказательства, чтобы уничтожить вашу мать. Всех вас уничтожить, наверно.

Фробишер? Конечно, кто же еще. Нивен должен был догадаться, что она служит добродетели, закону и порядку, Мата Хари из нее никакая.

— Разве для шпионажа не нужна секретность?

— Я бросила эту игру, — сказала она. — Покончила с этим, покончила с Фробишером. — Рассмеялась и добавила: — Ну и что ты собираешься со мной делать? Убить?

— В рифму, но первые буквы другие. — Она

слишком много выпила и не смогла угадать, что он имеет в виду, а он не стал подсказывать и поцеловал ее.

Всего один довольно неуклюжий поцелуй со вкусом виски, но Нивена он неожиданно взволновал. А Гвендолен — нет. Она осушила свой стакан и нарочито чарующим голосом объявила:

— Я иду спать. Надеюсь, ты присоединишься.

Он едва удержался от смеха, наблюдая, как она петляет через комнату.

Через полчаса он пришел ее проведать и нашел распростертой на кровати, мертвой для всего окружающего мира. Никакой фланелевой ночной рубашки и носков — ее ночное одеяние подошло бы и новобрачной. Но даже не будь она в бессознательном состоянии, Нивен не собирался с ней спать. Он накрыл ее одеялом, подобрал одежду, раскиданную по комнате, и аккуратно повесил на стул. Потом выключил свет и ушел.

* * *

— Ну что, — ехидно спросила Нелли, — провел приятную ночку с мисс Келлинг? Она очень хитрая, явно и тебя очаровала. Она работает на Фробишера, знаешь ли.

— Что в ящичке? — Мать снова проигнорирова-

ла вопрос, и он вздохнул и сказал: — Рамзи видел твое завещание. И расстроился.

— Нечего совать нос куда не просят, — сказала Нелли. — Ты поэтому здесь? Или хочешь поговорить о своих «тайных» встречах с Аццопарди? Я думала, может, ты планируешь узурпировать мою власть.

— Я? — Нивен рассмеялся. — Я как раз забочусь о твоих интересах, — возможно, только я о них и забочусь. Аццопарди сегодня утром пытался украсть документы на клубы.

— Нет, — поправила Нелли. — Рамзи пытался их украсть. Он предатель.

Последнее слово прозвучало почти нежно, словно Рамзи каким-то образом доказал, что он истинный Кокер.

— Главное, что он не отдал их Аццопарди. — (Что же в железном ящичке?)

— Они у тебя?

— Они в безопасности. Аццопарди хотел заставить тебя переписать все на него? Собирался чем-то угрожать?

— Уже угрожал. Сказал, что возьмет Китти и разрежет на кусочки. Наверное, еще и съест, учитывая его обжорство. Он провел репетицию на прошлой неделе, пытался схватить ее на улице.

О, не волнуйся, — добавила она, увидев, какое лицо стало у Нивена. — Она уехала.

— Уехала? — Куда уехала Китти?

— Я ее отправила в монастырь в Сент-Олбанс. Знаю там кое-каких монахинь, которые мне задолжали услугу. — (Монахини задолжали услугу Нелли?) — Они ее хорошенько спрячут.

— Я так понимаю, у тебя есть какое-то имущество Аццопарди, которое он хочет вернуть. Это как-то связано с этим железным ящичком?

Нелли вздохнула:

— Следующими будут Ширли или Бетти. Я не могу вечно всех сторожить и защищать.

— Что в ящичке?

— Я все ждала, когда ты спросишь, — сказала Нелли.

* * *

Совсем как пиратский сундук с сокровищами из детских книг. Драгоценности — бриллианты, сапфиры, рубины и бог знает что еще. Даже в полутьме «Хрустальной чаши» они как будто светились.

Нелли призналась, что именно с этих камушков и начинала. Нивен был на фронте и ничего не знал о Грейт-Перси-стрит и доброй старухе-хо-

зяйке. Когда он вернулся, Нелли только и сказала: «Мне повезло». Оказалось, старуха была скупщицей краденого и хранила хабар с нескольких ограблений для того, кто их совершил.

— Последнее дело было крупным, он планировал уйти на покой на Ривьере. Навсегда оставить преступную жизнь.

— Дай угадаю. Аццопарди.

— Тогда его звали по-другому, — сказала Нелли. — Я ничего о нем не знала. Это было еще до нашего приезда в Лондон.

История, «по словам моей подруги Агнес» (у матери есть подруга?!), заключалась в том, что некий человек приехал в Лондон из Швейцарии, чтобы продать «сверкальцы» торговцу с Хаттон-Гарден.

— Он был агентом — работал на русских дворян-эмигрантов, — не знаю кого. В те дни каждый второй утверждал, что он Романов.

Безымянный посредник остановился в «Рице», и именно оттуда Аццопарди — его настоящее имя было Спитери — украл всё.

— Позволь прояснить, — сказал Нивен, одарив мать великолепным скептическим поднятием брови. — Аццопарди, или как его там, украл драгоценности Российской империи, а потом ты

украла их у него?

— Не говори глупостей, — сказала Нелли. — Драгоценности Российской империи уже давно продали Советы.

— Значит, в «Рице» его поймали?

— Нет, он решил провернуть еще одно последнее дело — в «Горинге». Ему всадили пулю в руку и арестовали. Учти это как урок.

Нелли сказала, что продала только одну вещь из добычи — ожерелье с аметистами, и оно принесло удачу. Она закрыла ящик и любовно похлопала по крышке.

— Остальное я хранила, чтобы удалиться от дел, — сказала она.

— Верни ему это, и он оставит нас в покое.

Нивен подумал о том, что никогда не видел, как мать признаёт поражение. Возможно, Аццопарди прав, пора ей уйти с поля битвы.

— У нас проблемы посерьезнее мальтийца, — сказала она. — Мэддокс готовится сделать ход.

— И у тебя есть план?

— Как всегда, — сказала Нелли.

* * *

Нивен сам доставил железный ящичек на Итон-сквер. Аццопарди не пустил его дальше порога

и не проверил содержимое. Сказал, что доверяет честности Нелли. «Должно быть, он один такой во всем Лондоне», — подумал Нивен.

* * *

Где же Гвендолен Келлинг? Нивен пошел к квартире и долго жал на звонок у входной двери, но ответа не было. Вероятно, она ушла за покупками или обедает с кем-то. Она слишком сильно ему нравится. Он беспокоился, что от этого становится слабее. Но что, если это делает его сильнее?

Истинная невеста

— О, смотрите, это мисс Келлинг. Вы знакомы с мисс Келлинг, господин старший инспектор?

Фробишер пожал Гвендолен руку (едва коснувшись), глядя при этом куда угодно, только не на нее. Он не умел притворяться. Честные люди редко это умеют.

Гвендолен была в замешательстве. Нелли позвонила и приказала, чтобы она как можно скорее приехала в «Сфинкс». Насколько Гвендолен могла понять из уклончивых слов Нелли, обнаружилась еще одна «жертва» (как она выразилась), которой требовалась помощь. Может, кто-то пострадал в «Сфинксе»? Вряд ли другая бандитская разборка, клуб еще не открылся. Когда Гвендолен приехала, никого нуждающегося в медицинской помощи не обнаружилось, только почти отчаявшийся Фробишер с серебряной танцевальной туфелькой в руке, словно пришел в такое маловероятное место, как «Сфинкс», искать свою Золушку.

Гвендолен ждала от Нелли сигнала, который та должным образом подала:

— Мы решили нашу маленькую проблему без вас, мисс Келлинг. Прошу прощения, если зря потратила ваше время, вызвав вас сюда.

— Ничего страшного, миссис Кокер, — непринужденно сказала Гвендолен. — Я была неподалеку.

— Поскольку инспектор Фробишер закончил здесь, возможно, он проводит вас, — сказала Нелли.

Судя по виду Фробишера, он не считал, что закончил, но все же сказал:

— Конечно. Позвольте мне, мисс Келлинг.

* * *

— Маленькая проблема, что за маленькая проблема? — быстро спросил он, когда они вышли на улицу.

Когда Гвендолен проигнорировала вопрос и зашагала вперед, он схватил ее за руку и потянул назад. Она сверлила взглядом его руку, пока он не отпустил ее.

— Я вам не собачка на поводке, инспектор, — возмутилась она.

Воспоминание об Оксфорде повисло между ними.

— Прошу прощения.

Он забрал свою настоящую собачку от фонарного столба, к которому та была привязана. Собака приветствовала Гвендолен как старую подругу, и Гвендолен, смягчившись, рассказала, как Нелли позвонила и вызвала ее на помощь, а инспектор рассказал об убийстве, которого не было.

— Что-то там произошло, — сказал он, — но хоть убей, не могу понять, что именно.

Он остановил такси и сказал, что ему нужно забрать кое-что с Боу-стрит, а потом ехать в морг Саутуорка.

— Боже правый — неужели Фреда или Флоренс?

— Нет-нет, не хотел вас тревожить.

Похоже, их отношения до сих пор строились в основном на том, что они тревожили друг друга.

Вскоре он вернулся из полицейского участка, сжимая в руке еще одну серебряную туфельку, и поднес ее к первой, до того оставленной Гвендолен на хранение.

— Как думаете? Они пара?

— Ну, выглядят как пара, но трудно сказать наверняка. Но погодите… — сказала она, переворачивая туфельку в руке. — Вы не осмотрели ее тщательно. Я лучший детектив, чем вы, инспектор.

На туфельке было клеймо владельца — инициалы, выжженные на кожаной подошве.

— Наверно, обгорелой палочкой, — сказала она. — Мой брат Дикки так делал, не с обувью, но практически со всем остальным. Полагаю, девушки в танцевальных школах постоянно путаются между собой, они все на одно лицо — туфли, я имею в виду, не сами девушки. М и К — это вам о чем-нибудь говорит, инспектор?

Он посмотрел на подошву туфли, которую принес из участка. Совпадение. Те же инициалы. Да, это говорило ему о многом.

— Девушка по имени Минни Картер, — сказал он.

— И она мертва?

— Да.

— В морге, куда мы едем?

— Куда еду *я*. Надеюсь найти ее там. Я обещал ее матери. Когда Минни вытащили из реки, на ней была одна из этих туфель.

— А ее пару вы нашли в «Сфинксе». Как вы думаете, что это значит?

— Думаю, это значит, что кто-то убил ее там, — сказал Фробишер. — Разве не очевидно?

— А может быть, это значит — кто-то хочет, чтобы вы думали, будто ее убили там?

Фробишер тяжело вздохнул и сказал:

— Бритва Оккама, мисс Келлинг. У вас склонность все переусложнять.

— А у вас склонность все чрезмерно упрощать. Есть люди, которые пытаются уничтожить Нелли.

— Я один из них, позвольте напомнить.

— А другой — ваш инспектор Мэддокс.

— Как я недавно узнал. — Фробишер снова вздохнул. — Нам нужно поговорить о «моем» инспекторе Мэддоксе.

По дороге в Саутуорк он рассказал ей о признании Эдит. У Гвендолен был крепкий желудок, но ее все равно замутило от его рассказа.

— Вы не можете арестовать Мэддокса? — спросила она. — Сегодня, сейчас, пока он не причинил больше вреда? Пока другие девушки не попали в капкан?

— У меня только слова Эдит, — сказал Фробишер. — И, честно говоря, ее мотивы не совсем прозрачны. Мне нужны неопровержимые улики. Даже если кто-то из девушек даст показания, боюсь, присяжные необязательно поверят. Но я не из таких, — поспешно добавил он. — Я найду способ.

* * *

— Я не хочу, чтобы вы заходили со мной внутрь, — сказал он, когда такси остановилось в Саутуорке.

— И все же я зайду.

Собака оказалась послушнее и ждала в такси, охраняя серебряные туфельки.

— Девочка уже собиралась ехать дальше, — сказал служитель морга. — Вы ее вовремя перехватили.

Это было, как и ожидалось, мрачное место. Несколько тел лежало на мраморных плитах вдоль стен. Некоторые — все еще на каталках, на которых их привезли, и все накрыты тонкими простынями. Трупы. Как Гвендолен ненавидела это слово. В холодном воздухе морга стоял знакомый ей по войне запах. Сильный дезинфектант боролся с запахом разложения и проигрывал, и вдобавок воняло формальдегидом от бальзамирующей жидкости. Гвендолен подумала, не придется ли прибегнуть к нюхательной соли, которую она всегда носила в сумочке. Обычно для других, а не для себя. Особенно склонна к обморокам была мисс Роджерсон.

В одном конце комнаты находились металли-

ческие камеры.

— Холодильные, — гордо сказал помощник патологоанатома. — Самые современные, мы их только что установили.

Казалось, он был разочарован тем, что гости не впечатлились. Гвендолен содрогнулась при мысли о том, каково оказаться в одной из этих ледяных камер, взаперти в холоде и темноте.

Служитель отпер одну из камер и выдвинул большой поддон. Тело на поддоне было накрыто простыней, и служитель отвернул ее, открыв лицо юной девушки. «О, какая жалость», — подумала Гвендолен. Она могла понять, когда мужчины убивают друг друга в бою, они подчиняются приказам, они могут даже верить в дело, за которое сражаются. Но намеренно оборвать молодую жизнь и погасить ее, как свечу, ради какого-то извращенного удовольствия — это не укладывалось в голове.

— Вам дурно, мисс Келлинг? — спросил Фробишер с выражением глубокой озабоченности на лице.

Он хороший человек, подумала она. Хороший мужчина. Женатый.

— Все в порядке, спасибо. — Она слабо улыбнулась инспектору. Мало кто улыбается в этом

месте, подумала она.

— Это та самая, шеф?

— Да, — сказал Фробишер. — Ее зовут Вильгельмина Картер.

Ее опознали, сказал он служителю, — пусть обязательно держит ее здесь, пока мать не организует похороны.

— Не отправляйте ее, — строго сказал он, — вы поняли?

— Да, сэр, сохраним ее на льду для мамы.

* * *

Гвендолен попросила кэбмена высадить ее в Вест-Энде. Ей невыносимо хотелось пройтись, побыть среди толпы, ничего не знающей о сырых недрах публичного морга или о зле преступного мира под тонкой поверхностью.

Фробишер помог Гвендолен выйти из такси, и она сказала:

— Давайте будем друзьями, а не врагами, инспектор.

— Конечно, мисс Келлинг. Не менее чем друзьями.

Они пожали друг другу руки, и Гвендолен сказала:

— Держите меня в курсе. Насчет Мэддокса.

Ее вдруг охватила нежность к этому человеку. Она была милосердна. Он вернул имя Минни Картер, поэтому Гвендолен и его одарила именем:

— До свидания, Джон.

Возможно, скорее «au revoir», чем «adieu».

Смерть от воды

Герти сочла, что лучше «Ко-оптимистов» сроду ничего не видала. Фреда как профессионал сцены нашла представление слабоватым, но не стала охлаждать энтузиазм Герти. Когда на сцене появилась Черри Эймс, Фреда легонько толкнула Герти локтем и сказала: «Это моя подруга», чем безмерно впечатлила ее. Фреда думала, что, доведись ей сыграть роль, которую исполняла Черри, она справилась бы намного лучше, но, когда актеры вышли на поклон, Фреда щедро кричала и свистела, пока Черри кланялась, да так, что та заметно встревожилась и стала вглядываться в зал, пытаясь понять, кто там шумит.

Герти, впечатленная звездами, настояла на том, чтобы пойти к служебному входу посмотреть на выходящих актеров. Они не успели дойти до цели, когда Фреда заметила Черри, которая уже спешила наружу, все еще в сценическом гриме и в дорогой с виду меховой накидке. Черри направилась прямиком к машине, припаркованной снаружи, и к мужчине в вечернем костюме, который держал для нее дверцу. Он по возрасту

годился Черри в дедушки, вот только целовал ее определенно не как дедушка, Фреда это точно знала, хотя у нее дедушки никогда не было. Должно быть, это тот самый «инвестор», с которым Черри собиралась ужинать, предположила Фреда. Она гадала, как часто от Черри ожидают ужинов с людьми. С мужчинами. Фреда ощутила неожиданный прилив благодарности к Нелли Кокер. Нелли дала ей работу и не потребовала ничего взамен.

— Похоже, твоя подруга нашла себе папика, — сказала Герти. Фреда никогда раньше не слышала этого выражения, но догадалась, что оно означает. — Ты не поздоровалась с ней, — добавила Герти.

— Похоже, и впрямь не поздоровалась.

— Ну, в любом случае я пошла.

Герти сказала, что у нее есть свое жилье, и пригласила Фреду заходить в гости.

— Обязательно, — ответила Фреда, сомневаясь, зайдет ли.

Она проводила Герти до Севен-Дайалс, там они обнялись на прощание, и Фреда сказала: «Будь осторожна», а Герти ответила: «Ты тоже».

* * *

Все случилось так неожиданно, что Фреда не успела осознать происходящее. Только что она шла через Тауэр-корт, думая о том, чем бы поужинать перед «Сфинксом» (яичницей с картошкой, как раз решила она), и вдруг страшный удар сбоку по голове свалил ее на булыжники.

Удар обездвижил ее, но она слишком хорошо осознавала, что ее тащат. Она не могла говорить, не могла звать на помощь и чувствовала себя ужасно тошно. Слышала она тоже плохо, но откуда-то издали доносился женский голос: «Девушке нехорошо?» — и тащивший Фреду мужчина поднял ее на руки и уверенным голосом представителя власти сказал: «Потеряла сознание на улице. Боюсь, наркоманка. Я прослежу, чтобы ее доставили в больницу».

Фреда пыталась закричать, пыталась вывернуться из его рук, но его хватка только усилилась. Он прижимал ее лицо к грубому сукну пиджака, и она жалобно скулила от отчаяния — тихо, беспомощно, пока он не рявкнул прямо ей в ухо: «Заткни хайло, шлюшка гребаная!»

Она слышала его голос раньше, но не могла вспомнить где, и, прежде чем успела покопаться

в памяти, ощутила болезненный острый укол, и волна темноты накрыла ее и унесла. Последнее, что она услышала, был его смех.

* * *

Когда Фреда очнулась, у нее болела голова — так сильно, как никогда не болела ни у кого за всю мировую историю. Фреда не сразу вспомнила, что произошло. Потребовалось еще мгновение, чтобы понять, что она заперта где-то в темноте. Это ящик? *Гроб?* Ее похоронили заживо? Она запаниковала и звала на помощь, пока не охрипла, все это время колотя и пиная стенки гроба, и тут раздался шум заводящегося двигателя и ноздри наполнил резкий запах бензина. Машина. Она в багажнике машины. Не лучшее место, но хотя бы не гроб.

Поездка была, к счастью, короткой. Когда багажник резко открыли, Фреда хотела выпрыгнуть и убежать, но руки и ноги не слушались. Прежде чем она успела разглядеть лицо похитителя, он снова ударил ее, и она провалилась обратно во тьму.

* * *

Очнувшись снова, Фреда обнаружила себя в реке. Крещение в грязной ледяной воде Темзы привело ее в чувство лишь для того, чтобы утопить. Она погрузилась так глубоко, что казалось, коснулась речного дна. Она вспомнила ловцов жемчуга, про которых рассказывал Дункан. Должно быть, на илистом дне Темзы лежат сокровища — римские монеты и средневековые ожерелья, беспечно потерянные за многие годы, — но это не заботило Фреду. Она всплыла, захлебываясь речной водой, и, как ловцы жемчуга, набрала полную грудь воздуха и втягивала в себя еще и еще, пока ей не показалось, что легкие сейчас лопнут, как воздушные шары.

Она пыталась плыть, но ноги все еще не слушались как следует, и течение, безжалостный хищник, крепко держало ее в своих водных объятиях, а потом вдруг потеряло к ней интерес, и она во второй раз пошла ко дну. Я хорошо плаваю, напомнила она себе. Она стала вспоминать обо всяких призах, которые выиграла на соревнованиях в бассейне Йерсли. Она вспоминала мистера Птицесвиста и ужасную мастерскую модистки на Кони-стрит. Вспомнила, как стояла

на продуваемой ветром платформе на вокзале Йорка, ожидая прибытия поезда, который увезет их в Лондон. Брошь с синей птицей. Похотливая ухмылка Оуэна Вэрли. Церковь Тела Христова. И Флоренс. Милая, добрая, глупая Флоренс.

Ведь так говорят, правда? Что перед смертью вся жизнь проносится перед глазами. Не такая уж большая эта жизнь, когда разворачивается перед тобой вот так. Фреда вдруг рассердилась. Она еще не готова уйти, она хочет большего, намного большего, и лучшего. Она все била и била ногами и снова обрела воздух.

* * *

Фробишер шел через мост Саутуорк, погрузившись в размышления о том, как воздать Мэддоксу и Оуксу по закону, чтобы они точно не вывернулись.

Утреннего матадора (каким давним казалось сегодняшнее утро!) опознали. Это был некто Вивиан Куинн, он вел одну из тех светских колонок, которых Фробишер избегал как чумы. К стыду полиции, его опознали не они, а — что раздражало — журнал «Джон Буль». Когда Фробишер вернулся к себе в контору после посещения морга в Саутуорке, ему позвонил редактор «Джона

Буля» с просьбой написать для них что-нибудь об убийстве. «Правдивы ли, — спросил редактор, — слухи о том, что одним из последних, кого видели с Куинном, был Рамзи Кокер, сын „печально известной Мамаши Кокер“? Думаю, что-нибудь вроде „Сын Королевы порока замешан в ужасающем…“».

Фробишер повесил трубку. «Довлеет дневи злоба его»[119], — устало подумал он.

На мосту его мысли вернулись к Гвендолен Келлинг. Она обратилась к нему по имени. Стоит ли искать в этом какой-то смысл? Она уже не та веселая энергичная душа, что пару недель назад. Он почувствовал укол раскаяния. В их первую встречу инспектора поразил — даже очаровал — ее солнечный нрав. А инспектор каким-то образом умудрился омрачить его, затмить ее сияние своими тенями. Он развивал метеорологические метафоры — темные тучи, сбивающий с пути туман и так далее, — когда зацепился глазом за какой-то предмет в воде. Предмет несло течением, как обычный мусор и грязные обломки, которыми покрыта Темза.

Не мусор — девушка. Тело крутилось и кувыр-

[119] Сноски: 119

Мф. 6: 34. В синодальном переводе: «Довольно для каждого дня своей заботы».

калось, словно лодка на перекатах. Вода в Темзе стояла высоко, только-только начался отлив с быстрым течением, но девушка пыталась плыть, пыталась в одиночку бороться с рекой. Но она слишком маленькая, а вода наверняка слишком холодная (*мы называем это «гипотермия»*, вспомнил он слова Уэбба). Фробишер не колебался и не размышлял здраво о том, что собирается сделать. Позже он думал, что это был поступок безумца, а не героя. Он сбросил пальто, стянул ботинки и нырнул в убийственную реку.

Он догнал девушку у Лондонского моста, и их понесло параллельным курсом. Она что-то крикнула ему, но он не разобрал слов. Он слабел, с трудом удерживая голову над водой, — девушка сильней его, но вода такая холодная, что они оба долго не продержатся. Он тянулся к девушке, но их несло слишком быстро.

Тауэрский мост приближался с огромной скоростью, и, если девушку не схватить в ближайшие секунды, ее уже будет не остановить — унесет к болотам, в море, навсегда. Он вдруг предельно четко увидел ее лицо, а потом вода сомкнулась над ней. Последним сверхчеловеческим усилием он дотянулся и подцепил ее за волосы, потом за руку, потом перевернул тело и обхватил одной

рукой сзади за шею, и теперь, когда течение уже помогало, а не мешало, направил себя и ее к опорам моста, к ступеням, к Дыре Мертвеца.

Они ударились о выступающий бетон. К сожалению, никаких признаков служителя с багром. Фробишер схватился за большое железное кольцо, вмурованное в стену, и каким-то образом, собрав последние крупицы воли, сумел вытолкнуть себя и девушку из воды и втащить на площадку. Он проглотил половину Темзы и теперь выкашливал ее обратно. Как и девушка — она задыхалась и хрипела, словно крупозная. Фробишер чувствовал, как бешено колотится сердце, готовое пойти вразнос. Мой мотор, подумал он. Обессиленные, оба обмякли и лежали на спине. Как две камбалы, подумал Фробишер.

Они пришли в себя не сразу — сначала девушка, потом Фробишер. Их заметили, и вот несколько человек уже спускались по ступеням и толпились в тесноте. Вызвали карету «скорой помощи» — Фробишер отказался для себя, но поехал с девушкой, когда ее, закутанную в одеяла, погрузили в машину. Он наклонился к ней, пока они громыхали в сторону больницы Святого Фомы.

— Как вы себя чувствуете, мисс?..

— Мёргатройд, — слабо прошептала она, не

открывая глаз. — Фреда Мёргатройд.

Фробишер рассмеялся — редкий звук, достойный записи, как песня соловья, хотя Фробишер и не был певчей птицей.

— Фреда, вас повсюду ищут.

Она не была похожа на фотографию, которую дала ему Гвендолен, но он был уверен, что видел ее раньше. Он видел ее повсюду. Она была каждой пропавшей девушкой Лондона, чей призрак преследовал его в часы бодрствования.

— Мисс Мёргатройд, вы пытались утопиться? — осторожно спросил он, когда они подъезжали к больнице.

Она широко распахнула глаза.

— Утопиться? — Она выдала шквал гневных слов, суть которых сводилась к тому, что некий полицейский пытался ее убить. Мэддокс, подумал Фробишер, но она добавила: — В форме. Он смеялся надо мной.

Значит, Оукс.

— Я поймаю его и накажу, — торжественно пообещал Фробишер, но ярость истощила силы девушки. Ее глаза были закрыты, и он не понял, услышала ли она его слова.

* * *

Фреда была «в на удивление хорошей форме», сказал доктор, хоть и истощена. Сон ее вылечит, сказал он.

— Вас тоже, — добавил он, проверяя пульс Фробишера. — Слишком частый, — объявил он, а затем что-то про «мужчину вашего возраста», на чем Фробишер перестал слушать.

Ночная медсестра дала ему сменную одежду.

— У нас есть запас для экстренных случаев, — сказала она. — Подержанная — иногда очень выручает.

Фробишер гадал, откуда взялась одежда и не принадлежали ли грубые бумазейные брюки, рубашка без воротничка и поношенный пиджак, что надеты на нем теперь, мертвецу. Он посмотрелся в зеркало в сортире и поразился тому, как не похоже на себя выглядит. «Мы все мертвецы, — подумал он, — с самого рождения».

Он дежурил у кровати Фреды. Медсестра сказала, что девочке дали снотворное и она не проснется еще несколько часов. С вопросами придется подождать до утра. Где она была? Как попала в реку? И, может быть, важнее всего — где ее подруга Флоренс?

Ему до смешного не терпелось рассказать Гвендолен, он представлял ее изумление и восторг при виде давно пропавшей Фреды, хотя и предполагал, что ее благодарность будет омрачена его неспособностью найти также и Флоренс. Все же синица в руках.

— Со мной была собачка, — сказал он ночной медсестре, когда та проверяла пульс спящей Фреды во время одного из обходов.

— Как мило, — рассеянно сказала она.

Он решил, что выяснять судьбу бедной собаки бесполезно. Должно быть, она или убежала с моста Саутуорк, или в порядке неуместной верности прыгнула за хозяином в Темзу и навсегда скрылась под водой. Может быть, на неких весах высшего правосудия собака стала ценой, которую пришлось уплатить за спасение Фреды. Сердце инспектора сжалось при мысли о такой маленькой собачке в такой большой реке.

— Вы хорошо себя чувствуете, господин старший инспектор? — спросила медсестра.

— Да, да, вполне, — сказал он.

— Тогда идите домой.

* * *

Было три часа ночи, когда он добрался до Илинга на такси, уплатив бешеные деньги. Завтра придется взять себя в руки и снова начать борьбу с «остином».

Лотти, конечно, спала, и он не стал ее будить. Она не знала о его приключении, а он вряд ли расскажет ей.

Когда он проснулся, ее не было рядом. Он не мог припомнить, чтобы она когда-нибудь вставала первой, но потом посмотрел на часы и увидел, что уже далеко за полдень. Он никогда в жизни не спал так долго. Это пошло ему на пользу, он чувствовал себя исцеленным, почти целым, хотя его слегка тошнило, а в легких было мокро, словно они впитали Темзу.

Лотти тоже была в хорошем настроении. Она сварила ему кофе в маленькой французской кофеварке, которую он нашел для нее в магазине в Сохо. Нарезала хлеб и намазала маслом, даже предложила яйцо, от которого он отказался. Он снова почувствовал вину. Это Лотти он должен был взять на ту прогулку в «остине». Свою *жену*.

* * *

В последний момент он отпрянул от «остина». Возможно, ему не суждено быть водителем. Он сел в трамвай. Но поехал не на Боу-стрит, а в больницу Святого Фомы, навестить Фреду.

— Боюсь, здесь нет никакой Фреды Мёргатройд, старший инспектор, — сказала старшая медсестра. Ее вызвали, когда никто из дневных медсестер не узнал это имя.

— Она поступила вчера вечером, — настаивал Фробишер. — Я сам вытащил ее из Темзы. Она спала, когда я ушел.

Ну, девушку действительно привозили, сказала старшая медсестра, морща лоб и изучая записи отделения, «но она выписалась сегодня утром».

— Она оставила адрес?

— Нет, но ее звали не Фреда Мёргатройд. Она сказала, что ее зовут мисс Фэй Ле Монт.

Он отправился на Боу-стрит, заново осознавая свое поражение. На миг он задумался, не приснился ли ему весь этот эпизод.

«Эпоха блесток»

Стопка утренних газет валялась на столе в пустой столовой на Ганновер-террас. Рамзи спустился из своей комнаты в поисках кофейника. Нивен сообщил ему вчера вечером, что долг «улажен», что бы это ни значило (ему незачем это знать, сказал Нивен), и что в качестве вишенки на торте он убедил их любвеобильную общую мать не таскать труп Рамзи по Риджентс-парку за колесницей.

Кофейник остыл, и Рамзи гадал, каковы шансы, что строптивая кухарка сварит ему еще. Его взгляд приковала первая полоса одной из газет:

Смерть журналиста. Тело светского обозревателя Вивиана Куинна обнаружено в Темзе вчера утром. Он был заколот неизвестной рукой или руками возле Беркли-сквер. Любопытная деталь происшествия: мистер Куинн был одет в костюм испанского матадора.

Рамзи бросился к мусорной корзине, и его стошнило.

Куинн? Убит? Третья новость на первой полосе, а не большой заголовок — как бы оскорбился

Куинн! Должно быть, его убили через несколько минут после разговора с Рамзи позапрошлой ночью. На миг Рамзи в приступе паранойи испугался, не он ли сам убил Вивиана Куинна. Он определенно хотел это сделать, слушая болтовню Куинна про «Мишуру», а в таком наркотическом и алкогольном тумане мог совершить что угодно и не запомнить. Теперь роман Куинна никогда не будет опубликован.

Забыв о кофе, Рамзи вернулся в свою комнату, где пол — единственное достаточно большое пространство — был устлан мозаикой из (плохо) напечатанных страниц. Когда он открыл дверь, они затрепетали на сквозняке, как птицы, и опали.

Чешуя тщеславия наконец спала с его глаз, пока он в отчаянии смотрел на страницы. Он стал жертвой собственного безудержного честолюбия. «Эпоха блесток» собиралась уничтожить его, съесть заживо изнутри. Он не хороший писатель, на самом деле он пишет просто отвратительно! Чем скорее он это признает, тем лучше. Он бы сжег все страницы, но в это время года огонь в каминах на Ганновер-террас разводили только ближе к вечеру.

Он решил начать заново. Он знал, что на нем

лежит долг перед искусством.

* * *

Куинн жил в крошечной уютной квартирке на Кондуит-стрит, на верхнем этаже. Рамзи бывал там несколько раз. Домовладелица жила на первом этаже и исполняла обязанности своего рода консьержки. Она узнала Рамзи, когда он постучал в дверь.

— О, мистер Кокер, — сказала она, — какая трагичная новость о мистере Куинне, правда?

Рамзи согласился, что новость трагичная (так оно и было), и сказал, что мать мистера Куинна попросила его забрать кое-что.

— Книгу стихов. Кажется, для чтения на похоронах.

— Так скоро? Его только вчера нашли мертвым.

— Она предусмотрительна.

Его впустили в квартиру. Домовладелица маячила рядом, но он уговорил ее уйти, объяснив, что поиски могут занять некоторое время. На самом деле поиски закончились тут же. Священный Грааль лежал на письменном столе Куинна, прямо на виду. Огромная стопа бумаги — рукопись, края аккуратно выровнены. «Мишура» — гласило

название на первой странице.

* * *

К тому времени, как Рамзи вернулся в дом на Ганновер-террас, прислуга уже растопила камин в гостиной, и Рамзи скомкал титульный лист романа Куинна и бросил в огонь.

Он взбежал по лестнице в свою комнату, прыгая через ступеньку, — недомогание прошло. Похоже, когда он совершает преступления, это придает ему сил. Он сел перед пишущей машинкой и отхлебнул микстуры Коллиса-Брауна. Размял пальцы, похрустел костяшками, взял новый лист бумаги и вставил в «ремингтон». Несколько мгновений он смотрел на бумагу, белую, как альпийский снег, в своего рода забытьи. Напечатал название — «Эпоха блесток». За ним на втором чистом листе последовало посвящение. «Моему другу, Вивиану Куинну».

Положил два листа поверх рукописи Куинна.

Voilà!

Зазвонили в дверь. Это не к нему. К нему никогда никто не приходит.

Si vis pacem, para bellum[120]

Ни один из обитателей дома на Ганновер-террас не считал своей обязанностью открывать дверь визитерам, поэтому звонок звенел уже некоторое время, наполняя прихожую дребезгом и отказываясь признать поражение. Кухарка пекла хлеб — это занятие всегда словно приводило ее в ярость. Даже наверху Филлис слышала, как кухарка на кухне колотит и лупит тесто о большой сосновый стол.

Филлис наконец сдалась и открыла дверь. Упорный пришелец оказался маленьким грязным мальчишкой, чумазым, как трубочист. Она уже собиралась надрать ему уши и прогнать, но тут поняла, что это один из ее многочисленных кузенов.

— Тебе, — сказал он, сунув ей в руку клочок бумаги. — Срочное, — добавил он, явно довольный драматичными событиями, погнавшими его из Уайтчепела сюда на краденом велосипеде.

Он мешкал, ожидая вознаграждения, и Филлис сказала: «Подожди минутку», прокралась в кла-

---

[120] Сноски: 120
Хочешь мира, готовься к войне *(лат.)*.

довую, пока кухарка все еще сражалась с тестом, и вынесла большой кусок липкой имбирной коврижки.

— Скажи, что послание получено. — И Филлис вручила ему коврижку.

Мальчик не смог ответить, потому что запихнул в рот весь кусок сразу, но показал большой палец и снова запрыгнул на велосипед.

— И поторопись! — крикнула Филлис ему вслед.

— Кто это был? — спросила кухарка. Она уже формовала буханки и потому несколько успокоилась.

— Сообщение для миссис Кокер. Надо передать ей.

Кухарка поставила формы с хлебом в новый холодильник подходить до завтра. Она любила, чтобы хлебы созревали долго. Холодильник чем-то походил на морг. В кухне снова воцарился мир. Хлеб был побежден.

— Ну иди тогда, — сказала кухарка.

* * *

— Это будет сегодня ночью, — запыхавшись, сказала Филлис хозяйке, когда добралась до «Аметиста». — Мэддокс придет за вами сегодня

ночью.

— Тогда надо шевелиться, верно? — сказала Нелли.

* * *

Мэддокс на завтрак выпивал чашку слабого черного чая. Он страдал повышенной кислотностью и никогда не ел до полудня. Вокруг него дети гребли ложками овсянку. Все пятеро, включая младенца, обладали замечательным аппетитом. «Объедают меня начисто», — смеялся Мэддокс, но на самом деле не шутил. Если бы ему не приходилось без конца обеспечивать детей и вечно недовольную жену, не нужно было бы беспокоиться о деньгах. К сожалению, его домашних не прокормить одним воздухом.

Затем появились яйца, вареные, по два на каждого ребенка, кроме младенца, который все еще сосал изношенную грудь жены. Дети Мэддокса были пухлы, как молочные поросята. Он наблюдал, как натягивается кожа на круглых розовых щеках, когда они жуют. Двое были в школьной форме, готовые, пусть неохотно, отправляться в школу. Мэддоксу самому не терпелось уйти. Он любил жену и детей, но не мог сидеть с ними дома, как в ловушке.

— Артур, ты сегодня опять на работу? — с нескрываемым сарказмом спросила жена. — Спина, значит, пока не заболела снова?

Зазвонили в дверь.

— Ради бога, кто это в такую рань? — раздраженно сказала жена. — Почтальон уже приходил.

Она вернулась с конвертом в руке.

— Привез шофер на шикарной машине, — сказала она. — Артур, что ты затеял?

Дети бросились к двери посмотреть — шикарная машина с шофером была редким зрелищем в Крауч-Энде, но она уже исчезла, и они вернулись, разочарованные, к своим яйцам.

Первоначальный план Мэддокса был прост — постепенно разорить Нелли, организовав серию неудач: облава в «Аметисте», облава в «Сфинксе», пожар в «Фее», бесчинства «гуннов» в «Аметисте» — смерть от тысячи мелких порезов, «лин-чи», китайская пытка, суть которой однажды объяснил ему Алмаз Чан. У них иногда бывали общие дела. Наркотики и девочки, два столпа преступности в Лондоне. Чана уже давно нет. К сожалению, все попытки Мэддокса пока оборачивались жалким провалом, и кампания уже грозила превратиться в фарс. Мамаше Кокер сопутствовала ирландская удача.

А теперь Оукс вышел из-под контроля, «проявил инициативу», как он сказал, и убил девку в «Сфинксе». Инициативный идиот — верный рецепт катастрофы. Причем и девка-то оказалась не та! Мэддокс не убивал девушек: на покойницах денег не заработаешь. У него самого дочери, три, он не изувер какой-нибудь. Неужели он связался с безумцем?

Хорошо, что он наносит удар сегодня ночью. Он планировал штурмовать один клуб за другим, начиная с самого уязвимого. В «Фее» одни женщины, они не дадут отпора. И в «Лисьей норе» тоже. А фраера из «Хрустальной чаши» растворятся в ночи, как только запахнет жареным. Со «Сфинксом» может выйти сложнее, там верзила-бармен, голландец. А затем наступит кульминация — он возьмет «Аметист». Твердыню.

Он узнал почерк Эдит на конверте, переданном женой, и сунул его в карман, чтобы прочесть в безопасном убежище «вулзли». Быстро вышел из дома, пока жена не успела спросить о послании, на ходу чмокнул ее в щеку и сказал:

— Сегодня буду очень поздно.

«Вулзли» на месте не оказалось. Черт побери. Он же вчера одолжил его Оуксу. Тот собирался везти девицу куда-то на окраину — угощение

для дружеской компашки мужчин, которые собирались что-то праздновать. Не то спортивное достижение, не то удачное вложение капитала, он честно не мог припомнить.

Он остановился на углу улицы, чтобы прочесть письмо Эдит. Тон был драматичный, обычно ей несвойственный. «Дорогой Артур, — прочел он, — нам обязательно нужно встретиться. Боюсь, мы пропали. Приходи в „Сфинкс“ до открытия сегодня вечером. Вечно твоя Эдит».

Она провела его, как дурака, сначала с беременностью, потом с абортом. Какие еще предательства она задумала? С тех пор как ее заперли на Ганновер-террас, он с ней не виделся и понятия не имел, каково ее душевное состояние. Отчего же это они «пропали»? Нелли что-нибудь выкинула? Может ли это сорвать его планы на сегодняшний вечер?

Он вздохнул. Придется пойти.

Он уговаривал себя, что он ведь не какой-нибудь негодяй. Ходит к мессе почти каждое утро, а по воскресеньям дважды. Учит своих детей отличать доброе от дурного, верит в хорошие манеры и в дисциплину. Верит, что человек сам кует свою судьбу. Он намерен выковать свою, и ни Эдит, ни кто-либо другой не собьет его с пути.

* * *

Вчера поздно вечером Гвендолен покинула свой пост в «Хрустальной чаше», пошла в «Аметист» и попросила у Нелли минутку для разговора. Они уединились в одной из неиспользуемых комнат на верхнем этаже здания. Нелли прекрасно знала, что Гвендолен предает ее на каждом шагу, и все же испытывала к ней странное теплое чувство — почти доверие. Она увидела что-то в картах в то первое воскресенье, но отвлеклась на Мод, выскользнувшую из стены «Хрустальной чаши», и так и не пришла к определенному выводу.

Сейчас Мод изящно восседала на упаковочном ящике в углу, разглядывая собственные кончики пальцев, словно от скуки. Ногтей у нее больше не было. Похоже, она распадается. Нелли будет скучать, если Мод исчезнет совсем.

— Миссис Кокер?

— Простите, мисс Келлинг, я вас слушаю, — сказала Нелли, слегка встряхнув головой.

— Я должна признаться, — сказала Гвендолен, — меня послали шпионить за вами.

— Какой сюрприз, — сказала Нелли.

Но, конечно, это было лишь прелюдией, и Гвендолен продолжила рассказывать Нелли все, что

Фробишер рассказал ей о Мэддоксе. Она не упомянула роль Эдит, но, похоже, Нелли уже знала.

— Фробишер потянет Мэддокса на цугундер, — сказала Гвендолен. — Я уверена в этом.

«Надлежащая правовая процедура», — подумала Нелли. Сухой хлеб аффидевитов и свидетельских показаний. Медленный скрежет шестеренок правосудия. И в конце концов Мэддокса могут осудить, а могут и нет. Правосудие должно быть быстрым, а не медленным. Как нож в сердце. Черные крылья возмездия, сокрушающие Мэддокса в своих праведных объятиях. Для женщины в осаде Нелли чувствовала себя довольно бодро.

* * *

— К вам посетитель, сэр, — сказал дежурный сержант. — Я проводил его в ваш кабинет. Он ждал на крыльце с самого утра.

Пес сидел на стуле Фробишера, морда едва виднелась над столом. На миг Фробишеру показалось, что собака собирается отдавать ему приказы, но тут она спрыгнула и побежала к нему, движимая жужжащим хвостом, как пропеллером. Фробишер поднял собаку и зарылся лицом в ее шерсть, вознося короткую молитву благодарности Богу, в которого не верил.

* * *

— Уходите, сэр?

— Да. Нужно сообщить кое-кому хорошие вести, — сказал Фробишер.

— Что-то он сегодня в приподнятом настроении, — сказал дежурный сержант Коббу, когда Фробишер ушел и собака радостно потрусила за ним.

– *Cherchez la femme*[121], как говаривали у нас в окопах.

— Чего-чего ширше? — не понял Кобб.

— Баба, — объяснил сержант. — У бабы завсегда ширше, чем у мужика. Уж поверь мне, сынок, я в этих делах разбираюсь. Дважды цеплял триппер на фронте.

Кобб зарделся. Он ненавидел такие разговоры.

* * *

Фробишер сразу пошел к квартире Гвендолен. На звонок никто не ответил, клуб внизу был закрыт, и он размышлял, куда она могла подеваться, но тут увидел, что она идет по улице.

---

[121] Сноски: 121
Ищите женщину *(фр.)*.

— У меня хорошие новости, — сказал он, а она ответила:

— Пройдемся.

— Нас не должны видеть вместе. Это вызовет подозрения.

— Слишком поздно, подозрения уже возникли. Я рассказала Нелли о нашем обмане. И, как видите, все еще жива. Какие у вас хорошие новости?

Он замял тему спасения из реки: не хотел, чтобы Гвендолен подумала, будто он хвастается перед ней своим героизмом. Очень вскользь упомянул и о том, как близки к смерти были они с Фредой, но Гвендолен все равно остановилась и коснулась его руки:

— Какой вы храбрый.

Гвендолен не удивило, что Фреда назвалась таинственной мисс Фэй Ле Монт, это было как раз в ее духе — такое глупое имя.

— Я рада, что она жива, но где Флоренс? И почему ваш сержант Оукс хотел убить Фреду? Думаете, у нее есть доказательства против Мэддокса? Может ли сама Фреда быть нашим доказательством? Если мы найдем ее?

Столько вопросов, на которые у него не было ответов. (Действительно, из нее вышел бы отличный детектив.) И тут, в этот самый миг,

произошло необычайное совпадение — появился тот, о ком они говорили. Мэддокс шел пешком и торопился.

— Это он, это Мэддокс, — шепнул Фробишер.

— О, — прошептала она в ответ. — Я представляла себе дьявола, а он довольно привлекательный.

Фробишер нахмурился. «По сравнению со мной, что ли?» — спросил он себя.

Они следовали за Мэддоксом несколько минут — собственно, до входа в «Сфинкс».

— Пойдем за ним внутрь? — предложила Гвендолен.

— Нет, подождем, пока он выйдет, и посмотрим, куда еще пойдет.

Но через десять минут, когда не было никаких признаков того, что Мэддокс покидает клуб, нетерпеливый Фробишер сказал:

— Я иду внутрь. Меня так и подмывает арестовать его сегодня. Доказательства можно найти позже.

— Вы действуете импульсивно, инспектор.

— Наверное, давно пора.

— Я иду с вами.

— Нет.

Конечно, она пошла.

* * *

Нелли смотрела на вопросы стратегии просто. Никакой войны на истощение. Берешь и отрубаешь голову и смотришь, как иссыхает тело. Без Мэддокса во главе его наспех собранная армия будет беспомощна, как стая безмозглых жуков, и быстро расползется обратно по темным углам, откуда и выползла.

Нелли знала, что Мэддокс не ожидает от нее легкой капитуляции, он будет ожидать грандиозной битвы. Он будет ожидать, что Кокеры оградят себя крепостными стенами, что Нелли соберет войска — банду Фраццини и любых других головорезов из Ист-Энда, которых уговорит выйти ей на помощь. Он будет ожидать хитрого Нивена, и Геррита с его кулаками, и арсенал за стойкой «Сфинкса». Он будет ожидать в лучшем случае стычки, в худшем — отступления с боями. Чего он никак не мог ожидать, так это Эдит.

* * *

— Эй? Кто-нибудь?

На улице был день, но подземный мир «Сфинкса» освещался только тусклым светом, исходя-

щим откуда-то со стороны эстрады. Атмосфера в «Сфинксе» не нравилась Мэддоксу даже в лучшие времена, а сейчас казалась зловещей. Однако он не был суеверен и повысил голос:

— Эй? Эдит, ты здесь?

— Артур?

— Эдит. Вот ты где.

Даже в сумраке «Сфинкса» было заметно, какой у нее больной вид. Мэддокс двинулся к ней, но она отшатнулась от его прикосновения.

— Эдит, — начал увещевать он, — не надо так.

— Я была на пороге смерти, — сказала она.

«О боже, — мысленно вздохнул Мэддокс, — опять начинается».

— И мне не понравилось то, что я увидела по ту сторону.

— Уверен, никому бы не понравилось, — сказал он, пытаясь взять более веселый тон. — Но тебе уже лучше, я вижу.

— Покаяние, — пробормотала она так тихо, что он не расслышал, и тогда возникли они, словно вышли из стен. Женщины. Бросились к нему, окружили его, целый рой, как осы, теснились совсем близко, словно хотели его задушить. Он узнал кое-кого из банды «Со́рок воровок». Они что, планируют его ограбить?

— Дамы, я вас умоляю, — сказал он, смеясь. — Вы меня раздавите.

От роя отделились Бетти и Ширли. Бетти достала из кармана серебряный ножичек и передала его Эдит.

— Эдит, дорогая, будь добра, — сказала Ширли.

— Давайте, мисс Эдит, — подбодрила Филлис. — Всадите ему.

Но Эдит не нуждалась в особых приглашениях.

* * *

— Жуткое место, — сказал Фробишер, проходя под маской Тутанхамона.

Когда они начали спускаться по склону, послышался ужасно странный шум. Громкий скрежещущий, царапающий звук, словно ворочался тяжкий жернов. Или словно кто-то с трудом заводил карусель на ярмарке.

К тому времени, как Фробишер и Гвендолен вошли в клуб, шум прекратился, осталась только странная аура, словно только что произошло нечто значительное. В клубе было много народу, все — женщины, и Фробишер узнал нескольких из банды «Со́рок воровок». Казалось, они играют в «Море волнуется — раз». Тут же оказались и старшие дочери Кокер, и Фробишер поразился,

снова увидев Эдит. У нее руки были в крови. И не метафорически, хотя, возможно, и так тоже. Ему пришла на ум леди Макбет.

Гвендолен бросилась помогать.

— Вам нехорошо? — спросила она у Эдит. — Дайте я посмотрю на ваши руки. Вы ранены?

Эдит блаженно улыбнулась:

— О нет, не беспокойтесь, это не моя кровь.

Не сошла ли она с ума, подумал Фробишер. (Может быть, все люди в какой-то степени безумны?)

— Где Мэддокс? — резко спросил он, не столько у Эдит, такой хрупкой, что на нее нельзя было сердиться, сколько у женщин, собравшихся вокруг. «Шабаш» — вот слово, которое лучше всего подходило. — Я видел, как он сюда вошел, так что не лгите мне. Что с ним случилось?

— Господин старший инспектор Фробишер, — сказала Нелли, возникнув из ниоткуда. — Очередная погоня за химерами? К сожалению, инспектор Мэддокс ушел. В задней части клуба есть дверь. Уверяю вас, это не фокус.

Женщины согласно загудели: словно улей зажужжал вокруг пчелиной матки.

Начал прибывать персонал — по лестнице залязгали шаги двух хостесс.

— Прошу меня извинить, нам нужно заняться делом, — сказала Нелли. — Скоро явятся наши вечерние гости.

* * *

— Похоже, нас снова одурачили, — сказал Фробишер, когда они вышли из «Сфинкса». Он глубоко вздохнул. Даже самый ядовитый лондонский воздух казался сладким по сравнению с миазмами «Сфинкса». — Что вы думаете?

— Честно говоря, я больше не знаю, что думать. О чем бы то ни было.

Они начали прощаться. Теперь при каждой встрече с Гвендолен он гадал, увидит ли ее снова.

— Не глупите, — сказала она. — Конечно, мы увидимся снова. Мы ведь друзья, правда? И еще у нас есть работа. Нужно найти Флоренс, а Мэддокса и сержанта Оукса привлечь к ответственности.

Она встала на цыпочки и, едва коснувшись, поцеловала его в щеку. Крыло мотылька.

* * *

Тело Мэддокса обнаружилось на следующий день, и не где-нибудь, а на пороге полицейского

участка на Боу-стрит. Должно быть, его подбросили туда ночью, и никто не заметил.

Уэбб записал в протоколе вскрытия, что инспектор Артур Мэддокс был заколот маленьким острым ножом. Он как наяву услышал голос Фробишера: «Хоть и маленький, а хватило» — хотя, конечно, никакого Фробишера рядом не было. Его вообще больше нигде не было. И не будет. Уэбб недолюбливал Фробишера, но огорчился, когда узнал.

Материнское молоко

Нивен припарковался в переулке за домом на Ганновер-террас. В гараже было место только для одной машины. Сквозь пыльное, затянутое паутиной окно он видел, что «бентли» дома. Нивен поднял взгляд на окно Хоукера над гаражом, проверяя, нет ли каких признаков его присутствия. Они обычно здоровались при встрече. Изредка Нивен поднимался в квартиру Хоукера и выпивал с ним пива. Их разговоры неизбежно возвращались к войне. Хоукер в войну тоже шоферил, возил генерала. «Так что к линии фронта никогда и близко не бывал», — ехидно говорил он.

Сейчас его не было видно. Не было и кухарки, и маленькой судомойки.

Нивен вошел в дом и услышал приглушенные голоса из столовой наверху. Через открытую дверь он видел Нелли: она сидела за столом и спокойно открывала свои карты. Увидела Нивена и едва заметно качнула головой. Он насторожился и, входя в комнату, уже был начеку.

— Мистер Кокер, — сказал Аццопарди.

Он держал пистолет, слегка опираясь рукоят-

кой о стол и наставив ствол на Нелли. «Люгер». «Парабеллум». В переводе с латыни — «готов к войне». Нивен навидался этих штук на своем веку. Ржавый железный ящичек тоже стоял на столе.

— Мыши и кольцо, — сказала Нелли, обращаясь к Аццопарди. В сложившихся обстоятельствах она держалась невозмутимо. — Нечестные обещания.

— Как это верно, — сказал Аццопарди.

Нивен кивнул на железный ящичек и спросил:

— Что-то не так?

* * *

Оказалось, Аццопарди отнес драгоценный ящичек к ювелиру в Хаттон-Гарден, собираясь наконец обналичить свою неправедную добычу. Он знал этого ювелира еще до войны: тот имел дело и с более ценными товарами, никогда не спрашивал об их происхождении и всегда хранил тайну.

Содержимое железного ящичка, печально сообщил ювелир, было не более чем бижутерией — копии из стекла и стразов.

— Подделки.

— Очень хорошие подделки, — пробормотала

Нелли.

Нивен уставился на мать с изумлением. Он подозревал, что ее внутренний огонь потухает, но сейчас она знатно отожгла. У нее хватило наглости втюхать поддельный товар, не думая о последствиях.

— Воровка, — сказал Аццопарди.

— Вор у вора украл, — парировала Нелли. — По-моему, справедливо.

Где же оригиналы?

— У меня их нет, — твердо сказала Нелли. — Я продала их и вложила деньги. Акции и облигации. Потребовались бы недели, чтобы вернуть их, даже если бы я хотела, а я не хочу.

Нивен недоумевал: почему она заменила драгоценности подделками?

— Хороший вопрос, — сказал Аццопарди.

— Конечно, в качестве страховки вот на этот самый случай, — сказала она. Нелли всегда хорошо играла вдолгую. — Я увидела в картах, что будет, — добавила она, и эта чепуха стала последней каплей для Аццопарди: он поднял «люгер», взвел курок и прицелился Нелли в голову.

— Всё в порядке, миссис Кокер? — громко спросил Хоукер, смело возникнув в дверях с намерением нарушить эту живую картину.

Прицел Аццопарди дернулся к Хоукеру. Выстрел был оглушителен, звук заметался внутри черепа Нивена, отражаясь от стенок. На краткий миг Нивен вновь оказался на поле боя. Часть орнаментальной лепнины осыпалась с потолка, и гипсовая пыль снегом осела на Хоукера, теперь неподвижно лежащего на ковре.

Нивен стремительно бросился на Аццопарди и сбил его тушу на пол, «люгер» отлетел. На ощупь Аццопарди был как пузырь с жиром. Нивен несколько раз ударил его головой об пол, это казалось простейшим способом вывести противника из строя. Однако стоило Нивену встать на ноги, и Аццопарди тоже вскочил, надвигаясь, как неуклюжий медведь, желающий раздавить противника в объятиях. Нивен принял боксерскую стойку, готовый к бою, но тут прогремел еще один оглушительный выстрел, и медведь рухнул.

Нелли держала «люгер». Он выглядел нелепо огромным у нее в руках. Гипсовая пыль продолжала сыпаться сверху. О боже, когда же это мать научилась обращаться с оружием? (Оказалось, охотилась на оленей в шотландских нагорьях со своим отцом.) Нивен опустился на колени рядом с Аццопарди и проверил пульс, хотя глаза у того остекленели, а по белой манишке расползалось

большое красное пятно.

Хоукер, призрачный от гипсовой пыли, с трудом сел, удивленный тем, что жив и только задет выстрелом.

— Господи Исусе, — прочувствованно произнес он.

— В порядке? — спросила Нелли.

Он понял, что иной благодарности от нее не получит.

* * *

Вызвали Ландора, и он привел людей, которых легко подкупили, чтобы убрать тушу Аццопарди. Они вывезли его в строительном фургоне на Кэнви-айленд, а там спустили в реку на отливном течении, далеко за пределами досягаемости Дыры Мертвеца.

И в ту минуту дрозд запел[122]

Фробишер был так одурманен поцелуем, которым Гвендолен одарила его у «Сфинкса», что, пересекая Лонг-экр, не заметил несущийся на него грузовик. Тот ехал из Сполдинга, направляясь в Ковент-Гарден, и, когда затормозил, часть груза вывалилась — кочаны капусты покатились по дороге, как головы из-под гильотины.

* * *

Гвендолен не раз приходилось дежурить у смертного одра, но это бдение было, наверное, самым тяжелым из всех.

— Он долго не протянет, — прошептала медсестра, когда Гвендолен подняла мраморную руку и коснулась мраморного лба. Массивная черепно-мозговая травма.

— Почему ты не смотрел, куда идешь? — сердито сказала она сквозь катящиеся слезы.

Но упреками Фробишера было уже не достать.

Он пришел в восторг, обнаружив, что внезап-

---

[122] Сноски: 122
Из стихотворения Эдварда Томаса «Эдлстроп» (1917).

но перенесся с грязной лондонской улицы на сенокосный луг в полном летнем убранстве. Он шептал про себя названия полевых цветов. Петуший гребень и красный клевер, журавельник, манжетка, лисохвост луговой. Какие прекрасные слова. Он хотел бы показать все эти цветы мисс Келлинг.

Чибис, потревоженный, вспорхнул с наземного гнезда. Закричал кроншнеп. И… о, какое наслаждение!.. — аромат сирени в переулке. Его душа воспарила. Он может сложить с себя ношу. Он дома. Наконец-то.

Долгое созревание

— Итак, сегодня я нашел агента для «Эпохи блесток», — радостно сказал Рамзи. — Он говорит, что без проблем пристроит издателю.

— Ты уже закончил? — спросил Геррит. — Я думал, ты только начал.

Он как животное, подумал Рамзи, конечности расслаблены сном, но в любой момент готовы к движению. Они лежали голые в постели, Геррит закинул одну большую татуированную руку за голову, а другой обнимал Рамзи за плечи. Пошевелился и потянулся за сигаретами, раскурил две и дал одну Рамзи. Рамзи с наслаждением вздохнул. Его жизнь наконец началась.

* * *

Фреда так и не вернулась в «Сфинкс». Она узнала того, кто спас ее из Темзы, — тот самый добряк-полицейский, что дал ей полкроны, но какой бы ни был добряк, а все равно полицейский, и, как только он вытащил ее из воды, сразу сказал, что ее ищут, а она не собиралась задерживаться и выяснять, кто именно. Но она до конца

жизни жалела, что не поблагодарила его: ведь он рисковал жизнью, чтобы ее спасти. В Йорк она тоже так и не вернулась. Больше никогда не видела свою мать и Сисси, даже не послала им весточки из своей новой жизни.

Мисс Фэй Ле Монт посетила свой первый «катран» неделю спустя, уговорив Рамзи взять ее с собой и представить. Это было скромное сборище, просто люди проигрывают по маленькой и получают от этого удовольствие, и Фреда мошенничала, лишь когда ее загоняли в угол, что бывало нечасто. Они вдвоем старались ходить каждый раз в другое место, на случай если люди станут опасаться маленькой карточной мошенницы, проникающей на их вечера. Фреда была щедра к Рамзи, поначалу делилась с ним прибылью, но в конце концов начала ходить на игры сама.

Рамзи это не беспокоило, его книгу приняло лондонское издательство, и он теперь ни о чем другом не мог говорить. Мой роман то, мой роман сё. Он назывался «Эпоха блесток» и вызвал некоторый интерес среди «литературной публики», как называл Рамзи этих людей в разговоре с Фредой, потому что он написал «романоклей»[123]:

---

[123] Сноски: 123
Искаженное *roman à clef* (см. с. 80).

это означало, что там выведены живые люди под другими именами — то есть, с точки зрения Фреды, почти как в жизни. Она прочла несколько страниц, но чтение шло тяжело, и она скоро бросила. Другие тоже бросали, интерес к роману длился недолго, и тираж разошелся не весь. Рамзи написал еще два романа, но не нашел для них издателя. «Эпоха блесток» исчезла из продажи через пару лет, возмущенно рассказал Рамзи Фреде. То был последний раз, когда она его видела — во время «Странной войны», она тогда держала маленький бар в Мэйфере, который купила на доходы из «катранов». Довольно шикарное заведение, и оказалось, что принаряженная Ванда неплохо смотрится за стойкой бара и клиенты ее любят. Когда началась настоящая война, Ванда, несмотря на возраст, вернулась к своему прежнему ремеслу, слишком прибыльному, чтобы им пренебрегать. Мальчикам в форме нужна материнская забота, говорила она. «Ну, можно это и так назвать», — сказал бы Дункан.

Фреда прожила долгую жизнь вдали от сцены и закончила свои дни владелицей паба в Саффолке, который купила после войны. К тому времени она была замужем, родила дочь и настояла на том, чтобы назвать ее Флоренс в честь потерян-

ной подруги, — старомодное имя, которое новая Флоренс ненавидела всю жизнь. Когда пришли бурные шестидесятые, Флоренс стала манекенщицей и перекрестила себя в Дженни.

Под конец войны, когда Фреда еще жила в Лондоне, ей бросилось в глаза имя «Рамзи Кокер» на газетной странице. Это был отчет о дознании, за которым следовал краткий некролог. Мистера Рамзи Кокера нашли на тротуаре Ханс-Крезент под окнами его квартиры в третьем этаже, и, хотя возникло подозрение, не покончил ли он с собой, коронер, заслушав свидетельства о его хроническом алкоголизме и наркотической зависимости, вынес вердикт о том, что причина смерти не установлена. «Эпоху блесток» не упомянули, сообщив только, что Рамзи был «сыном Нелли Кокер, скандально известной владелицы ночных клубов».

* * *

После смерти Фробишера Лотти определили в большую загородную лечебницу. Дорогое место, приют для состоятельных людей — с обширными угодьями, хорошей едой и множеством занятий, благотворных для скорбных умом. Плату за Лотти на протяжении ее удивительно долгой жизни

вносила благотворительница, некая мисс Келлинг, которая никогда ее не навещала.

* * *

Нелли потеряла почти все свои деньги в биржевом крахе 1929 года и умерла несколько лет спустя. По словам дочерей, дежуривших у смертного одра, ее последние слова были: «О, глядите, вот и Мод» — никто не понял, о чем это она. Нелли прожила достаточно долго, чтобы увидеть, как Бетти и Ширли вышли замуж за мелких аристократов. На каждую из свадеб она баловала себя новой шубой. К счастью, до разводов дочерей она не дожила.

Эдит продолжала управлять остатками клубов Нелли, все менее прибыльными с течением времени. «Аметист» вместе с самой Эдит был уничтожен прямым попаданием во время лондонского блица. Китти закончила свои дни завсегдатаем бара в клубе «Колони Рум», где постепенно спилась до смерти.

* * *

Уильям Кобб вышел в отставку в 1951 году в звании суперинтенданта лондонской полиции.

Это лишний раз доказывает, как высоко может подняться туповатый человек, если просто будет каждый день ходить на службу.

* * *

Волна таинственных убийств в Лондоне столь же таинственно пресеклась. Убийство Вивиана Куинна сочли прощальным поклоном «безумного маньяка» (по выражению «Дейли мейл»), который бродил по улицам Лондона, выбирая жертв наугад. Одна из бесчисленных теорий, выдвинутых в последующие годы, заключалась в том, что убийства на самом деле не были случайными, а служили отвлекающим маневром, скрывая, что намеченной целью все время был Куинн. Мотив убийства Куинна не предлагался, хотя несколько слухов возникло и утихло. Один гласил, что Куинн вел журналистское расследование о лондонских преступниках и они решили, что он знает слишком много. Другой намекал, что Куинн состоял в «гомосексуальной связи» с одним из наиболее распущенных членов королевской семьи. В конце концов смерть Куинна поблекла и съежилась до проходной мелкой сноски в исторических книгах, написанных об этом периоде.

Договоренность

— У вас собака? — Нивен покосился на маленького терьера, который стоял в прихожей у ног Гвендолен и выжидающе смотрел на него.

— Да.

— Вы меня впустите?

— Полагаю, придется.

Они чинно сели на противоположных концах розового бархатного дивана. Она не помнила поцелуя, но это не мешало ей воображать его сейчас.

— Ее как-нибудь зовут? — спросил Нивен, суетясь вокруг собаки. Собственный пес Нивена чуждался сантиментов.

— Пьеро, — сказала она.

— Пьеро?

— Это собака Фробишера.

— А.

— Вообще-то, его жены, наверное, но она не захотела ее взять.

— Я не знал, что у него была жена.

— Да… понимаете, он держал ее в большом секрете, — сказала Гвендолен. — Она довольно

печальный случай.

— Бедный Фробишер. Кажется, вы были близки с ним.

— Я была на его похоронах сегодня утром. Сопровождала его жену.

— А.

— Пышное мероприятие — парадная форма, салют саблями, все такое. Он бы такого не потерпел. Вы что-то хотели? Боюсь, я сильно утомлена.

— Да. Я пришел спросить, не уедете ли вы со мной.

— Уехать? Куда? — Она полагала, что он имеет в виду поездку в Брайтон или Истборн. Ее последняя однодневная вылазка закончилась не очень хорошо.

— Куда захотите, — сказал он. — Франция, Италия, даже Америка. Мы могли бы купить ранчо. Ездить верхом.

— Верхом? — Она рассмеялась. — Я вас едва знаю! Я думала вернуться в Йорк. Очарование Лондона для меня несколько поблекло.

— Не уезжайте. Я не хочу жить без вас.

— Боже, какая внезапная драма! Мы едва обменялись и словом, а теперь вы хотите ездить со мной верхом на ранчо в Америке. Вы изъясняетесь как персонаж дамского романа.

— Я же не сказал, что не *могу* жить без вас, — надо думать, могу, и прекрасно, я же как-то справлялся тридцать с лишним лет, в конце концов. Я сказал, что не *хочу* без вас жить.

— Вы так представляете себе предложение руки и сердца? Будете меня осаждать?

— Это не предложение. Во всяком случае, не брачное, — сказал он.

— Ну, слава богу. А любовь в ваше предложение входит?

— Любовь? — При звуках этого слова оба замолчали от неожиданности.

Гвендолен удивила сама себя еще больше, сказав:

— Можно мне это обдумать?

— Нет, — сказал Нивен. — Если ты начнешь раздумывать, то не поедешь со мной.

Он резко встал и протянул ей руку. Здесь мы их и оставим, навечно зависших между приходом и уходом.

Полицейский-Хохотунчик

— Там кого-то вешают? — спросил мальчик соседа по толпе у тюрьмы Пентонвиль. Да-да, тот самый мальчишка-газетчик, встреченный нами у тюрьмы Холлоуэй много глав назад. Он всегда жаждал казни, и его желание должно было исполниться в это мерзкое мокрое утро в начале декабря.

Толпа гуляющих особенно веселилась, поскольку преступник, которому собирались «удлинить шею», раньше был стражем закона. Жаль, считала толпа, что теперь казнят за стенами тюрьмы, а не на глазах у всех, но люди все равно всячески старались сделать из этого событие. Один продавал жареные каштаны с тележки, другой торговал листовками с описанием преступления — шесть пенсов за штуку. В событии ощущался старомодный дух, оно вполне могло происходить на Тауэрском холме или в Тайберне триста лет назад.

Возражений против казни было очень мало. Осужденный получит по заслугам — таково было общее мнение. На самом деле виселица слишком

хороша для него, заявляли несколько человек, самые кровожадные из собравшихся, и им вторило одобрительное жужжание толпы. Они предпочли бы, чтобы преступника подвесили, выпотрошили и четвертовали.

Внутри Пентонвиля осужденный все еще громко протестовал, заявляя о своей невиновности. Он оттолкнул священника, который пришел дать ему утешение в последние минуты, и надзиратель сказал:

— Эй, Оукс, полегче.

* * *

Чтобы обеспечить обвинительный приговор, провернули сложную операцию. Мать Филлис и еще одна из «Сорокá воровок» украдкой влезли в убогий домишко Оукса днем, пока он был на службе, а его жена гостила у сестры. Окровавленный ножичек, которым прикончили Мэддокса, теперь вытертый от отпечатков пальцев, подсунули сержанту в карман пальто, висящего на крючке в узкой прихожей. В Скотленд-Ярд анонимно сообщили о местонахождении ножа, и обнаружилось несколько прилично одетых свидетелей, все — женщины; они единодушно показали, что видели, как Оукс и Мэддокс яростно ссорились на

набережной в ночь убийства Мэддокса.

— Ссора перешла в драку, надо сказать, — заявила одна свидетельница респектабельной внешности.

— Похоже было, что они схватились насмерть, — заявила другая.

Когда дело дошло до суда, на скамьях для публики обнаружилось еще большее количество элегантно одетых женщин, приехавших из Ист-Энда. Некоторым служителям правосудия они показались знакомыми, но присяжных впечатлила их манера держаться и абсолютно честные лица.

После суда адвокат Оукса, удручающе слабо выступивший в его защиту, оплатил шикарную свадьбу для дочери, а затем повез жену в путешествие по Европе в открытом автомобиле «вулзли» (в котором однажды неожиданно приехал домой среди бела дня, к удивлению жены). Даже королевский адвокат со стороны обвинения был замечен в магазинах с супругой за покупкой новой норковой шубки. Он был завсегдатаем «Хрустальной чаши» и компенсировал жене многочисленные вечера, которые проводил, развлекаясь без нее, от щедрот Нелли Кокер.

Решающей уликой был складной серебряный

ножичек. Инициалы «БК», выгравированные на рукоятке, остались загадкой и были сочтены не относящимися к делу. Оуксу не повезло: его процесс вел Эйвори, судья-вешатель. Торжественный захватывающий момент, когда судья водружает поверх напудренного парика черный платочек и оглашает приговор, не был испорчен ни кашлем, ни шепотом со скамей для публики. Лишь когда Эйвори нараспев произнес традиционное: «И да помилует Господь вашу душу», толпа разразилась приветственными криками, а сам Оукс впал в холерическую ярость, ревя о своей невиновности на весь зал. Все присутствующие согласились, что это лишний раз подтверждает его виновность.

Они также согласились, что театр и мюзик-холл рядом не лежали с хорошим судебным процессом.

* * *

В четверть девятого надзиратель вышел из тюрьмы и прибил к деревянной доске у ворот уведомление. Там говорилось без прикрас, что над Леонардом Персивалем Оуксом был приведен в исполнение смертный приговор за убийство Артура Эдвина Мэддокса. Настроение толпы перешло от праздничного к торжественному. Смерть

человека, любого человека, требует остановиться и задуматься на несколько мгновений. Затем радостная толпа снова шумно ожила и быстро разошлась заниматься своими делами.

— Знатное шоу, — сказал мальчишка-газетчик соседу по толпе.

К вечеру о кончине Оукса забыли.

Мальчишку-газетчика звали Норман. В следующей войне он сражался в 4-й бронетанковой бригаде и был убит при вторжении на Сицилию в 1944 году.

Где эльфы вольные живут[124]

Флоренс вернулась как-то днем в субботу, тем же летом, просто взяла и вошла в дом Ингрэмов на Тадкастер-роуд — безо всякой суеты, словно из школы или с велосипедной прогулки с Фредой. Мистер Ингрэм косил газон, а миссис Ингрэм была на кухне, мыла посуду после обеда, и оба не сразу осознали, что рядом посторонний человек. Их дочь.

Ошеломленная миссис Ингрэм схватилась за сердце при виде Флоренс, и мистеру Ингрэму, который сам почти ничего не видел из-за льющихся слез счастья, пришлось довести жену до дивана.

— Флорри, — задыхался он, сжимая руку миссис Ингрэм. — Рути, Флорри вернулась к нам!

Где она была все эти недели? — причитала миссис Ингрэм, но Флоренс сказала только:

— Я умираю с голоду. Есть что-нибудь поесть?

Оправившись от изумления, миссис Ингрэм все время трогала Флоренс, словно та могла оказаться не настоящей плотью и кровью, а призраком, который вызвало к жизни горе матери.

---

[124] Сноски: 124
Вальтер Скотт. Томас Рифмач. Перев. С. Маршака.

— Это чудо, — говорила она. — Господь ответил на наши молитвы и вернул тебя домой.

Но как она добралась домой? Флоренс, казалось, ничего не помнила о прошедших неделях, а если и помнила, не рассказывала.

Та ли это Флоренс, прежняя ли? Она определенно похудела и немного подросла, но была здорова, и никаких видимых повреждений на ней не наблюдалось. Со временем у миссис Ингрэм развилась вера в то, что новая Флоренс — самозванка, подменыш, занявший место ее настоящей дочери, но мистер Ингрэм постепенно заставил ее образумиться. («Бедняжка Рути!»)

Флоренс так никогда и не открыла отцу и матери, где была, но, в полном соответствии с предсказанием Фреды, выросла, вышла замуж и родила двоих детей (да, с аденоидами и плоскостопием), которых действительно каждый год водила на пантомиму в Йоркский королевский театр, и вполне возможно, во время одной из постановок «Детей в лесу» у нее в памяти что-то дрогнуло при виде поселян, поющих и танцующих вокруг майского шеста, но момент быстро прошел. Флоренс понятия не имела, что случилось с подругой, и вообще, кажется, едва ее помнила.

Послесловие автора

Как поймет любой, кто знаком с соответствующим историческим периодом, вдохновением для моего романа послужили жизнь и времена Кейт Мейрик, королевы клубного мира Сохо в течение многих лет. Ее самым знаменитым клубом был «43» по адресу: Джеррард-стрит, дом 43, что сейчас в самом сердце Чайнатауна. Ее несколько раз сажали в тюрьму за нарушение законов о лицензировании.

Как и у Нелли Кокер, у Кейт Мейрик был большой выводок детей, об образовании и «возвышении» которых она неустанно заботилась. Две ее дочери действительно вышли замуж за аристократов, а один сын, Гордон, стал писателем, автором опубликованных детективных триллеров, в том числе романа «Труп на тротуаре», вышедшего в 1941 году. (Возможно, я позаимствовала у него строку-другую в качестве оммажа.) Поскольку жизнь подражает искусству, он погиб во время войны при несколько таинственных обстоятельствах, упав из окна своей квартиры в верхнем этаже на тротуар.

Автобиография Кейт Мейрик, «Тайны клуба 43» («Secrets of the 43 Club», *John Long*, 1933), возможно не до конца правдивая, предоставила много мелких деталей для этого романа — как и Нелли, Кейт знала истинную цену всему. «Мы танцевали ночь напролет» («We Danced All Night»), автобиография Барбары Картленд, стала сокровищницей фактоидов, ныне в основном утраченных. Особенно хороши у нее портреты золотой молодежи, и ей я обязана познаниями о напитке «Кровь турка», а также живым описанием «Детского праздника». Книга «Ночи в Лондоне: где веселится Мэйфер» Хораса Уиндема (Horace Wyndham. «Nights in London: Where Mayfair Makes Merry». *The Bodley Head*, 1926) дает довольно пугающее представление о язвительном, крайне предвзятом уме светского обозревателя того времени, а «Девушки дури: рождение британского подпольного мира наркотиков» Марека Кона (Marek Kohn. «Dope Girls: The Birth of the British Drug Underground». *Granta*, 1992) послужила ценным источником информации. Книга «Лондон под покровом тьмы» («London After Dark») Фабиана из Скотленд-Ярда, он же бывший суперинтендант Роберт Фабиан, опубликованная издательством *Panther* в 1958 году, несомненно, помогла сформировать образ

Фробишера. Из нее я почерпнула свои познания о «катранах», летучих карточных притонах.

Это лишь малая часть фоновых материалов, которые я прочла, но вы можете видеть, что я в основном избегала традиционных исторических книг в пользу сплетен и болтовни. «Храмы веселья» — художественное произведение, а не исторический труд.

И да, я прочла «Зеленую шляпку» Майкла Арлена (Michael Arlen. «The Green Hat». *Heinemann*, 1924), но нам, живущим сегодня, трудно понять, почему она вызвала столько шума.

Как всегда, в моем романе есть реальные события и реальные люди, но вымышленные сильно перевешивают. Тогдашний принц Уэльский действительно посетил костюмированную вечеринку в одеянии куклуксклановца, но у меня нет доказательств, что Ага-хан ходил с лакричными конфетами в кармане. И так далее. Некоторые мелкие детали я подчинила своей воле, — например, Нивен выставляет собаку на бега на стадионе «Уайт-Сити», хотя собачьи бега там открылись лишь годом позже.

Роман начинается незадолго до всеобщей забастовки мая 1926 года — однако никого, кроме Рамзи, не интересуют беспорядки, происходящие

в стране. Так что, хотя это фиксированная точка, некоторые события слегка сдвинулись. «Убийство Роджера Экройда» вышло только в июне 1926 года, поэтому Рамзи не мог прочесть его в мае того же года. Я могла бы продолжать, но не буду, я просто пытаюсь предупредить критику!

Полицейский участок на Боу-стрит был весьма реален. Сейчас в этом здании находится пятизвездочный отель, хотя часть его сохранена как небольшой, но интересный музей.

Еще я хочу порекомендовать книгу В. Слагтера (W. Slagter) 1926 года под названием «Cocktails American-en Fancy Drinks IJsrecepten en-Dranken» (это на голландском языке). Ее можно найти в Сети по адресу: *https://euvs-vintage-cocktail-books.cld.bz/Vintage-Cocktail-Books-Netherlands/1926-Cocktails-by-W-Slagter/IV*. Это самый обширный существующий список «исторических» коктейлей. К сожалению, я не пробовала ни один из них.

ДОКТОР МЕЙРИК НА ПОХОРОНАХ ЖЕНЫ

ПРИМИРЕНИЕ

РЫДАЕТ У МОГИЛЫ

Присутствие у могилы миссис Мейрик 23 января на кладбище Кенсал-Грин ее супруга, с которым она так долго жила врозь, стало завершающим штрихом наполовину циничной, наполовину сентиментальной Судьбы, написавшей ее жизнь.

С тех самых пор, как эта замечательная маленькая женщина — чьим первым стремлением всегда была забота о своих детях — взяла штурмом ночную жизнь Лондона, она, казалось, жила ради того, чтобы ее жизнь описали в сенсационном романе. И человечность, и горечь ночной жизни одинаково подчеркивались одиночеством миссис Мейрик.

И вчера, на погребальной службе в церкви Святого Мартина-в-полях, ее оплакивали сотни людей.

Прибежище страждущих

Ее супруг, доктор Ф. Р. Мейрик, с которым она примирилась на смертном одре, видел вокруг себя представителей всех тех, кто поклонялся в храмах веселья, возведенных его женой.

Он видел, как гроб его жены пронесли через тротуар сквозь благоговейную толпу и внесли в церковь, что символизирует прибежище для столь многих страждущих. Когда служба продолжалась и заиграли прекрасный и трогательный гимн — «Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя», — вдовца охватили скорбь и слезы. Позже, у могилы, он едва не разрыдался.

С ним были две его замужние дочери — леди Кинноулл и леди де Клиффорд, четыре другие дочери — Кэтлин, Нэнси, «Бобби» и Айрин, и сыновья, Листер и Гордон.

Лорд Кинноулл сопровождал свою супругу. Присутствовали также представители ирландской линии рода. Единственный, кто вышел в составе процессии вместе со скорбящими, но не приходился им кровной родней, — мистер Р. Г. Карлиш, который много лет служил у миссис Мейрик управляющим на Джеррард-стрит, 43.

Священнослужителем, предавшим тело земле, был брат д-ра Мейрика.

Табличка на гробе, о которой позаботились дети усопшей, гласила: «Материнская любовь все побеждает».

Было множество венков.